

ISSN 1810-1909

Вестник

ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 2014

Гуманитарные науки

Научный журнал

Основан в марте 1995 г.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова»

Главный редактор

А.Ю. Александров, кандидат экономических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

Заместитель главного редактора

Г.Е. Корнилов, доктор филологических наук, профессор (Чебоксары, Россия)

Члены редакционной коллегии

А. Каппелер, доктор истории, университетский профессор (Вена, Австрия)
Р.А. Кудрявцева, доктор филологических наук, профессор (Йошкар-Ола, Россия)

Л.П. Репина, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Москва, Россия)

В.Г. Родионов, доктор филологических наук, профессор (Чебоксары, Россия)

А.К. Салмин, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник РАН (Санкт-Петербург, Россия)

О.Н. Широков, доктор исторических наук, доцент (Чебоксары, Россия)

А.Ш. Юсупова, доктор филологических наук, профессор (Казань, Россия)

Ответственный секретарь

Н.И. Завгородняя

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Адрес редакции: 428015, Чебоксары, Московский пр., 15

Тел. (8352) 45-20-96, 58-33-63 (доб. 2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

ISSN 1810-1909

Vestnik

CHUVASHSKOGO UNIVERSITETA

№ 4 2014

Humanities

Scientific Journal

Since March, 1995

Founder:
Federal State Educational Budgetary Institution
of Higher Professional Education
Ulyanov Chuvash State University

Editor-in-Chief

A.Yu. Aleksandrov, Candidate of Economics, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

G.Ye. Kornilov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

Editorial Board

A. Kappeler, Ph.D., Professor (Vienna, Austria)

R.A. Kudryavtseva, Doctor of Philology, Professor (Yoshkar-Ola, Russia)

L.P. Repina, Doctor of History, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

V.G. Rodionov, Doctor of Philology, Professor (Cheboksary, Russia)

A.K. Salmin, Doctor of History, Senior Scientific Worker
of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

O.N. Shirokov, Doctor of History, Associate Professor (Cheboksary, Russia)

A.Sh. Yusupova, Doctor of Philology, Professor (Kazan, Russia)

Executive Editor

N.I. Zavgorodnyaya

The journal is included into the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications issued in the Russian Federation where the main scientific results of doctoral theses are to be published.

Address: 15, Moskovskiy pr., Cheboksary,
Chuvash Republic, 428015, Russia

Tel. +7(8352)45-20-96, 58-33-63 (2030)

E-mail: vestnik@chuvsu.ru

<http://www.chuvsu.ru/university/vestnik.htm>

УДК 316.653-057.87:314.7
ББК С545.1(2Рос.Чув)

И.И. БОЙКО

СТУДЕНЧЕСКАЯ И УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ ЧУВАШИИ О ТРУДОВЫХ МИГРАНТАХ

Ключевые слова: социологический опрос, студенты и учащиеся, трудовые мигранты, роль мигрантов в экономике и культуре.

На основе опроса более 700 студентов и учащихся Чувашии выявляется их отношение к проблеме инокультурных и иноэтнических трудовых мигрантов, прибывающих в республику из стран ближнего зарубежья, северокавказских российских республик. Выявлены разные точки зрения респондентов на необходимость мигрантов для экономики и социальной сферы республики, на включение их в принимающее сообщество. Рассмотрены зависимости ответов от пола, этнической принадлежности студентов и учащихся, типа учебных заведений.

I. BOYKO

STUDENTS AND PUPILS OF CHUVASHIA ABOUT WORKING MIGRANTS

Key words: social inquiry, students and pupils, working migrants, the role of migrants in economy and culture.

The attitude of more than 700 students and pupils of Chuvashia to the problem of strange cultural and ethnic working migrants coming to the republic from the neighboring foreign countries, from North Caucasian and Russian republics is made. Different points of view of respondents on the necessity of migrants for economy and social sphere of the republic as well as on their integration into accepting society have been revealed. The dependence of the answers on sex, ethnic belonging of students and pupils, the types of educational institutions have been considered.

В марте 2014 г. Чувашским государственным институтом гуманитарных наук было проведено социологическое обследование студенческой и учащейся молодежи республики. Всего было опрошено 713 чел., в том числе в вузах – 324 чел. (Чувашский государственный университет, Чувашский государственный педагогический университет, Чувашская государственная сельскохозяйственная академия, Чебоксарский кооперативный институт, Волжский филиал МАДИ), в учреждениях среднего профессионального образования (СПО) – 287 чел. (Алатырский техникум железнодорожного транспорта, Канашское педагогическое училище, Цивильский аграрно-технологический техникум, Чебоксарский медицинский колледж, Чебоксарский техникум строительства и городского хозяйства, Чебоксарский электромеханический колледж, Чебоксарский экономико-технологический колледж), начального профессионального образования (НПО) – 102 чел. (Алатырский сельскохозяйственный техникум, Новочебоксарский политехнический техникум, Чебоксарский техникум транспортных и строительных технологий). Среди опрошенных 46,8% – юноши и 53,2% – девушки. Возрастное распределение оказалось следующим: 16 лет – 3,5%; 17 лет – 27,9%; 18 лет – 22,3%; 19 лет – 18,4%; 20 лет – 19,2%; 21 год и старше – 8,7%. Абсолютное большинство учащейся молодежи (92,3%) – уроженцы Чувашии. Жителями городов, в которых находятся учебные заведения, являются 41,8% студентов и учащихся, 39,7% приехали учиться из сельской местности республики, а 10,8% – из других городов Чувашии. 7,7% респондентов заявили, что они являются уроженцами других регионов России.

Ряд вопросов, задаваемых молодым людям, имел целью выяснить их отношение к трудовым мигрантам. Данная проблема для России достаточно острая, успешная социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов стоит в ряду важнейших государственных задач, этот вопрос широко обсуждается научным и политическим сообществом [см., например: 2; 8. С. 256–260; 9]. На всероссийских конгрессах этнологов и антропологов миграционным проблемам

посвящаются работы отдельных секций [11. С. 63–84]. Данные сюжеты отражаются в отдельных книгах, в которых рассматриваются как общие вопросы миграции, так и ситуации в отдельных регионах [7]. Имеются исследования о проблемах трудовой миграции в Чувашии и соседних регионах [1, 3–6, 10].

Результативность процесса включения мигрантов в трудовую и повседневную жизнь принимающего сообщества зависит как от них самих, так и от старожильческого населения, преобладания у последнего определенных представлений и стереотипов о роли переселенцев в производственной деятельности, их влиянии на социальную и культурную жизнь нового для них региона. Ситуация с ними в Чувашии далека от напряженности: доля иностранных граждан в составе трудоспособного населения республики составляет около 0,2%, поэтому возможности для широких контактов населения с вновь прибывающими бывшими соотечественниками по СССР минимальны. Исключения составляют «колхозные» рынки – традиционные места трудоустройства выходцев из стран Закавказья, Средней Азии, а также российских северокавказских республик. Тем не менее у молодых людей, участвовавших в опросе, сложились свои представления, в которых преобладают негативные настроения. В анкете предлагались четыре варианта ответов на следующий вопрос: «Сегодня активно обсуждается необходимость трудовой миграции для России. Как Вы считаете, необходимы ли современной России трудовые мигранты?»

Итоговое распределение ответов выглядело следующим образом: да, но необходимы лишь те мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, которые пытаются интегрироваться – 13,2%; да, но необходимы лишь те мигранты, которые приезжают на заработки, но затем возвращаются к себе домой – 19,9%; да, необходимы и те, и другие трудовые мигранты – 10,2%; нет, никакие трудовые мигранты не нужны России – 36,9%. Кроме того, почти пятая часть опрошенных (19,8%) затруднилась дать определенный ответ. Иначе говоря, менее половины от числа молодых людей согласны с необходимостью трудовой миграции. При этом только для десятой части респондентов нет разницы между стратегиями прибывающих в Россию, поскольку они считают, что нужны и те, кто собирается интегрироваться в российское общество, остаться здесь надолго, и те, кто собирается заработать определенные средства, а затем уехать на родину. Обращает на себя внимание тот факт, что почти четверо из десяти студентов и учащихся уверены, что мигранты не нужны.

При учете пола, возраста, национальности респондентов, типов учебных заведений выясняется, что каких-либо значимых особенностей в ответах этих групп не выявлено, за исключением преобладания в составе мужчин тех, кто высказался против трудовой миграции (41,6%), у женщин такой показатель ниже почти на 9 процентных пунктов (32,7%). Если вести речь об этнической принадлежности, то следует обратить внимание на более мягкое отношение к проблемам трудовой миграции у чувашей и среди небольшой группы национальностей под категорией «другие». В ней кроме татар, мордвы, марийцев, украинцев имеются представители северокавказских республик, откуда в Чувашию также прибывают трудовые мигранты. Отметим, что среди «других» около трети полагают, что необходимы только те мигранты, которые затем возвращаются домой, наоборот, среди этих респондентов в 2,3 раза меньше доля тех, кто выступает за интегрирование мигрантов в местное сообщество. Их отношение к отрицанию необходимости в России трудовой силы, прибывающей из других государств, примерно такое же, как и у чувашей. Среди русских таких лиц больше на 7-8 процентных пунктов.

Существует еще одна важная проблема, которая выявлена в результате других обследований, в ходе которых речь шла о гипотетической необходимости ограничений для въезда в Чувашию уроженцев граждан закавказских и средне-

азиатских государств, а также россиян из северокавказских республик. Оказалось, что среди тех, кто считает, что такие ограничения необходимы, практически нет деления прибывающих на иностранных граждан и своих соотечественников из Северного Кавказа. Например, в ходе мониторинга этнокультурного развития и межнациональных отношений в Чувашской Республике, выполненного в 2013 г. сотрудниками ЧГИГН, были получены такие результаты: за ограничение въезда в Чувашию для всех жителей Кавказа и Средней Азии высказалась почти половина респондентов (47,4%); за ограничения только для граждан закавказских и среднеазиатских государств и беспрепятственного приезда сюда соотечественников из северокавказских республик – 12,4%. Значительная часть респондентов (30,0%) затруднилась дать определенный ответ, и лишь 10,3% считали, что никаких ограничений для мигрантов вводить не надо. В обследовании 2011 г. было выявлено, что у старожильского населения республики уровень этнической настроженности повышается на 15–20%, если речь заходит о контактах с приезжими из кавказского и среднеазиатского регионов [10. С. 16–24]. Таким образом, эти данные свидетельствуют не только об отрицательном восприятии трудовых мигрантов, но и о таких важных факторах, как понимание и реальная реакция на проявление общегражданской идентичности. Проиллюстрируем данный тезис следующим примером. В вопросе об ограничениях въезда мигрантов преднамеренно был сформулирован ответ, который противоречит конституционному положению о праве на свободное перемещение российских граждан по собственной стране. Никакое законодательство не может установить препятствия для въезда в Чувашию жителей не только, например, Нижегородской и Томской областей, но и Ингушетии, Кабардино-Балкарии и т.д. Но если практически половина респондентов считает обратное, то подобные ответы отражают серьезную государственную проблему. Другое дело, что общегражданская идентичность не формируется односторонне, т.е. речь должна идти о взаимном уважении, принятии «чужих» ценностей, норм жизни. Но если со стороны приезжающих в «чужой монастырь» такой подход нередко не обеспечивается, и эта ситуация накладывается на существующие негативные стереотипы, то тогда и возникает почва для подобных коллизий.

В анкете, на которую отвечали учащиеся и студенты в 2014 г., подобного вопроса не было, но отрицательное отношение, преобладающее в их оценках влияния трудовых мигрантов на жизнь как России, так и Чувашии, также присутствует (см. таблицу). Десять предложенных вариантов ответов на вопрос о роли трудовых мигрантов на жизнь Чувашии и России составляли 5 пар, содержащих положительную характеристику мигрантов, и 5 пар – отрицательную. Если сложить проценты, полученные за все «положительные» и «отрицательные» варианты, то получим следующие цифры: 79,5 и 130,6%, соответственно. Таким образом, сумма отрицательных ответов превышает сумму положительных в 1,6 раза. Те из учащихся и студентов, кто полагает, что ситуация с межэтническими отношениями в республике достаточно благополучная, в 1,4 раза чаще отмечают отрицательные суждения о влиянии мигрантов на жизнь в России и Чувашии. Другая категория респондентов, считавших, что межнациональная ситуация в республике заслуживает критики, выбирали отрицательные ответы в 2,5 раза чаще, чем положительные.

Девушки чаще, чем юноши, утверждали, что мигранты вносят разнообразие в культуру, что они делают работу, на которую не соглашается местное население (разница в 7 и 10 процентных пунктов), молодые люди были в большей степени уверены в том, что приезжие берут под свой контроль, захватывают целые сферы экономики и что они малоквалифицированы (разница в 6 процентных пунктов). Если учитывать национальную принадлежность респондентов, то окажется, что местные старожильческие этнические группы со-

лидарны в оценке влияния мигрантов на жизнь в республике, но с группой «других» у них имеются значительные отличия. Например, среди последних доля тех, кто считает, что мигранты вносят разнообразие в местную культуру, составляет почти треть (31,4%), в то время как у всех остальных групп – от 16 до 18%. Старожильческое население полагает, что приехавшие граждане не уважают традиции, язык местных жителей (39–44,5%), в то время как «другие» отметили этот вариант в 29,4% случаев. Меньше среди последних и доля тех, кто считает, что мигранты малоквалифицированные, не имеют компетенции и опыта (разница в 7 и более процентных пунктов). Только при выборе варианта ответа, в котором шла речь, что приезжие отбирают работу у местного населения, чуваша чаще, чем другие этнические группы, были солидарны с таким вариантом (41,7%, больше на 6-8 процентных пунктов). Наконец, учащиеся НПО несколько чаще отмечали, что мигранты обладают высокой квалификацией, и они не были в такой степени солидарны с тем, что приезжие делают работу, на которую не соглашается местное население.

Распределение ответов на вопрос «Ниже приведены суждения о том, какое влияние на жизнь Чувашии и России в целом оказывают трудовые мигранты. С какими из них Вы согласны?», %¹

Варианты ответов	%
Они вносят разнообразие в культуру России и Чувашии	17,8
Они не уважают традиции, язык местных жителей, и это порождает конфликты	39,8
Они делают работу, на которую не соглашается местное население	43,6
Они отнимают рабочие места у местного населения	38,4
Они укрепляют семейные и нравственные ценности (уважение к старшим, религиозность, неприятие чрезмерного потребления алкоголя и др.)	3,3
Они привносят архаичные нормы и жизненные ценности, чрезмерный религиозный и нравственный фундаментализм	4,8
Они поднимают те сферы экономики, которые в России и Чувашии в последние годы находились в упадке	6,1
Они берут под свой контроль, захватывают целые сферы экономики России и Чувашии	15,6
Они обладают высокой квалификацией и обширными навыками, хорошо делают свою работу	8,7
Они малоквалифицированы, выполняют работу, не имея компетенции и опыта	32,0

Постепенно возрастающий в Чувашию приток иноэтнических и инокультурных мигрантов способен активизировать межэтническую и межконфессиональную напряженность. Не более четверти респондентов готовы к их интеграции в местное сообщество. Для предупреждения ксенофобии и открытых столкновений необходимо вести двухстороннюю просветительскую деятельность: знакомить приезжих с существующими в Чувашии традициями и жизненными устоями, а также рассказывать местному населению об особенностях культуры приезжих, их вкладе в экономику и социальную сферу республики, освещать позитивный опыт их взаимодействия со старожильческим населением Чувашии [подробнее о рекомендациях в этом направлении см.: 10. С. 25–26]. Мы не ведем речь о конкретных случаях нарушения законодательства, поскольку в этом случае речь должна идти о профессиональных действиях правоохранительных органов, что не является объектом нашего исследования.

Литература

1. Агафонова Н.Н., Брехач Р.А. Миграция как социальное явление и ее влияние на уровень социальной напряженности в Пермском крае // Этнопанорама. 2007. № 1-2. С. 67–68.
2. Воробьева О.Д. Миграционное законодательство – правоприменение и его совершенствование // Этнопанорама. 2006. № 1-2. С. 73–79.
3. Габдрафиков И.М., Хуснутдинова Л.Г. Конфессиональный фактор и социальная адаптация трудовых мигрантов в Башкирии // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах: ежегодный доклад. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2012. С. 142–149.

¹ Сумма превышает 100%, так как можно было выбрать до трех ответов.

4. Габдрахманова Г.Ф., Мусина Р.Н., Шумилова Е.А. Старожилы о мигрантах: мнения в СМИ и в массовом сознании // Современные этносоциологические исследования в Республике Татарстан / Ин-т истории им. Ш. Марджани. Казань, 2008. С. 286–291.
5. Межэтнические и конфессиональные отношения в Приволжском федеральном округе. Экспертный доклад / Распределенный научный центр межнациональных и межрелигиозных проблем; Министерство образования и науки Российской Федерации; Российская академия наук. М.; Ижевск; Оренбург: Ин-т компьютерных исследований, 2013. 118 с.
6. Мухаметшина Н.С. Диаспора как ресурс интеграции мигрантов // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных странах в 2010 году: ежегодный доклад. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2011. С. 97–101.
7. Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М.: Росинформагротех, 2009. 432 с.
8. Российская нация: становление и этнокультурное разнообразие. М.: Наука, 2011. 462 с.
9. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 [Электронный ресурс] // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>.
10. Этнокультурное развитие и межэтнические отношения в Чувашской Республике / ЧГИГН. Чебоксары, 2012. 88 с.
11. X конгресс этнографов и антропологов России: тез. докл. / Ассоциация этнографов и антропологов России; Ин-т этнологии и антропологии РАН. М., 2013. 302 с.

References

1. Agafonova N.N., Brehach R.A. *Migracija kak social'noe javlenie i ee vlijanie na uroven' social'noj naprjazhennosti v Permskom krae* [Migration as a social phenomenon and its impact on the level of social tension in Perm Krai]. *Jetnopanorama* [Ethnopanorama], 2007, no 1-2, pp. 67–68.
2. Vorob'eva O.D. *Migracionnoe zakonodatel'stvo – pravoprimerenie i ego sovershenstvovanie* [Immigration law-enforcement and its improvement]. *Jetnopanorama* [Ethnopanorama], 2006, no 1-2, pp. 73–79.
3. Gabdrafikov I.M., Husnutdinova L.G. *Konfessional'nyj faktor i social'naja adaptacija trudovyh migrantov v Bashkirii* [Confessional factor and social adaption of labour migrants in Bashkiria]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh: ezhegodnyj doklad* [Ethno-political situation in Russia and neighboring States: annual report]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of RAN Publ., 2012, pp. 142–149.
4. Gabdrahmanova G.F., Musina R.N., Shumilova E.A. *Starozhily o migrantah: mneniya v SMI i v massovom soznanii* [Old residents about migrants: views in mass media and mass consciousness]. *Sovremennye etnosotsiologicheskie issledovaniya v Respublike Tatarstan* [Modern ethnosociological research in the Republic of Tatarstan]. Kazan, 2008, pp. 286–291.
5. *Mezhjetnicheskie i konfessional'nye otnosheniya v Privolzhskom federal'nom okruge. Jekspertnyj doklad* [Expert report “Ethnic and confessional relations in the Volga Federal district”]. Moscow, Izhevsk, Orenburg, Institute of Computer Science Publ., 2013, 118 p.
6. Muhametshina N.S. *Diaspora kak resurs integracii migrantov* [Diaspora as a resource for the integration of migrants]. *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh stranakh v 2010 godu: ezhegodnyj doklad* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring countries in 2010: annual report]. Moscow, Institute of Ethnology and Anthropology of RAN Publ., 2011, pp. 97–101.
7. *Novye jetnicheskie grupy v Rossii. Puti grazhdanskoj integracii* [New ethnic groups in Russia. The way of civic integration]. Moscow, Rosinformagrotex Publ., 2009. 432 p.
8. *Rossijskaja nacija: stanovlenie i jetnokul'turnoe raznoobrazie* [The Russian nation: the formation and ethno-cultural diversity]. Moscow, Nauka Publ., 2011. 462 p.
9. *Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19.12.2012 № 1666* [The strategy of the state national policy of the Russian Federation for the period till 2025: appr. by the decree of the President of the Russian Federation of 19.12.2012 no. 1666]. Available at: <http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1644521>.
10. *Jetnokul'turnoe razvitie i mezhetnicheskie otnosheniya v Chuvashskoj Respublike* [Ethno-cultural development and interethnic relations in the Republic of Chuvashia]. Cheboksary, 2012. 88 p.
11. *X kongress jetnografov i antropologov Rossii: tezisy dokladov* [X Congress of ethnographers and anthropologists of Russia: abstracts of reports]. Moscow, 2013, 302 p.

БОЙКО ИВАН ИВАНОВИЧ – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru).

BOYKO IVAN – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 93(470)«19»/«20»
ББК 63.3(2) 521

С.И. БОЙКО

ПРОТИВОСТОЯНИЕ КАЗАНСКОГО ГУБЕРНСКОГО ЖАНДАРМСКОГО УПРАВЛЕНИЯ И УЧАЩЕЙСЯ МОЛОДЕЖИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

Ключевые слова: студенческая и учащаяся молодежь, Казанское губернское жандармское управление, нелегальные издания, политическая неблагонадежность, политические кружки.

На основе анализа документальных материалов, выявленных в Государственном архиве Российской Федерации и Национальном архиве Республики Татарстан, рассматривается деятельность губернских жандармов по пресечению антиправительственных выступлений учащейся и студенческой молодежи г. Казань.

S. BOYKO

THE OPPOSITION OF KAZAN PROVINCIAL GENDARME ADMINISTRATION AND STUDYING YOUTH IN THE LATE XIXth – EARLY XXth CENTURIES

Key words: students and pupils, Kazan provincial gendarme administration, illegal publications, the political unreliability, political groups.

Based on the analysis of documentary material found in the State archive of the Russian Federation and the National archive of the Republic of Tatarstan, the activities of the provincial gendarmes on suppression of anti-government speeches of students' youth of Kazan.

В конце XIX в. наиболее восприимчивой к идеям социального равенства, решительного переустройства существующего порядка, которые пропагандировались идеями социал-демократии, оставалась молодежь. Она откликалась на различные события, имевшие политический характер. Распространение подобных новостей шло разными путями, как легальными, так и запрещенными. Следует отметить, что в Казанской губернии ситуация в начале 1880-х гг. оставалась относительно спокойной. Так, из «Обзора дознаний по делам о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи, за время с 1 июля по 1 октября 1881 г.» следует, что в губернии всего производилось 5 дел на 7 чел., в том числе по ст. 246 Уложения о наказаниях (оскорбление императора и его семьи) – 2 дела на 2 чел. В следующем обзоре (с 1 октября 1881 г. по 1 января 1882 г.) отмечены связи казанских студентов с московскими и санкт-петербургскими революционерами. В ходе обысков в ночь с 26 на 27 декабря 1881 г. в Казани были обнаружены революционные воззвания, программы революционной деятельности, книга «Парижская коммуна» и др. В 1883 г. Казань не упоминается в обзоре по важнейшим дознаниям в стране [4. Д. 4. Л. 37–38об.].

В дальнейшем уровень напряженности работы жандармских чинов менялся в зависимости от активности лиц, пытавшихся противостоять режиму. В 1888–1889 гг. небольшая группа казанских студентов организовала кружок, которым руководил Н.Е. Федосеев, но он очень скоро был ликвидирован жандармами, а его руководитель в июле 1889 г. арестован. В 1890-е гг. в Казани были организованы и действовали кружки, в которых активную роль играли А.М. Стопани, С.И. Потехин, К.К. Газенбуш и др.

В обзоре важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1891 г., дана общая оценка обстановки по империи [4. Д. 4. Л. 34]. В документе отмечено, что сравнительно с предыдущими годами обстановка спокойная, и в числе возникших политических дознаний нет ни одного, которое бы свидетельствовало о серьезных попытках выступлений против существующего строя [4. Д. 4. Л. 2]. Но в то же время руководители Корпуса жандармов подчеркивают, что изложенные причины спокойной ситуации имеют преимущественно временное (разрядка документа. – С.Б.) значение, поэтому бдительность нельзя ослаблять и пока в молодежи замечается стремление к кружковой, на

политической «подкладке», жизни, до тех пор возможны всякие вспышки, определить силу коих чрезвычайно трудно [4. Д. 4. Л. 2]. Применительно к Казани отмечено, что осенью 1891 г. в городе появился первый номер гектографированного журнала, посвященного изучению вопроса общественной и студенческой жизни. В конце ноября появился второй номер того же журнала. К тому времени негласным расследованием было установлено, что журнал издается бывшим студентом Казанского университета К. Кобелевым, домашним учителем А. Матовым, студентами университета С. Шварцманом, К. Остряниным, В. Печатальщиковым, Г. Петровым, студентом Казанской духовной академии (далее – КДА) С. Суворовым и др. Гектографирование проводилось на квартире Кобелева при ближайшем участии Матова и Острянина, остальные составляли статьи и переписывали их [4. Д. 4. Л. 5]. Содержание журнала № 2 более резкое и даже с некоторым оттенком террористического направления, что послужило поводом к аресту названных лиц и производству обысков. На чердаке квартиры Кобелева и у Матова найдены оборудование для печати и различная нелегальная литература.

Из данных дознания явствует, что, несмотря на меры, принятые по отношению к членам кружка, существовавшего в Казани в 1889 г. (дело Федосеева и др.), в следующем учебном году (1890/91) вновь образовался по инициативе студента Казанского университета Л. Карташева [5. С. 229] кружок для пропаганды среди учащейся молодежи противоправных идей [4. Д. 34. Л. 68]. Кружок собирал средства на издание нелегальных брошюр сначала на гектографе, затем предполагалось приобрести типографский станок. Значительное количество шрифта и типографских принадлежностей было добыто Карташевым и увезено на хутор, принадлежащий его матери в Лаишевский уезд, где он провел лето 1891 г. и там же при помощи товарищей отпечатал брошюру «Кто чем промышляет» для распространения среди рабочих – о тяжелом положении рабочих, их эксплуатации. При обыске на хуторе в одной из комнат найдены столы со следами типографской краски, часть шрифта и обрывок листа одной из страниц брошюры. По возвращении с каникул Карташев перешел в Киевский университет, поддерживал старые связи, а руководство к печатанию брошюр перешло к Суворову и Кобелеву. Студенты Печатальщиков и Острянин, признавшие свое участие в печатании брошюр, показали, что переписывали рукописи и др. [4. Д. 34. Л. 6].

Кроме 15 дознаний по преступлениям, предусмотренным ст. 246–248 Уложения о наказаниях, в 1891 г. было произведено 2 дознания по делам о других государственных преступлениях. В списке обвиняемых по дознаниям, заслуживающим внимания, по одному делу числится 14 чел., по другому – 3. В основном это молодые люди (Кобелев К.И., 26 лет, сын священника, Вишневский Д.В., 19 лет, воспитывался в Чебоксарском духовном училище, затем в Казанской и Уфимской духовных семинариях; Карташев Л.В., 21 год, дворянин, студент Киевского университета, в 1890 г. окончил курс в Казанской гимназии, поступил в Казанский университет, откуда осенью 1891 г. перевелся в Киев) [4. Д. 34. Л. 44об.–46].

В обзоре важнейших дознаний за 1892 и 1893 гг. отмечалось, что, приступая к изложению проявлений деятельности кружков и лиц противоправительственного направления, следует указать, что некоторые дознания за 1892 г. дали столь обширный материал по количеству обвиняемых и вещественных доказательств, что могут быть окончены только в 1893 г., поэтому обзор для полноты делается сразу за два года. Отмечено, что по-прежнему деятельность основывается на кружковых началах, организуемых земляческими и другими студенческими организациями и выражается преимущественно в издании старой и новой революционной литературы. Несмотря на периодические аресты и привлечение виновных к ответственности, деятельность в этом направлении продолжается, и на место старых являются новые руководители, вовлекающие рабочих в «преступ-

ные» кружки. Существует подпольная типография незначительных размеров [4. Д. 34. Л. 68], которая успела в 1892–1893 г. выпустить ряд воззваний и небольшую брошюру.

В центре обзора важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи в 1892 и 1893 гг. и относящихся к Казанской губернии, оказалась деятельность К. Острянина, который был арестован в конце 1891 г. и привлечен к дознанию по делу о казанских революционных кружках. В январе 1892 г. он был освобожден из-под стражи и сразу же посетил всех членов разных кружков, оставшихся на свободе. За это время его коллеги организовали своеобразный клуб для объединения «лучших членов всех организаций», куда сразу был принят и К. Острянин. По сведениям Казанского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ), всего таковых оказалось около 50 человек. Острянин продолжал активную деятельность по сохранению и развитию контактов с революционно настроенными лицами из других губерний, получению и распространению запрещенной литературы и в конце сентября 1892 г. был еще раз арестован. По новому делу о казанских кружках КГЖУ арестовало в качестве обвиняемых 57 человек [4. Д. 34. Л. 119–121].

Пресечение печатания и распространения антиправительственной литературы стало одним из важнейших направлений деятельности жандармерии на длительное время. Начальник КГЖУ писал руководству Департамента полиции, что появление значительного количества прокламаций, распространяемых в уездах губернии, с одной стороны, и низкая эффективность в обнаружении распространителей – с другой, вселяют в последних уверенность в своей безнаказанности, а у местного населения формируются преувеличенные представления о силах революционных групп и слабости правительственной власти в борьбе с ними. В частности, он докладывал об активности распространителей прокламаций в начале 1903 г. в Ядринском и Царевококшайском уездах. С его точки зрения, это происходит из-за отсутствия жандармского надзора в данных уездах, поэтому он считал, что в Ядрине, Царевококшайске и Цивильске необходимо организовать жандармские унтер-офицерские пункты в количестве двух человек [4. Д. 215. Л. 50, 50об.]. Некоторая часть изданий тиражировалась работниками легальных типографий. Так, например, 8 августа 1903 г. старший наборщик типографии Гросс в Казани обнаружил после ухода всех работников две рукописные тетради стихов и одно отпечатанное в данной типографии стихотворение. Сделали это другие наборщики [4. Д. 215. Л. 120]. Прокламации продолжали рассылаться по почте, расклеиваться, разбрасываться на улицах. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения полицейских чинов на имя начальника КГЖУ [4. Д. 219. Л. 26, 27, 28, 44 и др.].

Стремясь противодействовать революционным настроениям учащейся и студенческой молодежи, руководство Департамента полиции понимало, что применение в ее отношении только карательных мер не может не вызвать озлобленности и противодействия. Рядом циркулярных указаний (27 сентября 1881 г. № 1615; 12 декабря 1882 г. № 3840; 5 сентября 1884 г. № 1900; 12 ноября 1885 г. № 2669) устанавливались порядок и условия возбуждения дознания по обвинению воспитанников средних учебных заведений в государственных преступлениях. Документами предусматривалось согласование этих действий с прокурорским надзором, но реально они нередко предпринимались после проведения ряда следственных мероприятий: допросов, обысков, арестов и т.д. Департамент полиции разъяснял в ноябре 1885 г., что даже в случае обнаружения политической неблагонадежности предварительно следует вести негласное наблюдение, собирать справки и пр. с тем, чтобы удостовериться в наличии поступков, свидетельствующих об обоснованности вины заподозренных учащихся [3. Д. 13. Л. 39–40]. Тем не менее нарабатанная практика не пре-

крашчалась, о чем руководство напоминало местным губернским жандармским управлениям и по прошествии нескольких лет. В ноябре 1900 г. из Департамента полиции пришел очередной циркуляр о недопустимости случаев личного задержания учащихся, привлечения их к допросам без достаточных к тому оснований. Руководство напоминало, что такие факты лишь вносят излишнюю смуту в среду учащихся, а неосновательные обыски только возбуждают в их среде и обществе недоверие к действиям органов власти. К арестам, по мнению руководства Департамента полиции, следует прибегать лишь в случаях крайней необходимости и при наличии серьезных данных для обвинения их в государственных преступлениях и политической неблагонадежности. При вызове воспитанников в качестве свидетелей или обвиняемых на допросы нежелательно это делать в жандармском управлении, целесообразнее производить допросы в учебных заведениях, о чем заключать соглашения с учебным начальством [4. Д. 3. Л. 17]. Но реальные действия жандармских чинов и позднее подтверждали правоту руководителей Департамента полиции. В прокламации «К казанскому студенчеству», датированной 19 января 1904 г., ее авторы пишут: «Усматривание во всяком собрании учащейся молодежи чего-то политического и, как прямой вывод из этого, насильное врывание полиции в квартиры, обыски и развозка участников собрания под конвоем по домам. Наконец, гонение даже на проблески культурной работы (обыск в некрасовской библиотеке и закрытие аудитории при ней)» [4. Д. 218. Л. 4].

В отчете начальника КГЖУ Мочалова за 1901 г. отмечено, что антиправительственные выступления начались и там, где их не ожидали – в духовной семинарии, а затем и в духовной академии. По мнению жандармского руководителя, казанское студенчество – несамостоятельное, а поддерживает выступления в других городах, преимущественно в столицах. Их движение поддерживается политически неблагонадежными лицами, в том числе некоторыми профессорами Казанского университета. Большую роль играют также студенты – «активные рецидивисты», т.е. отчисленные из других вузов за причастность к беспорядкам. В разжигании беспорядков начальник жандармского управления обвинял и евреев, принятых в университет сверх квоты с разрешения Министерства просвещения [1. Д. 78. Л. 2–2об.].

В марте 1901 г. в стране прошли демонстрации студентов и рабочих против «Временных правил», предписывающих отдавать студентов в солдаты за причастность к революционным выступлениям. В результате столкновений в Петербурге, Москве и Харькове среди них были убитые и раненые. Студенчество Казани решило провести 11 марта панихиду об убитых и молебен об исцелении раненых товарищей. Начальник КГЖУ получил 10 марта донесение об намечаемых мероприятиях от казанского полицмейстера. Тот сообщал, что для привлечения в Воскресенскую церковь большого числа присутствующих инициаторы разбросали и расклеили в городе воззвания к интеллигенции и трудящимся с приглашением в церковь на молебен. В день проведения мероприятия часть студентов была арестована [1. Д. 78. Л. 3–4об.; Д. 148. Л. 2–2об., 17–17об.]. В течение всего года студенты Казани распространяли в городе антиправительственные воззвания, организовывали сходки.

Значительное беспокойство вызывала в КЖГУ организация в начале 1903/04 учебного года в Казани нелегального кружка, объединявшего в своих рядах учащихся нескольких средних учебных заведений. Его организаторами стали выпускник гимназии, чиновник П.Д. Львов и студент Казанского университета А.Г. Бельский, выпускник одной из казанских гимназий, переведенный в нее из Симбирска за участие в «беспорядках» в 1902/03 учебном году [4. Д. 218. Л. 155]. В организации кружка большую роль сыграли члены такой же организации из Саратова, которые поступили в Казанский университет. По их же

примеру П.Д. Львов стал искать возможности для издания своего печатного органа (в Саратове выходил журнал «Проблески», в одном из номеров которого П.Д. Львов и А.Г. Бельский опубликовали свои статьи о положении учащихся в Казани). Первоначально ядро организации составляли учащиеся 2-й гимназии, земледельческого училища и ученицы Ксенинской (по имени великой княжны Ксении Александровны) гимназии. Ее члены ставили задачу заниматься самообразованием путем совместного чтения литературы социально-политического направления, а также готовить агитаторов для ведения пропаганды [2. С. 25]. С началом в январе 1904 г. русско-японской войны революционная деятельность в России оживилась. В Казани от имени «Соединенной группы учащихся средних учебных заведений города Казани» была выпущена антивоенная прокламация «К казанским студентам». Сотрудникам КГЖУ удалось выяснить, что воспроизведением прокламации занимался П.Д. Львов. 21 февраля 1904 г. КГЖУ произвело «ликвидацию» группы, был арестован ее участник Кох и произведен обыск у Львова. Но с началом нового учебного года, т.е. с сентября 1904 г., деятельность кружка возобновилась и была реально создана организация под названием «Соединенная группа учащихся средних учебных заведений». Жандармская агентура сообщала, что руководители кружка стремятся объединить не только организованные группы учащихся, но и те, которые существуют среди местного студенчества. По данным агентуры, данная работа пока окончательно не была проведена, поскольку в университете единой организации нет, а в ветеринарном институте существует «Касса взаимопомощи», но она пока решения не приняла. Начальник КГЖУ сообщал в Департамент полиции о ситуации с «Группой учащихся» и заверял вышестоящее руководство о принятии мер по дальнейшему изучению ее деятельности агентурным путем [4. Д. 218. Л. 156–158]. Качественно новый уровень противостояния в губернии, в первую очередь в Казани, начался с революционных событий 1905 г. В нем также заметную роль играла студенческая и учащаяся молодежь, уже имевшая опыт антиправительственной борьбы.

Литература и источники

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 100 (1902).
2. Еникеев Э.А. Большевики и учащаяся молодежь (1905 – февраль 1917 гг.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.
3. Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 199. Оп. 1.
4. НА РТ. Ф. 199. Оп. 2.
5. Чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. 2.

References

1. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii. Fond 102. Opis' 100 (1902)* [The State Archive of the Russian Federation. Archives 102. Anagraph 100 (1902)].
2. *Enikeev E.A. Bol'sheviki i uchashchayasya molodezh' (1905 – fevral' 1917 gg.)* [The Bolsheviks and students (1905 – February, 1917)]. Kazan, Kazan University Publ., 1990.
3. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 199. Opis' 1* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 199. Anagraph 1].
4. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 199. Opis' 2* [The National Archives of the Tatar Republic. Archives 199. Anagraph 2].
5. *Chuvashskaya entsiklopediya* [The Chuvash book of references]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2008, vol. 2.

БОЙКО СОФЬЯ ИВАНОВНА – кандидат исторических наук, ассистент кафедры теории и истории государства и права, Чебоксарский кооперативный институт, Россия, Чебоксары (boyko2003@yandex.ru).

BOYKO SOFIA – candidate of historical sciences, assistant of Chair of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute, Russia, Cheboksary.

УДК 347.995(09)(470.344)"1917/1918"

ББК Х711.13-1(2Рос-8Каз-5Цив)+Х711.13-1(2Рос-Каз-5Ядр)

Ж.С. ВАСИЛЬЕВА

**МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНЫХ СУДОВ
В 1917–1918 ГОДЫ
(на примере Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии)**

Ключевые слова: финансовое обеспечение местных судов, материальное обеспечение судей, Народный комиссариат юстиции, Цивильский съезд местных судей, Ядринский съезд местных судей.

Рассмотрены условия финансового обеспечения деятельности местных судов и материальные условия труда судей на примере Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии. Затронуты вопросы административно-хозяйственного управления в области распределения бюджетных средств на содержание местных судебных органов. Обоснована позиция о том, что уже в первый год существования советского государства осуществлялось регулярное централизованное финансирование местных учреждений юстиции из государственной казны, хотя и в недостаточном объеме. Приведен фактический материал о размере жалования мировых судей и служащих канцелярии суда, расходов на наем помещений, отопление и иные хозяйственные расходы. Исследована процедура утверждения и согласования сметы расходов на содержание учреждений и оплату труда сотрудников, порядок утверждения штатного расписания местных судов и отдельные вопросы обеспечения служащих учреждений пособием по случаю увольнения их со службы. На основе анализа архивных документов установлено, что уездные органы юстиции ощущали постоянный недостаток средств, что сказывалось как на содержании самих учреждений, так и на материальном положении судей и сотрудников аппарата суда. Обеспечение функционирования уездных учреждений юстиции в условиях столь слабого финансирования было возможно благодаря четкой централизованной структуре управления и государственного контроля за распределением выделенных средств и усилением ответственности за их нецелевое использование.

J. VASILIEVA

**MATERIAL SECURITY OF LOCAL COURTS IN 1917–1918
(on the example of Tsvilsky and Yadrinsky districts of the Kazan province)**

Key words: financial security of local courts, material security of judges, National Commissariat of Justice, Tsvilsk Congress of Local Judges, Yadrin Congress of Local Judges.

The conditions of financial security of local courts and material working conditions of judges are considered in the article on the examples of Tsvilsk and Yadrin districts of Kazan province. The questions of administrative management in the field of budgetary funds distribution for the maintenance of local judicial authorities are raised. Existence of the regular centralized financing of local establishments of justice from the state treasury, though in insufficient volume, in the first year of the Soviet state is proved. The factual evidence of the salary size of magistrates and employees of office of courts, expenses on employment of rooms, heating, and other household expenses is given. Procedure of the statement and coordination of the expenses budget for maintenance of the establishments' estimate and compensation for employees, the order of the approval of local courts personnel lists and separate issues of retirement benefits of employees are investigated. On the basis of the archival documents analysis it is established that district judicial authorities constantly lacked means which effected both the content of establishments and financial conditions of judges and employees of the office of courts. Maintenance of district establishments of justice in the conditions of so weak budgeting was possible in consequence of the accurate centralized management structure and the state control of funds distribution and harsher punishment for their inappropriate use.

Вопросы финансового обеспечения деятельности органов юстиции с первых месяцев образования советского государства находились под пристальным вниманием как центральных, так и местных органов власти. Финансирование местных учреждений юстиции осуществлялось Народным комиссариатом юстиции РСФСР (НКЮ) через местные Советы рабочих и крестьянских депутатов. Административно-хозяйственный отдел НКЮ вплоть до июня 1918 г. перечислял средства на счета губернских и уездных Советов.

11 декабря (28 ноября) 1917 г. на 53-м очередном Цивильском уездном земском собрании было утверждено ходатайство Цивильского съезда мировых су-

дей об определении границ мировых участков [3. Л. 2] и установлении времени и места открытия срочных съездов мировых судей [3. Л. 3]. Одновременно был решен вопрос о материально-техническом обеспечении проведения выездных заседаний Цивильского съезда мировых судей: «Заслушан и утвержден доклад Управы за № 181 с представлением ходатайства Съезда Мировых Судей об урегулировании дела по поставке лошадей для выезда членов канцелярии Съезда по выездным сессиям в дер. Мамеи» [3. Л. 4].

Ведомственная переписка ярко иллюстрирует озабоченность центра финансовым состоянием органов правосудия на местах. Так, 8 февраля (26 января) 1918 г. из Москвы поступила телеграмма на имя комиссара судов Казани Р. Романовского о порядке определения объема расходования средств на содержание органов правосудия. 21 февраля 1918 г. копия телеграммы («помогущка») была переадресована для сведения в Цивильский Совет солдатских и крестьянских депутатов: «До получения расписания первые месяцы текущего года руководитесь в феврале расписанием февраля 1917 года, расходы штатные и прочие разрешенные производству равно контрактные удовлетворяя на февраль беспрепятственно. Хотя они превышают таковые назначения февраля 1917 года» [3. Л. 6].

Согласно письму комиссара по судебным делам Казанского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов от 9 февраля (28 января) 1918 г. № 161 комиссару судов Цивильского уезда предлагалось «пересмотреть смету на 18-ый год и новый проект внести на обсуждение Совдепа. Показанные в ней ставки оплаты труда не соответствуют действительным условиям жизни, так жалованье писцам определено в недопустимо малом размере – 25 руб. в месяц, тогда как оно ни в коем случае не может быть ниже 100 р. в месяц и выше 250 руб. в месяц; кроме того не предусмотрен штат сторожей и разсылных и невнимательно исчислены канцелярские расходы» [3. Л. 8].

Во исполнение данного письма 21 марта 1918 г. Цивильский Совет солдатских и крестьянских депутатов сообщил Цивильскому съезду местных судей следующее: «Сим доводится до сведения, что по распоряжению Комиссариата Юстиции Казанской Рабоче-Крестьянской Республики все запросы, сметы, предложения и т.п., означенных выше установлений, подлежащие представлению в Казанский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов должны быть направлены через Комиссариат Юстиции на предмет составления заключения и дальнейшего представления по назначению: в целях осведомления Комиссариата о всех мероприятиях местных учреждений и, чтоб дать течению дел единообразное разрешение» [3. Л. 10].

Циркуляром НКЮ от 20 мая 1918 г. Казанскому губернскому совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов было обращено внимание на то, что «при рассмотрении проекта финансовой сметы Народного Комиссариата Юстиции на период январь–июнь 1918 г. представители Государственного Контроля и Государственного Казначейства указали на то, чтобы со всех служащих ведомства Юстиции, занимающих казенные квартиры, были бы обязательно произведены вычеты от 15% до 20% содержания и удержанная сумма зачислялась бы в доход казны по смете Народного Комиссариата Юстиции.

Ввиду сего Народный Комиссариат Юстиции просит принять меры к тому, чтобы со всех служащих, занимающих казенные квартиры, принадлежащие судебным установлениям были бы произведены с 1-го января с.г. [1918] удержания, размер которых следует установить путем справедливой оценки каждой в отдельности квартиры коллективами служащих судебного установления, с участием представителей от местного Совета, Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Удержанные суммы надлежит зачислять в § 22 ст. 8 доходной сметы Народного Комиссариата Юстиции январь–июнь 1918 года.

Для учета означенных доходов Комиссариат Юстиции просит доставить сведения о ежемесячной сумме поступления по всей губернии с указанием Судебных Установлений, от которых ожидается поступление» [З. Л. 52].

Согласно письму Казанского губернского комиссара юстиции М. Межлаука от 30 мая 1918 г. № 2679 смета на расходы судебных установлений Цивильского уезда находилась на рассмотрении финансовых учреждений губернского Совета солдатских и рабочих депутатов. «По рассмотрении сметы указанным Советом она будет представлена на утверждение соответствующего Центрального учреждения. По открытии кредита в мое распоряжение немедленно будет переведен кредит в Ваше распоряжение» [З. Л. 55]. До открытия кредита необходимую сумму денег было рекомендовано позаимствовать из свободных сумм местных учреждений [З. Л. 55об.].

Отличительной чертой рассматриваемого периода было несвоевременное определение штатного расписания участковых местных судов. Например, на запрос местного судьи 4-го участка Цивильского уезда от 23 июня 1918 г. № 11 об определении на должность помощника секретаря Павла Денисова Совет местных народных судей Цивильского уезда¹ сообщил, что «расписание штатов еще не получено и будет ли установлена должность помощника секретаря неизвестно» [З. Л. 61].

20 июля 1918 г. Казанский губернский комиссариат юстиции Совета солдатских и рабочих депутатов в циркулярном письме № 4327 дал следующие разъяснения по вопросу о выдаче пособий служащим учреждений по случаю увольнения их со службы:

«1) Пособие не выдается лицам, кои занимают те или другие должности по выборам Советов или партий (ответственные работники).

2) Пособие выдается служащим по найму.

3) Порядок выдачи пособий следующий: служащие об увольнении предупреждаются за две недели и выдается им пособие в размере месячного жалования. Если по какой-либо причине такое предупреждение не могло быть объявлено, служащие получают пособие в размере 1½ месячного оклада. Служащие, увольняемые за проступки по службе, удовлетворению пособием не подлежат» [З. Л. 90, 90об.].

В циркулярном письме от 27 июля 1918 г. № 4499 к совдепам, комиссарам юстиции и председателям Советов местных судей губернии казанский губернский комиссар юстиции М. Межлаук подчеркивал, что почти из всех уездов поступают жалобы на то, что нет средств на содержание местных судов, несмотря на своевременное сообщение об открытии кредитов и неоднократные разъяснения по этому поводу. «Мною беспрестанно делались запросы Казенной Палате о причинах подобного недопустимого явления и каждый раз получался неизменный ответ, что все необходимые распоряжения местным Казначействам отданы. Предпринятое мною расследование показало: что действительно Казенная Палата делала все необходимой распоряжения Казначействам об открытии кредитов на Местный Суд и, следовательно, вся вина за голодание персонала и непродуктивность работы Местных Судов ложится на Местные Казначейства. Относительно Цивильскаго Казначейства Управляющий Казенной Палатой определенно указал, что это уже не первый случай в практике указанного Казначейства» [З. Л. 103].

¹ В отношении 3-го отделения Комиссариата юстиции Казанской губернии от 30 мая 1918 г. № 2667 указано, что «в целях установления стройной системы наименования всех учреждений советской власти, Совет Народных Комиссаров Казанской губернии 27 сего мая постановил: ныне существующие Съезды местных судей переименовать в Советы местных народных судей. Ввиду изложенного предлагается во всех подлежащих случаях неуклонно применять установленное наименование. Примечание – примерная форма: Совет местных народных судей Цивильского уезда» [З. Л. 51].

М. Межлаук дал указание Казенной палате провести ревизию деятельности местных казначейств, а также рекомендовал всем местным совдепам и их органам провести «самое строгое расследование по поводу несомненно саботажнической деятельности Уездных Казначейств и при получении надлежащих материалов предавать виновных суду Казанского Революционного трибунала» [3. Л. 103]. Комиссар юстиции обращал внимание совдепов и Совета местных судей, что распоряжением центрального казначейства местным судам было рекомендовано руководствоваться сметой 1917 г. «не стесняясь перерасходов». Однако на второе полугодие 1918 г. Центральным казначейством смета была установлена, в связи с чем местным казначействам необходимо дожидаться reassигнования кредита, в том числе местным судам на июль. М. Межлаук отметил, что если местные казначейства еще не получили распоряжения от Казенной палаты о выдаче кредитов по новой смете из центра, то они обязаны оплачивать ассигновки местных судов применительно к смете 1917 г., а обязанность «местных совдепов – принудить их (местные казначейства. – Ж.В.) к выполнению законных требований» [3. Л. 103об.].

5 августа 1918 г. состоялось распорядительное заседание Исполнительного комитета Цивильского Совета крестьянских депутатов, на котором присутствовало 11 человек. На повестке заседания стояли следующие вопросы: 1) о сокращении числа судебных участков в Цивильском уезде Казанской губернии с 13 до 7; 2) о разделении уезда на участки. Примечательно, что целью пересмотра числа судебных участков являлось сокращение «непроизводительных расходов» на содержание излишнего числа местных судов [3. Л. 105].

9 сентября 1918 г. на распорядительном заседании Совета местных народных судей Цивильского уезда был обсужден вопрос о повышении размера денежного довольствия народных судей и служащих суда. Совет местных народных судей указывал, что в связи «с переживаемым моментом» цены на все предметы первой необходимости и расходы по служебным разъездам неизбежно повышаются, в связи с этим имеющиеся ставки должностных окладов не соответствуют «существующей дороговизне» [3. Л. 116]. По результатам обсуждения было решено возбудить ходатайство перед политическим комиссаром Цивильска о рассмотрении вопроса об увеличении с 1 августа 1918 г. содержания служащим местных народных судов Цивильского уезда «приблизительно на 50% против существующих норм» [3. Л. 116об.].

В ответ на ходатайство от 14 сентября 1918 г. № 150 политический комиссар Цивильска определил, что предложенная Советом народных судей Цивильского уезда смета не может быть утверждена, поскольку губернский и уездный съезды имеют одинаковый объем финансирования вне зависимости от отношений подчинения и размера обслуживаемой территории. Обращалось внимание на то, что по всем суммам, расходуемым на «разъезды», должны быть надлежащим образом оформленные отчеты, и, наконец, подчеркивалось, что «оклад вполне удовлетворителен в настоящий момент, так как хлеб и все остальное подешевело, а не подорожало» [3. Л. 115].

В Ядринском уезде вопросы финансового обеспечения трудовой деятельности работников органов юстиции также многократно обсуждались.

1 декабря (18 ноября) 1917 г. на распорядительном заседании Ядринского съезда мировых судей был заслушан вопрос о выдаче жалованья с получением остатков денег по смете 1917 г. и о продлении сметы 1917 г. на 1918 г. В ходе обсуждения было решено «произвести выдачу всех видов содержания вступившим в должность председателю и судьям, а также работникам канцелярии с 15 декабря 1917 г., т.е. со дня выбора судей и удовлетворить содержанием временных мировых судей с 1 по 15 декабря и разъездными за ноябрь месяц 1917 г.» [2. Л. 4об.].

В журнале распорядительного заседания было зафиксировано, что на содержание состава съезда мировых судей ассигновано «Министерством юстиции на текущий [1917] год 31 401 руб. 71 к., что сумма эта в настоящем году не будет израсходована, между тем, по исключительным обстоятельствам переживаемого времени, ассигнование необходимых сумм на 1918 год, несомненно запоздает: что, таким образом, Судьи и служащие Съезда, оставаясь без содержания на неопределенное время, фактически лишены будут возможности продолжать исполнение своих обязанностей и должны будут прекратить свою деятельность, – что представляется совершенно недопустимым, Съезд, признавая необходимым удовлетворять Судей и служащих Съезда временно до открытия новых кредитов – из остатков по смете 1917 года, постановил: Оставшиеся по смете 1917 года деньги получить из Казначейства на расходы по введению местного суда. Полученные деньги внести в депозит Съезда и расходовать по мере действительной надобности. Предложить Председателю Ядринского Съезда Мировых Судей настоящее постановление в точности привести в исполнение» [2. Л. 4об.].

На распорядительном заседании 4 января 1918 г. (22 декабря 1917 г.) было определено, что «оставшиеся деньги по смете 1917 года по введению местного Суда получить из Ядринского Казначейства внести их на текущий счет г. Председателя Съезда Мировых Судей и расходовать по мере действительной надобности в 1918 году. Предложить г. Председателю настоящее постановление исполнить в точности» [2. Л. 6об.]. В то же время был обсужден вопрос о выдаче участковым мировым судьям П.П. Назарову (3-й участок), П.Н. Кубареву (6-й участок) и В.М. Миронову (7-й участок) по 200 руб. на оборудование камер. Распорядительное заседание постановило выдать по 200 руб. на оборудование камер судьям названных судов из канцелярских денег сметы 1917 г. [2. Л. 7]. В целях всестороннего и полноценного обеспечения деятельности участковых мировых судов было определено выдать участковым мировым судьям авансом на 50 руб. марок казенного сбора и на 50 руб. марок земского сбора.

Наряду с избранием местных судей волостные комитеты ставили вопрос о порядке и объеме предстоящего финансирования судебных работников. 16 апреля 1918 г. были произведены выборы местных судей в Чиганарской волости Ядринского уезда [1. Л. 33, 35]. Одновременно с выборами судьи и очередных заседателей были наняты секретарь, помощник секретаря и сторож. Чиганарский волостной совет поставил вопрос о необходимости определения порядка «истребования кредита» на содержание местного судьи, секретаря, помощника секретаря и сторожа, а также в каком объеме утверждена смета народным комиссариатом юстиции Казанской губернии на «обзаведение канцелярией суда и разъездных квартир» [1. Л. 35, 35об.].

На распорядительном заседании Ядринского съезда мировых судей 12 апреля 1918 г. была заслушана «телефонограмма Председателя Казанского Комиссара Юстиции Ушакова № 824, о доставлении сметы на штат местных Судей на 1918 год» [2. Л. 10]. Из нее следовало, что «на штат Мировых Судей Ядринского Судебно-Мирового Округа необходима смета на 1918 год в нижеследующем размере» [2. Л. 10] (см. таблицу).

Как видно, должностной оклад председателя съезда мировых судей Ядринского уезда был в 1,4 раза больше, чем оклад мирового судьи, и в 1,6 раза больше, чем денежное довольствие секретаря съезда. Содержание мирового судьи было больше содержания секретаря мирового судьи в 2,3 раза. Судебный пристав получал содержание в 1,7 раза меньше, чем мировой судья. Размер содержания судебного рассыльного был в 3 раза меньше оклада секретаря съезда.

Смета Ядринского судебно-мирового округа на 1918 г., руб.

Статья расходов	Жалование	Квартирные	Разъездные	Всего
Председатель	6000	-	-	6000
Мировой судья	4200	1200	1800	64 800
Секретарь съезда	3600	-	-	3600
Помощник секретаря съезда	1800	-	-	1800
Секретарь мировых судей	1800	-	-	12 600
Судебный пристав	2400	-	-	7200
Судебный рассыльный	1200	-	-	3600
На канцелярии съезда мировых судей	10000	-	-	10 000
Наем помещения для съезда	2500	-	-	2500
Отопление для съезда и хозяйственные расходы	1500	-	-	1500
Наем камер	600	-	-	7200
Итого				120 800

На наем камер приходилось 6% общего объема финансирования местных судов, на отопление для съезда и хозяйственные расходы – 1,3%, на наем помещения для съезда – 2,1%, на содержание канцелярии съезда мировых судей Ядринского уезда – 8,2%, на жалование штата мировых судей Ядринского уезда и съезда мировых судей – 60,1%. При этом расходы на наем квартир и разъезды возмещались непосредственно только судьям. На возмещение данных расходов предполагалось направить 22,3% объема сметного финансирования.

Таким образом, в первый год советской власти местные учреждения юстиции финансировались не за счет средств местных бюджетов, а из государственной казны, что свидетельствует о намерении советской власти усилить централизацию государственного управления и финансово-бюджетную систему.

Объем выделяемых средств на содержание учреждений и оплату труда сотрудников был явно недостаточен, что объясняется тяжелым материальным положением Советского государства, отягченного Гражданской войной и иностранной интервенцией.

Функционирование уездных учреждений юстиции обеспечивалось путем жесткой централизации управления, государственного контроля за распределением выделенных средств и усилением ответственности за их нецелевое использование.

Литература

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. Р-371. Оп. 1. Д. 17.
2. ГИА ЧР. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 11.
3. ГИА ЧР. Ф. Р-631. Оп. 1. Д. 2.

References

1. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-371. Opis' 1. Dokument 17* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-371. Anagraph 1. Document 17].
2. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-42. Opis' 1. Dokument 11* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-42. Anagraph 1. Document 11].
3. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond R-631. Opis' 1. Dokument 2* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives R-631. Anagraph 1. Document 2].

ВАСИЛЬЕВА ЖАННА СЕРГЕЕВНА – старший преподаватель кафедры публичного права, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (kaf_advok@mail.ru).
VASILIEVA JEANNE – senior teacher of Public Law Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(470) «1812»
ББК ТЗ (2) 521.1-686м.8

О.О. ДМИТРИЕВА, Т.Н. ИВАНОВА
**ПРАЗДНОВАНИЕ 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА
КАК ПРИМЕР РЕАЛИЗАЦИИ КОММЕМОРАТИВНЫХ ПРАКТИК**

Ключевые слова: историческая память, коммеморативные практики, 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года.

Рассмотрено освещение проблем исторической памяти в трудах зарубежных и отечественных исследователей XX – начала XXI вв. На основе архивных материалов проанализированы коммеморативные практики в период празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года в Российской империи.

O. DMITRIEVA, T. IVANOVA
**CELEBRATION OF THE 100th ANNIVERSARY
OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 AS THE EXAMPLE OF THE REALIZATION
OF COMMEMORATIVE PRACTICES**

Key words: historical memory, commemorative practices, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812.

The article examines the problem of historical memory in the works of foreign and domestic researchers XX – early XXI century. On the basis of archival materials are analyzes commemorative practices during the celebration of the one hundredth anniversary of the Patriotic War of 1812 in the Russian Empire.

Историческое событие, преломляясь в памяти поколений, подвергается реинтерпретации и через призму позднейших событий и оценок уже в новом социальном окружении становится элементом исторической памяти. Взаимосвязь истории и памяти, процесс складывания коммеморативных практик являются предметом пристального изучения в современной науке.

Немецкий исследователь Я. Ассман считает, что сорок лет – это своеобразный рубеж эпох в коллективном воспоминании: «это срок, по истечении которого живое воспоминание оказывается под угрозой исчезновения и насущной проблемой становятся формы культурной памяти о прошлом» [2. С. 11].

Но насколько эта культурная память сопрягается с реальным событием? По этому поводу А. Мегилл отмечает, что когда уходит из жизни поколение, являвшееся непосредственным участником какого-либо исторического события, остается память об этом периоде истории, которая зачастую весьма разительным образом отличается от конкретных исторических реалий самого объекта воспоминания. Более того, историческая память может стать мощным орудием в деле пропаганды каких-либо идеалов, образа мышления и отношения к прошлому. То есть индивидуальное воспоминание проходит через институционализированные процессы, становясь коллективной памятью. Мегилл считает, что тогда воспоминания превращаются в самоценные объекты. «Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытным смысле превращается в нечто иное: память становится коммеморацией», – указывает он [7. С. 110]. По его мнению, коммеморация – это сохранение в общественном сознании памяти о каких-либо значимых событиях прошлого, «увековечивание памяти» о прошлом. Он считает, что «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтвердить чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое отношение к репрезентации прошлых событий» [7. С. 34].

Исследователь П. Хаттон отмечает, что «историки, постмодернисты интересовались памятью как средством мобилизации политической власти и отвергали внутреннюю ценность традиции самой по себе», они рассматривали коммеморацию как современную форму мнемоники, «сознательно созданную лидерами государства, нации для того, чтобы пробудить желанное вос-

поминание». В центре внимания этих постмодернистских исследователей был «процесс манипуляции коммеморативными практиками с целью служения политическим целям» [9. С. 13].

Цель нашей статьи – на примере празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812 года проследить, как посредством коммеморативных практик актуализировались историческая память и образ этой войны в российском обществе начала XX в.

В отечественной историографии уже предпринимались попытки изучения коммеморативных практик на примере конкретных событий и явлений. Так, исследовательница Е.О. Васильева рассматривает коммеморацию как особую форму репрезентации прошлого, когда с учетом политических, социальных и культурных императивов современности традиция не только поддерживается, но и консолидирует определенные социальные группы. По ее мнению, суть процессов коммеморации состоит в ритуализации воспоминаний об ушедшей или безвозвратно потерянной эпохе, солидаризации памяти и сожалений от потерь. Она пишет: «Фундаментальное значение коммеморации состоит в том, что она, имея сложную структуру, является важным элементом организации различных социальных связей» [4. С. 40–41].

Н.А. Антипин, исследовавший проблемы коммеморативных практик в период празднования 50-летнего юбилея русско-японской войны, выделяет три уровня коммеморации: 1) индивидуальный (его осуществляют участники и современники войны – инициаторы коммеморации); 2) государственный (исходит от высших органов власти, поддержавших инициативу); 3) региональный (определяет местные условия обращения с памятью и содержание коммеморации) [1].

В качестве коммеморативных практик Н.А. Антипин исследует следующие формы: чествование и награждение участников войны; торжественные собрания, в том числе с участием ветеранов; медиализацию войны в центральной и региональной периодической печати; инициирование создания популярных изданий, посвященных истории войны; актуализацию героических образов войны посредством проведения демонстраций; издание воспоминаний ветеранов войны; научную репрезентацию: издание монографий, научных статей и пр.; переиздание художественных произведений о войне; создание новых и актуализацию существующих мест памяти [1].

Перечисленные Н.А. Антипиным коммеморативные практики прослеживаются и в праздновании 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года. При этом коммеморация инициировалась на государственном уровне.

Необходимость «оживления» народной памяти об Отечественной войне 1812 года осознавалась властями. В статье, опубликованной 29 апреля (12 мая) 1912 г. в еженедельной монархической газете «Патриот», указывалось: «Вообще у нас все национальные праздники, исторические дни, годовщины великих событий выделяются из будней только для небольшой сравнительно части населения. Между тем народ действительно нуждается в оживлении интереса к своему прошлому, и юбилейный год дает прекрасную возможность для того, чтобы хоть на одно мгновение воскресить в памяти серых миллионов героический, национальный подвиг, объединивший Русскую землю от дворца до бедной избы» [3. С. 7].

Применяя выделенную выше Н.А. Антипиным структуру коммеморации, можно проанализировать ее уровни и формы на примере празднования столетнего юбилея Отечественной войны.

После поражения в русско-японской войне, революционных событий 1905–1907 гг. для власти было необходимо сплотить народ, несмотря на социальные, национальные, конфессиональные различия. Необходимо было создать образ великого прошлого Российской империи. Победа в Отечественной

войне 1812 года представляла собой блестящую возможность для воплощения этой идеи. Образ этой победы должен был стать «путеводной звездой», основой веры в неизбежность существования самодержавной России.

Государственный уровень коммеморации сыграл решающую роль в деле празднования юбилея. С самого начала данный юбилей планировался как общенародное торжество, об этом свидетельствуют документы, в которых отражена вся детализация празднования. Так, в циркуляре Министерства народного просвещения попечителю Казанского учебного округа Н. Кульчицкому о праздновании юбилея Отечественной войны 1812 года отмечается, что «В предстоящем 1912 году истекает столетие Отечественной войны. Ввиду исключительного значения этого знаменательного события для всей жизни нашего государства, предстоящему юбилею Высочайше повелено придать характер общенародного торжества. В соответствии с сим, к участию в предстоящих торжествах должны быть привлечены не только военное ведомство, но и возможно обширные слои общества и населения государства» [5. Л. 4].

Для подготовки празднования в различных частях страны были созданы специальные комиссии из представителей административных, земских и городских учреждений, церкви и благотворительных организаций. Подготовка к торжествам в честь победы в Отечественной войне 1812 года потребовала напряженной работы практически всех высших органов государственной власти и управления Российской империи, таких как Министерство императорского двора и уделов, Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Военное министерство, Главное управление Генерального штаба, Совет Министров, Святейший Синод [3. С. 6]. В циркуляре Министерства народного просвещения подчеркивается, что «Празднование юбилея имеет быть организовано повсеместно как в Петербурге, так и в других более или менее крупных центрах России в виде торжественных богослужений и церковных парадов при широком ознакомлении подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России, – путем бесед и поучительных чтений» [5. Л. 4].

Большое внимание уделялось так называемым «местам памяти». Это в первую очередь Бородинское поле и другие места сражений времен Отечественной войны 1812 года. Столетний юбилей стал наиболее активным временем формирования исторической памяти, установки памятных и созданий музеев о славном событии. Исследователь П. Нора, отмечал, что «интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан» с какими-либо поворотными моментами истории. «Это поворотный пункт, когда осознание разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти и приводит к тому, что чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти» [8. С. 17].

Особое значение места памяти имели во время празднования 100-летнего юбилея Отечественной войны. Ведь к этому времени ушло из жизни поколение эпохи военных событий. В данном контексте Бородинское поле стало уникальнейшим местом памяти.

Накануне юбилея научные сообщества активизировали работу по поиску исторических источников и материалов, посвященных войне с Наполеоном, готовили и публиковали книги, статьи и брошюры, проводили чтения и собрания [10].

Сохранившиеся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики документы позволяют проследить коммеморативные практики на региональном уровне на территории Чувашского края и почувствовать дух того времени. Празднования проходили в Чебоксарах, Цивильске, Алатыре, Ядрине.

На региональном уровне в подготовке празднования при непосредственном руководстве попечителя Казанского учебного округа принимали участие руководители высших и средних мужских и женских учебных заведений, директора народных училищ Казанского учебного округа.

В апреле 1911 г. в Казани прошло совещание представителей учебно-окружного управления, администрации, военного округа, различных учреждений и обществ, а также начальников средних мужских и женских учебных заведений, где председатель царско-народного общества В.Ф. Залесский отметил, что «...следует придать торжеству характер народного праздника, приурочить к дню Бородинской битвы...в эти дни всеобщего подъема патриотических чувств необходимо слить учебные заведения с войсками и дать слиться с ними и народу» [5. Л. 6]. Следует отметить, что о войсках идет речь ввиду того, что победа в Отечественной войне стала яркой страницей в военной истории России. Поэтому в праздничные мероприятия были привлечены и военные ведомства.

В преддверии юбилея усилилась воспитательная и патриотическая работа среди населения. Несмотря на то, что воспитательное значение празднования юбилея было ориентировано, прежде всего, на подрастающее поколение, правительство видело одной из задач пропаганду патриотических настроений во всех слоях и возрастных группах населения. Эта задача зафиксирована в переписке попечителя Казанского учебного округа: «Празднование юбилея имеет быть организовано повсеместно...при широком ознакомлении подрастающего поколения и народа со значением празднуемого события для России, – путем бесед и поучительных чтений». В документе также отмечено, что «в дни празднования юбилея Отечественной войны во всех частях войск, в морских командах и на судах нижние чины армии и флота должны быть ознакомлены с историческим значением знаменательного события. Подобные же сообщения подлежат организовать и в учебных заведениях всех министерств и ведомств» [5. Л. 4].

В письме попечителя Казанского учебного округа Н. Кульчицкого начальникам средних мужских и женских учебных заведений и директорам народных училищ была рекомендована брошюра «Отечественная война 1812 года» для раздачи детям младшего возраста в день празднования юбилея [6. Л. 98]. Сохранилась информация о том, что директор Алатырского реального училища Д. Чирихин заказал в канцелярии попечителя Казанского учебного округа пятьдесят экземпляров брошюры «Отечественная война 1812 года» [6. Л. 99] для распространения среди учащихся.

Можно отметить еще одну интересную практику – увековечивание памяти путем изготовления памятных медалей, зафиксированную в циркуляре Министерства народного просвещения: «... ко дню торжественного празднования юбилея имеют быть, по Высочайшем одобрении рисунков изготовлены на монетном дворе памятные медали:

а) большие золотые для вложения на гробницы императора Александра I, героев – полководцев – князя Кутузова-Смоленского, князя Багратиона и графа Барклая-де-Толли;

б) золотые же медали для представления Его императорскому величеству государю императору, государыням императрицам и наследнику цесаревичу. И кроме сего, большая светло-бронзовая медаль для представления членам императорской фамилии, а также некоторым почетным учреждениям и лицам;

в) наградная светло-бронзовая медаль. На лицевой стороне таковой наградной медали будет помещено изображение императора Александра Благословенного, на оборотной же стороне медали – слова из Манифеста 26 декабря 1812 года: «Славный год сей минул, но не пройдут содеянные в нем подвиги».

Означенная медаль имеет быть пожалована всем чинам тех частей войск, кои участвовали в войне 1812 года, а равно лицам, имеющим быть привлеченными к участию на торжествах на Бородинском поле, также принимавшим участие в разрешении вопросов, связанных с юбилеем 1812 года» [5. Л. 4].

В фонде Симбирской чувашской учительской школы хранится Свидетельство о награждении такой медалью инспектора Симбирской чувашской учительской школы Ивана Яковлевича Яковлева.

Таким образом, в исторической памяти посредством ряда коммеморативных практик на государственном и региональном уровне закреплялся образ великой победы России. Активно пропагандировались идеи патриотизма и народного духа в период военных действий, но при этом замалчивались нелицеприятные факты, противоречившие официальной идеологии. Так формировалась историческая память, соответствующая имперской идеологии. Она была инкорпорирована в учебники, брошюры об Отечественной войне, в памятные медали, в научно-популярные издания и с помощью юбилейных торжеств внедрялась в общественное сознание. Эти коммеморативные практики не только служили государственной идеологии, но и способствовали складыванию национальной идентичности.

Литература

1. Антипин Н.А. 50-летний юбилей русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–55 гг. // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012» [Электронный ресурс]. URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1786/14081_6c74.pdf (дата обращения 18.04.2014).
2. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
3. Бочков Е.Н. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. 2012. № 3(5). С. 6–25.
4. Васильева Е.О. Роль практик коммеморации в процессах организации социального пространства современного искусства // Власть. 2009. № 9. С. 40–43.
5. ГИА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 842.
6. ГИА ЧР. Ф. 208. Оп. 1. Д. 56.
7. Мегилл А. Историческая эпистемиология. М.: Канон+, 2007. 480 с.
8. Нора П. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. 328 с.
9. Хаттон П. История как искусство памяти. СПб.: Владимир Даль, 2004. 424 с.
10. 100-летие Отечественной войны 1812 года [Электронный ресурс] // Homo Festivus: сайт. URL: <http://homofestivus.ru/100-letie-vojny-1812-goda.html> (дата обращения: 27.09.2013).

References

1. Antipin N.A. 50-letnii yubilei russko-yaponskoi vojny v SSSR: kommemorativnye praktiki, 1954–55 gody [50-year anniversary of the russian-japanese war in the USSR: commemorative practices 1954–55]. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2012»* [Proceedings of the International Youth Science Forum «Lomonosov-2012»]. Available at: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2012/1786/14081_6c74.pdf (Accessed 18 April 2014).
2. Assman Ya. *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: the Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 368 p.
3. Bochkov E.N. «Pridat' yubileyu Otechestvennoi vojny znachenie vsenarodnogo torzhestva»: deyatel'nost' vysshikh i tsentral'nykh organov vlasti i upravleniya rossiiskoi imperii po organizatsii prazdnichnykh meropriyatiy, posvyashchennykh 100-letiyu Otechestvennoi vojny 1812 goda [«Giving to the anniversary of the Patriotic War the value of national celebration»: the activity of higher and central governing bodies of the Russian Empire on the organization's celebrations of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812]. *Noveishaya istoriya Rossii* [The recent history of Russia], 2012, no 3(5), pp. 6–25.
4. Vasil'eva E.O. *Rol' praktik kommemoratsii v protsessakh organizatsii sotsial'nogo prostranstva sovremennogo iskusstva* [The role of commemoration practices in the organization of the social space of contemporary art]. *Vlast'* [Power], 2009, no 9, pp. 40–43.
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 207. Opis' 1. Dokument 842* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 207. Anagraph 1. Document 842].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. Fond 208. Opis' 1. Dokument 56* [State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archives 208. Anagraph 1. Document 56].
7. Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical Epistemology]. Moscow, Kanon+ Publ., 2007. 480 p.
8. Nora P. *Problematika mest pamyati. Frantsiya-pamyat'* [The problems of memory locations. France-memory]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 1999, 328 p.

9. Khatton P. *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2004. 424 p.

10. *100-letie Otechestvennoi voyny 1812 goda* [100th anniversary of the Patriotic War of 1812]. Available at: <http://homofestivus.ru/100-letie-voyny-1812-goda.html> (Accessed 27 September 2013).

ДМИТРИЕВА ОЛЬГА ОЛЕГОВНА – аспирантка кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Чебоксары (dmitrieva21region@mail.ru).

DMITRIEVA OLGA – post-graduate student of the Chair of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ИВАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран, Чувашский государственный университет, Чебоксары (tivanovan@mail.ru).

IVANOVA TATYANA – doctor of historical sciences, professor of the Chair of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622.72

А.В. ЗОТОВА

«СОЮЗПЕЧАТЬ» ЛЕНИНГРАДА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, «Союзпечать», газеты, журналы, детская литература, литература для юношества.

На основе архивных документов проанализирована деятельность Ленинградской дирекции сети «Союзпечать». Установлено, что на протяжении Великой Отечественной войны, в том числе и в период блокады, Ленинградская «Союзпечать», несмотря на кадровые и другие проблемы, умело перестраивала свою деятельность в соответствии с обстановкой военного времени. Сделан вывод, что выживанию отрасли в условиях войны способствовало использование для издания своей продукции отходов городских типографий, а также ориентация на выпуск литературы для детей и юношества.

A. ZOTOVA

«SOYUZPECHAT» (THE UNION PRINTING) OF LENINGRAD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Key words: The great Patriotic war, the siege of Leningrad, «Soyuzpechat», newspapers, magazines, children's literature, literature for young adults.

In the article on the basis of archival documents the author analyses the activities of Directorate of Leningrad network «Soyuzpechat». It is alleged that during the great Patriotic war, including during the period of the siege of Leningrad, «Soyuzpechat» despite the personnel and other problems, skillfully restructured its activities in accordance with the wartime. Also the industry had survived in the war because it used for edition of its production wastes of printing houses of the city and focused on the production of literature for children and youth.

Накануне Великой Отечественной войны розничная сеть «Союзпечать» Ленинграда состояла из 335 киосков, в которых продавались газеты и журналы. 311 киосков «Союзпечать» находились во всех районах города, а 24 киоска – на Московском, Балтийском, Варшавском и Витебском вокзалах [1. Д. 40. Л. 8].

В начале войны вплоть до марта 1942 г. Ленинградская городская дирекция «Союзпечать» руководила только подписными предприятиями города, которые представляли собой 7 межрайонных контор «Союзпечати». С марта 1942 г. на основании приказа заместителя наркома связи СССР Омельченко и вышедшего позже на этом основании приказа уполномоченного наркомата связи по г. Ленинград и области Смирягина в состав Ленинградской городской дирекции «Союзпечать» вошли Ленинградская газетно-журнальная экспедиция, Ленинградская областная розничная контора и Ленинградская городская розничная контора «Союзпечать» [1. Д. 27. Л. 4].

Как известно, первые месяцы блокады были самыми тяжелыми в жизни города. На рубеже 1941–1942 гг. смертность населения достигла своего максимума. Именно в тот период из-за гибели, болезней и эвакуации сотрудни-

ков бухгалтерии всех звеньев учет финансовой деятельности Ленинградской городской дирекции «Союзпечать» практически не велся. По этой причине исследовать финансовую сторону работы предприятия за тот период не представляется возможным. Например, в дирекции Ленинградской областной розничной конторы в живых к тому времени остались только два бухгалтерских работника, которые не в состоянии были вести учет финансовой деятельности такого крупного предприятия [1. Д. 27. Л. 5].

Ситуация в Ленинградской городской дирекции (ЛГД) «Союзпечать» начала налаживаться с марта 1942 г. [1. Д. 27. Л. 5]. Но предприятие в том году не смогло работать в полную силу. Об этом свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что смета расходов, утвержденных на деятельность «Союзпечати» на 1942 г., по результатам года была выполнена лишь на 72,7%. Правда, это принесло учреждению экономию в размере 764,4 тыс. руб., в том числе по фонду заработной платы в размере 689,4 тыс. руб. [1. Д. 27. Л. 6].

Большой интерес представляют результаты подписки ленинградцев, предприятий и учреждений города за 1942 г. В тот тяжелейший период годовой план оборота в целом был выполнен ленинградской городской дирекцией «Союзпечати» на 132,6%. Скептики могут утверждать, что такие высокие показатели были следствием работы тоталитарного режима, который вынуждал горожан тратить последние деньги на подписку. Такое утверждение легко опровергнуть. Годовой план подписки на периодическую печать в 1942 г. был выполнен на 117,8%. Но при этом план розничной продажи был выполнен на 177,5% [1. Д. 27. Л. 6]. Вряд ли возможно путем директивных указаний заставить людей ежедневно покупать в киосках «Союзпечати» газеты или журналы. За такие покупки никто не отчитывался, и осуществлялись они исключительно исходя из личных духовных потребностей горожан.

С начала войны до конца 1942 г. в Ленинграде в результате бомбардировок, артиллерийских обстрелов и пожаров в городе было разрушено 94 киоска «Союзпечати», 7 киосков погибло в ближайших пригородах: в Колпино – 4 киоска, в Ораниенбауме – 1, в Кронштадте – 2. Таким образом, за начальный период войны в городе и пригородах выбыл из строя 101 киоск «Союзпечати» [1. Д. 27. Л. 7], что, по существу, составляло треть всей сети довоенного времени.

Военные условия вынудили сотрудников Ленинградской городской дирекции «Союзпечать» реорганизовать процесс экспедиции и поставок периодической печатной продукции потребителям. Если раньше связующим узлом между типографиями и киосками «Союзпечати», а также почтовыми отделениями были районные почтовые узлы и районные экспедиции розничной конторы, то в 1943 г. ситуация изменилась. Печатная продукция из типографий сразу же отправлялась в почтовые отделения и киоски. Такой механизм работы был инициативой Ленинградской городской дирекции «Союзпечать» [1. Д. 33. Л. 2].

Процесс распространения периодических изданий в Ленинграде в 1943 г. стал, с одной стороны, более стабильным, с другой – менее прибыльным. План распространения печати по-прежнему выполнялся и составил в 1943 г. 107,3%. При плане в 21 млн руб. ленинградской «Союзпечатью» было заработано 22,53 млн руб. По подписке план был выполнен на 106,6%, а по розничной продаже – на 109% [1. Д. 33. Л. 2].

Может сложиться впечатление, что в 1943 г. у ленинградцев и защитников города снизился интерес к материалам периодической печати. Представляется, что это не так. Скорее всего, некоторое снижение количества продававшихся через сеть «Союзпечать» газет и журналов объясняется налаживанием к тому времени деятельности других средств массовой информации, среди которых заметную роль играли фронтовая, армейские и дивизионные газеты, распространявшиеся среди воинских частей и соединений автономно. Кроме того, про-

изошли позитивные изменения на ленинградском радио, редакция которого существенно расширила тематику своих передач, что удовлетворяло духовные и интеллектуальные потребности различных категорий горожан.

С 1943 г., по мнению руководителей Ленинградской дирекции «Союзпечать», вся система учета и обработки подписки на периодические издания была успешно адаптирована к военной обстановке [1. Д. 33. Л. 7].

В результате все центральные журналы и специальные газеты начали обрабатываться по специальной адресной системе и доставлялись подписчикам под расписку [1. Д. 33. Л. 8].

С 1 января 1943 г. на предприятии «Союзпечать» в Ленинграде были запущены в эксплуатацию адресовально-печатные машины, что позволяло обрабатывать все поступающие издания по так называемой стенсиальной системе [1. Д. 33. Л. 8], т.е. использовавшей специальную систему распознавательных символов.

В том же году в работе Ленинградской городской дирекции «Союзпечати» появилось еще одно новшество – распределение специальных и ведомственных газет и журналов при участии сотрудников заинтересованных организаций и учреждений. То есть тиражи, предположим, медицинских изданий распределялись между организациями и учреждениями с помощью сотрудников горздрава, педагогические издания – при участии работников отдела народного образования Ленгосисполкома. Распределение оборонных изданий осуществлялось по согласованию с военкоматами и Осоавиахимом. Особое внимание было уделено обеспечению необходимым количеством газет и журналов мест так называемого коллективного пользования материалами периодической печати – библиотек, красных уголков, читален и клубов [1. Д. 33. Л. 9].

В 1943 г. широкое распространение получили газетные витрины, на которых ежедневно расклеивались свежие центральные и областные газеты. В Ленинграде таких витрин было устроено 9100, не считая 3000 витрин, установленных на территории предприятий и учреждений [1. Д. 33. Л. 9].

Во время войны заметно менялись читательские интересы. Это видно по динамике городской печатной продукции. Например, в 1942 г., в период, когда ленинградцы спешили ознакомиться с вестями с фронта, газеты составляли 61,7% всей печатной продукции ленинградской «Союзпечати». Журналы составляли лишь 11,6%, книги – 18,2%, а 8,5% печатной продукции составляли брошюры, листовки и другая литература подобного рода. Разумеется, такие пропорции выпускавшейся литературы для ленинградской «Союзпечати» не отражают в полной мере потребностей ленинградцев, а представляют собой лишь следствие мониторинга, проводившегося руководителями «Союзпечати» в городе. Реальные потребности населения в материалах печати, разумеется, могли не совпадать с пропорциями выпускавшейся продукции, но, скорее всего, они относительно реалистично отражали интересы граждан.

Трудно сказать, что собой представлял механизм анализа читательских интересов. Возможно, городские управленческие органы во многом брали на себя определение читательских приоритетов. Так или иначе, но в 1943 г. читательские приоритеты по сравнению с 1942 г. существенно изменились. Количество распространявшихся через сеть «Союзпечать» в Ленинграде газет снизилось почти вдвое и составило лишь 33% от общего количества продававшейся литературы. В полтора раза повысилось число продававшихся журналов, достигнув 17,3%. Более чем на треть увеличилось число выпускавшихся книг. Оно составило 33,4% от всей печатной продукции и было сопоставимо с количеством продававшихся газет. Так называемая прочая продукция составила 19,03% [1. Д. 33. Л. 10].

Несмотря на положительные тенденции в развитии Ленинградской городской сети «Союзпечать», на предприятии к концу 1943 г. работали 210 человек, хотя по штату предусматривалось на 62 человека больше [1. Д. 33. Л. 14].

Средняя зарплата сотрудников в тот период составляла 432 руб. [1. Д. 33. Л. 15]. Год спустя, к концу 1944 г., средняя зарплата увеличилась до 476 руб., но количество работников в сети стало еще меньше и составило 196 человек [1. Д. 40. Л. 9].

Только в 1945 г. штат был укомплектован полностью и составил 251 человек. Средняя заработная плата по сравнению с таковой в 1944 г. не менялась [1. Д. 47. Л. 8]. На 1 января 1946 г. штат Ленинградской городской сети «Союзпечать» составлял 320 сотрудников [1. Д. 47. Л. 13].

Одной из проблем в работе городской сети «Союзпечать» была нехватка периодических изданий, поступавших из Москвы. Из-за хищений, ошибок сотрудников и военных действий подписчики недополучали газеты «Известия», «Труд», «Комсомольская правда», журналы «Огонек», «Крокодил» и ряд других [1. Д. 35. Л. 8]. Часть изданий пропадала в процессе следования почтовых вагонов из Москвы в Ленинград. Случалось, что работники почтовых вагонов обменивали периодические издания на дрова, уголь и продовольствие. Ситуация была столь напряженной, что по этому поводу Народный комиссариат связи СССР 5 мая 1943 г. даже издал указ № 175 «О борьбе с хищениями печати» [1. Д. 35. Л. 7].

К 1944 г. городская сеть «Союзпечать» настолько адаптировалась к военным условиям, что существенно расширила ассортимент своей продукции. По ее инициативе с каждым месяцем расширялся выпуск изданий для дошкольников, ремесленников, учащихся школ [1. Д. 40. Л. 6].

Как показывают документы, 20,2% из всей периодики, которую читали ленинградцы в то время, составляли центральные газеты. Центральные журналы составляли 8,8% от общего числа востребованной периодики. Незначительной с точки зрения потребления была районная печать. Она составляла лишь 0,07%. На их фоне очень востребованной выглядела областная печать. Она составляла 70,9% от всей периодической литературы, которую читали ленинградцы [1. Д. 40. Л. 7].

По итогам 1944 г., т.е. в условиях первого года жизни города после снятия вражеской блокады, план оборота городской сетью «Союзпечать» был выполнен на 111%. План по подписке был перевыполнен на 14,2%, а по рознице – на 4,4% [1. Д. 40. Л. 2].

Заслуги Ленинградской городской дирекции «Союзпечать» и ее сотрудников были заметны на всесоюзном уровне. Подтверждением тому стало признание ее работы лучшей в декабре 1944 г., что подтверждалось присуждением ЛГД «Союзпечать» переходящего Красного знамени ВЦСПС и Наркомата связи СССР. Многие сотрудники были премированы и награждены значком «Отличник социалистического соревнования наркомата связи» [1. Д. 40. Л. 6].

Приближение победы сказывалось на всеобщем настроении ленинградцев на добросовестную работу. Лучшие предприятия и передовики премировались, их портреты вывешивались на досках почета. 60 сотрудников ЛГД «Союзпечать» были награждены медалью «За оборону Ленинграда», а 9 человек – правительственными орденами и медалями [1. Д. 40. Л. 11].

План доходов 1944 г. ЛГД «Союзпечать» был выполнен по подписке на 123,7%, по рознице – на 102,3% [1. Д. 40. Л. 10].

В 1945 г. ЛГД «Союзпечать» активно восстанавливалась, хотя до довоенного уровня было далеко. Например, сеть киосков розничных продаж почти втрое была меньше, чем до войны. Их число стало составлять 135. На строительство газетных киосков в 1945 г. было выделено 140 тыс. руб. [1. Д. 47. Л. 2, 8] Но помимо введения в строй новых киосков 5 были капитально отремонтированы, а 82 киоска были отремонтированы и восстановлены. При этом часть из них была восстановлена силами самих киоскеров. Сеть газетных витрин по сравнению с 1944 г. в 1945 г. увеличилась на 1300 шт., и к 1946 г. в Ленинграде действовало уже 7500 газетных витрин [1. Д. 47. Л. 8].

Полное снятие блокады, а затем и победа советского народа в Великой Отечественной войне заметно изменили приоритеты деятельности Ленинградской дирекции сети «Союзпечать». Структура дирекции и подчиненных ей предприятий была изменена в соответствии с новыми задачами. Задачи изменились ввиду того, что в городе были развернуты многочисленные новостройки: город принимал эвакуированные предприятия, учреждения, научные и учебные заведения и вернувшихся вместе с ними тысячи ленинградцев. Сеть розничной печати была существенно расширена. В Московском районе Ленинграда и в ряде пригородов были созданы новые конторы «Союзпечати». Была укреплена материально-техническая база экспедиционного аппарата [1. Д. 47. Л. 11].

Особенностью деятельности «Союзпечати» в Ленинграде было то, что она не располагала собственными фондами бумаги. Это вынуждало дирекцию ориентироваться на выпуск своих изданий за счет использования бумажных отходов типографий. Но городская дирекция сумела приспособиться к сложившейся ситуации. К концу 1944 г. одним из важнейших направлений ее работы стал выпуск продукции, ориентированной на детей: детские печатные игры, книги и различная другая детская литература. Только в 1945 г. было выпущено 17 различных изданий, общий тираж которых составил 900 тыс. экземпляров. На выпуск этой литературы было затрачено 1010 тыс. руб. [1. Д. 47. Л. 12].

Ассортимент выпускавшейся продукции был широк: детские сказки, кроссворды, шашечные задачи, игрушки для трехлетних детей, загадки, книжки-закладки, игры «5х5», «Карусель», «Цирк», «Коврики», «Одень куклу», наглядное пособие «Дизель», «Лото в загадках», издания «Наша почта», «Марки рассказы-вают», «Волшебные опилки», книжка «Пароход» [1. Д. 47. Л. 25].

Такие издания, как «Быстрый счет» и «Разрезная азбука», были настолько популярны, что их выпустили повторными изданиями [1. Д. 47. Л. 19].

Анализ деятельности Ленинградской дирекции сети «Союзпечать» свидетельствует о том, что во время войны, в том числе и в тяжелейший период вражеской блокады, периодические издания и другая печатная продукция были очень востребованы горожанами. В течение боевых действий приоритеты несколько менялись. На начальном этапе войны особым спросом пользовались издания, доносившие до читателей оперативную информацию. Когда же обстановка на фронте стабилизировалась, возрос читательский спрос на литературу, которая позволяла читателям окунуться в довоенную жизнь. Очень востребована была советская и зарубежная классика, а также издания для детей, которых после полного снятия блокады в городе с каждым месяцем становилось все больше.

При всех перипетиях войны и блокады Ленинградская дирекция сети «Союзпечать» достойно справилась с поставленными перед ней задачами.

Литература

1. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 753. Оп. 2.

References

1. *Tsentrāl'nyi gosudarstvennyi arkhiv Sankt-Peterburga. Fond 753. Opis' 2* [Central State Archive of St. Petersburg. Archives 753. Anagraph 2].

ЗОТОВА АНАСТАСИЯ ВАЛЕРЬЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций, Россия, Санкт-Петербург (anastasiyazotova@mail.ru).

ZOTOVA ANASTASIYA – candidate of historical sciences, assistant professor of History and Regional Studies Chair, Saint-Petersburg State University of Telecommunications, Russia, St. Petersburg.

УДК 351.74: 316.346.2-055.2 (091) (470.344) «1932/1988»
ББК Х 401.133.1: С 542.21 (2 Рос. Чув.)

Н.В. ИВАНОВ

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЖЕНЩИН – СОТРУДНИЦ СОВЕТСКОЙ МИЛИЦИИ ЧУВАШИИ

Ключевые слова: Чувашия, милиция, женщины, профессиональная деятельность, социальный облик.

Изучены социально-исторические аспекты сознательного выбора женщинами особой профессиональной деятельности в правоохранительных органах в 1932–1988 гг. на территории Чувашии в советский период. На конкретных примерах проиллюстрирована деятельность сотрудниц в органах милиции. Обоснован вывод о повышении роли по основным направлениям их деятельности.

N. IVANOV

SOCIO-HISTORICAL PORTRAIT OF THE SOVIET MILITIAWOMEN OF CHUVASHIA

Key words: Chuvashia, the militia, women, professional activities, social image.

The article considers the socio-historical aspects of the conscious choice of women to be busy with special professional activities in the law enforcement bodies in the period of 1932–1988 on the territory of the Chuvash Republic in the Soviet times. Certain examples illustrate the activities of women militia officers. A conclusion is made about the significant role of women according to the main areas of their activity.

Под воздействием внутренних и внешних факторов в Российской Федерации все более пристальное внимание привлекают вопросы силовой составляющей государственной власти, прежде всего проблема реформирования сил правопорядка, которая, как свидетельствует отечественный и зарубежный опыт, не может быть решена без анализа исторических традиций. Это знание призвано помочь в преодолении существующих в обществе гендерных стереотипов, согласно которым работа в правоохранительной сфере является «мужским делом».

С одной стороны, женщина-полицейский – это факт, который мало кого сегодня удивляет. Но, с другой стороны, цифры свидетельствуют о том, что в полиции Швеции 22,8% личного состава составляют женщины, в Австралии их 16,5% из общего числа полицейских, во Франции около 30% должностей комиссаров полиции занимают женщины [9. С. 381–384]. В 2012 г. главой Международной организации криминальной полиции стала французка М. Баллестраззи, которая поступила на службу в полицию в 1976 г. в возрасте 22 лет. Она высказала следующее мнение о службе женщин в рядах Интерпола: «Действительно, среди полицейских женщин очень мало, как, впрочем, и в ряде других профессий. Но, в отличие от других, я не собираюсь утверждать, что есть какой-то особый «женский подход» в полицейской работе. Я, прежде всего, оперативный сотрудник» [4. С. 49].

Исходя из вышеизложенного нам представляется актуальной задачей изучение социально-исторических аспектов сознательного выбора женщинами особой профессиональной деятельности в правоохранительных органах.

На начальном этапе развития органов советской милиции работавшие в них немногочисленные женщины были простыми исполнителями. В 1921 г. в Отделении уголовного розыска милиции Чувашской АО работали делопроизводитель Евдокия Ивановна Лифенцова, 1901 г.р., уроженка г. Мариинский Посад; конторщица Прасковья Алексеевна Писарева, 1901 г.р., уроженка г. Чебоксары, Мария Ивановна Чебопейкина, 1892 г.р., уроженка г. Юрьевец Иваново-Вознесенской губернии; курьеры Екатерина Федоровна Серова, 1904 г.р., уроженка д. Назаровская Леонтьевской волости Моложского уезда Ярославской

губернии, Серафима Иванова, 1893 г.р., уроженка г. Чебоксары Агреппина Филипповна Степанова, 1881 г.р., уроженка г. Чебоксары [3. С. 81]. Самой старшей из них было 40 лет, а самой младшей – 17 лет. Средний возраст сотрудников составлял около 26 лет. Две трети женщин были уроженками городов Чувашии, остальные – выходцами из сельской местности губерний Центральной России.

В 1932 г. в центральном аппарате Управления РКМ при СНК Чувашской АССР работали машинистки Александра Николаевна Крашенникова, Валентина Григорьевна Лешева; уборщицы Мария Григорьевна Григорьева, Прасковья Мартыновна Мартынова. В органах милиции Алатырского района трудились секретарь управления Клеопатра Новикова, заведующая административным паспортным столом Лидия Васильевна Шутилина, делопроизводитель Татьяна Васильевна Гусева, обслуживающий персонал Елизавета Дмитриевна Зекина, стрелки Ксения Архиповна Дубова, Александра Михайловна Лакаева, Анастасия Дмитриевна Фролова. В Порецком районе служила младший милиционер Мария Андреевна Маркина; в Урмарском районе – ведомственный милиционер Евдокия Ивановна Иванова [3. Д. 1192. С. 19].

На 1 июля 1936 г. в списке сотрудников УРКМ УНКВД по Чувашской АССР числилось 108 чел., из них женщин – 9: Мария Михайловна Амосова – заведующая медицинским пунктом, Антонина Павловна Бурашникова – дезинфектор, Антонина Федоровна Шабарина – машинистка, Анна Игнатьевна Чуксина – машинистка, Лидия Порфирьевна Кудряшова – паспортистка, Анна Куприяновна Пыжьянова – техничка, Евдокия Федоровна Федорова – техничка, Валентина Евгеньевна Попова – делопроизводитель, Мария Федоровна Федорова – техничка [3. С. 60].

В работе женщины отличались аккуратностью и исполнительностью. Приказом наркома внутренних дел Чувашской АССР от 10 ноября 1937 г. № 119 «О награждении сотрудников милиции НКВД ЧАССР» за исключительную преданность делу борьбы с преступностью и честное выполнение возложенных обязанностей и безупречную долготлетнюю службу в органах РКМ, в ознаменование 20-й годовщины РКМ была объявлена благодарность Л.П. Кудряшовой – паспортистке УРКМ НКВД ЧАССР [3. Оп. 2. Д. 200. С. 101].

С началом Великой Отечественной войны в связи с уходом многих сотрудников милиции на фронт (по состоянию на 25 октября 1942 г. в распоряжение РККА выбыло 50% списочного состава [5. С. 75]) больше стали принимать женщин на службу в милицию. В 1943 г. приказом НКВД Чувашской АССР были объявлены благодарности 28 женщинам-милиционерам за проявленную инициативу в работе и успешное выполнение заданий [3. С. 66], 10 сотрудницам Архивного отдела НКВД Чувашской АССР за проявленную инициативу в деле бережного отношения к хранению государственных архивов [3. С. 172].

В военные годы наряду с женщинами – сотрудницами милиции активно участвовали в помощи фронту жены милиционеров, например: «Жены работников НКВД большую помощь оказывают подшефному госпиталю. В январе 1943 г., пять посещений от 10–15 человек, там помогают стирать и чинить белье. Украшают палаты и ухаживают за больными бойцами, проводят с ними беседы. Особенно большую заботу о раненых бойцах проявляют Белолипецкая (жена наркома), Шанта Рено – член ВКП(б), Мижерова (жена начальника ОУР), Кошелева (жена начальника ЭКО), Лейбина – старший оперуполномоченный ОУР. Хорошую работу женщин – домохозяек и работников милиции отметило командование приказом по госпиталю о поощрении их» [1. С. 104].

Участие в Великой Отечественной войне стало суровым жизненным испытанием для тех девушек и женщин, которые впоследствии стали служить в органах милиции. Ольга Гавриловна Комарова, 1924 г.р., уроженка д. Ямаши Красночетайского района Чувашской АССР, в 1943 г. добровольно ушла на фронт и была распределена на службу в 90-й отдельный батальон 3-го Белорусского фронта на должность красноармейца-наблюдателя. В сентябре 1945 г. дошла до Восточной Пруссии, откуда демобилизовалась. С мая 1946 г. Ольга Гавриловна работала в органах внутренних дел: прапорщик милиции, милиционер Московского РОВД города Чебоксары МВД Чувашской АССР. В общей сложности она прослужила в органах милиции 33 года [8. С. 323]. Ее служба в ратное и мирное время была отмечена орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в годы Великой Отечественной 1941–1945 гг.» и юбилейными медалями.

Ксения Прокопьевна Редькова, 1917 г.р., уроженка д. Хорнзорны Цивильского уезда Казанской губернии, в декабре 1941 г. была призвана на военную службу и направлена фельдшером в 1-й засечный полк г. Цивильск Чувашской АССР. Затем она служила военным фельдшером в 349-м отдельном артиллерийском батальоне 152-го укрепрайона Московской зоны обороны – в январе-ноябре 1942 г., в ноябре 1942 г. – феврале 1943 г. – в 349-м отделении пулеметно-артиллерийского батальона 77-го укрепрайона 64-й армии Сталинградского фронта, в феврале-мае 1943 г. – в 349-м отдельном пулеметно-артиллерийском батальоне Приволжского военного округа, в 1943–1946 гг. – в 1022-м батальоне 7-й гвардейской авиадивизии. К.П. Редькова награждена орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в годы Великой Отечественной 1941–1945 гг.» и юбилейными медалями. В послевоенные годы Ксения Петровна стала старшим лейтенантом милиции, санитарным инспектором медицинского вытрезвителя города Чебоксар [8. С. 334].

Александра Григорьевна Васильева, 1923 г.р., уроженка с. Дуванак Сарapulьского района Удмуртской АССР, в 1944–1946 гг. проходила службу в должности хирурга батальона 2-го авиаартиллерийского полка 82-й армии 2-го Прибалтийского фронта, затем врача-специалиста БАО Ленинградского фронта. Ее военная служба была отмечена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и юбилейными медалями. А.Г. Васильева работала впоследствии врачом-хирургом поликлиники медицинского отдела МВД Чувашской АССР [8. С. 342].

Юлия Васильевна Владимировна, 1919 г. р., уроженка д. Тебикасы Цивильского уезда Казанской губернии, с апреля 1942 г. по январь 1943 г. была курсантом 62-го отдельного запасного полка, служила в январе 1943 г. – июне 1944 г. радиомастером армейской мастерской связи 5-й танковой армии 2-го Украинского фронта, в 1944–1945 гг. – радиомастером 45-го самоходного артиллерийского полка РГК 2-го Белорусского фронта, телефонисткой 3-го учебного танкового полка 2-го Украинского фронта. Служба Ю.В. Владимировой была отмечена медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в годы Великой Отечественной 1941–1945 гг.» и юбилейными медалями [8. С. 343].

В 1950-е г. должностям машинисток и секретарей стали соответствовать специальные звания. В 1953 г. машинистке 1-й категории 4-го отдела МВД Чувашской АССР Татьяне Семеновне Толмачевой [3. С. 316], машинистке 1-й категории 5-го отдела Дарье Михайловне Скворцовой [6. С. 320], машинистке

1-й категории хозяйственного отдела МВД Чувашской АССР Марии Васильевне Макаровой [3. С. 323] было присвоено специальное звание «сержант милиции», секретарю 5-го отдела МВД Чувашской АССР Ксении Никифоровны Гавриловой – «младший лейтенант милиции» [3. С. 320], секретарю хозяйственного отдела МВД Чувашской АССР Елене Александровне Семеновой [3. С. 323] и секретарю гласного 7-го отдела МВД Чувашской АССР Зое Александровне Поповой – «лейтенант милиции» [3. С. 336].

В 1970-е гг. женщин наравне с мужчинами стали направлять на учебу, а затем назначать на самые разные должности. Приказами МВД Чувашской АССР от 31 июля 1970 г. № 151л/с прибывшая по окончании Саратовского юридического института Анна Ивановна Ковердяева была назначена следователем ОВД Новочебоксарского горисполкома [3. Д. 44. С. 151], от 24 июля 1972 г. № 138л/с – прибывшая после учебы Зоя Михайловна Петрова была назначена старшим инспектором детской комнаты милиции ОВД Комсомольского райисполкома [3. Д. 46. С. 133]. В 1973 г. Антонина Анатольевна Георгиева после окончания Московской специальной средней школы милиции МВД СССР была направлена в ЭКО Ленинского РОВД г. Чебоксары [2. С. 6–7].

При приеме на работу на офицерские должности женщинам присваивалось звание «младший лейтенант милиции». Приказом МВД СССР от 5 ноября 1973 г. № 893 л/с данное звание было присвоено Ирине Анатольевне Анатольевой, принятой в ОУР за счет инспектора службы специальной комендатуры при ОВД Новочебоксарского горисполкома. Она прослужила в ОУР более 25 лет. После выхода на заслуженный отдых продолжает работать в Новочебоксарском ГОВД в качестве специалиста и оказывает большую практическую помощь молодым оперативным работникам осваивать азы оперативной розыскной работы [2. Оп. 2. Д. 988. С. 12].

Сотрудницы милиции проявляли себя в общественной работе. В 1980-е гг. в органах милиции создавались группы народного контроля. 1 января 1981 г. председателем группы народного контроля Новочебоксарского ГОВД была выбрана Моисеева Тамара Васильевна – заместитель начальника ОУР по профилактике [1. Д. 47. С. 30–32].

Прохождение службы в органах милиции женщинами наглядно иллюстрируют воспоминания полковника милиции в отставке Людмилы Михайловны Учаевой, 1955 г.р., уроженки д. Богурданы Канашского района Чувашской АССР. Она решила пойти по стопам родителей-педагогов – в 1980 г. поступила на учебу в Чувашский государственный педагогический институт им. И.Я. Яковлева, после окончания которого стала работать в сельской школе. По решению Канашского райкома КПСС учительницу и секретаря партийной организации Среднетатмышской средней школы Л.М. Учаеву в июне 1982 г. направили для работы с подростками в инспекцию по делам несовершеннолетних Канашского ГРОВД. Она прошла обучение в Тульской межобластной школе милиции МВД СССР. Прослужив 5 лет, Л.М. Учаева была назначена на должность старшего инспектора по кадрам, боевой и служебной подготовке Канашского ГОВД. В 1988 г. в Алатырском, Канашском, Шумерлинском и Новочебоксарском ГОВД образовали отделения кадров. После тщательного отбора и успешного собеседования первым начальником отделения кадров в Канашском ГОВД стала Л.М. Учаева. Она прослужила в Канашском ГОВД более 17 лет. Со звания старшины милиции дослужилась до звания подполковника милиции и с должности заместителя начальника Канашского ГОВД – начальника Штаба и для дальнейшего прохождения службы была выдвинута в Управление кадров на должность начальника отделения прохождения служ-

бы и учета МВД Чувашии, затем – на должность заместителя начальника Учебного центра по кадровой и воспитательной работе. Людмила Михайловна прослужила в органах внутренних дел 25 лет, из них более 17 лет – в кадровой службе и ушла в отставку в звании полковника милиции.

В течение XX в. женщины сотрудницы советской милиции Чувашии не только изменились сами, повысив уровень образования, освоив новые профессии, приобретя профессиональный и житейский опыт, но и в определенной степени изменили облик милицейской системы, сумев преодолеть предвзятое отношение коллег и руководства, трудности ненормированного рабочего дня благодаря исполнительности, работоспособности, активности и самоуважению.

Литература и источники

1. Архив Министерства внутренних дел по Чувашской Республике (далее – Архив МВД по ЧР). Ф. 107. Оп. 1. Д. 1.
2. Архив МВД по ЧР. Ф. 128. Оп. 1. Д. 8149.
3. Архив МВД по ЧР. Ф. 134. Оп. 1. Д. 9.
4. Впервые главой Интерпола стала женщина // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2012. № 12. С. 49.
5. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 107. Оп. 1. Д. 1.
6. Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее – ГИА ЧР). Ф. 599. Оп. 1. Д. 589.
7. ГИА ЧР. Ф. 599. Оп. 2. Д. 3.
8. История чувашской милиции. Чебоксары: Новое время. 2010. 396 с.
9. Рудяк И.В. Особенности профессиональной Я-концепции женщин – сотрудников органов внутренних дел на разных этапах профессионализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 12-2. С. 381.

References

1. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoy Respublike. Fond 107. Opis' 1. Dokument 1* [Archive of the Chuvash Republic Internal Affairs Ministry. Archives 107. Anagraph 1. Document 1].
2. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoy Respublike. Fond 128. Opis' 1. Dokument 8149* [Archive of the Chuvash Republic Internal Affairs Ministry. Archives 128. Anagraph 1. Document 8149].
3. *Arkhiv Ministerstva vnutrennikh del po Chuvashskoy Respublike. Fond 134. Opis' 1. Dokument 9* [Archive of the Chuvash Republic Internal Affairs Ministry. Archives 134. Anagraph 1. Document 9].
4. *Vpervye glavoy Interpol'a stala zhenshchina* [First time the woman became a head of Interpol's]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy* [Statements of the correctional system], 2012, no. 12, p. 49.
5. *Gosudarstvennyy arkhiv sovremennoy istorii Chuvashskoy Respubliki. Fond 107. Opis' 1. Dokument 1* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 107. Anagraph 1. Document 1].
6. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki. Fond 599. Opis' 1. Dokument 589* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 599. Anagraph 1. Document 589].
7. *Gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv Chuvashskoy Respubliki. Fond 599. Opis' 2. Dokument 3* [State Historical Archives of the Chuvash Republic. Archives 599. Anagraph 2. Document 3].
8. *Istoriya chuvashskoy militsii* [History of Chuvash policy]. Cheboksary, Novoe vremya Publ., 2010, 396 p.
9. Rudyak I.V. *Osobennosti professional'noy Ya-kontseptsii zhenshchin – sotrudnikov organov vnutrennikh del na raznykh etapakh professionalizatsii* [Features of professional women's I-concept – police officers at different stages of professionalization]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of Liberal Arts and Sciences], 2013, no. 12-2, p. 381.

ИВАНОВ НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Ivanov.N.V58@mail.ru).

IVANOV NIKOLAY – candidate of historical sciences, assistant professor of Civil Legal Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94(282.247.36)08

ББК 63.3

М.А. КОЛОМЕЙЦЕВА, А.Н. КОМАНДЖАЕВ

**КРЕСТЬЯНСКИЕ НАРОДНЫЕ ШКОЛЫ В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

Ключевые слова: Область войска Донского, донское крестьянство, образование, сельская школа.

Статья посвящена изучению развития крестьянских школ на Дону во второй половине XIX в. Проанализированы данные обследования начальных образовательных учреждений в среде крестьянства, проведенного на Дону в 70-х гг. XIX в. Область войска Донского являлась одним крупнейших казачьих регионов страны, что определяло специфику ее правовой, производственной и социальной организации, и влияло на развитие ключевых институтов социальной жизни донского сообщества. Положение крестьянских школ было тяжелым, образование оставалось малодоступным и традиционным.

M. KOLOMEYTSEVA, A. KOMANDZHAEV

THE PEASANT SCHOOLS ON THE DON IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

Key words: The region of Don Cossacks, Don peasantry, education, country school.

Article is devoted to studying of development of country schools on Don in the second half of the XIX century. These inspections of initial educational institutions at peasants, carried out on Don in 70th of the XIX century are analyzed. The Don was one largest Cossack regions of the country that defined specifics of its legal, production and social organization, and influenced development of key institutes of social life of the Don community. Position of country schools was heavy, education remained inaccessible and traditional.

Правительственные инициативы 60–70-х гг. XIX столетия открывали перед Россией путь к построению индустриального общества; отмена крепостного права, без сомнения, является одним из ключевых событий истории. Освобождение крестьян стало платформой для прогрессивных преобразований, однако социально-правовое положение аграрного населения оставалось в рамках традиционного общества.

Социальная сфера – важнейший показатель уровня общественного развития. Образование и просвещение, здравоохранение, бытовая культура крестьянства – даже в эпоху либеральных реформ – оставались на самом низком уровне. Особое значение имело развитие системы образования, главными задачами которой должны были стать преодоление невежества и безграмотности населения, формирование морального и нравственного облика, повышение гражданской и производственной активности. Анализ исторического материала позволяет говорить о крайне медленном развитии просвещения и образования в среде крестьянства, что было связано как с неэффективной государственной политикой, слабой социальной мотивацией аграрного населением, недостаточным финансированием, особенностями развития отдельных регионов империи. Область войска Донского в пореформенный период развивалась в русле общероссийских процессов, однако отличалась спецификой, связанной с особенностями социально-правового статуса отдельных категорий населения казачьего региона.

Объектом нашего исследования является состояние крестьянских народных школ в пореформенный период. Актуальность тематики связана с тем, что сельские школы оставались основным источником получения образования для массы крестьянского населения. Положение сельской школы в системе образовательных учреждений и в настоящее время является одним из самых проблемных вопросов: это и нехватка специалистов, сокращение численности сельского населения вследствие внутренних миграций – из села в город, материально-техническое обеспечение школ, распределение финансирования между центром и регионами, внедрение в учебный процесс инноваций. Обращение к историческому опыту необходимо не только для воссоздания картины социального разви-

тия региона в целом, но и для определения парадигмы развития системы образования, переживающей период реформирования.

Проблема развития крестьянских школ в регионе остается одной из наименее изученных, основное внимание в историографии традиционно уделялось казачеству. Между тем положение казачьих и крестьянских образовательных учреждений различилось, что было связано с различиями в социально-правовом положении крестьянства и казачества, особенностями административной политики.

Основой нашей работы стали результаты обследования состояния крестьянских школ, проведенного в 70-х гг. XIX в. в связи с подготовкой к ведению на Дону земства и открытием земских школ. Автором проанализированы дела 1120 «О состоянии крестьянских школ в Области войска Донского» и 1118 «Дело об учреждении Дирекции народных училищ и сведения о числе училищ и учащихся в Области войска Донского» фонда 46 Атаманской канцелярии Государственного архива Ростовской области, а также другие материалы по истории развития образования на Дону.

Как и повсеместно в России, в сельской местности основным типом учебных заведений являлись приходские школы и сельские начальные училища, преобразованные в 80-е гг. в одноклассные училища с трехлетним курсом обучения [4. С. 225]. Начало открытия народных школ было связано с «Положением о начальных народных училищах» 1864 г. Задачами создаваемой образовательной системы должны были стать «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий и распространение первоначальных полезных знаний» [5. С. 457]. Войсковая администрация активно способствовала открытию учебных заведений в казачьих населенных пунктах, особенно находившихся в окружных станицах и наиболее заселенных местностях. В области был открыт даже ряд женских учебных заведений, содержавшихся в основном на станичный счет.

Параллельно шло открытие крестьянских сельских школ. Однако и масштабы, и темпы развития сельской школы значительно отставали. Всего в области в 1869 г. насчитывалось около 780 крестьянских поселений с численностью до 300 тыс. человек [6. С. 12]. В период с 1861 г. по 1869 г. в области было открыто около 85 крестьянских сельских школ с численностью до двух тысяч детей [2. Л. 1–97]. Главная причина медленного развития крестьянской школы – отсутствие финансирования, так как учебные заведения открывались и содержались на средства общества. Общество должно было обеспечить наличие здания для самой школы и его содержание, приобретение мебели, жилье и оплату для учителя. Кроме того, в качестве причин указывалось, что население, главным образом занимавшееся земледелием, большей частью проживало в отдалении от административных центров, где располагались школы. По данным на 1871 г. в школах, находившихся в крестьянских поселениях, обучалось около трех тысяч детей, в том числе 145 девочек [6. С. 61].

В связи с введением земства и реформированием образования в 1873 г. по поручению войскового наказного атамана был организован сбор сведений о состоянии народных – волостных и сельских школ в ОВД. Сведения собирались через мировых посредников и были дополнены отчетами дирекций. По сведениям мировых посредников, всего в 1873 г. в 7 округах области насчитывалось 123 школы, среди них – 116 сельских (волостных и слободских), в том числе 1 частная – частная школа в пос. Петропавловский Громославской волости II Донского округа. Во 2-м мировом участке Миусского округа действовали, кроме того, 6 приходских школ и 1 приходское училище в слободе Кузнецово-Михайловка. Во II Донском округе помимо сельских школ действовало Калмыцкое окружное училище в слободе Ильинская.

Распределялись школы крайне неравномерно как по округам, так и внутри них, что определялось численностью крестьянских поселений. Так, в округах с

наименьшим числом крестьян – I Донском (9 тыс. об.п.) и Черкасском (около 12 тыс. душ об.п.) действовали по 2 школы. Во II Донском (16,5 тыс.) действовали 6 сельских школ, 1 частная и Калмыцкое окружное училище. В Хоперском округе (19 тыс.) действовало 9 школ – по одной в 9 волостях. Усть-Медведицкий (29 тыс.) мировой посредник сообщал о 12 школах в 8 волостях округа. В Донецком округе (99 тыс.) на два мировых участка приходилось по 11 школ, всего – 22. Наибольшее количество учебных заведений имелось в Миусском округе (154 тыс.) [6. С. 11]: в 1-м мировом участке округа действовало 15 сельских школ в 12 волостях, во 2-м мировом участке число школ было наибольшим – 48, но размещались они крайне неравномерно. Так, в Павловской волости насчитывалось – 10 школ с общим числом учащихся 135 (в том числе – 2 девочки). Во всех остальных волостях насчитывалось 38 школ.

Большинство школ было открыто по приговорам сельских и волостных сходов и с разрешения областного по крестьянским делам присутствия. Наиболее раннее открытие школ (с 1861 г.) отмечается в Хоперском округе; 4 школы Михайловской волости Усть-Медведицкого округа существовали еще до упразднения крепостного права. Наиболее поздние школы – в Черкасском округе (с 1871 г.). Отмечались случаи, когда школы уже действовали, но еще не были утверждены правительством [2. Л. 71об., Л. 77, 79об., 81об.]. С инициативой открытия выступали отдельные инстанции (духовное ведомство) [2. Л. 50об., 57об., 62об., 65об.] либо частные лица [3. Л. 1–3].

По данным обследования, в перечисленных учебных заведениях проходили обучение 3447 детей, в том числе 205 девочек [2. Л. 1–97]. Однако сумма в три с половиной тысячи человек представляется сомнительной: в общее число вошли дети, записанные в школы, что на самом деле не обеспечивало их непосредственного присутствия. В зависимости от вместительности школы количество учеников значительно разнилось. В среднем насчитывалось до 30 учеников, однако разброс мог быть от 8–13 – до 76 человек (Донецкий округ, 1-й мировой участок). Занятия в большинстве школ проводились с ноября по март (апрель) «по совершенном окончании полевых работ и продолжается до начала оных» [2. Л.19]. В отдельных школах занятия продолжались в течение всего года, но, как отмечалось, летом число учеников сокращалось на треть. По сообщению мирового посредника 2-го участка Миусского округа, в большинстве школ округа занятия на лето прекращались, в ряде случаев занятия продолжались по окончании полевых работ в октябре-ноябре и до начала нового цикла – в марте-апреле, когда, как правило, родители забирали из школы детей старше 10 лет, а младшие школьники продолжали обучение по облегченной программе – церковное пение, священное писание, чтение.

Учителя в подавляющем большинстве – выходцы их крестьян, мещан, отставные унтер-офицеры, многие из них занимали должности при сельской администрации (чаще – писари). Упоминаются в качестве педагогов отставные коллежские регистраторы, обер-офицерский сын, губернский секретарь, отставной фельдфебель, сын есаула. Интересно, что среди учителей были и выходцы из дворян: «в слободе Гусельщиковой в школе обучением занимался по найму сельский писарь дворянин Мелдер» [2. Л. 43об.], в школе в слободе Малокирсановской учительствовал сын личного дворянина Слуцкий, имевший свидетельство на звание учителя, выданное учительским советом Ростова-на-Дону [2. Л. 75об.]. Были среди учителей и женщины: в пос. Натальевский Миусского округа учительницей в школе работала жена местного крестьянина, которая обучала детей чтению, письму и первой части арифметики. В Хоперском округе учительствовала из дворян вдовица Перегребова, окончившая курс в Воронежском пансионате [2. Л. 70, 92–94]. Большинство из обучающихся свидетельств на звание учителя не имели, из дипломированных

кадров (таковых – не более 1/6 из общего числа) – воспитанники Харьковской семинарии, окончившие курсы Донецкого окружного училища, Тверской духовной семинарии, Бахмутского духовного училища, Калмыцкого окружного училища, как правило – выходцы из казачьих семей или семей духовенства, но таковых были единицы. В преподавании Закона Божьего и Священной истории участвовали местные священники.

Все школы по донесениям мировых посредников содержались только на средства обществ. В это содержание входили расходы на отопление, освещение, текущий ремонт, оплату учителю, а также – в случае аренды помещения для школы или для учителя – внесение арендной платы. В среднем на отопление и освещение приходилось 15–20 руб. в год. Оплата учителя зависела прежде всего от благосостояния общества и могла быть различной – от 40 до 250 руб., причем не всегда пропорционально количеству учеников: 72 руб. в год. (38 учеников, учитель – мещанин без свидетельства), 112 руб. в год (40 учеников, учитель – казак, имевший свидетельство об окончании курса), 30 руб. в год (36 учеников, учитель – приходской дьяк, не имевший свидетельства), Алексеевско-Орловское волостное общество выплачивало учителю (обер-офицерский сын, свидетельства не имеет), обучавшему 32 детей, 150 руб. серебром жалования, плюс – предоставляло квартиру с отоплением и освещением; учитель Зуевской слободской школы (окончивший курс Тверской духовной семинарии сын дьяка, обучавший 44 детей) получал от общества 175 руб. серебром, в 6 школах Александровской волости плата учителям была примерно одинаковой – около 40–45 руб. при разном количестве учеников – от 10 до 35, плюс оплата квартиры с продовольствием [2. Л. 58, 68, 71об., 74, 87об., 88]. Часто оплата взималась непосредственно с родителей учеников за каждого ученика в отдельности (от 30–40 коп. – до 1 руб. в месяц с одного ученика). В одном случае оплату учителю производило частное лицо – почетный крестьянин волости, в другом – в Деркуло-Обливской волости (Донецкий округ) – учитель «Старобельского уезда Городищенской волости крестьянин Веревкин, имевший свидетельство об окончании курса в Деркуловском конном заводе...», получал жалование «от бывших владельцев есаула ... и штаб-ротмистра ... Ефремова 150 руб., а от волости – пшеницы 9 четвертей», причем это была наивысшая в районе оплата, хотя на попечении учителя находилось всего 30 учеников [2. Л. 19–22]. Сельская школа в слободе Большекрепинская Миусского округа содержалась от сельского общества на сумму 120 руб., и 150 руб. – из средств частного лица – состоятельного крестьянина из той же слободы Терятинского [2. Л. 31].

В ряде местностей на поддержание сельских школ направлялись средства местного попечительства, штрафные сборы. Приходские школы содержались за счет общественных сумм, собираемых по раскладке с прихожан церкви.

Общее состояние школ: размещение, оборудование, обеспеченность учебниками, школьными принадлежностями также сильно разнилось: положительно в отчетах дирекции была оценена школа в Крыничской слободе 1-го мирового участка Миусского округа: открытая в 1869 г., она помещалась в довольно удобном общественном доме, содержавшемся обществом. «В школе – 2 школьные доски и 2 доски для вписывания имен и фамилий прилежных и нерадивых учеников; 6 ученических столов со скамьями; учительский столик и шкаф для библиотеки, состоящий из 66 книг, в числе которых – 38 томов пожертвовано учителем этой школы. Чтение ведется по звуковой методе при помощи подвижных букв. ... По Закону Божиему знают по несколько кратких молитв и из священной истории прошли всю ветхозаветную и часть новозаветной; из арифметики пишут числа до 10.000...» [2. Л. 122об.]. Число учащихся в школе составляло в разное время от 38–48 человек, в том числе несколько девочек.

Во 2-м мировом участке того же округа отмечалась Мало-Кирсановская школа, которая располагалась в просторной комнате в одном доме с сельским правлением и была довольно обустроена: имелись 4 ученических стола со скамьями, учительский столик, классная доска и небольшой шкаф с несколькими экземплярами разных книг. Указывалось, что в судьбе школы принимал участие меценат – майор Соболевский, который при посещении ее в феврале этого года пожертвовал 50 экземпляров книг и 11 исторического содержания картин для наглядного обучения. Предметы: чтение, письмо, Закон Божий и арифметика. Читают по книжке «Родное слово», разборчиво с пониманием прочитанного, пишут с прописей хорошо и знакомы с 4 арифметическими действиями [2. Л. 123].

Другой пример – Матвеево-Курганская школа, открытая в 1867 г. Обучалось свыше 40 детей, в том числе несколько девочек. Специально для школы общество купило отдельный дом. Классную мебель составляли 5 ученических столов со скамьями, учительский столик и классная доска. Чтение велось по «звуковой методе», читают по книгам «Родное слово» Ушинского и Паульсона, толково, с пересказыванием, пишут с прописей ... и под диктовку без грубых ошибок [2. Л. 123об.]. Еще в одной школе – Зуевской – была налажена выписка для школы изданий «Грамотей», «Мирской вестник», «Семья и школа». Ученикам безвозмездно выдавались учебные книги, бумага и прочее.

Для сравнения – характеристика школ Донецкого округа. Штатный смотритель отмечал, что «помещение школ в округе большей частью – тесное, темное, иногда сырое, с воздухом затхлым и спертым, отопление не всегда исправное» Большая часть школ помещалась при волостном или сельском правлении, что было неудобно не только в физическом смысле, но и в рассмотрении вопроса нравственного воспитания: «иногда детям, – отмечает дирекция, – приходится видеть и слышать слова и картины самого возмутительного свойства» [2. Л. 121об.]. В округе имелось не более 3-4 школ. Верхне-Ольховская школа помещалась в доме учителя на самом краю слободы, на расстоянии около версты от центра. Помещение весьма неудобное, около 30 учеников проходили обучение в одной комнате с семейством хозяина, который, кроме оплаты в 30 руб. и по полмеры пшеницы с каждого ученика, никакого содержания более не получал. В округе был отмечен случай прекращения занятий по причине неотапливаемого помещения и возникшего конфликта между учителем и обществом. Обеспечение школ необходимым инвентарем в целом было очень скудным: «почти во всех школах ... мебель состоит из сколоченных досок, расположенных кругом стен, или из простых кухонных столов, обставленных скамьями» [2. Л. 116]. Однако бедственное положение школ Донецкого округа было вполне понятно. Донецкий округ был одним из традиционно крестьянских округов с наибольшим числом крестьян, живших за счет мизерных наделов и уплачивавших многочисленные платежи.

В деле развития крестьянского образования важную роль играли сплоченность общества, его самоорганизация. Так, показателен пример Кузнецовского волостного общества I Донского округа, которое сумело достичь договоренности с казачьим обществом по обучению крестьянских детей в Кузнецовском приходском казачьем училище и в виде помощи на содержание училища ежегодно уплачивало по условию с казаками 42 руб. серебром. Во II Донском округе Калмыцкое окружное училище, открытое в слободе Ильинка по согласованию с обществом, уступившим для училища место, принимало к обучению крестьянских детей без оплаты в счет пользования землей. Окончившие курс обучения могли сами учительствовать, становились сельскими писарями. Проявленная подобно Кузнецовского общества инициатива открывала доступ для крестьян к среднему образованию.

Проблемным оставалось обеспечение школьными принадлежностями, учебниками. Набор предметов были минимальны. В одном случае, в школе, где преподавал регент хора певчих, главным предметом было церковное пение.

Главным препятствием к развитию образования, таким образом, признавались отсутствие финансирования и перенесение всех тягот и ответственности на счет обществ. В результате вследствие неурожаев сельские и волостные общества заявляли о невозможности содержать школу на свои средства. Ежегодно приостанавливали работу или вовсе закрывались до десятка школ по области. Недостаточность средств объясняло наличие так называемых «фиктивных школ», когда проект получал одобрение, крестьянское присутствие утверждало открытие учебного заведения, однако по факту таковое так и не начинало свою работу. В ряде волостей школы вообще никогда не открывали по случаю несостоятельности обществ. Так, по сообщению мирового посредника Черкасского округа, «в округе, хоть и числится до 69 отдельных крестьянских поселений, но они так дробны и ... малонаселенны, что отдельных школ ... крестьяне... не в состоянии содержать собственными средствами» [2. Л. 8]. Большая часть детей в таких поселках оставалась безо всякого обучения, поскольку у родителей не было возможности отвозить детей в школу на значительные расстояния и снимать им там помещение. По сведениям мирового посредника, он неоднократно призывал крестьян к открытию школ, как к необходимому и полезному делу, но главной причиной невозможности осуществления этого он называет низкий уровень жизни: «крестьяне большей частью поселены в станичных юртах, за необмежеванием им душевых наделов, не устроились еще окончательно в своем хозяйстве, а по случаю неурожаев каждые три года едва удовлетворяют насущные свои нужды. Крестьяне вполне сочувствуют, но, будучи обременены разными денежными повинностями, с нетерпением ждут участия правительства... в пособии на открытие и содержание сельских школ» [2. Л. 8об.].

В 1875 г. работа по сбору сведений была продолжена на основании запроса из Главного управления иррегулярных войск: «... доставить... соображения о том: в каком именно размере следовало бы испросить пособие из сумм Государственного казначейства на устройство и содержание начальных училищ для крестьянского населения в Донской области». На основании этого распоряжения от имени ВНА соответствующие запросы были направлены в обе дирекции по сбору сведений:

«1. Сколько в настоящее время существует в вверенной Вам дирекции сельских крестьянских школ и в каких именно поселениях; 2. В каком размере отпускается им ... сумма на содержание одной сельской школы вообще...» [1. Л. 32–33].

Из Новочеркасской дирекции поступили следующие сведения: в подведомственных 5 округах – Черкасском, Миусском, I Донском, II Донском, Донецком в сравнении с данными 1873 года общее количество школ уменьшилось. В одном только Донецком округе были закрыты или приостановили деятельность 10 школ. Соответственно сократилось и число обучающихся с 2388 до 1898 [1. Л. 35–37]. Статистика наглядно демонстрирует нестабильное положение сельской школы, лишенной государственной поддержки. Относительно финансирования указывалось «Министерство Народного Просвещения принимает на счет Государственного Казначейства: 1... содержание Директоров и Инспекторов Народных училищ в губерниях; 2.. в учебных округах – содержатся учительские семинарии – для образования учителей в народные училища; 3... в пособие сельским школам на каждую губернию отпускается по 5000 руб., которые распределяются по представлениям Директоров народных училищ» [1. Л. 33об., 34].

По данным Усть-Медведицкой дирекции, в двух округах – Усть-Медведицком и Хоперском насчитывалось 15 школ (по данным 1873 г. – 21 школа). Дирекция отмечала, что «на содержание сельских школ из казны отпускается неодинаковая сумма, и это зависит от средств тех обществ, где существуют школы. Некоторые общества так богаты, что могут содержать школу на свои собственные средства; другим обществам отпускается их казны пособие, размер которого, смотря по средствам общества, определяется училищными советами».

При этом обе дирекции не уточняли, в каком размере средства направлялись на содержание конкретных школ.

Какие же мероприятия для улучшения работы школы предлагались в этот период?

В качестве рекомендаций указывалось: «... чтобы поставить крестьянские школы в самое удовлетворительное состояние, необходимы следующие меры: 1) назначить определенное жалование преподавателям в размере 200–300 руб. в год, и жалованье выдавать учителям от общества, а не позволять им собирать деньги или хлеб с родителей учащихся; 2) приобрести для школ необходимую мебель и снабдить их учебными пособиями; 3) ввести в употребление однообразные учебники, одобренные учебными начальствами; 4) обязать общества нанимать таких учителей, которые при хорошем поведении, имеют свидетельства от учебных ведомств на звание сельского учителя; 5) помещения для школы по возможности иметь свободное от Волостного Правления и удобное по числу учащихся; 6) обязать общества содержать в исправности школы (как относительно отопления, так и соблюдения ее в чистоте); 7) учителям крестьянских школ необходимо также предоставить также права государственной службы, какими пользуются учителя наших станичных приходских училищ, т.к. в крестьянском сословии невозможно найти учителей с надлежащей педагогической подготовкой; а из казачьего сословия, обязанного военной службой, никто не пожелает поступить на должность сельского учителя» [2. Л. 102–102об.].

Очевидно, что проблемы сельских школ предлагалось решать за счет самого населения, и без того опутанного многочисленными податями и недоимками. С учетом уровня жизни крестьянства в последней трети XIX в. становится понятно, почему крестьяне оставались «сочувствующими» делу просвещения. На Дону проблема углублялась особенностями социальной организации казачьего региона. Усть-Медведицкая дирекция признавала, что «... Войсковое Начальство, заботясь постоянно о народном образовании в крае, очень много уделяет из своих доходов для образования собственно казачьего населения, но до сих пор ничего не сделано со стороны Войска для крестьян, которые по численности своей составляют почти треть всего населения края. Крестьяне, отправляя государственные и земские повинности, наделенные, сравнительно с казаками незначительным количеством земли, поставлены в худшие жизненные условия, чем казаки, и однако станичные училища войска содержит на свой счет, а крестьянские школы на получают от Войска никакого пособия. В крестьянах заметно стремление к образованию, и если бы крестьянские школы поставлены были в такие же условия, как станичные и приходские, то, наверное, ... они переполнились бы учащимися» [2. Л. 103об.–104].

В качестве практической меры Усть-Медведицкая дирекция предлагала организовать подготовку учителей из крестьян на базе окружных училищ с отнесением расходов на войсковой счет. Кроме того, низкий уровень оплаты предлагалось компенсировать освобождением учителей от некоторых личных повинностей [2. Л. 103, 103об.–104]. Вторая дирекция – Новочеркасская – делает обобщающий вывод: «на всех сельских школах, за исключением весьма

незначительным, лежит печать их бесконтрольного состояния: они, как в отношении педагогическом, так и со стороны их внешнего строя, а также и материального обеспечения, находятся в весьма неудовлетворительном состоянии: не имеется ни опытных руководителей, ни хороших наставников, ни достаточного содержания, ни приличных и удобных помещений» [2. Л. 115].

Общий вывод по участию административных органов таков: они лишь фиксировали состояние школ, однако не принимали участия в преодолении возникающих в сфере проблем, решение которых было переложено полностью на само население. Но если начальное образование являлось доступным, то обучение в средних учебных заведениях могли позволить только наиболее зажиточные слои крестьянства [см.: 4. С. 224–225]. Средние учебные заведения были открыты в казачьих станицах, и доступ к ним был разрешен только представителям казачьего сословия. Альтернативой являлось платное обучение. Самым тяжелым было положение массы иногородних крестьян, переселившихся на Дон в пореформенный период и не включенных в социально-правовую сферу региона. По сообщениям исследователя Савельева: «Временные поселения крестьян, хотя многие из них существуют десятки лет, разбросаны по войсковым землям во всех округах области и представляют из себя, в большинстве случаев, группы вырытых в земле или сложенных из глины хат-землянок, крытых соломой, с базами-загонами для скота из той же соломы и навоза. За исключением немногих больших и старых поселений, школ и церквей в них нет. Нет также никакого общественного управления. Санитарные условия самые убийственные. Медицинской помощи – никакой» [7. С. 55].

Таким образом, в деле просвещения крестьянство было предоставлено фактически само себе, и это касалось не только крестьян Дона. Здесь проблема углублялась в связи с сословными ограничениями и закономерностями перераспределения средств. В отсутствие государственного попечительства система образования превращалась в ряде случаев в некое подобие образования. Отнесение такой важной сферы, как образование, на местный счет являлось бесперспективным и определяло его малодоступность, традиционность и фрагментарность.

Литература

1. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 118.
2. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1120.
3. ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 1374.
4. Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / под ред. А.М. Анфимова. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1990.
5. Наш край. Документы по истории Донской области. Ростов н/Д.: Рост. кн. изд-во, 1963.
6. Памятная книжка Области Войска Донского на 1871. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1871.
7. Савельев Е. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьем: историко-статистический очерк. Новочеркасск, 1917.

References

1. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. Fond 46. Opis' 1. Dokument 118* [State Archive of the Rostov region. Archives 46. Anagraph 1. Document 118].
2. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. Fond 46. Opis' 1. Dokument 1120* [State Archive of the Rostov region. Archives 46. Anagraph 1. Document 1120].
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti. Fond 46. Opis' 1. Dokument 1374* [State Archive of the Rostov region. Archives 46. Anagraph 1. Document 1374].
4. *Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma. Pod redaktsiei A.M. Anfimova* [Anfimov A.M., ed. The peasantry of the North Caucasus and the Don in the period of capitalism]. Rostov-na-Donu, Rostov University Publ., 1990.
5. *Nash krai. Dokumenty po istorii Donskoi oblasti* [Our region. Documents on the history of the Don Region]. Rostov-na-Donu, Rostov Publishing House, 1963.

6. *Pamyatnaya knizhka Oblasti Voiska Donskogo na 1871* [The memorial book Don Army Region to 1871]. Novocherkassk, 1871.

7. Savel'ev E. *Krest'yanskii vopros na Donu v svyazi s kazach'im: istoriko-statisticheskii ocherk* [The peasant question in the Don Cossack in connection with: historical and statistical review]. Novo-cherkassk, 1917.

КОЛОМЕЙЦЕВА МАРИЯ АНДРЕЕВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, Донской государственной аграрный университет, Россия, Персиановский (marijaandreeva@mail.ru).

KOLOMEYTSEVA MARIYA – candidate of historical sciences, assistant professor of Philosophy and History Chair, Don State Agricultural University, Russia, Persianovskyy.

КОМАНДЖАЕВ АЛЕКСАНДР НАРМАЕВИЧ – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Калмыцкий государственный университет, Россия, Элиста.

KOMANDZHAEV ALEXANDER – doctor of historical sciences, professor, head of Russian History Chair, Kalmyk State University, Elista.

УДК 930.85

ББК 63.5

Е.В. КОНДРАТЬЕВА

ОБЩИННЫЕ ТРАДИЦИИ В ТРУДОВОЙ ВЗАИМОПОМОЩИ (чуваши и удмурты)

Ключевые слова: община, чуваши, удмурты, трудовая взаимопомощь, ниме, веме, помочь, угощение.

Исследована роль общины при проведении помочи (на примере чувашей и удмуртов). В статье на основе полевых материалов, архивных источников и опубликованных материалов рассматриваются виды трудовой взаимопомощи. К примеру, мужчины занимались строительством дома, бани, рытьем колодцев, заготовкой леса и т.д. Существуют и женские виды трудовой взаимопомощи: рубка капусты, стрижка овец, сбор хмеля, мытье дома. Община старалась вникать во все стороны жизнедеятельности своего коллектива. Основной функцией общинной организации была земельно-хозяйственная. Изучение ее обусловлено и тем, что через нее сельская община осуществляла формирование, защиту, передачу из поколения в поколение эмпирических знаний и сельскохозяйственного опыта. Именно трудовая взаимопомощь способствовала внутри-общинному обмену конкретными производственными приемами, играла заметную роль в формировании общественного мнения. Она использовалась в прошлом, но и не потеряла свою актуальность и в настоящее время.

E. KONDRATYEVA

COMMUNAL TRADITIONS IN THE WORKING MUTUAL AID (Chuvash and Udmurts)

Key words: peasant community, Chuvash, Udmurts, mutual aids – veme, nime (pomochi), treats.

The article is devoted to studying the problem of role of community in mutual aids (nime and veme) in the Chuvash and Udmurts tradition. On the basis of field data, archival sources and published materials are considered types of mutual aids. For example, men are engaged the construction of houses, baths, digging wells, logging, etc. There are womens mutual aids. It is cutting cabbage, shearing sheep, picking hops, cleaning the house. The community tried to delve into all aspects of vital activity yours team. The main function of a community organization was land and economic. The study of this function is due to the fact that the rural communities realized the formation, protection, transmission from generation to generation of empirical knowledge and agricultural practices. Mutual aids contributed intercommunity exchange of specific production methods, also played a significant role in shaping public opinion. The mutual aids has been used in the past but not lost its relevance in the present time.

На современном этапе этнографических исследований существенным является обращение к выяснению системы средств, при помощи которых реализуются формирование и передача традиций. Традиция ранее рассматривалась как выраженный в социально-организованных стереотипах группо-

вой опыт, который воспроизводится и аккумулируется в общине. Большинство традиционных праздников и обрядов не может быть понято иначе, как именно общинные традиции. Основным носителем общинных традиций являлась община, т.е. взрослые, женатые ее члены и старики. Они больше всех работали, от них же зависело и воспроизводство общины.

Община (у удмуртов *бускель*, чувашей – *пускил*, *ял-йыш*) старалась вникать во все стороны жизнедеятельности своего «коллектива». К примеру, основной функцией общинной организации была земельно-хозяйственная. Изучение этой функции обусловлено и тем, что через нее сельская община осуществляла формирование, защиту, передачу из поколения в поколение эмпирических знаний и сельскохозяйственного опыта. В тесной связи с земельно-хозяйственной функцией общины находился обряд трудовой взаимопомощи (помочь: *ниме*, *миме* у чувашей и *веме* у удмуртов), которые способствовали внутриобщинному обмену конкретными производственными приемами, играли заметную роль в формировании общественного мнения. Историческая практика показала, что функции общины, характеризующие ее как производственный коллектив, сохранялись наиболее длительно.

В этимологическом словаре В.Г. Егорова слова *ниме*, диал. *виме*, означает бесплатную общественную помощь, работу миром для односельчанина за угощение; для сравнения: туркмен., казах. *ўме*, башк., тат. *эмә* – бесплатная коллективная трудовая помощь, тур. *нимет* – благодеяние, милость. Скорее всего, это слово имеет арабское или персидское происхождение: *немат* – благодеяние, дар, милость [7. С. 140]. На эвенкийском *нимэ*, *нимэв* – прийти в гости к соседям, гостить [1. С. 394].

Согласно М.М. Громыко, существует три типа обряда трудовой взаимопомощи:

1) первый тип – поочередная помощь всем общинникам в основных сельскохозяйственных работах – пахоте, севе, жатве, вывозе навоза на паровые поля и пр.;

2) для второго типа помочей, как и для первого, характерно участие всей или почти всей соседской общины в работах, но в хозяйстве лишь одного из общинников, оказавшегося по той или иной причине в исключительно неблагоприятных условиях;

3) третий тип – помочи, затеваемые по инициативе одного хозяина. Как бы многочисленны они ни были, охватывая значительную часть крестьян своего селения и даже соседних деревень, – они с общиной как таковой не имеют прямой связи. Общинными они являются лишь генетически и по социально-психологической своей основе [4. С. 37].

В прошлом с помощью *ниме* и *веме* выполнялись самые различные виды работ: возведение хозяйственных построек, обмолот зерна, битье глиняных печей, вывозка навоза, рытье колодцев¹. В одних случаях общинники объединялись в небольшие артели из 5-6 хозяйств и поочередно выполняли друг у друга какую-нибудь работу, например, обмолот зерна. В других – большая часть односельчан помогала одному хозяину по его просьбе завершить определенный этап работы. В третьих, общинники сами принимали решение об оказании помощи кому-нибудь из общины: вдове, солдату с малыми детьми, немощным старикам или домохозяину, который тяжело заболел, потерял лошадь или погорел [12. С. 73].

¹ Полевые материалы автора (ПМА), собранные в экспедиции в Удмуртскую Республику. 2014 г. Сообщение Дмитриева Василия Петровича 1928 г. р., д. Непременная Лудзя Завьяловского района.

Кроме того, можно выделить помочи эпизодические и регулярные или сезонные и внесезонные, т.е. сезонные (регулярные), связанные с соответствующими видами сельскохозяйственных работ, и обязательные внесезонные (эпизодические), обусловленные экстремальными ситуациями (пожарами, засухой или массовым падежом скота), а также связанные со строительством дома, бани, рытьем колодцев, заготовкой леса для отдельного домохозяина.

Изучавший традиционную культуру народов Казанской губернии В.А. Сбоев писал об овинах на гумнах чувашей, совпадающих по устройству с таковыми у татар. В целях безопасности от пожаров овины «обстаиваются с той стороны, откуда дует ветер, широкими лубьями». В неразделенных семьях на гумне сооружали по два-три овина, а обмолот хлеба нередко завершали за день («часто в один день оканчивалась трех-овинная молотьба») [14. С. 44–45]. Для такой работы чуваше созывали *ниме* [9. Л. 163]. Во время обмолота детям запрещали шалить и прятаться в овине, за этим строго следили старики [10. Л. 649].

Известно, что трудовое воспитание молодого поколения не ограничивалось рамками семьи, их контакты находились под постоянным контролем старших, всех жителей селения. Иногда это выражалось в непосредственном наблюдении и участии. Например, Г.Е. Верещагин описывает участие подростков в обряде трудовой взаимопомощи: «Мальчишки и девчонки возят глину, девушки, в свою очередь, толкут глину палками, поют песни» [2. С. 24]. От членов семьи молодежь усваивала важность родственных и соседских связей, учились уважать общественное мнение и учитывать его. Иначе говоря, через активную трудовую деятельность молодое поколение осваивало социальную среду, воспринимало этнические особенности общества. Общинные традиции выражались в чувстве коллективизма и взаимной помощи.

Инициатором была община, которая принимала решение о проведении помочей в пользу какого-либо лица, нуждавшегося в коллективной поддержке. Нередко зачинщиком являлся один домохозяин. В последнем случае хозяин, затевавший помочь, обходился без согласия сельского схода и адресовался не ко всей общине, а лишь к своим родственникам, соседям. Помочь начиналась с приглашения. М.Я. Сироткин по этому поводу отмечал, что у чувашей глава помочи, сидя верхом на коне и помахая поднятым над головой древком с нацепленным на него флажком (или расшитым платком), с повязанным через плечо полотенцем, объезжал деревню и пел призывную песню.

Следом, вторя ему, ехали или шли сопровождающие:

– На помочь! На помочь!
К Энри на помочь!
Э-э! На помочь! На помочь!
К Энри мед пить!
– Пива бочка сороковая,
Меду целый басман,
Как закончим сев,
Так отправимся пить...
Идемте, ребята, идите:
И мед и пиво у него крепкие! [15. С. 19].

Идти на помочь всем приглашенным считалось необязательным, но все охотно ходили помогать друг другу, чтобы в случае необходимости можно было рассчитывать на взаимную подмогу. М.М. Громыко по этому поводу пишет: «В Казанской губернии участники помочи работают скорее из-за чести,

чтобы помочь человеку, а угощение принимают как выражение благодарности» [5. С. 60].

Следует отметить: если коллективную работу организовывал богатый односельчанин, крестьяне не могли отказаться от приглашения в силу того, что они в некоторой степени находились от него в экономической зависимости. Если же помочь устраивал бедняк, то общественное мнение общины решительно осуждало отказавшегося принять участие в ней [13. С. 175] (рис. 1).

Рис. 1. Помочь. С. Сугуты Батыревского района Чувашской Республики. 1960-е гг. Фото поступило от студентки О.В. Вазюковой (из собраний А.К. Салмина)

К устройству помочей, особенно для исполнения тяжелых работ, готовились заранее: варили пиво, закалывали скот, покупали водку для угощения. С вечера объявляли, что на следующий день собираются на помочь. Если работа продолжалась с раннего утра до вечера, то утром и в обед подавали сельчанам обычную еду. Главное угощение устраивалось вечером, по окончании работы, когда все ее участники собирались в доме хозяина на ужин, проходивший нередко как праздник с песнями и плясками. Участие в помочах во многих общинах было своеобразной этической нормой и регулировалось общественным мнением. Архивные материалы о данной традиции свидетельствуют: «Помочи разделяются на смешанные, мужские, женские и бывают нарочно установлены в праздник, когда народ освобождается от своих работ». Мужчин собирали на коллективные работы для наиболее тяжелых работ – рубки дров, возки бревен, постройки дома: они вместе ставили сруб, настилали пол и потолок, крыли крышу, поднимали стропила, перевозили готовые избы. Большим разнообразием отличались виды женской взаимопомощи: трепание льна или конопли, прядение, мытье пряжи, шитье полога, рубка капусты, стрижка овец, сбор хмеля, мытье дома [9. Л. 163]². Южные удмуртки собирали *веме* даже для ошипывания гусей и засолки капусты³ (рис. 2).

Сосватанные девушки-чувашки накануне свадьбы для шитья приданого скликали родственниц, подруг и сверстниц на девичьи помочи *хёр ними*. Интересно также, что помещение, которое девушки снимали для девичьих пиров

² ПМА, собранные в экспедиции в Удмуртскую Республику. 2014 г. Сообщение Дмитриева Василия Петровича 1928 г. р., д. Непременная Лудзя Завьяловского района.

³ ПМА, собранные в экспедиции в Удмуртскую Республику. 2014 г. Сообщение Бородиной Ольги Федоровны 1928 г. р., д. Непременная Лодзя Завьяловского района; сообщение Вегетовой Галины Степановны 1954 г. р., д. Баграш-Бигра Малопургинского района.

хёр сәри, оплачивалось обычно массовой помощью – всеми участвовавшими в празднике девицами в какой-либо сельскохозяйственной работе, чаще всего на молотье [6. С. 18].

Рис. 2. Постройка дома способом *нуме*.

Д. Нижнее Колчурино Алексеевского района Республики Татарстан. Хозяйство Георгия Рыжова. Начало 1920-х гг. Фото П.П. Хузангая [11]

Следует подчеркнуть, что обряд трудовой взаимопомощи охватывал также и духовную сферу. Например, для строительства новой *куалы* необходимо было изготовить и новый *воршудный* короб, его делали в старой *куале* старики – ближайшие родственники из одного *воршуда*, причем делали его по подобию старого и старались завершить это дело непременно в один день [3. С. 146]. Организацию данной коллективной работы, в некоторой степени, можно назвать культурно-символическим видом взаимопомощи.

С.К. Кузнецов отмечал, что на помочах приглашенные работали не очень усердно, так как считали, что это праздник, где можно было вести беседы, зачастую пустые, петь песни [8. С. 42]. Нельзя не отметить, что осознание необходимости взаимной выручки, помощи друг другу, добрососедских отношений нашло отражение и в устном творчестве народов, в частности в удмуртских пословицах, к примеру: «Без соседей жить нельзя», «К соседям во всякое время можно обратиться», «У одной головы один ум, у двух – два, а ум соседей-родственников – всем умам ум» и т.д. [12. С. 75].

Таким образом, на помочах вырабатывались, закреплялись и передавались производственные приемы и навыки, происходил обмен эмпирическими наблюдениями и знаниями. Общественное мнение на помочах выделяло лиц, наиболее успешно овладевших тем или иным приемом, осуждало и высмеивало неловкость, небрежность или неприемлемые новшества.

Литература и источники

1. Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь. Ч. 1. А–П. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. 503 с.
2. Верещагин Г.Е. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. Вотяки Сосновского края / отв. за вып. Г.А. Никитина. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1995. 265 с.
3. Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
4. Громыко М.М. Обычай помочей у русских крестьян в XIX в. (К проблеме комплексного исследования трудовых традиций) // Советская этнография. 1981. № 4. С. 26–38.
5. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 276 с.

6. Денисова Н.П. Общинные традиции в хозяйственно-бытовой жизни чувашского крестьянства (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вопросы традиционной и современной культуры и быта чувашского народа / ЧНИИ. Чебоксары, 1984. С. 3–38.
7. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 357 с.
8. Кузнецов С.К. Общинные порядки у вотяков Мамадышского уезда Казанской губернии // Этнографическое обозрение. 1904. № 4. С. 24–49.
9. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 158. Л. 163.
10. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. Л. 649.
11. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Т. 587.
12. Никитина Г.А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1997. 136 с.
13. Никитина Г.А. Община // Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. С. 165–185.
14. Сбоев В.А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. М.: Тип. С. Орлова, 1865. 188 с.
15. Сироткин М.Я. Чувашский фольклор: очерк устно-поэтического народного творчества. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. 132 с.

References

1. Boldyrev B.V. *Evenkiisko-russkii slovar'. Ch. 1. A–P* [Evenki-Russian dictionary. Part. I. A–P], Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2000. 503 p.
2. Vereshchagin G.E. *Sobranie sochineniy: v 6 tomakh. Tom 1: Votyaki Sosnovskogo kraja* [Works: in 6 vol. Vol. 1: Votyaks of Sosnowski edge], Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ., 1995. 265 p.
3. Vladikin V.E. *Religiozno-mifologicheskaya kartina mira udmurtov* [Religious and mythological world view of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1994. 384 p.
4. Gromyko M.M. *Obychai pomochei u russkikh krest'yan v XIX v. (K probleme kompleksnogo issledovaniya trudovykh traditsii)* [The custom of the mutual aids from Russian peasants in the XIX century. (For a comprehensive study of the problem of labor traditions)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography], 1981, no. 4. pp. 26–38.
5. Gromyko M.M. *Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya russkikh krest'yan XIX v.* [Traditional norms of behavior and forms of communication of the Russian peasants of the XIX century]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 276 p.
6. Denisova N.P. *Obshchinnye traditsii v khoziaistvenno-bytovoii zhizni chuvashskogo krest'yanstva (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Communal tradition of household life of the Chuvash peasantry (the second half of XIX – early XX century)]. *Voprosy traditsionnoi i sovremennoi kul'tury i byta chuvashskogo naroda* [Questions of traditional and modern culture and life of the Chuvash people]. Cheboksary, 1984. pp. 3–38.
7. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964. 357 p.
8. Kuznetsov S.K. *Obshchinnye poryadki u votyakov Mamadyshskogo uезда Kazanskoii gubernii* [The community orders of the Votyaks in Mamadyshsky County Kazan province]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1904, no. 4, pp. 24–49.
9. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 158. List 163* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 158. P. 163].
10. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 177. List 649* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 177. P. 649].
11. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel VIII. Tom 587* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives III. Vol. 587].
12. Nikitina G.A. *Narodnaya pedagogika udmurtov* [Folk pedagogy of the Udmurts]. Izhevsk, Udmurtiya Publ., 1997, 136 p.
13. Nikitina G.A. *Obshchina* [Community] *Udmurty: istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Udmurts: historical and ethnographic essays]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature Publ., 1993, pp. 165–185.
14. Sboev V.A. *Chuvashi v bytovom, istoricheskom i religioznom otnosheniyakh* [Chuvash in the domestic, historical and religious relations]. Moscow, Tip. S. Orlova Publ., 1865. 188 p.
15. Sirotkin M.Ya. *Chuvashskii fol'klor: ocherk ustno-poeticheskogo narodnogo tvorchestva* [The Chuvash folklore: an essay of the oral poetic folk art]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1965. 132 p.

КОНДРАТЬЕВА ЕКАТЕРИНА ВАЛЕРЬЕВНА – аспирантка, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (kateruk1991@mail.ru).
 KONDRATYEVA EKATERINA – post-graduate student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of Russian Academy of Sciences, Russia, St.-Petersburg.

УДК 316.343-057.2]:316.356.2(470)"1970/1989"

ББК С543.121-425]:С561.51

И.Л. КОРНАКОВСКИЙ, А.Л. СМИРНОВА

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБЛИКА НОВЫХ ПОКОЛЕНИЙ РАБОЧЕГО КЛАССА РОССИИ (1970–1980-е годы)

Ключевые слова: социальный облик, рабочая молодежь, влияние семьи, социализация.

На основе социологических исследований 1970–1980-х гг. показано влияние семьи на социальный облик рабочей молодежи. Выявлена тенденция возрастания удельного веса гетерогенных семей. Значительная доля молодежи начинала свою трудовую деятельность в том же социальном качестве, что и их родители. Определяющее влияние на выбор жизненного пути молодыми рабочими оказывало не столько социальное положение матери, сколько отца. В смешанных семьях, где один из родителей был рабочим, в трех случаях из четырех рабочим был именно отец.

I. KORNAKOVSKY, A. SMIRNOVA

INFLUENCE OF FAMILY ON FORMATION OF SOCIAL SHAPE OF NEW GENERATIONS WORKING CLASS IN RUSSIA (IN THE 1970–1980th)

Key words: social shape, young workers, family influence, socialization.

The influence of a family on social shape of young workers is shown on the basis of sociological researches of the 1970–1980th. The tendency of increase of specific weight of heterogeneous families is revealed. The considerable part of the youth began working in the same social status, as their parents. The main impact on the choice of life course had the social status of the father, but not that of the mother. In the mixed families where one of parents was a worker, in three cases from four it was a father who was a worker.

Обследования 1970-х и 1980-х гг. позволяют получить ответ и на вопрос, каково социальное происхождение новых поколений рабочего класса России, а также рассмотреть, что общего и в чем различия в социальном облике выходцев из различных социальных слоев. В отечественной историографии эта проблема нашла частичное освещение в ряде трудов [1, 3–5, 7–10]. Несмотря на то, что в литературе можно считать устоявшейся точку зрения на данный показатель социальной характеристики как не влияющий на облик в целом, нам представляется не лишним проанализировать степень сближения в облике различных социальных источников пополнения рабочего класса [2. С. 40]. Признаками, которые могут быть использованы для данной цели, являются: социальное положение родителей – отца и матери отдельно, тип семьи – гомогенная (однородная) или гетерогенная (неоднородная).

В условиях социализма большое значение придавалось семье как интегрирующему фактору в процессе стирания социальных различий в обществе и укрепления социальной однородности. Об этой направленности развития семьи свидетельствуют использованные авторами данные социологических исследований рабочей молодежи 1972 и 1983–1985 гг., проведенные сотрудниками сектора историко-социологических исследований Института истории СССР АН СССР под руководством В.Е. Полетаева и И.Л. Корнаковского. Часть этих данных была опубликована в 1980 г. [6]. Большой массив информации, не вошедший в указанную монографию, а также данные обследований 1980-х гг. хранятся в личном архиве И.Л. Корнаковского.

Большинство семей родителей молодых рабочих, обследованных в 1972 г., возникли в условиях первых послевоенных лет, между 1946 и 1952 гг., а четверть в еще более ранние годы. Этим объясняется во многом тот факт, что тенденция к сближению классов и социальных слоев через семью, которая отмечалась исследователями как характерная для 1970-х гг., в 1940–1950-е гг. была лишь намечена, хотя следует подчеркнуть, что основные закономерности этого сближения проявились достаточно отчетливо (табл. 1).

Таблица 1

Распределение гомогенных (социально однородных) семей молодых рабочих, обследованных в 1972 г., %

Социальное положение родителей молодых рабочих	Пол			Уровень внутриклассовых браков (полных семей)	
	мужской	женский	выборочная совокупность	мужчины	женщины
Рабочие	66,5	59,0	62,7	80,9	90,9
Колхозники	18,4	20,2	19,4	91,3	85,0
Служащие	15,1	20,8	17,9	63,6	45,3
Итого	49,1	50,9	100,0	82,6	79,7

Примечание. Табл. 1 составлена и рассчитана по результатам обработки материалов социологического обследования рабочей молодежи СССР 1972 г. Личный архив И.Л. Корнаковского.

Как видно из табл. 1, уровень внутриклассовых браков во всех социально-классовых группах, откуда вышли обследованные в 1972 г. молодые рабочие, в те годы, когда создавались семьи их родителей, был весьма высок, хотя различия, порой довольно существенные, по полу и имели место. Так, можно сделать вывод, что в указанные годы в наибольшей степени с другими социально-классовыми группами сближались служащие, мужчины и особенно женщины. Уступали им по данному показателю представители рабочего класса. Правда, у них браки с четко выраженной социальной направленностью в большей степени склонны были заключать женщины, а не мужчины. Наименьшими темпами через брачные связи сближались с другими социальными и классовыми группами представители колхозного крестьянства. Эта тенденция уже была отмечена применительно к 1970-м гг. и, на наш взгляд, справедливо объяснена определенной территориальной обособленностью колхозного крестьянства [6. С. 174]. Причем в предшествующие 1970-м гг. периоды развития советского общества эта территориальная обособленность была еще большей. В силу этого 85% женщин и 91,3% мужчин колхозников – родителей молодых рабочих, обследованных в 1972 г., заключали браки внутри своего класса (табл. 1).

В целом по стране, по данным социологов, гомогенные семьи на конец 1980-х гг. составляли около 70% от общего числа семей. Гомогенная семья, как правило, более устойчива, гармонична, эгалитарна [11. С. 137].

По тем же данным, гетерогенные семьи составляли 30% от общего числа семей. При этом, по мнению социологов, принадлежность к различным культурным, социальным группам, различное образование, профессии нарушают гармонию и устойчивость семьи [11. С. 137]. С нашей точки зрения, обе оценочные характеристики слишком категоричны и далеко не исчерпывающи.

Материалы обследования рабочей молодежи 1972 г. фиксируют в развитии гетерогенных (неоднородных) семей следующие тенденции (табл. 2).

Таблица 2

Социально-классовая направленность брачных связей родителей молодых рабочих, обследованных в 1972 г., %

Социальное положение	Пол	Рабочие	Колхозники	Служащие
Рабочие	мужской	80,9	3,4	15,7
	женский	90,9	1,3	7,8
Колхозники	мужской	3,9	91,3	4,8
	женский	11,2	85,0	3,8
Служащие	мужской	31,3	5,2	63,6
	женский	50,4	4,3	45,3

Примечание. Табл. 2 составлена и рассчитана по результатам обработки материалов социологического обследования рабочей молодежи СССР 1972 г. Личный архив И.Л. Корнаковского.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что уже в 1940–1950-х гг. ведущим типом гетерогенных семей у молодых поколений рабочего класса можно считать семьи, где один из родителей рабочий, а другой – служащий. Так, рабочие (мужчины) в неоднородных семьях наиболее часто (15,7%), вступали в брак со служащими (женщинами). По данным эстонских социологов, к началу 1970-х гг. доля таких браков выросла до 38,5% [6. С. 174]. Кстати, обращает на себя внимание и тот факт, что в послевоенные годы женщины из рабочего класса вступали в брак со служащими почти столь же редко, как и в 1970-е гг. – соответственно 7,8% и 7,5% [6. С. 174].

Обследования, проведенные в 1983 г., подтвердили существование и развитие указанных тенденций в изменении структуры семьи. Для семей, возникших во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг., характерна меньшая социальная замкнутость (табл. 3).

Таблица 3

Распределение молодых рабочих в зависимости от типа и структуры семьи их происхождения (1983 г.)

Тип и структура семьи	Удельный вес, %	Социальное положение родителей	% к общей численности семей	% к численности семей данного типа
Гомогенная семья	50,4	рабочие	33,9	67,3
		колхозники	11,0	21,8
		служащие без специального образования	0,9	1,7
		служащие со специальным образованием	4,6	9,2
В целом по стране			50,4	100,0
Гетерогенная семья	41,3	один из родителей – рабочий	18,0	43,5
		один из родителей – колхозник	6,6	15,9
		один из родителей – служащий без специального образования	7,1	17,3
		один из родителей – служащий со специальным образованием	9,6	23,3
В целом по стране			41,3	100,0
Неполная семья	8,3	рабочие	5,0	60,4
		колхозники	1,7	19,8
		служащие без специального образования	0,8	9,9
		служащие со специальным образованием	0,8	9,9
В целом по стране			8,3	100,0

Примечание. Табл. 3 составлена и рассчитана по результатам обработки материалов социологического обследования рабочей молодежи СССР 1983 г. Личный архив И.Л. Корнаковского.

Как следует из табл. 3, за время, прошедшее между обследованиями 1972 г. и 1983 г., соотношение между гомогенными и гетерогенными семьями, из которых происходили молодые рабочие, существенно изменилось в пользу последних. Если в 1972 г. выходцами из гетерогенных семей были почти 20% (табл. 4) обследованных рабочих, то в 1983 г. их доля возросла в два раза и составила 41,3% (табл. 3). Одновременно произошли и существенные структурные сдвиги внутри разных типов семей: до 1/3 сократился удельный вес в общей численности чисто рабочих семей, из которых происходили обследованные молодые рабочие; соответственно сократился и удельный вес чисто колхозных семей (до 11%). Хотя следует отметить, что структура гомогенных семей молодых рабочих существенных изменений не претерпела – 2/3 их, как и в 1972 г., составляли рабочие семьи, 1/5 – колхозные и почти 11% – семьи служащих. Аналогичные изменения происходили и в структуре гетерогенных семей.

Отмеченная нами тенденция возрастания удельного веса гетерогенных семей в исследуемый период находит свое подтверждение и в других социологических исследованиях. Так, по материалам саратовских социологов, доля семей этого типа увеличилась в Саратове с 30,4% в 1950 г. до 48,1% в 1979 г., причем среди них доминируют браки между рабочими и представителями интеллигенции [5. С. 119]. Это свидетельствовало об интенсификации процесса сближения рабочего класса и интеллигенции по всем основным социальным показателям: культурному уровню, условиям и содержанию труда и быта, общего духовного и физического развития людей.

Не ставя перед собой задачу специального исследования социально-классовой направленности брачных связей родителей молодых рабочих 1970–1980-х гг., тем не менее, считаем необходимым отметить, что, несмотря на отчетливо выраженную тенденцию сокращения гомогенных и увеличение гетерогенных семей, вряд ли можно говорить об интегрирующей роли семьи как объективной реальности. Вместе с тем данное утверждение не означает, что наличие все увеличивавшейся численности гетерогенных семей должно находиться вне поля зрения исследователей, так как семья, однородная и неоднородная, по своему влияла на многие социальные процессы, и в первую очередь на облик молодых поколений рабочего класса, колхозного крестьянства, интеллигенции.

Особый интерес для социальной характеристики различных категорий, пополнявших в начале 1970-х гг. ряды рабочей молодежи, представляет анализ взаимосвязи между тем, откуда, из какой семьи шли молодые рабочие на производство, и тем, кем они начали свою трудовую деятельность. Как уже отмечалось, для 1972 г. характерен высокий удельный вес выходцев из однородных семей – 80,3%. В том числе 53,8% были семьями рабочих, 17,1% – крестьян и 9,4% – служащих. Остальные (19,7%) составляли выходцы из смешанных семей, среди которых в подавляющем большинстве были семьи, где один из родителей – рабочий, другой – служащий – 15,1% (табл. 4).

Таблица 4

**Распределение молодых рабочих
в зависимости от социального прошлого и типа семьи (1972 г.), %**

Кем начал свою трудовую деятельность	Тип семьи							
	однородная (гомогенная)				смешанная (гетерогенная)			
	всего	в том числе			всего	в том числе		
рабочая		колхозная	служащих	рабочая-колхозная		рабочая-служащая	служащая-колхозная	
Рабочим	80,3	55,4	15,9	9,0	19,7	3,0	15,2	1,6
Служащим	76,2	46,0	9,3	20,9	23,8	2,3	19,2	2,3
Колхозником	89,2	7,3	78,5	2,9	10,8	3,9	2,9	3,9
Выборочная совокупность	80,3	53,8	17,1	9,4	19,7	3,0	15,1	1,6

Примечание. Табл. 4 составлена и рассчитана по результатам обработки материалов социологического обследования рабочей молодежи СССР 1972 г. Личный архив И.Л. Корнаковского.

Как видно из табл. 4, значительная доля молодежи начинала свою трудовую деятельность в том же социальном качестве, что и их родители. Особенно тесная зависимость между социальным происхождением и начальным социальным статусом, в силу отмеченных уже причин, наблюдалась у тех, кто начинал свою трудовую деятельность колхозником. В меньшей степени, хотя и достаточно существенно, однородность оказывала свое влияние на выбор жизненного пути выходцев из рабочих семей. Среди тех, кто начал свой трудовой путь рабочим, более половины происходили из однородной рабочей семьи. Наименьшая зависимость между происхождением и социальным прошлым была зафиксирована у служащих.

Следует отметить, что определяющее влияние на выбор жизненного пути молодыми рабочими оказывало не столько социальное положение матери, сколько отца. В смешанных семьях, где один из родителей был рабочим, в трех случаях из четырех рабочим был именно отец.

В 1970-е гг. процесс социальной интеграции шел ускоренными темпами, что находило свое выражение в единых чертах образа жизни рабочих, колхозников и интеллигенции, который складывался и закреплялся благодаря тому, что в советском обществе становилось все меньше чисто рабочих, чисто крестьянских или чисто интеллигентских семей. Об этом свидетельствуют и данные обследований, которые были, проведены в конце 1970-х – начале 1980-х гг. Так, на московском металлургическом заводе «Серп и молот» удельный вес выходцев из однородных семей, по преимуществу рабочих и служащих, составлял 61,8%, аналогичный показатель на Чебоксарском заводе промышленных тракторов не превышал половины.

Из проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы. Каждая эпоха накладывала свой отпечаток на социальный облик новых пополнений рабочего класса. В то же время рождалась новая генерация молодых рабочих, которые, отличаясь в зависимости от поколения, разным уровнем социального развития, имели одно общее качество – высокий, для каждого из периодов, уровень общественной активности.

В исследуемый период важную роль в формировании новых пополнений рабочих играла также преемственность поколений, оказывавшая определяющее воздействие на формирование у молодежи лучших черт, присущих рабочему классу.

Для молодежи, пополнявшей рабочий класс, было характерно стремление идти в те отрасли производства, где ей предоставлялась возможность наиболее полно реализовать свой образовательный потенциал.

Уже в 1930-е гг. учащиеся начали превращаться в основной источник молодых пополнений рабочего класса. В 1970-е гг. эта тенденция стала доминирующей за счет выпускников средней школы, причем той их части, которая проходила полный цикл среднего образования как общего, так и специального (ПТУ на базе средней школы, ПТУ со средним образованием, техникумы). Появилась и такая категория молодых рабочих, которые приходили на рабочие места непосредственно из вузов.

Для исследуемых категорий молодых рабочих во все периоды развития советского общества были характерны повышенный уровень социальной активности как на производстве, так и в общественно-политической жизни, потребность в непрерывном совершенствовании своих знаний, профессионально-квалификационной подготовки, рост культурных запросов и интересов. Именно эти черты социального облика новых поколений рабочего класса представляют наибольший исследовательский интерес, поскольку в исследуемый период ему отводилась роль наиболее динамичной силы советского общества, где главным признаком человека должна была стать не классовая принадлежность, а место в общем для всех процессе формирования бесклассовой структуры общества, достижение которой, как казалось идеологам строительства коммунизма в СССР, было не за горами.

Литература

1. Аитов Н.А. Общие закономерности социальных перемещений в СССР // Некоторые проблемы социальных перемещений в СССР: труды Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе / под ред. Н.А. Аитова. Уфа, 1971. Вып. 37. С. 1–37.

2. Ефимкин М.М. Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма. Новосибирск: Наука, 1979. 158 с.

3. Клопов Э.В. Рабочий класс СССР (Тенденции развития в 60–70-е годы). М.: Мысль, 1985. 336 с.
4. Рооссон А. Изменения в составе семей Эстонии // Социологические исследования. 1984. № 1. С. 94–97.
5. Санкова К.А. Динамика социально-гетерогенных браков городского населения // Социологические исследования. 1981. № 4. С. 119–122.
6. Советский народ – строитель коммунизма / под общ. ред. Ц.А. Степаняна. М.: Наука, 1981. 533 с.
7. Социальный облик рабочей молодежи: по материалам социол. обслед. 1936 и 1972 гг. / И.Л. Корнаковский, В.Е. Полетаев и др. М.: Мысль, 1980. 301 с.
8. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / отв. ред. В.Н. Шубкин. М.: Наука, 1984. 216 с.
9. Файзуллин Ф.С. Городской образ жизни и некоторые проблемы социальных перемещений в городах // Некоторые проблемы социальных перемещений в СССР: труды Уфимского авиационного института им. Орджоникидзе / под ред. Н.А. Аитова. Уфа, 1971. Вып. 37. С. 59–70.
10. Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР (историко-социологическое исследование). М.: Мысль, 1970. 472 с.
11. Якуба Е.А. Социология. Харьков: Константа, 1996. 192 с.

References

1. Aitov N.A. *Obshchie zakonomernosti sotsial'nykh peremeshchenii v SSSR* [The general laws of social movements in the USSR]. *Trudy Ufimskogo aviatsionnogo instituta imeni Ordzhonikidze "Nekotorye problemy sotsial'nykh peremeshchenii v SSSR. Vypusk 37* [Proc. of the Ufa Aviation Institute named after Ordzhonikidze "Some problems of social movements in the USSR", vol. 37]. Ufa, 1971, pp. 1–37.
2. Efimkin M.M. *Istochniki i formy popolneniya rabochikh Zapadnoi Sibiri v usloviyakh razvitogo sotsializma* [Sources and replenish working in Western Siberia in the conditions of developed socialism]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, 158 p.
3. Klopov E.V. *Rabochii klass SSSR (Tendentsii razvitiya v 60–70-e gody)* [The working class of the USSR (Development Trends in the 60–70s)]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 336 p.
4. Roosson A. *Izmeneniya v sostave semei Estonii* [Changes in the composition of families in Estonia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1984, no. 1, p. 94–97.
5. Sankova K.A. *Dinamika sotsial'no-geterogennykh brakov gorodskogo naseleniya* [The dynamics of social and heterogeneous marriages urban]. *Sotsio-logicheskie issledovaniya* [Sociological Research], 1981, no. 4. p. 119–122.
6. *Sovetskii narod – stroitel' kommunizma, pod obshchei redaktsiei Stepanyana Ts.A.* [Stepanyana Ts.A., ed. The Soviet people – builders of communism]. Moscow, Nauka Publ., 1981, 533 p.
7. *Sotsial'nyi oblik rabochei molodezhi: po materialam sotsiol. obsled. 1936 i 1972 gody*, Kornakovskii I.L., Poletaev V.E. i drugie [Kornakovskii I.L., Poletaev V.E. et al. Social face of young workers: on materials of sociological surveys in 1936 and 1972]. Moscow, Mysl' Publ., 1980, 301 p.
8. *Trudyashchayasya molodezh': obrazovanie, professiya, mobil'nos'* [Working youth: education, profession, mobility]. Moscow, Nauka Publ., 1984. 216 p.
9. Faizullin F.S. *Gorodskoi obraz zhizni i nekotorye problemy sotsial'nykh peremeshchenii v gorodakh* [Urban lifestyle and some problems of social movements in cities]. *Trudy Ufimskogo aviatsionnogo instituta imeni Ordzhonikidze "Nekotorye problemy sotsial'nykh peremeshchenii v SSSR". Vypusk 37* [Proc. of the Ufa Aviation Institute named after Ordzhonikidze "Some problems of social movements in the USSR", vol. 37]. Ufa, 1971, p. 59–70.
10. Shkaratan O.I. *Problemy sotsial'noi struktury rabocheho klassa SSSR (istoriko-sotsiologicheskoe issledovanie)* [The problems of the social structure of the working class of the USSR (historical and sociological research)]. Moscow, Mysl' Publ., 1970, 472 p.
11. Yakuba E.A. *Sotsiologiya* [Sociology]. Kharkiv, Konstanta Publ., 1996. 192 p.

КОРНАКОВСКИЙ ИГОРЬ ЛЬВОВИЧ – кандидат исторических наук, Россия, Москва (kornakovski@mail.ru).

KORNAKOVSKY IGOR – candidate of historical sciences, Russia, Moscow.

СМИРНОВА АЛИНА ЛЕОНИДОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alinasmirnova@list.ru).

SMIRNOVA ALINA – candidate of historical sciences, associate professor of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 392:398.343
ББК Т.521(=635)

В.В. МЕДВЕДЕВ

МЕЛЬНИЦЫ В ТРАДИЦИОННОЙ ЖИЗНИ ЧУВАШЕЙ

Ключевые слова: чувашаи, ветряные мельницы, водяные мельницы, мистические представления, традиционная культура.

Наиболее распространенными видами у чувашей были ветряные и водяные мельницы для обработки зерна и перемола его в муку. Чувашаи верили в наличие на мельницах потусторонних сил, которым необходимо было приносить жертвы. Совершаемые обряды содержали животные и бескровные жертвы. Бытовали повествования о человеческих жертвоприношениях. Предпринимаемые меры защищали мельницы от поломки, прорыва запруды и прочих несчастий. Мельникам, приходившимся общаться с духами, приписывали тайные знания. Аналогичные действия встречаются в русской традиции.

V. MEDVEDEV

THE MILLS IN TRADITIONAL LIFE OF THE CHUVASH

Key words: Chuvash, windmills, watermills, mystical ideas, traditional culture.

Most common types of the Chuvash were windmills and watermills for processing for grain and milling it in to the flour. Chuvash believed that there supernatural forces in the mills, which it was necessary to offer sacrifices. Committed ceremonies contained animals and bloodless sacrifices. The existed storytelling of human sacrifice. The mills defended measures taken against breakage, breakthrough dams and other misfortunes. Millers, has to communicate with the spirits, attributed the secret knowledge. Similar actions are occur in the Russian tradition.

Известно, что перед употреблением зерновых культур в пищу проводится их обработка. Для этого чувашаи использовали *килĕ* «ступы» и деревянные или каменные жернова, перемалывающие зерно и крупу. Для нужд поселения и окрестностей строили *арман* «мельницы». Слово *арман* возникло от *авĕр* «вертеть», «крутить», «вращать» и аффикса *-ман* [3. С. 32]. Несмотря на то, что мельницы принадлежали отдельным семьям и имели владельцев, они служили местами всеобщего пользования [7. Л. 187].

Н.И. Ашмариним выделены различные виды мельниц: *ал-арманĕ*, *аларман* «ручная мельница», *шыĕ арманĕ*, *шыĕ арман* «водяная мельница», *шил арманĕ*, *шил арман* «ветряная мельница», *кĕрпе арманĕ* «круподерка», *паша арманĕ*, *вут арманĕ* «паровая мельница» [1. С. 6].

Ручными мельницами мололи в домашних условиях. Водяные мельницы зависели от движения воды, их ставили в запрудах, у реки. Движение ветра вращало крылья ветрянок, которые для них были обязательными.

Ветряные мельницы были характерны для юго-восточной территории Чувашии, так как здесь невелики речные ресурсы [10. С. 240]. Подробное описание их технического устройства составлено Н.В. Никольским [8. С. 108–109].

Мельницу *шил арман* строили, поставив сруб, «от земли аршина в четыре», «на четырёхугольный сруб сажени в три сажается восьмиугольный сруб, а на верх крыша. Сверху, поперек восьмиугольного сруба кладется вал, у которого один конец выступает наружу – длиною в аршин и в этот конец втыкаются крылья» [7. Л. 39–40]. Ветряные мельницы обеспечивали четырьмя или шестью крыльями. С противоположной стороны крыши, напротив крыльев, закрепляли три бревна, концы которых соединялись. Они служили рычагом для вращения мельницы к ветряной стороне [7. Л. 39–40].

Нижняя часть мельницы служила амбаром для зерна либо муки. Все ветрянки имели четное количество вращавших их крыльев: четыре, шесть, восемь, десять. Они приводили в движение вал, на котором держалось колесо с зубцами. Зубцы вращали шестеренку на верхнем конце веретена. Нижний

конец был вставлен в порхлицу. Зерно засыпали в ковш, пересыпающий его под жернов, смлотую муку отправляли в лари [1. С. 8].

Для мельницы *шыв арман* был необходим водоем. Движение такой мельницы зависело от водяного колеса, имевшего два обода, с закреплёнными на расстоянии досками. С внутренней стороны их подбивали, создавая ящики для подачи воды. По сбитому каналу вода попадала на колесо, наполняла ящики и приводила его в движение. Оно, в свою очередь, вращало колесо с палицами и шестерни с жерновами [8. С. 109]. Канал обеспечивал непрерывную подачу воды [2. С. 178].

Водяные мельницы у чувашей были более распространены. В Башкортостане они встречались во многих крупных чувашских поселениях. Например, по притокам р. Меселька действовали пять водяных мельниц. Помимо них в с. Месели была ветрянка. В д. Таштамак (ныне Аургазинского района) к 1905 г. работали четыре мельницы. Располагались они по рекам Турсагали и Каран-Елга. Владельцами были Юнус, Василий, Захар и Иван, имевший еще молотилку, приводимую в движение водой. Старожилы с. Чуваш-Карамалы вспоминают водяные мельницы р. Кармалка. До 1970 г. работали восемь мельниц. Помнят имена мельников Ивана Васильева, Николая Васильева, семью Стришенко (Струщенко)¹.

У чувашей с мельницами связаны мистические представления. Наиболее жуткими были устные повествования о водяных мельницах. При частом прорыве плотины мельники якобы крали маленьких детей, подкармливали их в течение определенного времени, а затем «сажали» в воду. При этом узнавали, будет ли ребенок «держаться» мельницу. Получив удовлетворительный ответ, его топили живым. Ребенка старались «посадить в воду» у основания плотины [6. Л. 80]. Легенды о человеческих жертвоприношениях среди чувашей не находят подтверждений историческими фактами. В конце концов, такие нарративы растворились во времени, на смену им пришли обряды, согласно которым при закладке мельниц в фундаменты «сажали» уже животных [9. С. 481].

Согласно народным поверьям, мельницы строили злые силы, мельники были людьми, общавшимися с ними и знавшими особые заклинания. Новая мельница не будет работать, пока не совершено человеческое жертвоприношение. Согласно легенде, на р. Цивиль под некоторыми мельницами жили злые духи *Вутӑш*. Если весной, летом и осенью в определенное время не приносили им жертву, то они прорывали мельничную плотину. Потусторонняя сила, якобы обитавшая на мельнице, выходила по ночам, перемалывала зерно. В это время духов можно было увидеть [1. С. 6–10].

Помимо животных жертвоприношений при постройке мельницы совершали жертву кашей. Для предотвращения прорыва запруды поверх воды протягивали три нити. При ремонте прорвавшегося пруда следовало уложить воз хвороста, затем стебли хмеля, засыпать землей и установить рябиновый крест. Процедура была рассчитана на предотвращение прорыва воды и улучшение работы водяной мельницы [9. С. 546–547].

Жертву приносили и в русской традиции. Рассказывали, что в омут стлывали запоздалых путников или опускали убитое животное. Впоследствии жертву составляли мука, разведенная водой в хлебной посуде, крошки хлеба, по праздникам – водка [5. С. 96]. Действия должны были защитить мельницу от поломки и задобрить хозяина воды, «ответственного» за плотину.

Животные черной масти, водившиеся в хозяйстве при мельнице, русскими считались наилучшим даром водяному. Совершаемые жертвоприношения

¹ Полевой материал автора (Республика Башкортостан, Аургазинский р-н, разные поселения, 2013).

охраняли мельника от несчастного случая, при происшествии которого он мог тонуть [4. С. 124].

Богат упоминаниями о ветряных и водяных мельницах повествовательный фольклор чувашей. Так, средний сын ветра в сказке «Дети ветра» ломает крылья ветрянок. Аналогичное повествование о нем ведется в сказке «Что сильнее всего на свете». В мельничную запруду Васyleй, герой «Нужды», опрокидывает ведро с солодом для пива [11. С. 42, 111, 120].

Таким образом, ветряные и водяные мельницы были неотъемлемой частью традиционного хозяйства. О роли мельницы косвенно свидетельствуют упоминание в фольклоре и отношении чувашей к постройке. Зависимость и страх перед потусторонними силами, проживавшими на мельнице либо в мельничном пруду, общение мельника с ними, а также совершаемые обряды, говорят о почтительном отношении чувашей к мельницам.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 1–2. 584 с.
2. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чебоксарская тип. № 1, 2000. Т. 17. 440 с.
3. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. 356 с.
4. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. 511 с.
5. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Этнографическое Бюро князя В.Н. Тенишева, 1903. 529 с.
6. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 167 – Никольский Н.В. Этнография. 1903–1910 гг. (474 л.).
7. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. – Никольский Н.В. Этнография. Фольклор. 1908–1910 гг. (695 л.).
8. Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. 226 с.
9. Салмин А.К. Система религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. 654 с.
10. Чувашки: этнографическое исследование. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1956. Ч. 1. 416 с.
11. Чувашские сказки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1984. 160 с.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary Chuvash language]. Cheboksary, Russika Publ., 1994. Vol. 1–2. 584 p.
2. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Dictionary Chuvash language]. Cheboksary, 2000. Vol. 17. 440 p.
3. Egorov V.G. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [Etymological dictionary Chuvash language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1964, 356 p.
4. Zelenin D.K. *Vostochnoslavjanskaya etnografiya* [Eastern Slavic ethnography]. Moscow, Nauka Publ., 1991. 511 p.
5. Maksimov S.V. *Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila* [Unclean, unknown and power of the Cross]. St. Petersburg, 1903. 529 p.
6. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 167. – Nikol'skii N.V. Etnografiya. 1903–1910 gody* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 167 – Nikol'skii N.V. Ethnography. 1903–1910].
7. *Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk. Otdel I. Edinitsa khraneniya 174 – Nikol'skii N.V. Etnografiya. Fol'klor. 1908–1910 gody* [Scientific archive of the Chuvash State Institute of Humanities. Archives I. Storing Unite 174 – Nikol'skii N.V. Ethnography. Folklore. 1908–1910].
8. Nikol'skii N.V. *Kratkii kurs etnografii Chuvash* [A short course of ethnography Chuvashia]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1928. 226 p.
9. Salmin A.K. *Sistema religii chuvashai* [System Chuvash religion]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 654 p.
10. *Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie* [Chuvash: ethnographic research]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1956. Part 1. 416 p.
11. *Chuvashskie skazki* [Chuvash tale]. Cheboksary, Chuvashia Publishing House, 1984. 160 p.

МЕДВЕДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат исторических наук, заведующий кабинетом истории, Институт истории и филологии, Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, Россия, Магнитогорск (vlad.etno@mail.ru).

MEDVEDEV VLADISLAV – candidate of historical sciences, manager of a history office, Institute of History and Philology, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Russia, Magnitogorsk.

УДК 572.9:930
ББК Т500г(2)

Н.Е. ОСИПОВ

К ВОПРОСУ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ЭТНОСОВ

Ключевые слова: исторический процесс, семья, род, племя, этнос, народность, нация и национальность, государство, примордиализм, конструктивизм, социальная технология, жизненные силы.

Целью статьи является теоретический анализ причин и условий исторического возникновения этнических общностей как важных субъектов исторического процесса. Актуальность данной работы определяется тем, что этнические процессы играют огромную роль в жизни современного человечества, поэтому необходимо осмыслить эти процессы с целью возможного уменьшения негативных последствий. Автор делает следующие выводы: 1) если в прошлом образование этносов в основном зависело от материальных условий жизни социальных групп, то в настоящее время оно определяется действием социально-политических факторов; 2) в современных условиях нации и национальности возникают прежде всего в результате действий социально-политических причин; 3) важная роль в этнических движениях принадлежит субъективному фактору; 4) в научной литературе все большую популярность приобретает конструктивистский подход в осмыслении сущности этнических явлений.

N. OSIPOV

ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE FORMATION OF ETHNIC

Key words: historical process, family, clan, tribe, ethnicity, nationality, nation, nationality, state, primordialism, constructivism, social technology, the life force.

The purpose of this paper is a theoretical analysis of the causes and conditions of the historical ethnic communities as important actors in the historical process. The topicality of this work is determined by the fact that ethnic processes play an important role in the life of modern mankind, so you need to understand these processes with a view to possibly reduce its negative effects. The author makes the following conclusions: 1) if in the past the formation of ethnic groups mainly depended on the material conditions of social groups that are currently defined by the action of social and political factors; 2) as a result of modern processes in the world of action socio-political reasons, lead to the formation in many regions of the world the highest form of ethnicity – nations and nationalities; 3) substantiates the idea that an important role in the ethnic movements belongs subjective factor; 4) in this regard, it is shown that in the scientific literature becoming increasingly popular constructivist approach in understanding the essence of ethnic phenomena.

Исторически первой, исходной общностью людей, давшей начало всем остальным большим и малым социальным группам, была семья. Она является базовой ячейкой общества. Ее основной социальной функцией выступает функция по воспроизводству человеческого рода – рождение и воспитание детей. Семья также выполняет функцию связи поколений и, следовательно, поддержания преемственности в развитии общества. На протяжении тысячелетий человеческой истории эти функции реализовались через различные типы семьи. Определенный тип семьи в основном зависит от материальных условий бытия людей, прежде всего, от природных условий, уровня и характера производства материальных благ.

В первобытном обществе семья объединяла ее членов в силу кровнородственных связей, в основе которых был союз между мужчиной и женщиной. Тогда же из нескольких семей возникала и исторически первая форма этнической общности – род. Род представляет собой социально-производственную ячейку первобытного общества. Более крупной этнической общностью являлось племя, объединявшее несколько родов, которые, сохраняя относительную самостоятельность, тем не менее имели общих предков и, следовательно, сохраняли между собой, пусть и отдаленную, кровнородственную связь. Самостоятельность рода внутри племени основывалась на его хозяйственной функции. Другие же цели и задачи жизнедеятельности передавались племенным, надродовым органам.

В процессе исторического развития общества объединение нескольких племен образует еще одну этническую общность – народность. В ней кровно-родственные связи отступают на задний план и преобладают хозяйственные отношения между людьми, проживающими по соседству на общей территории достаточно длительное время. Некоторые народности, например греки, итальянцы, болгары и ряд других, образовались в результате объединения не только нескольких племен, но и разных рас. Этот факт отличал еще Г.В.Ф. Гегель. Так, греки и римляне возникли в результате слияния европейцев, африканцев и выходцев из Азии. Это лишний раз свидетельствует о том, что при формировании народности как этноса кровнородственные связи не играют почти никакой роли, и она является, скорее, социально-этнической общностью. Преобладающим типом хозяйственной деятельности в рамках народности выступает натуральное производство. Поэтому здесь нет еще такой экономической целостности, как это характерно для более развитой формы этнической общности – нации. Народность можно определить как исторически возникшую социально-этническую общность людей, имеющую свой язык, территорию, общность культуры и хозяйственных связей [2. С. 244–294].

Для феодализма характерной формой этнического объединения людей была народность. С возникновением и расширением товарно-денежных отношений в Западной Европе Нового времени там складывается исторически новая форма этнической общности – национальная. Капитализм универсализирует экономические связи между различными регионами, в результате стираются политические и экономические барьеры между народностями; создаются общие условия бытия людей, что, отражаясь в сознании людей, формирует общую культуру и язык в границах единых государств. В итоге слияния многих народностей складываются нации. Нации присущи общность культуры, единый язык, в котором в лучшем случае сохраняются лишь диалекты. Культура представлена в особенностях образа жизни, характере народа, искусстве, национальной психологии, обычаях, традициях и т.д. На этой основе формируется национальное самосознание народа как осознание им своей принадлежности к политико-экономической и культурной общности. Это сплачивает граждан национального государства благодаря не только объективным, но и ментально-психологическим факторам их социального бытия [4. С. 405–416]. На основании вышесказанного можно дать следующее краткое определение понятия «нация»: нация – это исторически возникшая устойчивая форма общности людей, основанная на определенной территории, единой экономике, языке, культуре, выраженных в особенностях менталитета народа.

В научной литературе сложились два различных подхода в понимании происхождения и сущности нации и национальной идентичности. (Под идентичностью имеется в виду осознание человеком своей принадлежности к определенной общности; в данном случае к национальности, которую он считает и воспринимает как свою). Первая трактовка нации возникает по времени еще в XIX в., она получила название примордиализма. Согласно ему, нации – это результат естественно исторического развития общества. При этом людей объединяет общее происхождение, закрепленное в расовой принадлежности на уровне общего генотипа. В процессе исторической эволюции у определенного народа стихийно складываются общая культура и язык как «душа культуры». Культура же реально представляет собой систему норм, общения, ценностей, определяющих отношения человека к природному и социальному миру, традиции и т.п., характеризующие в целом образ жизни народа. Ценности культуры, которые усваивает отдельный человек в процессе социализации, задают ему своего рода общую программу поведения.

Вторая трактовка нации и национальной идентичности формируется позже – уже в XX в., ее можно назвать культурологической или конструктивистской. Одним из факторов выдвижения данной концепции стало осмысление теоретиками такого массового и масштабного явления, как национально-освободительное движение в мире, в ходе которого рухнули колониальные системы и на их месте образовалось немало «молодых» национальных государств. Конструктивизм так же, как и примордиализм, отводит определенную роль в формировании нации и национальной идентичности культуры, соглашаясь с ним в том, что этнос есть общность носителей определенной культуры. Но в отличие от примордиализма конструктивизм доказывает, что национальная идентичность как важнейший показатель национального самосознания формируется в результате целенаправленной культурной политики самого государства. И может делать это задним числом [6. С. 12–33].

Культура – это практически система мифов и верований, в которых дается интерпретация исторического пути народа. Сюда входит описание «отцов нации». Они исторические персонажи, сыгравшие ключевую роль в формировании единства народа. «Герои» – также важный элемент культурной мифологии. Это славные представители народа, чьими именами можно и нужно гордиться. Памятные даты, знаменующие значительные события истории народа, также влияют на самосознание людей. Наконец – система знаков, символизирующих общность народа. Это, например, знамена, гимны, гербы, лозунги и т.п., образно выражающие дух народа. В руках государства все это выступает действенным средством воспитания патриотизма и национального самосознания. Поэтому отмеченные элементы культуры выполняют роль социокультурной технологии. «Это все культурно-историческое наследство, которое изучается, сохраняется, транслируется с помощью специальных технологий социально-культурной деятельности: образования, праздников, церемоний, профессионального и любительского творчества, средств массовой информации. Именно на основе этих технологий формируется определенная социальная мифология, вплоть до политической идеологии» [5. С. 25].

Строго говоря, и такой аргумент примордиализма, как обращение к генотипу предков нации, подвергается сомнению со стороны конструктивистов. По их мнению, генетические исследования также зависят от политических институтов и власти, так как они заказываются, организуются и финансируются правящей элитой. Делается это для того, чтобы «рационализировать» историю народа еще до возникновения самого государства и тем самым придать легитимный характер претензиям на власть определенной части общества. Конструктивизм, тем не менее, не все способен объяснить в вопросах образования наций. Особенно это касается догосударственной истории развития этносов. Поэтому примордиализм до сих пор имеет немало сторонников в социальной философии и историографии.

Культурологический, или конструктивистский, подход в решении национальной проблематики за последнее время стал доминировать и все более стал проявлять себя в реальной политике. Часто стремление определенного этноса получить государственную самостоятельность используют в своих целях различные политики, лидеры национальных движений. Они призывают народные массы к активным действиям, вплоть до вооруженных выступлений с целью выхода из состава многонационального государства и образования своего моноэтнического самостоятельного государства. При этом очень часто национальный вопрос служит благодатной почвой для «вмешательства извне», когда некоторые страны используют его для достижения своих стратегических, внешнеполитических целей по изменению в свою пользу соотношения сил на международной арене. Это вызывает, как совсем недавно было с

Югославией и Советским Союзом, распад единых многонациональных государств, что приносит много физических и нравственно-психологических страданий их бывшим гражданам. События последних двух десятилетий конца XX – начала XXI вв. в мире показали всю разрушительную силу такого явления, как национализм. Он не всегда совпадает со стремлением определенного этноса образовать свое государство. Национализм является крайним и агрессивным выражением такого стремления. Его можно определить следующим образом: национализм – это идеология и политика, заключающаяся в пропаганде национальной исключительности, превосходства над другими национальностями и в разжигании национальной вражды.

Подводя некоторый итог вышесказанному, отметим следующее: этносы на протяжении всей истории являлись важными ее субъектами. Их формирование в далеком прошлом вначале определялось действием природных факторов бытия людей. Среди них, например, такие, как территория, состояние и качество почвы, ландшафт, климат и другие условия среды обитания [2. С. 31–34, 127–129, 178–180, 190, 197]. Да и кровнородственные связи также можно считать проявлением самой природы. Все эти факторы эволюционно фиксировались на генетическом уровне и выражались фенотипически. Следствием своеобразия природных условий жизни исторически первых этнических общностей являлся хозяйственный уклад их деятельности, что также влияло на формы объединения людей.

По мере интенсификации процесса исторического взаимодействия различных этнических общностей происходили их укрупнение и образование новых этносов. Уже в рамках древних цивилизаций сформировались народности. Они существовали и смешивались уже в условиях, например, восточных империй. В результате постепенно природно-климатические и кровнородственные факторы при генезисе новых этносов отходили на задний план; все большее значение приобретали социально-производственные, культурологические и политические причины взаимодействия народностей. Последний из перечисленных факторов имел особое значение тогда, когда какой-либо конкретный этнос начинал доминировать над другими, что делало его «ведущим» при создании им определенного политического образования [4. С. 32].

Политико-экономические факторы в этнических процессах достигают максимальной значимости в Новое время при образовании мононациональных государств в Европе и Северной Америке в условиях распространения товарно-денежных капиталистических отношений во всем мире. Тогда же складываются и колониальные системы, являвшиеся своего рода империями современности, тормозившие процесс самоопределения народов в рамках этих систем. Поэтому в данных условиях нации выступали, скорее, как социально-политические образования. Признак наличия государственности служит здесь главной характеристикой нации.

В этой связи закономерно может возникнуть вопрос о том, как соотносятся между собой такие понятия, как нация и национальность. Из сказанного выше с достаточной определенностью можно заключить, что одним из главных (субстанциональных) признаков нации является наличие у нее государства. В этом случае государство политически объединяет, как результат исторического развития, многие народности. Эти народности, получив государственное оформление, обретают относительную самостоятельность в качестве политических субъектов внутри общего федеративного государства и становятся национальностями. Их этничность при этом отступает на задний план и сохраняется, главным образом, в языке и культуре.

Так, примером данного процесса являются народы Северного Кавказа в рамках недавно исчезнувшего СССР и сегодняшней России как федеративного

государства. В данном контексте правильнее было бы говорить о том, что Кавказ не только многонационален, но и, скорее, полиэтничен. Допустим, употребляется понятие «дагестанец». Это потому, что дагестанец является гражданином России и Дагестана как национальной республики. Но в самом Дагестане проживает много этносов (народностей), среди которых даргинцы, аварцы, лакцы, лезгины и др. Строго говоря, все они не могут называться национальностями, так как не имеют статуса политической единицы в рамках Дагестана. Такое утверждение может показаться даже схоластическим в теории и неприемлемым в политической практике. Но, во-первых, оно следует из логики предыдущего дискурса и, во-вторых, обусловлено требованием определения точности понятий при социально-философском анализе рассматриваемого явления.

Практика образования многонациональных государств и их распад в XX в. ставят некоторые теоретические вопросы о роли этнических процессов во всемирной истории. С одной стороны, наличие нескольких этносов в границах одного государства является фактором, ослабляющим его целостность и прочность перед лицом «исторической стихии». Действительно, исторический опыт свидетельствует о том, что империи, в состав которых входили многие этносы, рано или поздно распадались. На их обломках возникали новые политические единицы. Это было в древности, это происходит в современных условиях.

С другой стороны, сама природа показывает нам, что важным фактором целостности и устойчивости живых систем является их разнообразие. Многообразие и разнообразие объективно составляют существенный внутренний ресурс поддержания устойчивости системы и одновременно – возможностей ее развития. Конечно, общество – это не природа, и неверно было бы проводить полную аналогию между ними. Однако социум – это тоже материальная система, в которой действуют некоторые законы материального мира. Только в отличие от природы в обществе многое зависит от субъективного фактора, т.е. сознательной деятельности людей. В случае с многоэтничностью социума это означает, что она свидетельствует о наличии в обществе объективных предпосылок умножения его «жизненных сил» [З. С. 179–186] за счет разнообразия внутренних ресурсов. Эти «жизненные силы» позволяют определенному полиэтническому государству противостоять агрессии внешних сил. Но это возможно лишь при мудрой политике субъективного фактора, т.е. правящей элиты. Согласно синергетике, особенно велика роль субъективного фактора в переломные моменты истории, когда социальная система находится в состоянии неравновесности (неустойчивости). Примерами такого рода также изобилует человеческая история.

Литература

1. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 411 с.
2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Рольф, 2001. 560 с.
3. Осипов Н.Е. Социальные технологии и исторический процесс // Свободная мысль. 2012 № 3/4. С. 179–186.
4. Тощенко Ж.П. Этнократия: История и современность. Социологические очерки. М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
5. Тульчинский Г.Л. Национальная идентичность и социально-культурные технологии её формирования // Философские науки. 2011. № 7. С. 25.
6. Шнирельман В. Ценность прошлого: этноцентристские исторические мифы, идентичность и этнополитика // Реальность этнических мифов / под ред. А. Малашенко и М.Б. Олкотт; Моск. центр Карнеги. М.: Гендальф, 2000. 99 с.

References

1. Bromlei Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays about the ethnos theory]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 411 p.
2. Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli* [The Ethnogenesis and the biosphere of Earth]. Moscow, Rol'f publ., 2001. 560 p.

3. Osipov N.E. *Sotsial'nye tekhnologii i istoricheskii protsess* [Social technologies and historical progress]. *Svobodnaya mys'* [Free thought], 2012, no. 3/4, pp. 179–186.

4. Toshchenko Zh.P. *Etnokratiya: Istoriya i sovremennost'*. *Sotsiologicheskie ocherki* [History and modernity. Sociological essays]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. 432 p.

5. Tul'chinskii G.L. *Natsional'naya identichnost' i sotsial'no-kul'turnye tekhnologii ee formirovaniya* [National identity and sociocultural technologies of its formation]. *Filosofskie nauki* [Philosophical studies], 2011, no. 7, p. 25.

6. Shnirel'man V. *Tsennost' proshlogo: etnotsentristskie istoricheskie mify, identichnost' i etnopolitika* [Value of the past: ethnocentric historical myths, identity and ethnopolitics]. *Real'nost' etnicheskikh mifov* [A. Malashenko and M.B. Olcott, eds., Reality of the ethnic myths]. Moscow, Gendal'f Publ., 2000. 99 p.

ОСИПОВ НИКОЛАЙ ЕВДОКИМОВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры философии и методологии науки, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (oper@chuvsu.ru).

OSIPOV NIKOLAY – doctor of philosophical sciences, professor of Philosophy and Methodology Science Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 930 (470.40)+27

ББК 63.3.(2) 46

А.В. ПЕТУХОВ

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Ключевые слова: христианизация народов Среднего Поволжья, история российской религиозной политики, американская историография истории Российской империи.

Раскрывается связь между «имперским поворотом» в зарубежной историографии и изучением истории Среднего Поволжья в период Российской империи в американском россиеведении. Впервые в отечественной исторической науке анализируются современные американские исследования по проблеме христианизации народов Среднего Поволжья в середине XVIII в., ее роли в истории религиозной политики Российской империи. Делается вывод о наличии в американской историографии двух подходов к данной проблеме. В работах М. Ходарковского христианизация Среднего Поволжья рассматривается в контексте российской колониальной экспансии в раннее новое время. В исследованиях П. Верта христианизация этого региона выступает в качестве отправной точки в формировании конфессиональной политики Российской империи в XIX в.

A. PETUKHOV

CHRISTIANIZATION OF THE MIDDLE VOLGA PEOPLES IN THE MID-EIGHTEENTH CENTURY IN CONTEMPORARY AMERICAN HISTORIOGRAPHY

Key words: Christianization of the Middle Volga peoples, History of Russian religious policy, American historiography of history of Russian empire.

This article discovers the link between the «imperial turn» in foreign historiography and the studying of history of the Middle Volga region in Russian empire's period in Russian studies in USA. The first time in Russian historical science the article analyzes the contemporary American researches on problem of Christianization of the Middle Volga peoples in the mid-eighteenth century and its role in the history of religious policy of Russian empire. The author concludes that there are two approaches to this problem in American historiography. In M. Khodarkovsky's works the Christianization of the Middle Volga region is discussed in the context of Russian colonial expansion in early modern period. In P. Werth's works the Christianization in that region appears as the starting point of the emerging confessional policy of the late Russian empire.

Одним из ведущих направлений американской историографии истории России последних двух десятилетий является изучение нерусских и нехристианских регионов Российской империи. Бурный рост исследований в данной сфере отражает «имперский поворот» в американской исторической нау-

ке, который начался в 1990-е гг. и продолжается и сегодня [9]. Распад Советского Союза и развитие новых государств на постсоветском пространстве придали особую актуальность изучению национальному и конфессиональному аспекту истории России, которому в период «холодной войны» уделялось сравнительно небольшое внимание.

Среднее Поволжье (в более широком плане – Волго-Камский или Волго-Уральский регион) с его сложным этническим и конфессиональным составом населения оказалось в полной мере затронуто этим исследовательским «бумом», как и многие другие национальные окраины Российской империи. Тем не менее в современной американской историографии подчеркивается уникальность положения Среднего Поволжья среди прочих нерусских регионов России. Как отмечается, этот регион был «первым имперским приобретением России», своего рода переходной зоной между землями, составлявшими ядро старой Московии, и окраинами, включенными в состав империи позднее, уже в XVIII–XIX вв. [10. С. 17]. Такое своеобразное положение Среднего Поволжья в составе России во многом было обусловлено сосуществованием здесь православных христиан, мусульман и приверженцев языческих верований на протяжении длительного исторического периода, начиная по меньшей мере с середины XVI в. В связи с этим история Среднего Поволжья вызывает интерес современных зарубежных исследователей прежде всего с точки зрения содержания и эволюции российской религиозной политики.

Массовая христианизация народов региона, проведенная под руководством Конторы новокрещенских дел (1740–1764 гг.), занимает особое место в истории религиозной политики Российского государства в Среднем Поволжье. В результате кампании по христианизации в середине XVIII в. значительная часть языческого населения Среднего Поволжья была обращена в православие. Деятельность Конторы новокрещенских дел также стала переломным моментом в истории правительственной политики в отношении мусульман, ознаменовав собой кульминацию и одновременно провал попыток по их обращению в христианство.

Цель данной статьи – проанализировать оценки христианизации народов Среднего Поволжья в середине XVIII в., представленные в работах современных американских историков.

С момента выхода в 1992 г. фундаментальной работы А. Каппелера по истории Российской многонациональной империи [2] российская религиозная политика в период раннего нового времени (XVI – XVIII вв.) рассматривается в зарубежной историографии в более широком контексте формирования российской имперской государственности. Именно этот процесс находится в центре внимания американского историка М. Ходарковского, работы которого посвящены ранним этапам строительства Российской империи на восточном направлении [7]. С его точки зрения, Среднее Поволжье в XVI – XVIII вв. представляло собой фронт (frontier) Российского государства. Согласно его определению, фронт – это «регион, который образует край заселенной или освоенной территории, политико-географическая область, лежащая за пределами интегрированного пространства политического образования» [7. С. 126]. В течение многих столетий российский восточный фронт был зоной взаимодействия разных народов и культур, кочевого и оседлого миров, которое проявлялось как в военных столкновениях и набегах, так и во взаимовыгодном развитии торговли.

Завоевание Казанского ханства в середине XVI в. положило начало длительной интеграции народов Среднего Поволжья в состав Российского госу-

дарства. Этот процесс Ходарковский представляет как тройственный. Прежде всего, конструировалась идентичность того или иного народа как колониального «Другого», он рассматривался и описывался как кардинально отличный от русских. Среди критериев различия видное место занимали религиозные верования. Одновременно происходил процесс «называния народов», формировалось представление о «шести языках», т.е. шести народах Волго-Уральского региона. Затем местное население должно было подвергнуться обрядам приведения к политической присяге и усвоения особого экономического статуса («ясачные люди»). На заключительном этапе происходило религиозное обращение, ведущее к полной перемене обычаев, а также к юридической и экономической интеграции, т.е. к завершению процесса культурной трансформации и ассимиляции «Другого» [5].

Религиозная принадлежность имела решающее значение в России XVI – XVIII вв. как основной маркер, определяющий идентичность человека. Именно православная вера отличала русского от представителей иных народов. Только в XIX в. на смену религии в качестве маркера, отделяющего русских от нерусских народов Российской империи, придет язык, что выразилось в оформлении понятия «инородцы» [3]. Поэтому миссионерство и обращение в православие народов Среднего Поволжья стали в данный период важнейшим направлением государственной политики в регионе. Этим объясняется и необычайно высокая степень участия государства в процессе христианизации, отмечаемая М. Ходарковским. Как пишет американский исследователь, «религиозное обращение в России до XIX в., когда церковь нельзя было легко отделить от государства, являлось... политико-религиозным актом, выраженным в теологических терминах» [8. С. 139]. Обращение в православие долгое время было своего рода итоговым тестом на верность государству. В XVIII в., в эпоху Просвещения, когда у России появляется своя цивилизаторская миссия, оно приобретает еще одно измерение, становясь знаком принятия в «цивилизованный мир». Обратной стороной такого не столько духовного, сколько политического характера христианизации XVI–XVIII вв. было слабое знание принявшими крещение народами Среднего Поволжья основ своей новой религии. Вплоть до XIX в., когда в регионе разворачивается миссионерская деятельность Н.И. Ильминского и его последователей, они во многом являлись христианами лишь по названию.

Придавая большое значение формальному обращению народов Среднего Поволжья в христианство, Российское государство к началу XVIII в. добились, однако, весьма скромных результатов. Ходарковский объясняет этот факт в основном двумя причинами. Во-первых, это боязнь восстаний местного населения, прежде всего мусульман края, и связанных с ними возможных внешнеполитических осложнений в виде открытого конфликта с Османской империей. Эти опасения придавали российской религиозной политике в Среднем Поволжье (в отдельные моменты весьма жестокой) примечательную гибкость и прагматизм. А. Каппелер в этой связи даже считает возможным говорить о двух традициях – прагматичной и жесткой – в истории российской политики в отношении мусульман, заложенных после завоевания Казани [4]. Во-вторых, это значительные трудности, которые испытывали центральные власти в Москве, а затем и в Санкт-Петербурге, при осуществлении контроля над чиновниками на местах. Злоупотребления воевод в Среднем Поволжье сдерживали стремление российского правительства и православной церкви к христианизации местного населения.

Ситуация меняется в начале XVIII в., когда государство переходит в наступление на мусульман и язычников региона. Ходарковский предполагает,

что ужесточение государственной политики по отношению к нехристианскому населению Среднего Поволжья было вызвано обострением отношений России с Османской империей и опасениями перед прогрессирующей исламизацией языческого населения. Период деятельности Конторы новокрещенских рассматривается им как яркий пример использования российскими властями грубой силы и карательного законодательства против нехристиан. Результаты этой деятельности историк оценивает негативно: языческое население было обращено в православие почти целиком, но только номинально; политика обращения мусульман фактически провалилась; местное население приняло активное участие в бунтах и восстаниях против правительства (Терюшевское восстание 1743–1745 г., восстание под руководством Батырши 1755–1756 г., восстание под руководством Е. Пугачева). Итак, «насилие, используемое Конторой новокрещенских дел, жалобы церковников и новокрещен друг на друга, большое число обращений при их номинальном характере, сделали очевидным, что миссионерская работа в России в середине XVIII в. была подорвана» [8. С. 136]. Выходом из этого тупика, по мнению Ходарковского, стал возврат российского правительства к традиции религиозной терпимости, произошедший при Екатерине II.

Прослеживая в своих работах ранние этапы в истории Российской империи, Ходарковский ставит вопрос о сравнении российской религиозной политики с миссионерской деятельностью европейских колониальных империй раннего нового времени в Америке. По мнению исследователя, такое сравнение выявляет глубокие различия в подходах к христианизации в России и европейских колониях в Америке. Эти различия коренятся в принципиально иных взаимоотношениях между государством и церковью в процессе христианизации. Если в России «миссии были частью совместного колониационного процесса, направляемого государством, и поэтому служили государственным интересам», то в Америке католические ордена создавали миссии как независимые институты, которые часто находились в конфликте с колониальными властями и европейскими переселенцами [6. С. 292].

Еще один американский историк, П. Верт, известный специалист по истории православия и других религиозных вероисповеданий в России, в ряде работ анализирует российскую религиозную политику в Среднем Поволжье в XVIII – начале XX вв. [1, 10, 11]. В отличие от Ходарковского Верт рассматривает данные события не с точки зрения истории становления и экспансии России как колониальной империи, а, точнее, с точки зрения истории православной церкви и становления абсолютизма в России. Он обращает внимание на то, что в XVII–XVIII вв. русская церковь, с одной стороны, все охотнее стала прибегать к насилию в отношении своих религиозных противников (в частности, раскольников), а с другой – стала испытывать усиливающееся влияние католической религиозной мысли и практики, связанной с прозелитизмом. Обращения населения Среднего Поволжья в православие, по его мнению, были, скорее, вопросом строительства абсолютистского государства и укрепления бюрократического управления центральными губерниями Российской империи, чем аспектом того процесса, который Ходарковский называет «созданием колониальной империи» [11. С. 548].

Обращаясь к роли насильственных мер в проведении христианизации в Среднем Поволжье в середине XVIII в., исследователь корректирует сложившийся в отечественной и зарубежной историографии образ этой «инициированной государством кампании миссионерского насилия» [11. С. 543]. С точки зрения Верта, насилие в период деятельности Конторы новокрещенских дел в Среднем Поволжье не столько *предшествовало* обращению в христианство,

сколько следовало за ним. Американский исследователь признает, что государство «смогло создать набор стимулов, достаточно привлекательных (хотя и спорных с точки зрения морали и церковного канона), чтобы подтянуть многих иноверцев к крещению, без использования насилия» [11. С. 566]. Верт подразделяет эти стимулы на позитивные (материальное вознаграждение, денежные выплаты, освобождение от рекрутской повинности) и негативные (рост налогового бремени и экономическое давление на иноверцев). Именно эти стимулы, сопровождаемые разрушением мечетей и священных роц анимистов, подводили иноверцев к «добровольному» принятию крещения.

Роль насильственных мер возрастала уже после обращения иноверцев в христианство. Ответственными за это насилие, по мнению Верта, были чиновники и духовенство на местах, в то время как центральные власти, напротив, стремились гарантировать добровольный характер крещений. В частности, местные чиновники использовали зависимость обращенных в христианство для различного рода злоупотреблений. В свою очередь, православное духовенство жестоко карало за «отпадение» от православия среди недавних мусульман и анимистов. Новокрещены подвергались насилию и со стороны своих бывших единоверцев, приходивших в негодование в связи с разрушением мечетей и священных роц, а также растущим экономическим давлением. Объектом насилия могло служить и православное духовенство, если оно не могло выплатить новокрещенцам причитающиеся им деньги и материальное вознаграждение за принятие крещения. В таких случаях государство охотно использовало силу для подавления беспорядков и волнений, таких, как, например, уже упоминавшееся Терюшевское восстание мордвы в Нижегородской губернии в 1743–1745 гг.

В отличие от Ходарковского Верт не оценивает номинальный характер обращения нерусского населения Среднего Поволжья в христианство в середине XVIII в. как провал российской религиозной политики. С его точки зрения, церковь рассматривала эти обращения лишь как основу для последующей христианизации новокрещенных, в долгосрочной перспективе христианизация XVIII в. все же имела большое духовное значение, о чем свидетельствует высокая религиозность части нерусского населения края уже в XIX в. При этом обращение иноверцев в христианство означало вовлечение народов Среднего Поволжья в конфессиональную структуру Российского государства. С этой точки зрения, поворот в религиозной политике, произошедший в правление Екатерины II, является логическим продолжением христианизации середины XVIII в. – оставшиеся мусульмане Среднего Поволжья также были инкорпорированы в имперскую конфессиональную структуру через создание в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания. Поэтому в контексте развития системы государственного управления в регионе даже поверхностное обращение в христианство представляло собой значительный успех российской религиозной политики.

В отличие от Ходарковского, который сравнивает христианизацию в Среднем Поволжье с миссионерской деятельностью католической церкви в Америке, Верт проводит сравнение между процессами обращения в православие народов Среднего Поволжья и униатов, оказавшихся в составе России в результате разделов Польши. Американский историк отмечает некоторое сходство двух процессов (использование военной силы и разнообразных форм принуждения, восстания местного населения против насильственного обращения в православие). В то же время Верт подчеркивает принципиальное различие: обращение униатов в православие было представлено как «воссоединение»,

произошедшее после искусственного разделения православных, в то время как в Среднем Поволжье по понятным причинам такое видение христианизации было невозможным. Отсюда Верт делает вывод об уникальном характере обращения в православие народов Среднего Поволжья [11. С. 568–569].

Анализ взглядов двух ведущих американских специалистов по российской религиозной политике раннего нового времени показывает существенные расхождения в их оценках характера и итогов христианизации народов Среднего Поволжья в середине XVIII в. Эти расхождения вызваны разными углами зрения, под которыми данные авторы рассматривают христианизацию региона. Для Ходарковского события середины XVIII в. являются завершающим моментом в процессе многовековой интеграции Среднего Поволжья как «нерусского фронта» в состав России. Деятельность Конторы новокрещенских дел и связанное с ней государственное насилие у данного автора вписываются в логику амбивалентной религиозной политики России, в который прагматизм и гибкость противоречиво сочетались с жесткими насильственными мерами по обращению в православие. Верт смотрит на те же самые события из XIX в., когда российское правительство все больше сталкивалась с проблемами управления конфессионально разнородной империей, в том числе с проблемой определения места нерусских христиан Среднего Поволжья в империи. Поэтому для него христианизация середины XVIII в. – это скорее отправная точка для исследования конфессиональной политики модернизирующейся Российской империи в XIX–XX в. В связи с этим можно сделать вывод о существовании в современной американской историографии двух подходов к анализу религиозной политики Российской империи в Среднем Поволжье в XVIII в. При первом подходе христианизация народов региона рассматривается в рамках истории российской «колониальной» или «имперской» экспансии. Необходимо отметить, что этот подход имеет в американской исторической науке давние традиции и восходит к эпохе «холодной войны». При втором подходе изучение христианизации народов Среднего Поволжья является составной частью изучения опыта Российской империи по управлению национальными и религиозными меньшинствами. Это сравнительно новое и весьма перспективное направление исследований в американском россиеведении.

С нашей точки зрения данные работы американских авторов представляют немалый интерес для отечественных историков. Они позволяют взглянуть на события середины XVIII в. не в традиционном контексте национальной истории народов Среднего Поволжья, а в более широком контексте формирования и эволюции религиозной политики Российской империи. Кроме того, они затрагивают важный и сравнительно редко поднимаемый в отечественной историографии вопрос – христианизация народов Среднего Поволжья (и народов России в целом) в контексте европейской миссионерской деятельности в новое время.

Литература

1. Верт П. Православие, инославление, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
2. Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 344 с.
3. Слокум Дж. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 502–531.
4. Kappeler A. Czarist Policy toward a Muslims of the Russian Empire // Muslim Communities Reemerge. Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia / ed. by A. Kappeler et al. Durham: Duke University Press, 1994. P. 141–156.

5. Khodarkovsky M. Ignoble Savages and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples. 1700–1917* / ed. by D. Brower and E. Lazzerini. Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 9–22.
6. Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia // *Comparative Studies in Society and History*. 1996. Vol. 38, № 2. P. 267–293.
7. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: the Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington: Indiana University Press, 2002. 290 p.
8. Khodarkovsky M. The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia // *Of Religion and Empire: Missions, Conversion and Tolerance in Tsarist Russia* / ed. by R. Geraci and M. Khodarkovsky. L.: Cornell University Press, 2001. P. 115–143.
9. Sunderland W. What is Asia to Us? Scholarship on the Tsarist «East» since the 1990s // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12, № 4. P. 817–833.
10. Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. L., 2002. 275 p.
11. Werth P. Coercion and Conversion: Violence and the Mass baptism of the Volga Peoples, 1740–55 // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2003. Vol. 4, № 3. P. 543–569.

References

1. Werth P. *Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiiskoi imperii* [Orthodoxy, non-orthodoxy, heterodoxy: sketches on the history of religious diversity in the Russian empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012, 280 p.
2. Kappeler A. *Rossiia – mnogonatsional'naya imperiya: vozniknovenie, istoriya, raspad* [Russia as multinational empire: formation, history, disintegration]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2000. 344 p.
3. Slocum J. *Kto i kogda byli «inorodtsy»? Evolyutsiya kategorii «chuzhie» v Rossiiskoi imperii* [Who, and when, were the «inorodtsy»? The Evolution of the category of «aliens» in imperial Russia]. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [Russian empire in foreign historiography. Recent works: anthology]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005, pp. 502–531.
4. Kappeler A. Czarist Policy toward a Muslims of the Russian Empire. In: A. Kappeler et al., eds. *Muslim Communities Reemerge. Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia*. Durham, Duke University Press, 1994, pp. 141–156.
5. Khodarkovsky M. Ignoble Savages and Unfaithful Subjects: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia. In: D. Brower and E. Lazzerini, eds. *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples. 1700–1917*. Bloomington, Indiana University Press, 1997, pp. 9–22.
6. Khodarkovsky M. «Not by Word Alone»: Missionary Policies and Religious Conversion in Early Modern Russia. *Comparative Studies in Society and History*, 1996, vol. 38, no. 2, pp. 267–293.
7. Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: the Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Bloomington, Indiana University Press, 2002. 290 p.
8. Khodarkovsky M. The Conversion of Non-Christians in Early Modern Russia. *Of Religion and Empire: Missions, Conversion and Tolerance in Tsarist Russia*, London, Cornell University Press, 2001, pp. 115–143.
9. Sunderland W. What is Asia to Us? Scholarship on the Tsarist «East» since the 1990s. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2011, vol. 12, no. 4, pp. 817–833.
10. Werth P. At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Ithaca – London, 2002. 275 p.
11. Werth P. Coercion and Conversion: Violence and the Mass baptism of the Volga Peoples, 1740–55. *Kritika, Explorations in Russian and Eurasian History*, 2003, vol. 4, no. 3, pp. 543–569.

ПЕТУХОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕРИАНОВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры публичного администрирования, Чебоксарский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, Чебоксары (alexpetkv@mail.ru).

PETUKHOV ALEXANDER – candidate of historical sciences, assistant professor of Public Administration Chair, Cheboksary Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Cheboksary.

УДК 39
ББК 63.5

А.К. САЛМИН

ИСТОРИЯ ЧУВАШЕЙ В ИХ ЭТНОНИМАХ

Ключевые слова: савиры, сувары, чувашы, история, этнонимы, этнография.

В статье прослеживается судьба этнонима «чувашы» в лабиринтах времени. Этноним «чуваш» прошел длинный исторический путь трансформации в виде «сепер (себер) → сывыр (сăвӑр) → савир (савар, сапир, сабир) → сувар (сувас, суван) → суваш → чăваш (t'šávaš)». Между этнонимами «савир» и «чуваш» имеется прямая связь – и в историческом, и в этимологическом планах.

A. SALMIN

A REFLECTION OF A HISTORY OF THE CHUVASHS IN THE ETHNONYMS

Key words: Savirs, Suvars, Chuvash, history, ethnonyms, ethnography.

The article deals with the transformation of the ethnonym «Chuvash» for the different historical periods. It was a long process of change from one form to another: «Seper (Seber) → Sívir (Săvăr) → Savir (Savar, Sapir, Sabir) → Suvar (Suvas, Suvan) → Suvaš → Čávaš (t'šávaš)». There is a direct connection between the ethnonyms «Savir» and «Chuvash» historically as well as etymologically.

Есть утвердившееся мнение, что предки чувашей известны как *савиры/сабиры/сувары* [66. С. 7–33; 39. С. 80, 86; 88. Р. 195–199]. Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для историко-филологических разысканий. Проблема в том, что до сих пор активно бытуют две основные версии происхождения чувашей – болгарская и суварская. Но в последние годы вторая версия набирает более достоверные черты.

Среди березовских хантов бытовали варианты названия племени в форме *сабер, сапер, сопер*. Народ и земля (страна) назывались, соответственно, *Sabertmāt* и *Saber-mi*. В Кондинской волости Тобольского уезда было поле, известное как *Sébér-jaḥ nêr* «Кладбище народа *sébér*» [83. Р. 264; 85. Р. 340; 84. Р. 302, 439]. Согласно В.Н. Чернецову, близ Березова проживал род *сёлыр*. Ханты различают *šebar-hul*, т.е. «себарскую или мансийскую рыбу». Эта же рыба имеет еще название *jogan-hul* «речная рыба» (= чуваш. *йухан пул*) [2. Р. 9; 83. Р. 265].

Термин *сипыр* как наименование этнической группы в Западной Сибири устойчиво бытовал до последнего века до н.э. Исследователи считают вполне жизнеспособной версию происхождения географического понятия «Сибирь» от этнонима племени *сибир*, которое населяло территорию южнотаежного Тоболо-Иртышья [62. С. 122]. Настало время, – писала в середине XX в. З.Я. Бояршинова, – отказаться видеть в термине «Сибирь» привнесенное извне (монголами или русскими). «Этнической группой, носившей название «сипыр» (сёвыр, сабир), были предки древних угров, вступившие в длительное и сложное взаимодействие с другими этническими элементами Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии» [12. С. 106]. З.Я. Бояршинова совершенно права, и ее взгляд не является новостью в науке. Еще П. Шафарик писал, что зауральская родина сабиров первоначально называлась Сибирь. Впоследствии это имя русские перенесли и на края, лежащие за ней, и придали ему то значение, в каком оно теперь употребляется [71. С. 262]. Г.С. Дестунис также заметил, что от названия племени, которое позднейшие авторы именовали *Sabeiroi*, вероятно, происходит наименование Сибири [16. Прим. 98]. Б. Мункачи считал, что «Сибирь», как и «Югра», «Пермь», «Вятка», «Болгар», «Муром», одновременно является и топонимом, и этнонимом [80. Р. 349–387; 20. С. 19]. В этот список, конечно, следует вписать и «Сувар» Тобольского округа. По мнению Д. Немета, эта местность до аварского нашествия была населена сабирами. Он нисколько не сомневался, что этноним *sabir, savir, sibir* происходит от слова *Sibir*. *Savir* и *sabir* являются вариантами одного и того же этнонима, из-за фонетических изменений *v* → *b* бол-

гаро-тюркская форма превратилась в тюркскую *sabir*. В подтверждение он привел аналогию в виде **tävä* → **täbä* «верблюды». Такой фонетический переход происходил, считал он, в последовательности *sapir* > *sabir* > *savar* [81. Р. 150, 153, 265; 82. Р. 81–88]. Такую же мысль высказывал Д. Моравчик [79. Р. 262]. Исследователи также советуют не отбрасывать тюркскую форму *sipir* «подмести, выбить, отправить прочь» [73. Р. 788–789]. Название *sibir* и его варианты могут означать «те, кто отбрасывает (своих врагов)» [75. Р. 54]. Оставшиеся в Тобольском крае сипыры значительно ассимилировались, но сохранили свое название вплоть до XIII–XIV вв. У хантов и манси, писал С.К. Патканов, имеются имена собственные *Saber*, *Saper*, *Soper*. Среди хантов и манси бытуют фамилии *Сабарев*, *Себуров*, *Савуров*. Кондинские остяки бывших жителей этой земли называли *sébér* и *sébér xadox* «народ *sébér*». Как сообщили этнографу Е.Г. Фёдоровой в экспедиции информанты, в далеком прошлом были люди, которых называли *сапыр*. Это – таежные жители, изначальные охотники и рыболовы [69. С. 129]. Известны и другие варианты этого древнейшего названия – *seper*, *šaper*, *šaber*, *šoper*, *saper*. Также известно, что на конец XV в. здешнее княжество называлось *Сѣбѣр* [43. С. 20–21]. Под этнонимом *сибир* подразумевается народ, известный как *сывыр* или *сыбыр* [13. С. 6]. Все они не что иное, как аналоги чувашского названия Сибири – *Сѣлѣр*. В записях А. Регули, сделанных близ Обдорска, зафиксировано название хантыйского рода *saber-mat* «народ саберов». *Сипыр ма* в значении «Сибирь» бытует в языке манси [8. С. 95]. И. Папай об этой же местности слышал как о *saber-mu* «страна саберов». С.К. Патканов писал: «Коренные жители прежней территории «Sibir» должны были, таким образом, называться сабары (*sabaren*, *saragen*, *saberen*) и жили в Туринском, Тюлинском, Тобольском и Березовском округах Тобольской губернии» [47. С. 383].

Сам экзоэтноним *савар/савир/сувар* происходит от персидского *sāvar* «всадник, наездник, умелый» [35. С. 294]. Слово состоит из двух морфем, где арийский корень *ar* имеет значение «двигаться, передвигаться» (т.е. кочевать) [65. С. 9]. В целом, *sāvar* означает «передвигающийся верхом». Притом следует учесть, что передвижение на колеснице предшествовало верховой езде. Аналогичная функция, должно быть, принадлежит морфеме *ar* в этнонимах *авар*, *булгар*, *хазар*, *кавар*. В нескольких кавказских языках (в табасаранском, агульском, рутульском, будухском, лезгинском, крызском) показатель множественного числа имеет облик *-ar/-ār*. А в хиналугском и удинском языках суффикс множественного числа представлен в варианте *-r*. Аналогично и за пределами северо-восточных кавказских языков – в черкесском, сванетском и аварском языках *-r/-l*. Однако такая же картина встречается в чувашском языке: *элĕ* «я» + *p* = *элĕр* «мы». Соответствует общетюркскому *биз* «мы» с регулярным чередованием чув. *-p* ~ общетюркск. *-z*. Ср. чув. *хĕр* ~ общетюркск. *кыз* «дочь, девушка». Эта форма в чувашском языке раньше могла встречаться чаще. Между прочим, также в тунгусских языках [17. С. 111–112].

Согласно одной из версий, этноним *сывыр/селер* возник в среде ираноязычных сакских племен, обитавших в Средней Азии с VI в. до н.э. Саки называли своих северных соседей *асабары*, что значит «всадники; несомые конями», ибо сывыры в раннем железном веке обитали в западносибирской лесостепи и находились в постоянном общении с сакскими племенами. В сасанидском войске имелись привилегированные корпуса *асавуров* (*asawira*) – в новоперсидском *sawâr/suwâr/uswâr/iswâr*, *asâwira*. Их набирали из аристократического сословия, и они составляли основную ударную силу. *Асвары* находились в постоянной боевой готовности. Так, в 32 г.х. (654 г.) эмир ал-Ахнав б. Кайса обратился к наместнику персидских шахов в Армении Базану, а также всадникам (*асавирам*) и иранцам с предложением вместе с всадниками принять ислам [5. С. 34]. Из письма ясно, что всадники *асавиры* занимали в персидском обществе привиле-

гированное положение и от их приверженности зависел успех государства. Позже под словом «асвар» понимали «храбреца». Из истории Персии также понятно, что *асавира* (*asawira*) и *асавар* (*asavar*) – грамматические варианты одного и того же слова. Поэтому следует констатировать, что форма *савары* в птолемеевской фиксации является фонетическим вариантом слова *савиры*. Такая точка зрения была высказана еще в XIX в. [23. С. 371].

Согласно еще одной версии, шугнанское слово *sawor* переводится как «болото, топь, низменное место» (ср. иранский антропоним *Савор*, в греческом произношении *Σαβώρης/Σατώρης*). Эта версия согласуется с данными обско-угорской этнографии: некоторые родовые группы хантов и манси в качестве предка и духа-покровителя почитают типичную обитательницу болот – лягушку. «Так, одна из групп сосвинских манси Нарас-махум («Болотный народ») считает своей прародительницей Нарас-най («Великую болотную женщину»), выступающую в виде лягушки» [45. С. 293]. Божество «гуннов, называемых савиры», – Кавар, князь этого племени – *Алл-Иллитвер*, среди некрещеных чувашей встречаются мужские имена *Иревли*, *Иртеш*, *Иртуш*. В армянских источниках (Иоанн Католикос и др.) встречается форма *севордик*. Народная этимология гласит, что *севордик* значит «черные дети». По поводу такой этимологии крупный знаток армянской истории, этнографии и религии К. Патканов недоумевал и признавал: «Не знаю, почему... Едва ли так» [46. С. 51].

Эти же племена арабы называли *савардийа*. Й. Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе – *Sevordik' (Magyaren)* [78. S. 428]. Д. Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*. Этноним *savardi* он отождествлял с этнонимом *savir* [82. P. 81–86; 20. С. 62–63]. Этот этноним в форме *savard* сохранился и в собственно венгерской традиции, а именно в старом личном имени *Zuard/Zoward/Zovard*. В.П. Шушарин полагал, что саварты – это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [72. С. 112, 157, 159]. Если в терминологии К. Багрянородного *саварты-асфалы* -*т* примем за условно допустимый древнетюркский аффикс множественного числа [39. С. 60], то слово *Σάβαρτοι* будет означать *саварты* + тюркский аффикс множественности + еще аффикс множественного числа *-οι* из греческого языка.

Слово *саварди* имеется и в словаре Махмуда ал-Кāшгари. Оно подается в контексте: *'ардам йимā савардū 'ажун бакū жартилур* «Люди этой эпохи утратили добродетели с уходом Правителя мира (т.е. 'Афрāсийāба)» [4. С. 773]. В данном предложении *савардū* имеет смысл «добродетель». Соответствует чувашскому слову *сав* «любить, ласкать». Эта форма также есть в словаре Махмуда ал-Кāшгари: *'ул манū савдū* «он полюбил меня» (3306) (чуваш.: *вāл мана саврē*); *билик 'арū йāгиси иāлик савār* «зачем умному человеку любить своего врага?» (6462). Таким образом, у слова *savardi* чисто чувашский корень, означающий «любить, ласкать». В армянских и арабских средневековых источниках им обозначали племя с семантическим смыслом «любящие, добродетельные». Видимо, это даже не экзоним, а эндоним.

С. Византийский в V в. писал: «*Сапиры (Σάπειρες)* – народ Понтийской области, ныне называемый через β – *сабирами (Σάβειρες)*» [89. P. 555]. В другом месте у него находим варианты *Σάπειρ* и *Σάσπειρ* [89. P. 166]. Несомненно, речь идет об одном и том же племени: *сапирах* – *савирах* – *суварах* на Кавказе. Просто византийцы произносили вместо звука *в* звук *б* (не *Византия*, а *Βυζάντιο*, не *варвар*, а *βαρβάρ*). В большинстве старых славянских заимствований из греческого языка эта буква передается звуком [v], например, *Βασίλειος* – *Василий*.

Римские, греческие, иранские, армянские, сирийские и арабские авторы писали об этом народе, искажая этноним каждый на свой лад. В древних и средневековых рукописях этноним передавался через согласные *с.в.р*, где гласные звуки восстанавливаются исходя из правил консонантизма. В сочинении Ибн-

Хордадбега, у Иосифа и подлинном документе хазарских евреев Киева так и написано – SWR [60. С. 56]. В связи с распадом в 658 г. Западно-тюркского каганата в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Эту дату следует считать переходным для этнонима *савир* на *сувар*. Должно быть, смещение произошло из-за арабско-исламской экспансии на Кавказ (см. арабские антропонимы и топонимы *Сувар*).

На языке гебров рассматриваемый этноним имел форму *sāvīr*, а тюрки называли их *s^abīr* [75. Р. 52].

Ибн-Фадлан вполне отчетливо упоминает этноним *сувар* в составе Волжской Булгарии. Отъехав с зимней стоянки, Алмуш «захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. (Они) же отказали ему. И (они) разделились на две партии» [24. С. 139]. Известно, что суваров от Алмуша увел их князь *Вырăх*: араб. *ویرغ* (*wuyrgh*, *вуйрыф*) – болгарско-суварская форма древнетюркско-общетюркского *bujiuq* (титул и должность) [41. С. 121], также *бырук*, *бурйук*. У Ибн-Фадлана «князь» означает и титул. В примечании 604 А.П. Ковалевский замечает: «Само слово... у Ибн-Фадлана означает не только царя болгар (ибо царь – тоже князь, только главный. – А.С.), но и племенных князей его царства». Эти четыре князя, представлявшие четыре основных племени – болгаров, суваров, эскэлов и барсула, присутствуют на всех официальных церемониях: они все четверо встречают посольство на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя; в другом случае, так как племена располагались на достаточном расстоянии друг от друга, ожидают их прибытия целых четыре дня (с воскресенья до четверга); на приеме у Алмуша они опять упоминаются на церемонии застолья и, заметим, именуются царями. Суварский царь и этноарх *Вырăх*, несомненно, присутствовал на этих церемониях. Кроме того, А.П. Ковалевский считал, что встреча посольства с местными князьями произошла на территории этого народа [26. С. 37]. Из контекста рукописи Ибн-Фадлана ясно, что сувары находились в южной части Булгарии. Р.Г. Фахрутдинов полагает, что Ибн-Фадлан писал о суварах, а не о сувазах [86. С. 97]. О преемственности этнонимов *савир* → *сувар* → *чуваш* писали Н.Я. Марр [34. С. 401] и А.П. Новосельцев [44. С. 97]. По мнению П. Голдена, сувары имеют (родственные) связи (to be connected) с сабирами (савирами/саварами), которые также ассоциируются с северокавказскими степями [77. Р. 235]. Прямую историческую связь между этнонимами *savar*, *savir*, *savīr*, *sabīr*, *sabar*, *suvārin*, *suvār* и мадьярским антропонимами *Szavárd*, *Szovárd*, *Zuard* видел Д. Немет. Согласно его мнению, вариант мадьярского этнонима *szavardi* также является производным от этнонима *sabīr*. А в речи современных сибирских татар произошли фонетические изменения в виде *a > i*, поэтому они вместо прежнего *sabīr* теперь произносят по общетюркским правилам *sībīr* [81. Р. 17, 131, 150, 303]. М.Р. Федотов на совокупности приводимых предпосылок утверждал историческую преемственность марийского *сувас* (*suvās*) и чувашского *чăваш* (*tʃăvaš*) [6. С. 399].

В поэме Ю. Баласагунского *Qutadyu bilig* (чув. *Хăтлă пĕлÿ* «знание, приносящее счастье», XI в.) зафиксированы арабские термины *sabīr* и *sabur* в значениях «терпеть, терпение» [41. С. 479]. В чувашском языке арабское слово сохранилось в виде *сапăр* «тихий, смиренный, кроткий». Производные значения – «миролюбивый, деликатный, снисходительный». В татарском – *сабыр*. У М. Кашгарского также говорится о наречии (т.е. племени) *сÿвārÿн*. Он же зафиксировал город *ас-Сÿвār*, расположенный вблизи *Булеār* [4. С. 409]. По поводу названия города Сувар В.В. Бартольд сделал существенную оговорку, приняв его как название племени [9. С. 66].

В рукописи марокканского географа ал-Идриси (сочинение написано в 1154 г.) говорится: «Буртасы следуют за хазарами, и нет между ними и хазарами другого народа. Они имеют деревянные дома, а также войлочные палатки. У них [есть] два города – Буртас и Сувар» [27. С. 25]. Пока оставим выяснение исторических обстоятельств и уточнение местоположений этих городов, а лишь заметим, что в 1154 г. зафиксировано название города Сувар, передающее название одноименного племени. Естественно, слово *сувар*, как и *булгар*, было в одно и то же время и названием племени, и названием города. Весьма примечателен и взгляд И. Бенцинга, который считал, что этноним *savar* (чув. *săvar*, тат. *suar*) может представлять собой результат фонетического развития этнонима *sabir* [10. С. 26]. Он связывает в единую линию этноним *săvar* и имя *Savar*, зафиксированный в 1322 г. на могильном камне в Булгарии (*Savar ivli Ağnab* «Агнаб – сын Савара»).

Чуваши-сувары как народность сформировались в Волжской Булгарии, а завершился этот процесс на правобережье Волги в X-XV вв. С начала же X в. в Волжскую Булгарию входили черемисы, вотяки, мордва и русы. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например, в Красноармейском районе имеется д. *Сулар* (в произношении – *Субар*). В числе зарегистрированных чувашских антропонимов есть такие, которые прямо указывают на этнический состав Волжской Булгарии: Булгар, Савир, Савирка, Саврик, Саврила, Чуваш, Ахван, Аварин, Авер, Хосар, Касар и др. [31].

После 922 г. *сувары* как автономный этноним исчезают из письменных источников. Тут не берем в расчет возникшие раньше и продолжающие сохраняться топонимы и нумизматические памятники. Из «Слова о погибели Русской земли» известно, что буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на великого князя Владимира (970–988 гг.) [63. С. 326]. Упомянутый здесь народ веда, располагаемый между черемисами и мордвой, несомненно, чуваш. Затем присутствует этот термин в форме Веда-Суар на карте Фра-Мауро от 1459 г. на месте нынешнего города Чебоксары [18. С. 16]. *Веда* – искаженное чувашское слово *вѣта* «средний», *Суар* означает *Сувар*. В Чувашии и ныне множество названий населенных пунктов, содержащих слово *вѣта*: *Вѣта Пукаш*, *Вѣта Упакасси*, *Вѣта ел* и т.д. Основателями населенного пункта Веда-Суар были рыбаки – предки чувашей. По поводу нынешнего названия Чебоксар – *Шупашкар* Н.Я. Марр писал: «Очевидно, этот “Шубаш-кар”, т. е. город шубашов или суваров, – тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют *Suvā’om*, т.е. чувашем» [34. С. 369]. Заметим: признавая однозначность *шупаши* и *сувары*, Н.Я. Марр одновременно указывал на переход звука *p* в *ш* в конце этнонима. Он также идентифицировал этнонимы *сувар* и *чуваши*.

Как утверждал К. Фукс, в 1469 г. впервые появляется этноним *чуваши*. В этот год хан Ибрагим провел перепись земли Казанского ханства. Согласно ей, к жителям нагорной стороны, к горным людям, причислены чуваш, черемисы, мордва, можары и тарханы. К. Фукс при этом сослался на Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Сама ссылка выглядит так: «Судз. VI. 234. Царств. кн. 772» [70. С. 4]. Однако ни в указанных местах, ни по ПСРЛ в целом упоминание чувашей под 1469 г. не зафиксировано. Видимо, К. Фукс располагал неопубликованным документом, пока нами не обнаруженным. Тем не менее есть основание именно 1469 г. считать первым письменным упоминанием чувашей. Источниками являются летописи. В них имеется запись, сделанная в 1469 г. под названием «Послал князь велики судовую рать на Казань». Это – повествование похода российских войск на Казань по Волге. Накануне и после боя московские суда останавливались «на Ирыхове острове на Волзе» [50. С. 156; 51. С. 122; 53. С. 222]. К тому же по пути из Новгорода в Казань московские войска «начевали на Чебоксари, а от Чебоксары шли день весь да и ночь ту всю шли и приидоша под Казань» [51. С. 121; 53. С. 221; 56. С. 472]. Согласно Софийской и Львов-

ской летописям, в 1470 г. русские войска под предводительством Ивана Руно также встали «на Ирыхове острове на Волге» [49. С. 168; 55. С. 281]. В Патриаршей летописи говорится о событиях 1552 г. «на Волге у Ирохова острова» [52. С. 175]. Историк В.Д. Димитриев справедливо принимал слово *Ирых* за название чувашского божества *Йёрёх*. Расположен остров *Йёрёх утравё* «остров *Йёрёх*» в 20 верстах выше Казани [18. С. 44]. Действительно, слово чисто чувашское, будь оно татарское, мы бы имели *Ирык* вместо *Ирых*. Таким образом, следует утверждать, что в 1469 г. в 20 верстах выше Казани по Волге зафиксировано чувашское название острова. Видимо, на острове люди не жили. Он служил чувашам святилищем для совершения молений. Несколько выше по Волге в нынешнем Чебоксарском районе напротив поселка Шомиково было еще одно аналогичное островное святилище под названием *Амаксар*, затопленное после ввода в строй Чебоксарской ГЭС в 1980 г.

Во второй раз (непосредственно – первый раз) чувашаи зафиксированы в 1508 г. Вот как описываются события этого года близ Казани: «Тогда же нечестивый царь, со всеми своими князи и мурзы, и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града, во время праздника своего поганского, наньже прихождаху народы татарские и черемиские и чувашские, и пребываху ту пиюще и веселящися многи дни, и куплю между собой деюще. Воинство же российское в то самое время нападаоша на поганых, идеже многи побиша, и вся становища их плениша» [30. С. 96].

В третий раз этноним *чуваши* зафиксирован в 1510 г. в «Жалованной льготной и несудимой грамоте Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у.» (РГАДА, ф. Уфимской приказной избы, оп. 1, д. 862: 9-10) [14. С. 35–36]. В документе говорится, что в Чепецком стане «жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове».

Затем форма *чюваш* упоминается в Летописях и Царской жалованной грамоте под 1524, 1548 и 1551 гг. [49. С. 307; 58. С. 127; 3. С. 209]. В 1552 г. всплывает летописное упоминание об острове *Иерех* в связи с казанско-московскими взаимоотношениями. Говорится о событиях «на Волге у Ирохова острова» [57. С. 71, 170]. В Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом за 1567 г. также упоминается Ирехова заводь у р. Волга на месте впадения речки Сумка [42. С. 73]. На современной карте это, примерно, г. Зеленодольск.

Таким образом, пока выстраивается следующая сокращенная схема происхождения этнонима *чăваш* «чуваш»: *сепер* → *сапир* → *савир* → *сувар* → *сувас* → *суваш* → *чăваш*. Пример из словаря В.В. Радлова: *Кірăк суваш, кирăк чірмиш, кирăк ар, кирăк нидт киш булсын барысыда алланың, мандăлăри ікән!* «Будь это чувашаи, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божии» [61. С. 1354–1355]. В.В. Радлов же зафиксировал этноним в форме *сăваш* [*сăваш, сьăваш*] [1. Карточка № 2833]. По мнению Н.И. Ашмарина, слово «тăваш» последовательно прошло через стадии: *јуас, суас, цуас, цуаш (чуаш), цываш (чываш)* [6. С. 132]. В.Г. Егоров, сопоставляя *сувас, шупаш* и *чуваш*, определил особенности языка дотюркских предков чувашей, в котором, как и в марийском языке, преобладали звуки *ш* и *ч* [21. С. 19–21]. О.Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское 'с' часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук 'ч', отсюда: *сувас* → *чувас* → *чуваш* [11. С. 67]. Башкиры и татары до сих пор называют чувашей *суваш* или *чуаш*. Разбирая упоминание названия города *Сувар*, И.Г. Коновалова замечает, что «начальное *сад* в слове *Сувар* у ал-Идриси можно рассматривать как передачу звука 'ч', отсутствующего в арабском языке» [28. С. 244]. Ссылаясь на надгробные памятники Волжской Булгарии, А. Мухамадиев отмечает, что буква с обычно пишется оригинальным образом: с тремя точками внизу. Это явный при-

знак того, что данная буква имела своеобразное произношение между буквами *с* и *ч* [39. С. 87; 40. С. 37]. Как видим, происходил исторический процесс перехода звука *с* в *ш* и *ч*: *сувас/суваз* → *суваш* → *чуваш*. Об этом же свидетельствуют китайские и монгольские источники начала XIII в.: *Сибир* → *Шибир*.

В длинном ряду языковых различий *з* – *р* и сам этноним *суваз/сувар*. А.П. Ковалевский назвал их диалектными различиями [26. С. 21, 35]. Вместо *з* и *р* в арабской графике мог быть и звук *н*, *суван* – это третий вариант этнонима. Впрочем, именно этот вариант чтения считают правильным некоторые татарские исследователи. Например, Р.Г. Фахрутдинов [67. С. 97]. Действительно, аналогичные варианты в истории встречались. Например: *tatar* ~ китай. *датань* или *тань-тань*; *taḫwâr* ~ китай. *давань* или *даюань* «тохары». Среднекитайский *-нь* часто передается как *-р*. Форма *суан* встречается и у Приска Панийского. Характеризуя события 468 г., он, в частности, писал: «Римляне и лазы были в сильном раздоре с суанами (*Σουάνων*). Этот народ (суаны?) готовился к бою. Когда персы хотели воевать с ним (Лазским владетелем?) за замки, отнятые у них суанами, то он отправил посольство к царю (Византийскому), и просил, чтоб выслано было к нему войско, охранявшее пределы Римской Армении» [86. Р. 164–165; 59. С. 97]. Скорее всего, это были картвельские сваны. Вообще есть мнение, что *суаны* соответствует китайскому *чубань* и относится к одному из хуннских племен. *Суани/чубани* – остатки гуннов после разгрома их сяньбийцами. Интересно отметить, что форма *суаны* является также вариантом грузинского рода *сваны*. Возможно, это лазский экзоэтноним савиров. Лингвисты указывают на ряд грузино-чуваших соответствий. Например, груз. *шен* «ты» и чув. *сан* «твой», груз. *ме* «я» и чув. *ман* «мой». Этноним *суан* зафиксировал Рашид-ад-Дин и назвал *суанов* одним из монгольских племен. Потомки *суанов/суванов* и ныне проживают в Казахстане и Киргизии. В удмуртском *суаны* значит «вымазать, запачкать, замазать сажей», т.е. нанести метку. По моему мнению, Г.Ф. Миллер необоснованно считал ошибкой написанную Ф.И. Страленбергом фразу *rudera urbis Bulgan* «остатки города Булган». Он полагал, что у Страленберга погрешность, а надо было, как и восточные авторы, писать *Булгар* [37. С. 4–5]. Однако, скорее всего, Ф.И. Страленберг в начале XVIII в. зафиксировал редкий факт написания названия столицы Волжской Булгарии в форме *Булган*, т.е. мы имеем пример фонетических вариаций звуков *р* – *з* – *н*.

Булгары называли своих соседей экзоэтнонимом *сувазы*, вариантом которого являлся *сувары*. Притом транскрипцию вариантов этнонима с буквой *в* следует считать исконной в отличие от транскрипции с буквой *б*. Впрочем, писал С.К. Патканов, инородцы Тобольской губернии и сейчас называют аборигенов региона одни *сывырами*, другие – *сыбырами* [48. С. 134]. Конечно, второй вариант – явление позднее.

Старой чувашской формой эндоэтнонима был **šăvaš* «жертвоприносите́ль», пишет Н.И. Егоров. Он полагает, что старочувашская форма **šăvaš* в конечном итоге восходит к древнетатарскому апелятиву **jauçi* «жертвоприносите́ль» (< *jaui* «жертвоприношение» < *jaui*- «приносить жертву») [22. С. 156]. Против такого видения выступал В.Д. Димитриев: «Даже остепененные чувашские филологи стали утверждать, что этноним *čăvaš* произошел от созвучного ему слова *čăva* «могила», означающего якобы язычника» [19].

Имеются и другие, но сомнительные версии об этнониме *савиры/сапиры/сабиры*. Например, происхождение от *сап-* «сбившиеся с пути, т.е. заблудившиеся, номады». Так считал Д. Немет. О том, насколько эта версия приемлема, говорит его же другое предположение: этноним (*nérpénv*) *csuvas* (*t'šăvaš*) – из языка волжских татар *d'živaš* «тихий, скромный, мирный человек» [81. Р. 94, 97; критику см.: 76. Р. 147]. А. Рона-Таш считает форму *суваз* ошибочной, не увязывает предков чувашей и с этнонимом *сабиры* [87; 20. С. 156]. Лишь

в качестве историографического примера можно привести абсурдное суждение С.Р. Малютина. «Этимологию этого слова можно представить следующим образом: *сапир* = *сап* + *ир*. *Сап* означает “сеять”, *ир* – “мужчина, человек”. Следовательно, *сапир* (*савир*) – “сеющий человек (люди)”, т.е. “земледелец (земледельцы)”... В V в. н.э. сибирское название племени *сабир* четко отражает его 3-язычное, стандартно-тюркское звучание (используется звонкое согласное *б* и др.). На этом основании можно признать, что сабиры, независимо от того, какое они имели этническое происхождение, пришли в прикаспийские степи уже как 3-язычные турки» [33. С. 74, 92]. Такое «видение» даже не следует комментировать.

Соседние мордва предков чувашей звали *ветке*. Так, И.Г. Георги по этому поводу писал: «Чуваши, которые так называются ими самими и русскими, мордвинами называются *Wiedke*, а черемисами – *Kirk Magi* (горными людьми)» [74. С. 38]. Согласно Г.Ф. Миллеру, чувашаи – «это древние вятичи, которые часто упоминаются в русских летописях, ибо и сейчас можно услышать, что мордва называет их *Wiedke*, каковое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими реку Вятку» [36. С. 39]. В мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской Республике (с. Малые Кармалы и Атрать), также называет чувашей *ветке* [38. С. 282]. Г.Ф. Миллер привел еще один вариант, согласно которому мордва называла чувашей *въедеде* [37. С. 33].

Во второй половине XVI в. многие чувашаи из Казанской губернии были принудительно переселены в западные регионы европейской части России – Новгородскую, Псковскую и Смоленскую губернии. Это был ответ на недовольство порядками царского правительства. На новых местах чувашаи владели жалкое существование и вскоре были ассимилированы. В этот период местное население называло их *чуваша*, а затем это прозвище было перенесено и на других людей в значении «неопрятный человек» [15. С. 611].

В документах XV–XVII вв. (летописях, челобитных, грамотах) верховых чувашей, расположенных в северной части нынешней Чувашской Республики, называли «горными черемисами» или просто «черемисами», а в некоторых случаях и «татарами». Например, в описаниях событий Московско-Казанских противостояний в середине XVI в. В этих документах (около 1551 г. и 1553 г.) говорится о пленении горных и нижних черемисов, о помощи горных черемисов в строительстве города Свияжска «промеж двою рек Щуки и Свияги», о горных черемисах, «живущих неподалече от Свияжска града», о присягании горных черемисов свияжским воеводам [54. С. 62–64]. Казанский летописец содержит описания о покорении черемисов и мордвы, однако ни слова о чувашах, занимавших земли между этими народами. Например, при описании событий 1553 г. [54. С. 407]. Исторический контекст и географические координаты дают основание полагать, что в данных фактах повествование ведется о чувашах Свияжского округа. То же самое наблюдается в тяжёбных документах, касающихся чувашей Козмодемьянского уезда Казанской губернии. Грамота от 1596 г. гласит, что горные черемисы Уразметко Каликов «со товарищи» просят Великого Государя, Царя и Великого Князя Федора Ивановича вернуть им остров Киняярский на Волге, где они вечно заготовливали сено. В другой челобитной чувашаи Кидишко Алтушев и Мемейко Карабуев «со товарищи» из д. Анат-Кинярь (современное с. Анат-Киняры Чебоксарского района) бьют челом за тот же Киняярский остров. Однако в конце челобитной чувашаи этой деревни названы черемисами [32. С. 4–6], при этом совсем необоснованно.

Допустима и версия, согласно которой *савиры* и его варианты – это экзоэтноним, а *чаваш* – эндоэтноним. Так, в Армении имеется топоним *Чуаш* в виде названия гавара – одного из уездов у озера Ван [25. Гл. XXXIX, LXI; 7. С. 94, 112]. Топоним Чуаш зафиксирован в связи с событиями 579–590 гг., когда сын Хосро-

ва Ануширвана Хормизд вошел со своими войсками в Васпуракан и совершил много разрушений. В 904 г. умирает ишхан Васпуракана Ашот Арцруни. По свидетельству Товмы Арцруни, братья Ашота Гагик и Гурген разделили подвластную страну между собой. Гагику, в числе прочих, достался гавар Чуаш. В 908 г. остикан (приближенное к персидскому царю лицо) Сбук двинул свои войска в пределы гавара Чуаш. Жители были застигнуты врасплох. Было совершено много грабежей и хищений, многих увели в плен. Гагик I Багратуни, видя, что ему не одолеть Сбука, отправил монаха с большим количеством даров и подношений к остикану Сбуку, прося у него мира. Тот принял предложение. Так прекратились набеги, страна зажила в мире и покое. В летописи повествуется также об Андзевийском царе Деренике, которого захватили в плен иноземцы. Его освободил от рабства храбрый военачальник Аблгариб. «Это произошло в армянской области Чуаш, в деревне Бак, граничащей с Васпураканом», – говорится в летописи [64. С. 10]. Таким образом, в Армении VI–X вв. имеем название гавара Чуаш. Вполне допустимо, что название области происходит от эндоэтнонима *чу(в)аиш*, чьим экзоэтнонимом был *савир*. Жителей гавара Ути армяне на свой лад звали *севордик* [25. С. 162]. Видимо, часть савиров-чу(в)ашей осела в Армении и была окончательно ассимилирована. Именно форма *чуаш* сохранилась до сих пор в языке татар и марийцев по отношению к современным чувашам. В источниках XVI в. в Тобольском округе зафиксирован город *Чюваиш* [29. С. 18, 37]. В русских летописях XVI в. также под термином *чюваиш* однозначно имеется виду этноним, а не социальный слой без этнической определенности, как это хотят преподнести некоторые историки. Например: «Казанских людей побили многих и языков, татар, и черемисы, и чюваши» [49. С. 37]; «и на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»; «И Магомет с товарищи государю били челом ото всея Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков» [52. С. 44, 164]. Во всяком случае, между этнонимами *савир* и *чуваиш* имеется прямая связь – и в историческом, и в этимологическом планах.

Таким образом, этноним *чуваиш* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *сепер (себер)* → *сывыр (сăвӑр)* → *савир (савар, сапир, сабир)* → *сувар (сувас, суван)* → *суваиш* → *чăваш (t'šăvaš)*. Такова судьба этнонима *чуваиш* в лабиринтах времени. Как видим, вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных событий.

Литература

1. РАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН). Ф. 177. Оп. 1. 107 – Радлов В.В. Смесанный словарь на карточках. Б.д. – 2888 л.
2. SUS (Suomalais-Ugrilainen Seura arkisto. Helsinki). Kotelo 54 – Ahlqvist A. Ostjakiska. 103 p.
3. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1. 1294–1598. СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1836. XV, 491, 12, 25, 4 с.
4. *Ал-Кашгари М.* Диван Лугат ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзова; индексы Р. Эрмерс. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
5. *Ат-Табари.* История / пер. с араб. В.И. Беляева; доп. к пер. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. Ташкент: Фан, 1987. 442 с.
6. *Ашмарин Н.И.* Болгары и чувашы. Казань: Имп. ун-т, 1902. 132 с.
7. *Багратуни Псевдо-Шапух.* История анонимного повествования / пер., сост. и ред. М.О. Дарбинян-Меликян, М.О. Мелик-Оганджян. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1971. 238 с.
8. *Баландин А.Н., Вахрушева М.П.* Мансийско-русский словарь с лексическими параллелями из южно-мансийского (кондинского) диалекта. Л.: Учпедгиз, 1958. 228 с.
9. *Бартольд В.В.* Сочинения. М.: Наука, 1968. Т. V. 757 с.
10. *Бенцинг И.* Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология: М.: Наука, 1986. Вып. I. С. 11–28.
11. *Большаков О.Г.* Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). М.: Гл. ред. вост. лит., 1971. С. 62–83.

12. Бояршинова З.Я. О происхождении и значении слова «Сибирь» // Научные доклады высшей школы: Исторические науки. 1959. № 3. С. 101–110.
13. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Тат. кн. изд-во, 1992. 208 с.
14. Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988. С. 20–40.
15. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1982. Т. III. 556 с.
16. Дестунис Г.С. Сказания Приска Панийского: пер. с греч. СПб.: Тип. АН, 1860. 112 с.
17. Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. М.: Наука, 1986. Вып. I. С. 71–134.
18. Дмитриев В.Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII–XVII веков / ЧГИГН. Чебоксары, 2003. 180 с.
19. Дмитриев В.Д. Фальсификация истории [Электронный ресурс]. URL: <http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii>.
20. Дмитриева Ю., Адягаши К. Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. 239 с.
21. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1954. Ч. I. 240 с.
22. Егоров Н.И. Узловые проблемы ранних этапов огуло-булгаро-чувашского этнолоттогенеза и современные проблемы алтаистики // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. Ч. 1. С. 29–33.
23. Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. М.: Тип. Грачёва и К, 1876. Ч. 1. 1174 с.
24. Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. С. 119–148.
25. Драсханакертци И. История Армении / пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян; авт. карт С.Т. Еремян. Ереван: Советакан грох, 1986. 400 с.
26. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., пер. и коммент. Харьков: Харьков. ун-т, 1956. 347 с.
27. Ковалевский А.П. Чуваши и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары: НИИ, 1954. 64 с.
28. Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, пер., коммент. М.: Вост. лит., 2006. 328 с.
29. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) с 154 рисунками. СПб.: Тип. Ф.Г. Елконского и К°, 1880. 154 рис., 48, III с.
30. Лызлов А. Скифская история. М.: Тип. Компании Типографской, 1787. Ч. I. 206 с.
31. Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1905. 101 с.
32. Магницкий В. Из быта чуваш Казанской губернии (Ирихи. Киремети. Браки) // Этнографическое обозрение. 1893. № 3. С. 131–138.
33. Малютин С.Р. Этногенез чувашского народа. Чебоксары: ЧГСХА, 2000. 176 с.
34. Марр Н.Я. Избранные работы. М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. Т. 5. XXI, 668 с.
35. Персидско-русский словарь / сост. Б.В. Миллер. М.: ГИИНС, 1953. 668 с.
36. Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники историч. мысли, 2009. 454 с.
37. Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Имп. АН, 1791. VIII, 99, II с.: 8 л. ил.
38. Мокишн Н.Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. 1978. Т. 14, № 4. С. 281–282.
39. Мухамадиев А. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Тат. кн. изд-во, 2011. 159 с.
40. Мухамадиев А. Об этнонимах «сувар» и «чуваш» // Время Булгар. 2011. № 1(3). С. 36–37.
41. Древнетюркский словарь / под ред. В.М. Наделяева, Д.М. Насилова, Э.Р. Тенишева, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. XXXVIII, 676 с.
42. Невострюев К.И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. Казань: Имп. ун-т, 1877. 88 с.
43. Новицкий Г. Краткое описание о народе остячком // Путешествие по Обскому Северу. Тюмень: Ю. Мандрика, 1999. С. 1–166.
44. Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.: Наука, 1990. 263 с.
45. Пархимович С.Г. Комментарии // Патканов С.К. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Очерк колонизации Сибири. Тюмень: Изд-во Ю. Манярики, 1999. С. 291–313.
46. Хоренский М. Армянская география VII века по Р.Х. / пер. и примеч. К.П. Патканова. СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. XXVIII, 84, 26, 2 карты.
47. Патканов С.К. Сочинения. Тюмень: Мандр и К°, 2003. Т. 5. 416 с.
48. Патканов С. О происхождении слова «Сибирь» // Сибирский сборник. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1892. Кн. II. С. 127–136.
49. Полное собрание русских летописей. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII, 446 с.
50. Полное собрание русских летописей. Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. X, 302 с.
51. Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. VI, 266 с.

52. Полное собрание русских летописей. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М.: Языки русской культуры, 2000. VIII, 532 с.
53. Полное собрание русских летописей. Т. 18. Летопись Симеоновская. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. 316 с.
54. Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. М.: Языки русской культуры, 2000. 368 с.
55. Полное собрание русских летописей. Т. 20. Львовская летопись. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. Ч. 1. IV, 418 с.
56. Полное собрание русских летописей. Т. 22. Русский хронограф. Ч. 1. Хронограф редакции 1512 года. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. 578 с.
57. Полное собрание русских летописей. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Знак, 2009. 389, 7 с.
58. Полное собрание русских летописей. Т. 31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.
59. *Панийский П.* Сказания / пер. Г.С. Дестунис. СПб.: Тип. Имп. АН, 1860. 112 с.
60. *Прицак О.* Киевское письмо – подлинный документ хазарских евреев Киева: Раздел Б // Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Иерусалим: Гешарим, 5763; М.: Мосты культуры, 2003. С. 53–98.
61. *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. Т. II. 1814 ст., 64 с.
62. *Расторопов А.В.* Народ «сибир» по легендам сибирских татар и проблема этнокультурной интерпретации средневековых археологических памятников таежного Прииртышья // Труды Тобольской комплексной научной станции УрО РАН. Тобольск: ТКНС УрО РАН, 2013. Вып. 3. С. 116–123.
63. Слово о гибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. М.: Худож. лит., 1969. С. 236–327, 738–739.
64. *Спаралет С.* Летопись / пер. с древнеармян., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. Ереван: Айастан, 1974. 197 с.
65. Гаты Заратуштры / пер. с авест., вступ. ст., комм. и прилож. И.М. Стеблин-Каменского. СПб.: Петербург. Востоковед., 2009. 192 с.
66. *Таймасов Л.А.* К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа / ЧГИГН. Чебоксары, 2001. Вып. 2. С. 7–33.
67. *Фахрутдинов Р.* Мелодия камней. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 224 с.
68. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 2. 511 с.
69. *Фёдорова Е.Г.* Люди Пор и Мось в представлениях манси и хантов (по полевым материалам последней четверти XX в.) // Материалы полевых этнографических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 1998. Вып. 4. С. 124–134.
70. *Фукс К.* История города Казани: Из русских и татарских летописей. Казань: Умид, 1914. VII, 23 с.
71. *Шафарик П.Й.* Славянские древности / пер. с чеш. И. Бодянского. М.: Университет. тип., 1837. Т. I, кн. 2. 331 с.
72. *Шушарин В.П.* Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
73. *Clauson Gerard, sir.* An Etymological Dictionary of Pre- Thirteenth- Century Turkish. Oxford: Clarendon press, 1972. XLVIII, 989 p.
74. *Georgi J.G.* Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. XII, 530 S., 95 Taf.
75. *Golden P.B.* Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΡΟΝ: сб. ст. к 60-летию В.П. Никонорова. СПб.:Филфак СПбГУ, 2013. С. 49–55.
76. *Golden P.B.* Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes / Ed. by Cătălin Hriban. București: Editura Academiei Române, 2011. 424 p.
77. *Golden P.B.* The peoples of the Russian forest belt //The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 229–255.
78. *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig: Theodor Weicher, 1903. L, 557 S.
79. *Moravcsik G.* Byzantinoturcica. Leiden: E.J. Brill, 1983. Т. I–II. 730 S.
80. *Munkácsi B.* Az «ugor» népvezet eredete // Ethnographia. 1895. Vol. 6. P. 349–387.
81. *Németh G.* A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 399 p.
82. *Németh G.* Szabirok és magyarok // Magyar Nyelv. XXV. Budapest, 1929. O. 81–88.
83. *Patkanoff S.* Über das Volk der Sabiren // Keleti Szemle. I. Budapest, 1900. O. 258–277.
84. *Patkanov S.* Irtisi-osztják szójegyzék (I–V) // Nyelvtudományi közlemények. XXXI. Kötet. Budapest, 1901. O. 55–84, 159–201, 291–330, 424–462.
85. *Patkanov S.* Szabirok nemzetisége (Első közlemény) // Ethnographia. XI. évf. Budapest, 1900. O. 337–344, 385–389.

86. Prisci Historica // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B.G. Niebuhrii C.F. P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. P. 156–229.
87. *Róna-Tas A.* A honfoglaló magyar nép. Budapest: Balassi, 1996. 412 p.
88. *Salmin A.* The Savirs in the Caucasus // Acta Ethnographica Hungarica. 2013. Vol. 58(1). P. 195–199.
89. *Byzantii S.* Ethnorum. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. T. I. VI, 818 p.

References

1. RAN (*Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN*). *Fond 177. Opis' 1* [St. Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Science. Archives 177. Anagraph 1].
2. SUS (Suomalais-Ugrilainen Seura arkisto. Helsinki). Kotelo 54 – Ahlqvist A. Ostjakiska [Ostjaks]. 103 p.
3. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoyu ekspeditsiyu Imperatorskoi akademii nauk. Tom 1. 1294–1598* [Acts, collected in libraries and archives of the Russian Empire Archeographical expedition of the Emperor's Academy of Sciences. Vol. 1: 1294–1598]. St. Petersburg, 1836. XV, 491, 12, 25, 4 p.
4. Al-Kāshgari M. *Divān Lugāt at-Turk* [Dictionary of Turkic languages]. Almaty, Daik-Press, 2005. 1288 p.
5. At-Tabari. *Istoriya* [History]. Tashkent, Fan, 1987. 442 p.
6. Ashmarin N.I. *Bolgari i chuvashi* [Bulgarians and Chuvash]. Kazan, 1902. 132 p.
7. Bagratuni Pseudo-Shapukh. *Istoriya anonimnogo povestvovaniya* [The story of an anonymous story]. Erevan, Academy of Sciences of the Armenian SSR Publ., 1971. 238 s.
8. Balandin A.N., Vakhrusheva M.P. *Mansiisko-russkii slovar' s leksicheskimi parallelyami iz yuzhno-mansiiskogo (kondinskogo) dialekta* [Mansijsko-Russian dictionary by lexical Parallels of South-Mansi (kondinskij) dialect]. Leningrad, Uchpedgiz Publ., 1958. 228 s.
9. Bartol'd V.V. *Sochineniya* [Compositions]. Moscow, Nauka Publ., 1968, vol. V, 757 p.
10. Bentsing I. *Yazyki gunnov, dunaiskikh i volzhskikh bolgar* [Languages of the Huns, the Danube and Volga Bulgarians]. *Zarubezhnaya tyurkologiya* [International turkology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. Vol. I. S. 11–28.
11. Bol'shakov O.G. *Primechaniya* [Notes]. *Al-Garnati Abu Khamid. Puteshestvie v Vostochnuyu i Tsen-tral'nuyu Evropu (1131–1153 gody)* [Al-Gharnati Abu Hamid. Travel to Eastern and Central Europe (1131–1153)]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1971, pp. 62–83.
12. Boyarshinova Z.Ya. *O proiskhozhenii i znachenii slova «Sibir»* [On the origin and meaning of the word «Siberia»]. *Nauchnye doklady vysshei shkoly: Istoricheskie nauki* [Scientific reports of high school: History], 1959, no 3, pp. 101–110.
13. Valeev F.T. *Sibirskie tatary: kul'tura i byt* [Siberian Tatars: culture and everyday life]. Kazan, Tatar Publishing House, 1992, 208 p.
14. Grishkina M.V. *Sluzhilo zemlevladienie arskikh knyazei v Udmurtii XVI – pervoi poloviny XVIII vekov* [Serving tenure of the Arsk Princes in Udmurtia XVI – first half of XVIII century]. *Problemy agrarnoi istorii Udmurtii* [Problems of Agrarian History of Udmurtia]. Izhevsk, 1988, pp. 20–40.
15. Dal' V. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the live great Russian language]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1982, vol. II, 556 p.
16. Destunis G.S. *Skazaniya Priska Paniiskogo* [Legends of the Prisc Panijskii]. St. Petersburg, 1860. 112 p.
17. Derfer G. *O yazyke gunnov* [The language of the Huns]. *Zarubezhnaya tyurkologiya* [International turkology]. Moscow, Nauka Publ., 1986. vol. I. pp. 71–134.
18. Dimitriev V.D. *Cheboksary: Ocherki istorii goroda kontsa XIII–XVII vekov* [Cheboksary: Essays on the history of the end of the XIII–XVII centuries]. Cheboksary, 2003. 180 p.
19. Dimitriev V.D. *Falsifikatsiya istorii* [Falsification of history]. Available at: <http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii>.
20. Dmitrieva Yu., Adyagashi K. *Hungaro-Tschuvaschica: Annotirovannyi bibliografiche-skii ukazatel' issledovaniy vengerskikh uchenykh XIX–XX veka* [Hungaro-Tschuvaschica: an annotated bibliography of studies of Hungarian scholars of the XIX–XX centuries]. Cheboksary, 2001. 239 p.
21. Egorov V.G. *Sovremenniy chuvashskii literaturnyi yazyk v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The modern Chuvash language in comparative-historical reporting]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1954, part I, 240 p.
22. Egorov N.I. *Uzlovye problemy rannikh etapov oguro-bulgaro-chuvashskogo etnolottogeneza i sovremennye problemy altaistiki* [The key problems of the early stages of Oguro-Bulgaro-Slavic etnolottogeneza and modern problems of Altaic]. *Chuvashskii yazyk i sovremennye problemy altaistiki* [Chuvash language and modern problems of Altaic]. Cheboksary, 2009, part 1, pp. 29–33.
23. Zabelin I.E. *Istoriya russkoi zhizni s drevneishikh vremen* [The story of Russian life since ancient times]. Moscow, 1876, part 1, 1174 p.
24. Ibn-Fadlan. *Kniga* [Book]. In: Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 godakh* [Book of Ahmed Ibn Fadlan on his journey along the Volga in 921–922 years]. Kharkov, Kharkov University Publ., 1956, pp. 119–148.
25. Draskhanakertsi I. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Erevan, Sovetakan grokh Publ., 1986. 400 p.

26. Kovalevskii A.P. *Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o ego puteshestvii na Volgu v 921–922 godakh* [Book of Ahmed Ibn Fadlan on his journey along the Volga in 921-922 years]. Kharkov, Kharkov University Publ., 1956. 347 p.
27. Kovalevskii A.P. *Chuvashi i bulgary po dannym Akhmeda Ibn-Fadlana* [The Chuvash and Bulgarians, according to Ahmed Ibn-Fadlan]. Cheboksary, 1954. 64 p.
28. Konovalova I.G. *Al-Idrisi o stranakh i narodakh Vostochnoi Evropy* [Al-Idrisi on countries and peoples of Eastern Europe]. Moscow, Vostokhnaya literature Publ., 2006. 328 p.
29. *Kratkaya Sibirskaya letopis' (Kungurskaya) s 154 risunkami* [The short Siberian (Kungur) Chronicles with 154 pictures]. St. Petersburg, 1880.
30. Lyzlov A. *Skifskaya istoriya* [Scythian history]. Moscow, 1787, part I. 206 p.
31. Magnitskii V.K. *Chuvashskie yazycheskie imena* [Chuvash pagan names]. Kazan, Kazan University Publ., 1905, 101 p.
32. Magnitskii V. *Iz byta chuvash Kazanskoj gubernii (Irihi. Kiremeti. Braki)* [From the life of Chuvash Kazan province (Irihs. Kiremets. Marriages)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1893, no 3. pp. 131–138.
33. Maljutin S.R. *Etnogenez chuvashskogo naroda* [Ethnogenesis of the Chuvash people]. Cheboksary, 2000. 176 p.
34. Marr N.Ya. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow; Leningrad, 1935, vol. 5, XXI, 668 p.
35. Miller B.V., sostavitel'. *Persidsko-russkii slovar'* [Pers-Russian dictionary]. Moscow, 1953. 668 p.
36. Miller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of Siberian peoples]. Moscow, 2009. 454 p.
37. Miller G.F. *Opisanie zhivushchikh v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of living in Kazan province pagan peoples, like the Ceremis, Chuvash and Udmurts]. St. Petersburg, 1791.
38. Mokshin N.F. *Mordovskoe nazvanie chuvashai* [Mordvinian name of the Chuvash]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie* [Soviet Finno-Ugric linguistics], 1978, vol. 14, no 4, pp. 281–282.
39. Mukhamadiev A. *Novyi vzglyad na istoriyu gunnov, khazar, Velikoi Bulgarii i Zolotoi Ordy* [A new look at the history of the Huns, the Khazars, great Bulgaria and the Golden Horde]. Kazan, Tatar Publishing House, 2011, 159 p.
40. Mukhamadiev A. *Ob etnonimakh «suvar» i «chuvash»* [The ethnonyms "Suvar" and "Chuvash"]. *Vremya Bulgar* [Time of Bulgar], 2011, no 1(3). p. 36–37.
41. *Drevnetyurkskii slovar'*, pod red. V.M. Nadelyaeva, D.M. Nasilova, E.R. Tenisheva, A.M. Shcherbak [Nadelyaeva V.M. et al., eds. The old Turk language dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. XXXVIII, 676 p.
42. Nevostruev K.I. *Spisok s pistsovykh knig po g. Kazani s uездом* [List with scribe books of Kazan with district]. Kazan, 1877. 88 p.
43. Novitskii G. *Kratkoe opisanie o narode ostyatskom* [A brief description of the Ostiak]. *Puteshestvie po Obskomu Severu* [Travel Ob North]. Tyumen, Yu. Manyariki Publ., 1999. pp. 1–166.
44. Novosel'tsev A.P. *Khazarskoe gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoi Evropy i Kavkaza* [The Khazar State and its role in the history of Eastern Europe and the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 263 p.
45. Parkhimovich S.G. *Kommentarii* [Comments]. In: Patkanov S.K. *Sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2. Ocherk kolonizatsii Sibiri* [Works in 2 vol. Vol. 2: Essays colonization of Siberia]. Tyumen, Yu. Manyariki Publ., 1999. S. 291–313.
46. Khorenskii M. *Arмянская география VII века по R.Kh.* [The Armenian geography of the VII century AD]. St. Petersburg, 1877.
47. Patkanov S.K. *Sochineniya* [Compositions]. Tyumen, Mandr i K^a Publ., 2003, vol. 5. 416 p.
48. Patkanov S. *O proiskhozhdenii slova «Sibir»* [On the origin of the word «Siberia»]. *Sibirskii sbornik* [Siberian collection]. St. Petersburg, 1892, book II, pp. 127–136.
49. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 6, vypusk 2: Sofiiskaya vtoraya letpis'* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 6, Iss. 2: The Sofia second Chronicle]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2001, VIII, 446 p.
50. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 8. VII. Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 8. VII: The continuation of the Chronicle of Resurrection list]. St. Petersburg, 1859, X, 302 p.
51. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 12: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Prodolzhenie)* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 12: Chronicle of a collection, called the Patriarch's or Nikon's Chronicle (continued)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, VI, 266 p.
52. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 13: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriar-shei ili Nikonovskoi letopis'yu (Prodolzhenie)* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 13: Chronicle of a collection, called the Patriarch's or Nikon's Chronicle (continued)]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, VIII, 532 p.
53. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 18: Letopis' Simeonovskaya* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 18: The Chronicle of St. Simeon Church]. St. Petersburg, 1913. 316 p.
54. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 19: Istoriya o Kazanskom tsarstve* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 19: History of the Kazan Kingdom]. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 368 p.
55. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 20: L'vovskaya letopis'* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 20: Lvov Chronicle]. St. Petersburg, 1910, part 1, IV, 418 p.
56. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 22: Russkii khronograf. Chast 1: Khronograf redaktsii 1512 goda* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 22: Russian chronograph. Part 1: Year 1512 Edition chronograph]. St. Petersburg, 1911. 578 p.

57. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 29: Letopisets nachala tsarstva tsarya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha. Aleksandro-Nevskaia letopis'. Lebedevskaya letopis'* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 29: The chronicler of the Kingdom of the King and the Grand Duke Ivan Vasilyevich. Alexander Nevsky Chronicle. Lebedevskaia Chronicle]. Moscow, Znack Publ., 2009, 389, 7 p.
58. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. Tom 31: Letopistsy poslednei chetverti XVII veka* [Full collection of Russian Chronicles. Vol. 31: Chronicles from the late XVII century] Moscow, Nauka Publ., 1968, 263 p.
59. Paniiskii P. *Skazaniya* [Legends]. St. Petersburg, 1860, 112 p.
60. Pritsak O. *Kievskoe pis'mo – podlinnyi dokument khazarских evreev Kiev: Razdel B* [Kiev letter – the original document of the Khazar Jews Kiev: section b]. In: Golb N., Pritsak O. *Khazarско-еврейские документы X века* [Khazar-Jewish documents of X century]. Ierusalim, Gesharim, 5763; Moscow, Mosty kul'tury Publ., 2003, pp. 53–98.
61. Radlov V.V. *Opyt slovarya tyurkskikh narechii* [Experience a dictionary of Turkic dialects]. St. Petersburg, 1899, vol. II.
62. Rastoropov A.V. *Narod «sibir» po legendam sibirskikh tatar i problema etnokul'turnoi interpretatsii srednevekovykh arheologicheskikh pamyatnikov taezhnogo Priirtysh'ya* [The people "sibir" according to the legends of the Siberian Tatars and ethno-cultural interpretation of medieval archaeological sites of region]. *Trudy Tobol'skoi kompleksnoi nauchnoi stantsii UrO RAN* [Proceedings of Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch Russian Academy of Sciences]. Tobol'sk, 2013, iss. 3, pp. 116–123.
63. *Slovo o pogibelii Russkoi zemli posle smerti velikogo knyazya Yaroslava* [Word of the destruction of the Russian land after the death of Grand Prince Yaroslav]. *Izbornik (Sbornik proizvedenii literatury Drevnei Rusi)* [Miscellany (Collected works of literature of ancient Russia)]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1969, pp. 236–327, 738–739.
64. Sparapet S. *Letopis'* [Chronicle]. Erevan, Aiastan Publ., 1974, 197 p.
65. *Gaty Zaratushtry* [Gathas of Zarathushtra]. St. Petersburg, Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2009, 192 p.
66. Taimasov L.A. *K etnicheskoi istorii chuvashskogo naroda: saviry (suvary) na Severnom Kavkaze vo II–VIII vekakh* [To the ethnic history of the Chuvash people: savirs (suvary) in the Northern Caucasus in II–VIII centuries]. *Issledovaniya po istorii Chuvashii i chuvashskogo naroda* [Studies in the history of Chuvashia and the Chuvash people]. Cheboksary, 2001, Iss. 2, pp. 7–33.
67. Fakhrutdinov R. *Melodiya kamnei* [Melody of the stones]. Kazan, Tatar Publishing House, 1986, 224 p.
68. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka* [The Chuvash language etymological dictionary]. Cheboksary, 1996, vol. 2, 511 p.
69. Fedorova E.G. *Lyudi Por i Mos' v predstavleniyakh mansi i khantov (po polevym materialam poslednei chetverti XX v.)* [Peoples Por and Mos' in representations of the Mansi and Khanty (based on field of the last quarter of the XX century)]. *Materialy polevykh etnograficheskikh issledovaniy* [Field research]. St. Petersburg, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) Publ., 1998, Iss. 4, pp. 124–134.
70. Fuks K. *Istoriya goroda Kazani: Iz russkikh i tatarskikh letopisei* [The history of the city of Kazan: On Russian and Tatar Chronicles]. Kazan, Umid Publ., 1914, VII, 23 p.
71. Shafarik P.I. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic Antiquities]. Moscow, 1837, vol. I, book 2, 331 p.
72. Shusharin V.P. *Rannii etap etnicheskoi istorii vengrov: Problemy etnicheskogo samosoznaniya* [The early stage of the ethnic history of the Hungarians: the problems of ethnic self-consciousness] Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p.
73. Clauson Gerard, sir. *An Etymological Dictionary of Pre- Thirteenth- Century Turkish*. Oxford, Clarendon press, 1972, XLVIII, 989 p.
74. Georgi J.G. *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten*. 2 Bd. Ausgabe 1. St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. XII, 530 S., 95 Taf.
75. Golden P.B. *Some Notes on the Etymology of Sabir*. In: KOINON ΔΩPON: *sbornik statei k 60-letiyu V.P. Nikonorova* [Collection of articles on the 60th anniversary of V.P. Nikonorov "KOINON ΔΩPON"]. St. Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2013, pp. 49–55.
76. Golden P.B. *Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes*. Ed. by Cătălin Hriban. București: Editura Academiei Române, 2011, 424 p.
77. Golden P.B. *The peoples of the Russian forest belt*. The Cambridge History of Early Inner Asia. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008, pp. 229–255.
78. Marquart J. *Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940)*. Leipzig, Theodor Weicher, 1903, 557 S.
79. Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. Leiden, E.J. Brill, 1983, vol. I–II, 730 S.
80. Munkácsi B. *Az «ugor» népnevezet eredete. Ethnographia*, 1895, vol. 6, pp. 349–387.
81. Németh G. *A honfoglaló magyarság kialakulása*. Közzétési Berta Árpád. Budapest, Akadémiai Kiadó, 1991, 399 p.
82. Németh G. *Szabirok és magyarok*. In: Magyar Nyelv. XXV. Budapest, 1929, pp. 81–88.
83. Patkanoff S. *Über das Volk der Sabiren*. In: Keleti Szemle. I. Budapest, 1900, pp. 258–277.
84. Patkanov S. *Irtisi-osztják szójegyzék (I–V)*. In: Nyelvtudományi közlemények. XXXI. Kötet. Budapest, 1901, pp. 55–84, 159–201, 291–330, 424–462.

85. Patkanov S. Szabirok nemzetisége (Első közlemény). In: *Ethnographia*. XI. évf. Budapest, 1900, pp. 337–344, 385–389.
86. Prisci Historica. In: *Corpus scriptorum Historiae Byzantinae*. Editio emendatio et copiosior, consilio B.G. Niebuhrii C.F. P. I: Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Olympiodori, Candidi, Nonnosi et Theophanis, historiarum reliquiae, Procopii et Prisciani panegyrici, graece et latine. Bonnae, Impensis Ed. Weberi, 1829, pp. 156–229.
87. Róna-Tas A. *A honfoglaló magyar nép*. Budapest, Balassi, 1996. 412 p.
88. Salmin A. The Savirs in the Caucasus. *Acta Ethnographica Hungarica*, 2013, vol. 58(1), pp. 195–199.
89. Stephani Byzantii *Ethnicorum*. Berolini, Impensis G. Reimeri, 1849, vol. I. VI, 818 p.

САЛМИН АНТОН КИРИЛЛОВИЧ – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнографии восточных славян и народов Европейской части России, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Россия, Санкт-Петербург (antsalmin@mail.ru).

SALMIN ANTON – Leading Researcher, D.Sc., Department of Eastern Slavs and Peoples of European Russia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS. Russia, St. Petersburg.

УДК 329.78(09) «185» XIX – 1917
ББК ТЗ(4) 5 – 442

В.И. СОКОЛОВА

ЗАРОЖДЕНИЕ МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ В МИРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКОВ)

Ключевые слова: молодежное движение, скаутизм, Христианский союз молодых людей (ХСМЛ), Социалистический интернационал молодежи, Коммунистический интернационал молодежи, Всемирная федерация демократической молодежи, Международный студенческий союз, Европейский молодежный форум, Всемирная ассамблея молодежи.

На основе опубликованных и архивных источников освещается история зарождения молодежного движения в мире. Доказано, что основными предпосылками появления молодежного движения в мире стали урбанизация, индустриализация, демографические изменения (увеличение доли молодых людей в структуре населения), появление феномена «молодежь» как промежуточного звена между детством и взрослостью, кризисом школьного образования и семейного воспитания. Первые молодежные организации появились во второй половине XIX в. в Европе, затем распространились в США, Азии, Латинской Америке, Австралии и других странах мира, в том числе в Российской империи. Большинство организаций носили культурно-просветительский характер, часть преследовала политические, религиозные и иные цели. Движение молодежи активизировалось в начале XX в.

V. SOKOLOVA

ORIGIN OF YOUTH MOVEMENT IN THE WORLD (THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES)

Key words: youth movement, scouting, Young Men's Christian Association (YMCA), The Socialist International Youth, The Communist International Youth, World Federation Democratic Youth, International Union of Students, European Youth Forum, World Youth Assembly.

In the article on the basis of published and archived sources is illuminated history of origin of youth movement in the world. It is well-proven, that by basic preconditions of appearance of youth movement in the world of steel urbanization, industrialization, demographic changes (an increase of stake of youth people is in the structure of population), appearance of the phenomenon young people as an intermediate between childhood and adulthood, crisis of school education and domestic education. The first youth organizations appeared in the second half of XIX century in Europe, after spread in the USA, Asia, Latin America, Australia and other countries of the world, including to the Russian empire. Most organizations carried in a civilized manner-elucidative character, part pursued political, religious and another aims. Movement of young people activated at the beginning of XX century.

Ретроспективный обзор истории формирования молодежного движения в мире показывает, что зарождение и развитие различных организаций и объединений юношества на ранних его этапах практически не известны сегодня ни специалистам, ни широкой общественности. В России, например, сложилась ситуация, когда только комсомол изучался достаточно подробно. Для большинства

ученых-ювенологов история молодежного движения в основном ассоциировалась с историей комсомола. Молодежные и детские организации, опирающиеся на нравственное и физическое саморазвитие молодого поколения, остались в тени истории. Тем не менее в настоящее время тема международного юношеского движения представлена рядом публикаций отечественных и зарубежных исследователей. Среди них можно назвать историков-ювенологов И.М. Ильинского [2], В.П. Мошнягу [3], Р.Е. Корнелла [6] и др.

Говоря об истории появления и развития юношеского движения в мире, следует отметить, что молодежное общественное движение впервые зародилось в Европе в середине XIX в. В 1844 г. в Лондоне по инициативе Джорджа Уильямса была организована Ассоциация молодых христиан – Христианский союз молодых людей (ХСМЛ) – Young Men's Christian Association (YMCA). В конце XIX в. параллельно ХСМЛ оформились Всемирный христианский студенческий союз (ВХСС) и Христианский союз молодых женщин (ХСМЖ). Однако колыбелью пролетарских молодежных организаций следует считать Бельгию. Здесь в 80-х гг. XIX в. была создана юношеская организация «Союз молодой гвардии», которая начала работу по привлечению в свои ряды молодых людей 15–21-летнего возраста. Союз начал издавать журнал «Молодая гвардия». На его страницах освещались темы, актуальные для молодежи: вопросы классовой борьбы, материалы общеобразовательного характера по естествознанию, математике и др. [4. Л. 42–47].

В начале 50-х гг. XIX в. в Германии были предприняты попытки создания молодежных и детских организаций. Здесь в 1845 г. был создан Союз евангелической молодежи под руководством доктора Франка – первого организатора пролетарского юношеского движения организаций католической молодежи в Германии. Объединение Германии в 1871 г. создало предпосылки для зарождения нового образа жизни молодого поколения, в том числе его женской части, в форме молодежного общественного движения. Первые женские организации в Европе боролись против мужского доминирования в семье, за предоставление женщинам права голоса на выборах, за право вместе с мужчинами учиться в университетах. Социальные и экономические изменения в конце XIX – начале XX вв. повлекли кризис семейного воспитания и изменения в школьной системе образования. На рубеже XIX–XX вв. в Германии появилось молодежное движение – «Вандерфогель» (Wandervogel) – «Перелетные птицы» (после прихода нацистов к власти Wandervogel вошел в ряды Гитлерюгенда).

До начала XX в. в США не имелось особо заметных организаций молодежи. Некоторую активность проявляли так называемые студенческие братства, которые в основном выступали против действий администрации учебных заведений. В первой половине XIX в. деятельность братств носила зачастую тайный характер. Во второй половине XIX в. большую роль в работе с молодежью стала играть Ассоциация молодых христиан, созданная в 1844 г. в Великобритании. В 1951 г. в США появились ее первые организации. Кроме религиозного воспитания, распространения протестантского вероучения они преследовали цели физического, интеллектуального и нравственного совершенствования молодого поколения.

В Китае в начале XX в. активизировалось революционно-демократическое молодежное движение, поставившее целью свергнуть Цинскую монархию и создать республику. Во главе молодежных революционных организаций, вошедших в 1905 г. в Китайский революционный объединенный союз (Чжунхуа гэмин тунмэнхуэй), стоял Сунь Ятсен – молодой врач, получивший образование западного образца в английской колонии Гонконг. Постепенно молодежные организации стали появляться в Латинской Америке, Австралии, Японии, Индии и других странах мира. Среди них имелись объединения молодежи, которые носили

чисто религиозный характер. В России первыми молодежными объединениями по праву можно назвать народовольцев, анархистов, участников различных студенческих кружков и иных объединений революционной молодежи, которые появились во второй половине XIX в., частично и раньше [4. Л. 42–47].

В 1862 г. чешский доктор философии и эстетики Мирослав Тырш основал в Чехии первое Сокольское общество, созданное как гимнастический союз. Движение приобрело популярность в Австро-Венгрии, Болгарии, Сербии, распространилось на европейские территории Османской империи, заселенные славянскими народами. Таким образом было организационно оформлено международное движение «Соколы» как всемирный союз молодых славян, ставящий целью физическое и духовное совершенствование молодежи на пользу своего народа и отечества. Несмотря на панславянский характер движения «Соколы», в России в эти объединения свободно записывались представители самых различных этнических групп. Объединения «Русские соколы» были первыми формами молодежи, получившими государственную регистрацию своих документов и благословение руководства страны. В 1909 г. в Петербургское отделение молодежной организации «Союз русского сокольства» вступил сын П.А. Столыпина Аркадий. Организации русских соколов были созданы во многих городах России. Кроме того, «Союз русского сокольства» в 1912 г. был включен в «Международный союз славянского сокольства». Организация русских соколов в короткое время стала популярной у молодежи, несмотря на то, что помимо «Союза русского сокольства» в России быстро зарождалось движение русских скаутов [1. С. 11–16].

Что касается рождения скаутского движения в мире, следует отметить, что к концу XIX в. во всех европейских образовательных системах созрело понимание необходимости создания для детей и юношества организации, где они могли бы проводить время помимо семьи и школы. Но только полковнику Роберту Баден-Пуэлли (Великобритания) впервые удалось это претворить в жизнь. Идеи Пуэлла оказались наиболее подходящими и мгновенно распространились по всей Европе, включая и Российскую империю. Таким образом, можно констатировать, что скаутизм (от англ. scout), как система внешкольного воспитания, сложилась в конце XIX – начале XX вв. в Великобритании. Скаутские организации объединяли молодежь 8–18 лет и делились на бойскаутские (для мальчиков) и герлскаутские (для девочек).

В 1908 г. император Николай II ознакомился с книгой Р. Баден-Пуэлла «Юный скаут», под впечатлением от прочтения которой принял решение поддержать скаутское движение в России. В 1909 г. в России был издан русский перевод книги под названием «Юный разведчик». Наследник престола Его Высочество цесаревич Алексей был назван первым скаутом России [1. С. 11–16].

Движение скаутов впоследствии послужило основой для пионерской организации, даже шейный треугольный платок, повязанный морским «прямым» узлом, остался как пионерский галстук. Только цвет сменили на революционный красный. В настоящее время контакты между скаутскими организациями разных стран осуществляют международные комитеты бойскаутов (Женева) и герлскаутов (Лондон).

Важно отметить, что в 1905 г. была зарегистрирована другая молодежная организация России – Российское христианское общество молодых людей «Маяк» в качестве отделения Международного союза молодых христиан. Общество занималось культурно-просветительской и научно-популярной работой, проводило благотворительные вечера и социальные мероприятия, пропагандировало христианские ценности в светской жизни. Общество, будучи вне политики, провозглашало своей целью содействие молодежи в достижении нравственного, умственного и физического развития и пользовалось широкой поддержкой населения. Общество первым в экономической истории новой России

стало выполнять роль молодежной биржи труда, приискивая рабочие места для нуждающихся молодых граждан страны.

Существенный вклад в развитие молодежного движения Российской империи внесла польская юношеская организация «Будущность», которая появилась в 1910 г. В 1911 г. она объединилась с организацией еврейской молодежи. На IV конференции в октябре 1911 г. вышеназванная социал-демократическая организация молодежи заявила о принятии чисто рабочей платформы и приступила к изданию газеты «Голос рабочей молодежи». Тогда же польские юноши и девушки приняли программу, в которую были включены как основополагающие следующие виды деятельности: подготовка молодежи к революции, борьба за демократизацию школы, борьба с милитаризмом, «желтой» прессой. В марте 1912 г. члены организации были арестованы, оставшиеся вынуждены были уйти в подполье [4. Л. 42–47].

Значительным событием в развитии молодежного движения в мире стал I Международный съезд юношеских организаций, который состоялся в 1907 г. в г. Штутгард (Германия). Здесь союзы молодежи Западной Европы и Америки при активном участии Карла Либнехта объединились в Социалистический интернационал молодежи, который начал осуществлять воспитание молодежи, культурно-просветительную работу, борьбу с милитаризмом и охрану труда юных работников и ремесленных учеников. На съезде не было представителей России и Польши.

Большое влияние на развитие молодежного движения в мире оказал состоявшийся по инициативе В.И. Ленина в 1915 г. в г. Берне (Швейцария) конгресс Юношеского интернационала – союзов социалистической молодежи. Решением конгресса (конференции) как праздник прогрессивной молодежи был установлен МЮД (Международный юношеский день). Впервые МЮД был проведен в ряде стран 3 октября 1915 г., в России – в сентябре 1917 г. В 1915–1945 гг. во многих странах юношеский праздник ежегодно проводился в первое воскресенье сентября. С 1945 г. по настоящее время отмечается ежегодно 10 ноября как Всемирный день молодежи (ВДМ) [5. С. 95–98].

Перед Первой мировой войной в мире существовали две враждебные друг другу молодежные организации – Красный интернационал пролетарской молодежи (Социалистический интернационал молодежи) и Черный интернационал (Всемирный союз христианской молодежи), а также скаутские организации всех стран, союзы соколизма и др. Первая мировая война стала проверкой для младохристиан, скаутов, соколов. Они развернули деятельность по созданию санитарных отрядов, госпитальных дружин, отделений Международного Красного Креста и многого другого. В 1919 г. большая часть организаций Социалистического интернационала молодежи (СИМ) трансформировалась в Коммунистический интернационал молодежи (КИМ) (Communist international youth). Как секция Коммунистического интернационала КИМ прекратил свою работу в связи с роспуском Коминтерна. В 1923 г. СИМ был воссоздан и частично сотрудничал с Коммунистическим интернационалом молодежи. После окончания Второй мировой войны взамен распавшегося СИМа был создан Международный союз молодых социалистов, поддерживавший принципы Социалистического интернационала [4. Л. 42–47].

Что касается большинства молодежных клубов, кружков и объединений Российской империи, то необходимо отметить, что они в своей основной массе являлись организациями неполитическими. После революционных событий февраля 1917 г. ситуация в молодежном движении резко изменилась. Большинство организаций стали ориентироваться на достижение не столько культурно-просветительских, сколько политических целей. В марте 1917 г. в Петрограде появилась первая социалистическая организация молодежи «Труд и свет», за-

тем – «Социалистический союз рабочей молодежи». Лидеры организации «Труд и свет» призвали молодежь к просветительству, однако ничего нового ей не смогли предложить, и в мае 1917 г. их организация распалась. Опыт трудовиков учла организация учащихся средних учебных заведений (ОСУЗ), или «осузовцы». В их организацию входили кадеты, меньшевики, молодежь еврейского Бунда и др. Затем появились молодежные организации политических партий – Ассоциация анархистской молодежи (анархисты и анархо-синдикалисты), эсеровский союз молодежи, кадеты в лице молодежной организации «Партии народной свободы», трудовики, социал-демократы под эгидой меньшевиков, Московский союз молодых эсперантистов, попытавшихся взамен государственности и духовности предложить молодежи новый язык и др. [4. Л. 42–47].

Февральская революция внесла новый импульс в развитие молодежного движения России, которое разделилось на традиционное – студентов-христиан, скаутов, соколов и новое – кадетов, анархистов, трудовиков, осузовцев, эсперантистов, эсеров, социал-демократов и др. Скауты, соколы, младохристиане продолжали вести социальную работу, объединяя молодежь для общественного просвещения и физического самосовершенствования. Новое движение ориентировалось на защиту экономических интересов молодежи, имело культурно-просветительную и политическую направленность. Огромные силы и возможности молодежных организаций были учтены, прежде всего, большевиками. 29 октября 1918 г. на I Всероссийском съезде союзов рабочей и крестьянской молодежи был создан РКСМ (Российский коммунистический союз молодежи), в дальнейшем РЛКСМ, ВЛКСМ. В 1922 г. появились первые пионерские организации [4. Л. 42–47].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что в современной системе общественных и политических отношений молодежь приобретает все большее значение как субъект, движущая сила и стратегический ресурс социально-экономических и социально-политических преобразований. Дальнейшее развитие всех стран мира, российского государства и общества напрямую зависит от нынешнего поколения молодых людей. Поэтому необходимость исследования истории молодежного движения становится социально актуальной и востребованной временем.

Основными предпосылками появления молодежного движения в мире стали урбанизация, индустриализация, демографические изменения (увеличение доли молодых людей в структуре населения), появление феномена «молодежь» как промежуточного звена между детством и взрослостью, кризисом школьного образования и семейного воспитания. Первые молодежные организации появились во второй половине XIX в. в Европе, затем распространились в США, Азии, Латинской Америке, Австралии и других странах мира, в том числе Российской империи. Большинство организаций носили культурно-просветительский характер, часть преследовала политические, религиозные и иные цели. Движение молодежи активизировалось в начале XX в.

В настоящее время молодежную политику в мире осуществляют: ВФДМ (Всемирная федерация демократической молодежи), МСС (Международный союз студентов), Европейский молодежный форум, Всемирная ассамблея молодежи и другие локальные молодежные общественные организации.

Литература

1. Жуков И.Н. Русский скаутизм. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков. Петроград: Изд-во В.А. Березовского, 1916.
2. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия, история, теория. М.: Голос, 2001. 696 с.
3. Мошняга В.П. Всемирная федерация демократической молодежи. М.: Молодая гвардия, 1976. 144 с.
4. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. М-6. Оп. 1. Д. 1.

5. Соколова В.И. Молодежь Чувашии в 1917–1985 годы: исторический опыт реализации советской молодежной политики: дис. ... докт. ист. наук. М., 2010.

6. Cornell R. Youth and Communism. A Historical Analysis of International Communist Youth Movement. N.Y., 1965.

References

1. Zhukov I.N. *Russkii skautizm. Kratkie svedeniya o russkoi organizatsii yunyh razvedchikov* [Russian scout. Brief information on the organization of Russian young scouts]. Petrograd, 1916.

2. Il'inskiy I.M. *Molodezh' i molodezhnaya politika. Filosofiya, istoriya, teoriya* [Youth and youth policy. Philosophy, History, Theory]. Moscow, Golos Publ., 2001, 696 p.

3. Moshnyaga V.P. *Vsemirnaya federatsiya demokraticheskoi molodezhi* [World Federation of Democratic Youth]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1976, 144 p.

4. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii. Fond M-6. Opis' 1. Document 1* [Russian State Archive of Socio-Political History. Archives M-6. Anagraph 1. Document 1].

5. Sokolova V.I. *Molodezh' Chuvashii v 1917–1985 gody: istoricheskii opyt realizatsii sovetskoi molodezhnoi politiki. Dis. dokt. ist. nauk.* [Youth Chuvashia in 1917-1985 years: the historical experience of the implementation of the Soviet youth policy. Dr. his. sci. diss.]. Moscow, 2010.

СОКОЛОВА ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Sokolova-cheb@mail.ru).

SOKOLOVA VALENTINA – doctor of historical sciences, professor of Russian History Chair named after A.V. Arsent'yeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 94:338.22(100)

ББК У290–03(0)

И.А. СОШКО

СОВРЕМЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: К ТЕОРИИ ВОПРОСА

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская деятельность, сущность предпринимательства, правовые основы предпринимательской деятельности.

В связи с кризисными явлениями в мировой экономике проблема функционирования предпринимательства приобрела в последнее время еще большую актуальность. Показано, что в настоящее время предпринимательство определяется как экономическая, так и правовая категория. Предложено рассмотрение понятия «предпринимательство» в исторической ретроспективе, проанализированы различные подходы к его толкованию, определены наиболее общие сущностные аспекты предпринимательской деятельности, сделан вывод о том, что предпринимательство – это инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений, связанная с удовлетворением системы экономических интересов.

I. SOSHKO

MODERN ENTREPRENEURSHIP: THE THEORY OF MATTER

Key words: enterprise, entrepreneurial business, the essence of business, the legal framework of business activity.

Due to the crisis of the world economy, the problem of functioning of business has recently become even more actual. It is shown that nowadays entrepreneurship is defined as well as an economic and legal category. We offered the research of the definition of entrepreneurship in historical perspective, analyzed different approaches to its interpretation, identified the most essential aspects of business activity. We concluded that entrepreneurship is an initiative independent activity of citizens and their associations connected with satisfaction of economic interests.

В современных условиях мировой экономики развитие предпринимательства становится неотъемлемым звеном в структуре общественного воспроизводства. Предпринимательство принадлежит к группе важнейших условий формирования финансовой стабильности, социального и экономического роста государства и имеет предназначение результативного инструмента в ходе преодоления кризисных явлений. Особенно актуальным это является

для России, становление рыночных отношений и формирование новой государственной системы которой находятся на стадии реформирования. Практическое решение многих проблем осложняется их слабой теоретической разработанностью, что относится как к понятийному аппарату, так и к анализу правовых основ предпринимательской деятельности в современной России.

Предпринимательство является одним из наиболее сложных социальных феноменов. Оно представляет интерес в качестве объекта исследования практически для всех общественных наук: истории, социологии, философии, экономической теории, юриспруденции и др. По мнению академика Л.И. Абалкина, «здесь пока еще много необъяснимого с позиций рационализма, отвергающего с порога все, что не поддается строгой детерминации и логическому объяснению» [1. С. 5]. Выход из этой ситуации ученому видится в необходимости обобщения и осмысления «...огромного эмпирического материала, раскрывающего влияние социокультурных, национальных и религиозных факторов на характер и тенденции экономического развития российского общества» [1. С. 5].

Родиной слова «предприниматель» (*entrepreneur*), безусловно, является Франция. Оно появилось ещё в XII–XIII вв. Изначально предпринимателями именовали тех, кто организовывал парады, шествия, руководил общественными работами и государственными программами. Начиная с XIV в. в предпринимательство стали вкладывать особые способности: ловкость, умение. В XVI в. термин использовали для характеристики новой профессии – предприниматель. И только с XVIII в. это понятие получило современную значимость, характеризующуюся такими категориями, как «изобретательность», «новаторство», «знание того, как делать», «искусство», «профессия», «труд». Шотландский экономист А. Смит (1723–1790 г.) оценивал предпринимателя в контексте персонификации капитала как «собственника и организатора экономического процесса» [6. С. 76].

Предприниматели считаются главными фигурами в области конкурентной борьбы, их соперничество ведет к сокращению издержек и экономических потерь, уменьшению стоимости товара услуг, работ и, безусловно, внедрению современных передовых технологий. На протяжении длительного периода европейская мысль рассматривала предпринимательство как второстепенное, с точки зрения интересов общества, занятие, недостойное людей с высоким социальным статусом.

В современных условиях отношение к предпринимательству изменилось. Содержание понятий «предприниматель» и «предпринимательская деятельность» менялось с развитием научно-технического прогресса и общества в целом. Американский ученый, профессор Р. Хизрич представляет предпринимательство как особый «процесс создания чего-то нового, что обладает стоимостью, а, соответственно, предпринимателя как человека, который тратит на это время и силы, принимает на себя бремя психологического, финансового и социального риска, получая взамен деньги и желаемый результат» [8. С. 23]. Предпринимательство осуществляет определенную функцию в развитии любой страны. Более наглядно ее представил европейский исследователь, австрийский ученый И. Шумпетер, выделяя ключевую роль предпринимателя, называя его «хозяйственным субъектом, функцией которого является как раз осуществление новых комбинаций» [7. С. 15].

В русском языке слово «предпринимательство» зародилось сравнительно недавно, приблизительно в середине XIX столетия, что подтверждается в Толковом словаре живого великорусского языка В.И. Даля: «Предпринимать или предпринять – решиться исполнить какое-либо новое дело, приступить к совершению чего-либо значительного» [4. С. 388]. С.И. Ожегов понятие «предприниматель»

трактует как «владелец предприятия, предприимчивый и практичный человек, а предприятие – производственное учреждение: завод, фабрика, мастерская или задуманное, предпринятое кем-нибудь дело» [5. С. 775].

Институт российского предпринимательства в настоящее время закреплён в качестве абсолютного частного права лица. Соответственно, выявление правовых особенностей, использование на практике данного права невозможны без анализа содержательных основ понятий «предпринимательство» и «предпринимательская деятельность». Стремление разобраться в понятийном аппарате отличает ряд современных исследователей. Так, например, в работах Г.Л. Багиева и соавт. предпринимательская деятельность представлена «...как процесс, осуществляемый частными лицами, предпринимателями или организациями по освоению природных ресурсов, производству, приобретению, продаже товаров, услуг в обмен на другие товары или услуги, или деньги...» [2. С. 7]. Они делают акцент на то, что предпринимательская деятельность осуществляется в тесной взаимосвязи с культурной средой. В.Р. Богачев и соавт. полагают, что «... предпринимательскую деятельность можно охарактеризовать как активную независимую работу собственника, нацеленную на получение дохода под угрозой риска и имущественной ответственности...» [3. С. 72].

Предпринимательство России имеет свои правовые основы. Ещё в Советском Союзе его возрождение после новой экономической политики 1920-х гг. было связано с принятием ряда законов в годы перестройки: «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.)¹, «О кооперации в СССР» (1988 г.)², «Об общих началах предпринимательства граждан в СССР» (1991 г.)³. Более детальную законную природу предпринимательство приобрело в законах РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990 г.)⁴ и «О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации» (1992 г.)⁵, которые непосредственно и напрямую были уделены вопросам предпринимательства. Никак не меньшую значимость имел и Закон РСФСР «О собственности в РСФСР» (1990 г.)⁶, потерявший силу в связи со вступлением в законную силу части первой Гражданского кодекса РФ.

Для широкого развития предпринимательства в Российской Федерации были необходимы определённые государственные условия. Они формировались постепенно, реформируя на правовом уровне всю экономическую концепцию развития страны. Основной в этот момент стала модификация отношений собственности. В советском обществе, где основу всей экономической системы составляли государственная и колхозно-кооперативная формы собственности, вопрос о предпринимательстве не являлся актуальным. Только с распадом СССР и принятием Конституции Российской Федерации 1993 г.⁷, т.е. переходом России

¹ Об индивидуальной трудовой деятельности: закон СССР от 19.11.1986 г. № 6050-XI // Ведомости Верховного совета СССР. 1986. № 47. Ст. 964.

² О кооперации в СССР: закон СССР от 26.05.1988 г. № 8998-XI // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 22. Ст. 355.

³ Об общих началах предпринимательства граждан в СССР: закон СССР от 02.04.1991 г. № 2079-1 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 16. Ст. 442.

⁴ Там же.

⁵ О регистрационном сборе с физических лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, и порядке их регистрации: закон РСФСР от 07.12.1991 г. № 2000-1 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1992. № 8. Ст. 360.

⁶ О собственности в РСФСР: закон РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 // Ведомости Совета Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416.

⁷ Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Рос. газета. 1993. № 237, 25 дек.

в постсоветское пространство, начали закладываться фундаментальные основы предпринимательства. Прямое отношение к регламентации рынка имеют более двух десятков статей Конституции – о единстве правового и экономического пространства, единого рынка, многообразии форм собственности, гарантии свободы передвижения, выбора места жительства, свободы предпринимательской инициативы, обязанности платить налоги и сборы. Основным закон нашего государства закрепляет ряд важнейших институциональных положений, которые в совокупности определяют конституционные гарантии предпринимательства в РФ.

Конституционное закрепление гарантий и основ предпринимательской деятельности в России напрямую сопряжено с наделением граждан неотчуждаемыми от рождения правами в части свободы, равенства и независимости. Статья 55 Конституции гарантирует возможность реализации права каждого физического и юридического лица на собственность и ее защиту, не ущемляет право государства обеспечивать соблюдение и выполнение таких законов, какие необходимы для осуществления контроля и законного использования собственности в соответствии с общими гражданскими интересами.

Содержание конституционного (основополагающего) права на предпринимательскую деятельность раскрывается и также дополнительно гарантируется нормами международного права. Иностранные предприниматели при этом пользуются в Российской Федерации всеми правами и несут бремя обязанности наравне с гражданами России (кроме случаев, конечно, установленных федеральным законом или нормами международных договоров). Независимость предпринимательской деятельности выражается прежде всего в свободе распоряжаться своими способностями к труду, проявляющейся в выборе определенного рода деятельности или профессии; свободе от недобросовестной конкуренции и монопольной деятельности; свободе реализовывать право на совершение любые действия в соответствии с законодательством.

Важным для развития рыночной экономики и предпринимательства является принятие в 1994 г. части первой Гражданского кодекса РФ¹. Это нормативный акт, безусловно содержащий в себе достижения многолетней правовой культуры по регламентации рыночных отношений. Выстраивая их правовой фундамент, Гражданский кодекс не только наделяет равными правами граждан, юридических лиц и государство в их гражданско-правовом статусе, но и фиксирует право граждан и их объединений на занятие предпринимательской деятельностью в качестве их абсолютного частного права.

Гражданский кодекс РФ совокупно определяет «существо» предпринимательской деятельности – это прежде всего самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое (постоянное) извлечение прибыли от использования имущества, реализации товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами. Эта деятельность подлежит регистрации в установленном законом порядке. Опираясь на эту трактовку, можно выделить несколько характерных черт и особенностей предпринимательства:

1) это самостоятельная деятельность дееспособных субъектов (как граждан, так и их объединений);

2) это не просто самостоятельная, но и инициативная (экономически активная) деятельность, однозначно направленная на реализацию своих способностей и достижение конечного результата;

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: принят Гос. Думой 21.10.1994 г.; введен в действие с 01.01.1995 г. Фед. законом от 30.11.1996 г. № 51-ФЗ // Рос. газета. 1994. № 238, 8 дек.

3) это деятельность рисковая, осуществляемая без каких-либо экономических гарантий;

4) предпринимательство – это не единовременная сделка, а хозяйственно-управленческий процесс, направленный на систематическое извлечение прибыли законным путем;

5) это деятельность, осуществляемая специальными субъектами.

На сегодняшний день предпринимательство как общественное явление отражает систему отношений, которые объективно возникают у предпринимателей при взаимоотношении друг с другом, потребителями, банковскими структурами и другими субъектами рынка, со своими работниками и, конечно государством в лице уполномоченных органов исполнительной власти и органами власти субъектов РФ, а также органов местного уровня. Предпринимательство представляет собой сложную цепочку целенаправленных действий. Оно включает в себе поиск новых творческих (инновационных) идей, их анализ и прогнозирование адекватной реакции рынка с точки зрения экономической выгоды, постановку соответствующих целей по реализации идей, их воплощению в новом производстве, освоение процесса изготовления новых товаров и совершенствование организации процесса управления производством.

В результате обобщения выводов отечественных и зарубежных исследователей, правовых основ, анализа тенденций развития рынка, а соответственно, и понятия «предпринимательство» мы приходим к необходимости уточнения его содержания. Прежде всего, на наш взгляд, важно учитывать то, что предпринимательство осуществляется в определенных правовых условиях, которые в совокупности формируют специфическое правовое пространство, где нормы права гарантируют поле хозяйственной свободы, конкуренции, инициативной экономической деятельности и т.д., в то же время юридически опосредуют все многообразие форм предпринимательства. Таким образом, предпринимательство – это инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений, связанная с удовлетворением системы экономических интересов, осуществляемая в условиях правового пространства, от своего имени, под свою имущественную ответственность, имеющая главную цель – получение прибыли.

Литература

1. Абалкин Л. Против односторонности, за целое видение социально-экономических процессов // Вопросы экономики. 1993. № 8. С. 4–6.
2. Багиев Г.Л., Томилев В.В., Чернышева З.А. Маркетинг и культура предпринимательства. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1995. 115 с.
3. Богачев В.Р., Кабаков В.С., Ходачек Л. Стратегия малого предпринимательства. СПб.: Корвус, 2005. 347 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1994. Т. 3. 402 с.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2007. 976 с.
6. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Наука, 1993. Т. 2. 897 с.
7. Шумпетер И. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 401 с.
8. Хизрич Р., Питерс М. Предпринимательство, или Как завести собственное дело и добиться успеха. Вып. I. Предприниматель и предпринимательство / общ. ред. В.С. Загашвили; пер. с англ. М.: Прогресс, 1992. 160 с.

References

1. Abalkin L. *Protiv odnostoronnosti, za tseloe videnie sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov* [Against unilateralism, for the whole vision of socio-economic processes]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of economics], 1993, no 8, pp. 4–6.
2. Bagiev G.L., Tomilov V.V., Chernysheva Z.A. *Marketing i kul'tura predprinimatel'stva* [Marketing and entrepreneurial culture]. St. Petersburg, St. Petersburg University of Economics and Finance Publ., 1995, 115 p.

3. Bogachev V.R., Kabakov V.S, Khodachek L. *Strategiya malogo predprinimatel'stva* [Strategy of small entrepreneurship]. St. Petersburg, Korvus Publ., 2005, 347 p.
4. Dal' V.I. *Tolkoviy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the live great Russian language]. Moscow, 1994, vol. 3. 402 p.
5. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkoviy slovar' russkogo yazyk* [Explanatory Russian dictionary: Around 60 000 words and idiomatic expressions]. Moscow, 2007, 976 p.
6. Smit A. *Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov* [An inquiry into the nature and causes of the wealth of Nations]. Moscow, Nauka, 1993, vol. 2. 897 p.
7. Shumpeter I. *Teoriya ekonomicheskogo razvitiya* [The Theory of Economic Development]. Moscow, Direktmedia Publishing, 2008, 401 p.
8. Khizrich R., Piters M. *Predprinimatel'stvo, ili Kak zavesti sobstvennoe delo i dobit'sya uspekha. Vyp. I. Predprinimatel' i predprinimatel'stvo* [Entrepreneurship, or how to start their own business and achieve success. Vol. I: Entrepreneur and Entrepreneurship]. Moscow, Progress, 1992. 160 p.

СОШКО ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – соискатель ученой степени кандидата исторических наук кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (irinasoshko@yandex.ru).

SOSHKO IRINA – a competitor of scientific degree of Historical Sciences candidate of Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 378:[94:004]
ББК Т.р30(2)–268.43

М.Ю. ХАРИТОНОВ, О.В. ВАСИЛЕНКО

ВНЕДРЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА ПРИ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ-ИСТОРИКОВ НА ПРИМЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Ключевые слова: компетентностный подход, информационная компетенция, Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования (ФГОС ВО), высшее историческое образование, информационная культура, информатизация образования, инновационные технологии.

Рассмотрено применение компетентностного подхода в историческом образовании при формировании информационной культуры студентов исторического факультета. Эффективными показателями современного образования являются конкурентоспособность выпускника, его интеграция в профессиональную сферу. Проведен анализ федеральных государственных образовательных стандартов на примере информационной компетенции. Представлены теоретический и методологический подходы к моделированию инновационных технологий в условиях введения ФГОС ВО. Даны рекомендации по внедрению информационной компетенции в образовательном процессе на историческом факультете

M. KHARITONOV, O. VASILENKO

THE INTRODUCTION OF COMPETENCE-BASED APPROACH BY STUDENTS HISTORIANS PREPARATION ON THE EXAMPLE OF INFORMATION COMPETENCE

Key words: competence-based approach, information competence, federal state educational standard of the higher professional education, the higher historical education, information culture, education informatization, innovative technologies.

The application of competence-based approach in historical education in forming information culture of history department students is revealed in the article. An effective indicator of modern education is presented by the graduate competitiveness, his integration into the professional sphere. The analysis of federal state educational standards on the example of information competence is carried out. The article deals with the theoretical and methodological approaches to the modeling of innovative technologies in the conditions of the federal state educational standard of the higher professional education input. The recommendations about the information competence of educational process of history department are given in the article.

Формирование образовательного пространства в высшей школе с учетом новых тенденций поставило перед научным сообществом новые задачи. Вхождение в Болонскую систему и принятие ФГОС 3+ являются основными целями обновления системы высшего образования и путями повышения качества научно-образовательного комплекса страны. Знаковыми событиями являются введение в действие нового Федерального закона Российской Федерации от

29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹ и переход на Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС ВПО). Это во многом связано с тем, что социум в лице властных и экономических структур заинтересован в профессиональном совершенствовании выпускников вузов на основе внедрения новых образовательных технологий. В данной статье сделан акцент на информационно-коммуникационной направленности образования. Информатизация образования означает качественное изменение всего процесса обучения. Это направление образования нашло отражение в Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.²

Становление информационной культуры человечества связано с пятью этапами (информационными революциями), к ним можно отнести изобретение языка, письменности, книгопечатания, электричества, компьютерной техники и новых информационных технологий. Вопрос о роли современных информационных технологий давно не нуждается в доказательной составляющей его необходимости для системы образования, речь идет о новых подходах использования их в самом процессе обучения.

Как уже неоднократно отмечалось во многих публикациях, трансформации в системе высшего образования связаны с изменениями, происходящими во всем обществе. Буквально за 10–15 лет были последовательно приняты несколько стандартов образования: ГОС первого поколения (2000 г.); ГОС второго поколения (2005 г.), ориентированные на получение студентами знаний, умений и навыков; ГОС третьего поколения с 2009 г., согласно которым высшее образование должно вырабатывать у студентов общекультурные и профессиональные компетенции.

Далее мы рассмотрим на примере высшего исторического образования по направлению подготовки бакалавров «История» отличительные характеристики ФГОС ВПО третьего поколения и ФГОС ВО 3+ (см. табл. 1).

Новые стандарты предлагают иное, чем это было в ГОСах, измерение трудоемкости освоения образовательной программы – зачетные единицы: 60 за учебный год и 240 за весь период обучения. Пересмотрены и увеличены требования к результатам освоения основных образовательных программ бакалавриата: сначала идут общекультурные компетенции, затем общепрофессиональные и профессиональные компетенции, в предыдущем стандарте, как видим, представлены общекультурные и профессиональные компетенции.

В новой редакции ФГОС ВО 3+ циклы и разделы программы заменяются на блоки. Сравнительный анализ образовательных стандартов показывает, что ФГОС ВО 3+ является логическим продолжением ФГОС 3.0, одной из базовых задач по-прежнему остается формирование профессиональной компетенции выпускников вуза. Внедрение ФГОС ВО действительно меняет вектор образовательного процесса: удельный вес занятий, проводимых в интерактивных формах, должен составлять не менее 20%; увеличивается время самостоятельной работы студентов; усложнились требования к результатам освоения ООП на основе компетентного подхода, а также возросли требования к преподаванию в новых условиях.

¹ Об образовании в Российской Федерации: Фед. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации: сайт. URL: <http://минобрнауки.рф/документы/2974>.

² Стратегия развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 годы и на перспективу до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.11.2013 г. № 2036-р [Электронный ресурс] // Министерство связи и массовых коммуникаций: сайт. URL: http://minsvyaz.ru/common/upload/Strategiya_razvitiya_otrasli_IT_2014-2020_2025%5B1%5D.pdf.

Таблица 1

Сравнительный анализ ФГОС ВПО третьего поколения и ФГОС ВО 3+ по направлению подготовки бакалавров «История»

Критерий сравнения	ФГОС ВПО третьего поколения ³	Новая редакция ФГОС ВО (3+) ⁴
Название	Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования	Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования
Область применения	ФГОС ВПО представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных образовательных программ бакалавриата по направлению подготовки 030600 История образовательными учреждениями ВПО.	ФГОС ВО представляет собой совокупность требований, обязательных при реализации основных профессиональных образовательных программ ВО – программ бакалавриата по направлению подготовки 46.03.01 История.
Характеристика направления подготовки	Трудоемкость по очной форме обучения за учебный год равна 60 зачетным единицам.	Объем программы бакалавриата составляет 240 зачетных единиц.
Характеристика профессиональной деятельности бакалавров	Основные виды профессиональной деятельности выпускника связаны с работой в качестве преподавателя, научного работника, сотрудника архивов, музеев, библиотек, эксперта и аналитика, государственного и муниципального служащего, творческого работника СМИ, специалиста по историко-культурному и познавательному туризму.	Виды профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата: научно-исследовательская; педагогическая; организационно-управленческая; культурно-просветительская; экспертно-аналитическая.
Требования к результатам освоения ООП бакалавриата	Выпускник должен обладать общекультурными (ОК) и профессиональными (ПК) компетенциями.	В результате освоения программы бакалавриата у выпускника должны быть сформированы общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные (ПК) компетенции.
Структура ООП	ООП бакалавриата предусматривает изучение учебных циклов (гуманитарный, социальный и экономический циклы; естественнонаучный цикл; профессиональный цикл) и разделов: физическая культура; учебная и производственная практики и/или научно-исследовательская работа; итоговая государственная аттестация. Каждый учебный цикл имеет базовую (обязательную) часть и вариативную (профильную).	Структура включает обязательную часть (базовую) и вариативную часть. Программа состоит из блоков: Блок 1 «Дисциплины (модули)», который включает дисциплины (модули), относящиеся к базовой части программы, и дисциплины (модули), относящиеся к ее вариативной части. Блок 2 «Практики», который в полном объеме относится к вариативной части программы. Блок 3 «Государственная итоговая аттестация».
Требования к условиям реализации ООП бакалавриата	Вузу необходимо сформировать социокультурную среду и способствовать развитию социально-воспитательного компонента учебного процесса. Реализация компетентностного подхода предусматривает активные и интерактивные формы проведения занятий в сочетании с внеаудиторной работой. В учебной программе формируются конечные результаты обучения в увязке с осваиваемыми знаниями, умениями и приобретаемыми компетенциями.	Каждый обучающийся обеспечивается индивидуальным неограниченным доступом к одной или нескольким электронно-библиотечным системам (электронным библиотекам) и к электронной информационно-образовательной среде организации.

³ ФГОС ВПО по направлению подготовки 030600 «История» квалификация (степень) «бакалавр» [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/7/6/1/3> (дата обращения: 23.11.2014).

⁴ ФГОС ВО по направлениях бакалавриата 46.03.01 «История» [Электронный ресурс] // Портал Федеральных государственных образовательных стандартов. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/914/96> (дата обращения: 29.10.2014).

Структура ООП по направлению подготовки бакалавров «История» предусматривает обязательное изучение «Информатики». Рассмотрим внедрение компетентностного подхода при подготовке студентов исторического факультета на примере информационной компетенции. Информационная компетентность как одна из важнейших компетенций рассматривается в статьях С.В. Тришиной и А.В. Хуторского, Р.А. Павлюк [2, 1]. Проанализировав имеющуюся научную литературу по исследуемой теме, будем придерживаться следующих формулировок. Термин «компетенция» мы понимаем как комплекс знаний, умений и навыков, которые выпускник в последующем может применять в своей профессиональной работе. Одной из компетенций является информационная компетенция, под которой мы имеем в виду комплекс знаний, умений и навыков, позволяющих успешно применять компьютерные технологии в процессе занятий в вузе и в последующей профессиональной деятельности.

Теоретики и практики образовательного пространства до сих пор не сошлись во мнениях по вопросу структуры информационной компетенции. На наш взгляд, вслед за Р.А. Павлюком [1] самым удачным исследованием вопроса компонентного состава информационной компетентности сделано И. Кислой [3].

Таблица 2

Компонентный состав информационной компетентности (И. Кислая)

Компонентный состав информационной компетенции	Объекты реальной действительности	Социальная значимость компетентности (для организации)	Личностная значимость компетентности
1. Информационно-поисковая компетенция	Справочники, энциклопедии, Интернет	Составление постановлений, распоряжений, приказов, нормативных документов	Получение новых знаний
2. Информационно-аналитическая компетенция	Литература, СМИ, Интернет	Анализ работы предприятия: оформление помещений, размещение и обновление рекламы	Умение анализировать любые поступки, ситуации
3. Информационно-коммуникационная компетенция	Телефон, мобильный телефон, компьютер (электронная почта, Интернет)	Консультация посетителей по вопросам, касающимся оказываемых услуг, предотвращение и ликвидация конфликтных ситуаций; рассмотрение претензий, связанных с неудовлетворительным обслуживанием посетителей	Общение с людьми
4. Информационно-оценочная (рефлексивная) компетенция	Тесты, опросы	Проведение необходимых организационно-технических мероприятий, тестирований и опросов	Применение полученных или имеющихся знаний в жизненных ситуациях
5. Информационно-экологическая компетенция	СМИ, Интернет	Обеспечивает чистоту и порядок в помещении, контролирует соблюдение подчиненными производственной санитарии и гигиены	Соблюдение чистоты окружающей среды
6. Информационная компетенция самосовершенствования и саморазвития	Литература, СМИ, Интернет	Повышение квалификации	Самосовершенствование и саморазвитие
7. Информационно-операционная компетенция	Телефон, мобильный телефон, Интернет, инструкции	Работа на ПК	Владение ПК
8. Информационно-этическая и информационно-правовая компетенция	Общество, юридические справочники	Контролирует соблюдение подчиненными работниками трудовой и производственной дисциплины, правил и норм охраны труда	Право на собственное мнение, безопасность частной собственности
9. Информационная компетенция сохранения (информационная безопасность) информации	Хранение информации на сервере под паролем, сейфы	Обеспечение безопасности хранения секретных документов	Средства и методы защиты информации

Анализ составных частей информационной компетенции, представленных в табл. 2, дает направление преподавателям высшей школы в плане мероприятий по формированию информационной культуры студента-историка. Структура информационной компетенции – это своего рода системный подход в реализации нового образовательного стандарта. Представлены поисковая, аналитическая, коммуникативная, оценочная и другие функции информационной составляющей. Все эти структурные компоненты реализуются в курсе обучения студентов-историков.

Стандарт ФГОС ВПО закрепляет за каждой дисциплиной определенное количество компетенций. В ходе изучения таких дисциплин, как «Информатика» и «Математические методы в исторических исследованиях», у студентов-историков должны быть сформированы общекультурные (ОК-1, ОК-3, ОК-13, ОК-14, ОК-15, ОК-16) и профессиональные (ПК-9, ПК-10, ПК-12, ПК-13, ПК-14, ПК-15) компетенции.

Стандарт ФГОС ВО выделяет три группы компетенций: общекультурные (ОК), общепрофессиональные (ОПК) и профессиональные (ПК). Анализируя стандарт по направлению «История» 46.03.01, приходим к выводу, что к информационной компетенции относятся две общепрофессиональные компетенции (ОПК-1, ОПК-2) и пять профессиональных (ПК-9, ПК-12, ПК-13, ПК-14, ПК-15). Перечисленные в ФГОС компетенции являются практико-ориентированными. Анализ представленных компетенций показывает, что их формирование в образовательном процессе требует не изменения содержания дисциплины, а применения инновационных технологий. Новые образовательные технологии, которые являются необходимой частью модернизации образовательного пространства, направлены в первую очередь на активизацию поисковой деятельности студента. Информационная компетенция, в свою очередь, обеспечивает студента знаниями, умениями, навыками по отношению к информации, содержащейся в учебных предметах и практике.

Рассмотрим дифференцированность формирования информационной компетенции студентов-историков по курсам обучения.

Таблица 3

**Дисциплины математического и естественнонаучного цикла
по направлению «История»**

№	Дисциплина	Курс	Семестр	Структура ООП	Количество часов	Форма контроля	Зачетные единицы
1.	Информатика	I	2	базовая часть	72	экзамен	2
2.	Историческая информатика	III	5	обязательная дисциплина	72	зачет	2
3.	Информационные технологии в образовании и науке	II		дисциплина по выбору	72	зачет	2
4.	Математические методы и модели в исторических исследованиях	I		базовая часть	144	экзамен	4

Анализ целей и задач дисциплин выявил структурные компоненты обучающего и развивающего характера, которые должны быть изучены в данных программах студентами-историками. В рамках таких дисциплин, как «Информатика», «Информационные технологии в образовании и науке», «Математические методы и модели в исторических исследованиях», «Историческая информатика», студенты-историки осваивают информационную компетенцию, в частности поиск, сбор, систематизацию и хранение информации, работу с текстовой и графической информацией, создание презентаций и т.д. Обращает на себя внимание тот факт, что и «Информатика», и «Математические

методы и модели в исторических исследованиях» относятся к базовой части дисциплин.

Как видно из табл. 3, на младших курсах, когда в основном идет формирование общекультурных компетенций, изучаются дисциплины гуманитарного и естественнонаучного цикла. На старших курсах изучаются дисциплины узкого профиля, целью которых является актуализация тех знаний и навыков, которые будут востребованы в будущей профессиональной деятельности. Это позволяет сделать вывод о преимущественности дисциплин математического цикла.

Согласно новому стандарту, место обычных информационных лекций должны занять лекции-беседы, лекции-презентации с элементами групповой работы. Иными должны стать содержание и форма практических занятий. Они должны быть ориентированы на формирование способностей решать задачи и проблемы. Наиболее продуктивны в этом плане групповые формы работы, деловые и ролевые игры, проектная деятельность, дискуссии. Использование активных форм работы, вовлечение студентов в деятельности повышает их увлеченность учебой. Говоря о повышении качества образования, нельзя не сказать и об увеличении требования к профессорско-преподавательскому составу. Для подготовки преподавателей к работе в новых условиях в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова были проведены курсы повышения квалификации по теме «Инновационные технологии в образовании», что позволяет преподавателям исторического факультета активизировать познавательную деятельность студентов-историков на лекциях и практических занятиях через использование информационно-коммуникационных технологий. Как уже было сказано выше, использование информационно-коммуникационных технологий на лекциях по истории позволяет разработать и организовать проведение таких форм занятий, как лекция-презентация, семинар-презентация, к последнему занятию готовится не только преподаватель, но и студенты, которые представляют свои работы. Такая форма занятия дает возможность представить учебный материал как систему ярких опорных образов, наполненных исчерпывающей структурированной информацией, в алгоритмическом порядке, создает большие возможности по организации самостоятельной познавательной деятельности студентов, приводит к полному и качественному усвоению знаний.

Говоря о внедрении компетентного подхода при подготовке студентов-историков, отметим, что в условиях информатизации образования использование инновационных технологий позволяет поддерживать учебный процесс на должном уровне. Например, при чтении спецкурса по «Исторической социологии» преподаватель дисциплины может предложить студентам составить собственный тематический список источников и литературы, используя Интернет, обратившись к таким ресурсам, как <http://www.isras.ru/socis.html>; <http://www.vestnik.isras.ru/>; http://sociologos.net/voprosy_sociologii; <http://www.jourssa.ru/>; <http://sociologica.hse.ru/>; <http://socioline.ru>.

Следовательно, переход системы высшего образования на новый образовательный стандарт является наиболее эффективным в решении основных задач в деле подготовки выпускников исторического факультета. ФГОС ВО ориентирует на профессионально-ориентированный характер при изучении предметов математического цикла. В основе компетентного подхода большая роль лежит на самом студенте, его активности в работе с информацией. Поэтому перед системой образования сейчас стоит вопрос об эффективном использовании компьютерных и инновационных технологий в формировании информационной компетентности студентов-историков. Результат

наличия информационной культуры зависит от таких условий, как заинтересованность преподавателей в продвижении информационной компетенции, заинтересованность студентов в усвоении возможностей использования информационных технологий в образовательном процессе для последующей профессиональной деятельности. В процессе перехода к новым образовательным стандартам рекомендуем в качестве вариативной части введение таких предметов, как «Исторические ресурсы в Рунете» и «Основы работы с информационными ресурсами в Интернете».

Литература

1. Павлюк Р.А. Генезис понятия «информационная компетентность» в контексте непрерывного педагогического образования [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования: сетевой журнал. URL: <http://human.snauka.ru/2014/01/5529> (дата обращения: 25.10.2014).

2. Тришина С.В., Хуторской А.В. Информационная компетентность специалиста в системе дополнительного профессионального образования [Электронный ресурс] // Центр дистанционного образования Эйдос: сайт. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm> (дата обращения: 25.10.2014).

3. Кисла И.Г. Підходи до формування інформаційної компетентності вчителя загальноосвітнього навчального закладу [Электронный ресурс] // Информационные технологии в образовании: сетевой журнал. URL: <http://ite.kspu.edu.ru/issue-2/p-110-113> (дата обращения: 29.10.2014).

References

1. Pavlyuk R.A. *Genesis ponyatiya «informatsionnaya kompetentnost'» v kontekste nepreryvno-go pedagogicheskogo obrazovaniya* [The genesis of the concept "information competence" in the context of continuous pedagogical education]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian scientific researches]. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/01/5529> (Accessed 25 October 2014).

2. Trishina S.V., Hutorskoy A.V. *Informatsionnaya kompetentnost' spetsialista v sisteme dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya* [The expert information competence of the additional professional education system]. Available at: <http://www.eidos.ru/journal/2004/0622-09.htm> (Accessed 25 October 2014).

3. Kysla I.G. *Pidhody do formuvannya informacijnoi' kompetentnosti vchytelja zagal'noosvitn'ogo navchal'nogo zakladu* [The approaches of the teacher's information competence forming in the educational standard]. *Informatsionnye tekhnologii v obrazovanii* [Information technologies in education]. Available at: <http://ite.kspu.edu.ru/issue-2/p-110-113> (Accessed 29 October 2014).

ХАРИТОНОВ МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (Muha21@rambler.ru).

KHARITONOV MIKHAIL – candidate of historical sciences, associate professor of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ВАСИЛЕНКО ОКСАНА ВИТАЛЬЕВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры документоведения, информационных ресурсов и вспомогательных исторических дисциплин, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vasilenkoksana@rambler.ru).

VASILENKO OKSANA – candidate of philosophical sciences, associate professor of Document Science, Information Resources and Auxiliary Historical Disciplines Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 352.075.1 (470.344)
ББК 67.400.7

А.А. ЧУКСИНА

ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ЧУВАШИИ В 1990–2000-е ГОДЫ

Ключевые слова: городское самоуправление, органы городского самоуправления, выборы в органы городского самоуправления, глава местного самоуправления, система городского самоуправления.

Уровень развития местного самоуправления является главным показателем степени демократизации общественно-экономической жизни страны, т.е. децентрализация власти и ресурсов становится ключевым условием социально-экономического развития государства. Городское самоуправление в России имеет длительную историю, на протяжении которой оно неоднократно реформировалось. Процесс формирования и развития института городского самоуправления в Чувашии рассматривается в историческом аспекте. Показываются изменения структуры муниципальных органов управления, анализируются итоги проведенных выборов в органы местной власти. Для раскрытия темы исследования привлечены специальные источники: документы Государственного исторического архива современной истории Чувашской Республики, нормативно-правовые документы и материалы периодической печати изучаемого хронологического периода, относящегося к 1991–2012 гг.

A. CHUKSINA

MUNICIPAL GOVERNMENT IN CHUVASHIA IN 1990–2000s

Key words: local government, local governments, elections to local government, head of local government, system of local government.

The level of local government is the main indicator of the level of democratization of social and economic life of the country, that is, decentralization of power and resources is a key condition for the socio-economic development of the state. Municipal government in Russia has a long history, during which it has repeatedly been reformed. Process of formation and development of the institution of municipal government in Chuvashia seen in the historical aspect. Showing changes in the structure of municipal governments, analyzed the outcome of the elections to local authorities. To disclose the author of the research topic attracted special sources: documents of the State Historical Archives of Contemporary History of the Chuvash Republic, legal documents and materials periodicals studied chronological period relating to 1991–2012 years.

Местное самоуправление прошло длительный исторический путь и в виде единой системы сложилось не сразу. Современная система управления на местах ведет свое начало с реформирования местных Советов, что тесно связано с социально-экономическими и политическими изменениями в СССР во второй половине 1980-х гг. и объективной необходимостью вовлечения населения в публичную сферу.

Становление современной системы местного самоуправления в России связано с принятием в 1990 г. Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР»¹, который впервые вводил понятие «местное самоуправление». Несмотря на то, что этот закон характеризовал органы власти на местах как органы самоуправления и самоорганизации граждан, они продолжали оставаться составной частью государственного управления.

В истории Чувашии, республики, представленной титульной нацией – чувашами – 67,7% [11], начало 1990-х гг. также стало временем кардинальных изменений как в правовом положении, так и в системе органов государственной власти и управления. «Декларация о государственном суверенитете Чувашской Со-

¹ Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в РСФСР [Электронный ресурс]: Закон СССР от 09.04.1990 г // Семерка: российский. прав. портал. URL: <http://zakon.law7.ru/base19/part9/d19ru9695.htm> (дата обращения: 10.04.2014).

ветской Социалистической Республики», принята 24 октября 1990 г.², вывела из названия республики определение «автономная», а 13 февраля 1992 г. – «советская» и «социалистическая». У Чувашии появилось современное наименование – Чувашская Республика (ЧР). Обретение государственного суверенитета, становление новой власти определили и направления государственных преобразований в области местного самоуправления.

В 90-е гг. XX в. административно-территориальное деление ЧР включало 5 городов республиканского подчинения: Алатырь, Канаш, Новочебоксарск, Чебоксары, Шумерля и 21 район Алатырский, Аликовский, Батыревский, Вурнарский, Ибресинский, Канашский, Козловский, Комсомольский, Красноармейский, Красночетайский, Мариинско-Посадский, Мограушский, Порецкий, Урмарский, Цивильский, Шемуршинский, Шумерлинский, Чебоксарский, Ядринский, Яльчикский, Янтиковский.

Закон Чувашской Советской Социалистической Республики (ЧССР) «О местном самоуправлении в Чувашской ССР»³ дал начало новому этапу становления системы самоуправления на местах. В нем впервые использовалось понятие «местное самоуправление – система организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения». Самоуправление осуществлялось как непосредственно – через выборы, референдумы, собрания граждан, органы территориального общественного самоуправления, так и через представительные органы – Советы народных депутатов, которые действовали во всех городах Чувашии. В систему местного самоуправления городов входили также администрация, которая заменила бывшие исполнительные комитеты, и глава администрации. В 1991 г. в городах Новочебоксарск, Шумерля, Канаш, Алатырь, Чебоксары исполнительные комитеты прекратили свое существование, на смену им в 1992 г. пришли городские администрации, которые взяли на себя исполнительно-распорядительные функции, а также координирование работы всех отраслей хозяйства.

Например, в структуру администрации г. Чебоксары в 1992 г. входили 7 комитетов: городской комитет по управлению имуществом; земельной реформе и земельным ресурсам; охране природы; физической культуре и спорту; делам молодежи; социальной законности и труду, 12 отделов: отдел экономики прогнозирования и предпринимательства; финансовый; сектор цен; отдел по ресурсам; городской статистики; строительства; жилищно-коммунального хозяйства и энергетики; учета и распределения жилья; торговли; бытовых услуг; продовольственных закупок и общественного питания; записи актов гражданского состояния и 6 управлений: управления архитектуры и градостроительства; транспорта и связи; здравоохранения; народного образования; культуры; управления делам администрации. Кроме того, при городской администрации работали комиссии: по охране памятников истории и культуры; делам несовершеннолетних; борьбе с пьянством; наблюдательная [7].

Главное отличие местной администрации от исполнительных комитетов заключалось в отсутствии подконтрольности Советам народных депутатов, отказе от коллегиальности в принятии решений в пользу единоначалия и ответственности главы местной администрации. Если исполнительный комитет избирался

² О декларации о государственном суверенитете Чувашской Советской Социалистической Республики: Закон Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики от 24.10.1990 г. // Советская Чувашия. 1990. 25 окт. С. 1.

³ О местном самоуправлении в Чувашской Советской Социалистической Республики: Закон Чувашской Советской Социалистической Республики от 18 октября 1991 г. // Законы и постановления, принятые на 16–17 сессиях Верховного Совета Чувашской Республики XII созыва. Чебоксары, 1993.

Советом народных депутатов из своего состава, то глава администрации самостоятельно определял структуру администрации, а Совет ее только утверждал.

Советы народных депутатов являлись основным звеном системы местного самоуправления и избирались на 5 лет. Закон учредил должность главы местной администрации с его единоличной ответственностью перед населением (право населения отозвать главу администрации) и перед представительным органом, который вправе был выразить недоверие, и закрепил за ним конкретные полномочия. Это был принципиальный шаг к изменению советской системы организации власти и управления в городах: представительный и исполнительный органы должны были формироваться теперь исключительно по воле горожан.

Закон ЧССР 1991 г. «О выборах главы местной администрации»⁴ закрепил порядок проведения выборов глав администраций на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании. В соответствии с законом, глава избирался сроком на 5 лет. Также, в 1991 г. парламент республики, учитывая падение интереса населения к выборам, принял постановление «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской ССР «О выборах главы местной администрации»⁵, допускавшее в случае неизбрания главы местной администрации назначение исполняющего его обязанности. Впервые путем всенародного прямого тайного голосования определялись руководители исполнительной власти. Первые выборы мэра в городах Чувашии были назначены на 8 декабря 1991 г. В г. Чебоксары на эту должность претендовало несколько кандидатов: В.В. Алексеев – председатель бывшего горисполкома, В.В. Сапожников и И.П. Тореев. Однако ни один из них не набрал необходимого количества голосов избирателей, при этом явка граждан на выборы составляла 44,63% [14], что свидетельствовало о достаточно высокой гражданской активности населения и понимании необходимости реформ на местном уровне. В январе 1992 г. на VIII внеочередной сессии Чебоксарского городского Собрания народных депутатов (ЧГСНД) было принято решение назначить на пост главы администрации В.В. Алексеева, который совместил сразу две должности – главы администрации и председателя Совета, что было обусловлено проводимым в республике в 1992–1993 гг. государственно-правовым экспериментом. В г. Алатырь на пост главы местной администрации претендовало 3 кандидата: В.И. Деров – директор обувной фабрики, Н.А. Курчатov – председатель горисполкома Алатыря, и В.И. Пахомов – председатель Алатырского городского Совета народных депутатов [1]. Однако В.И. Деров и В.И. Пахомов сняли свои кандидатуры. С учетом низкой активности избирателей на X сессии городского совета г. Алатырь на должность главы администрации города был назначен Н.А. Курчатov [10. Л. 59]. В г. Шумерля избран населением В.М. Садырга – бывший председатель горисполкома. Явка граждан была одной из самых высоких в Чувашии – 51,2%. В г. Новочебоксарск на должность главы администрации назначен И.Г. Чернов.

Анализируя итоги выборов руководителей городских администраций, можно отметить следующие тенденции: на руководящие посты были избраны лица, известные жителям, прежде всего, своей работой в прошлом, главы новых органов – в основном прежние руководители исполкомов, хозяйственники, депутаты городских советов, умевшие осуществлять деятельность на профессио-

⁴ О выборах главы местной администрации: Закон Чувашской Советской Социалистической Республики от 18 октября 1991 г. // Законы и постановления, принятые на 16–17 сессиях Верховного Совета ЧР 12 созыва. Чебоксары, 1993.

⁵ О порядке введения в действие Закона Чувашской Советской Социалистической Республики «О внесении изменений и дополнений в Закон Чувашской ССР «О выборах главы местной администрации» [Электронный ресурс]: постановление Верховного Совета Чувашской Советской Социалистической Республики от 28.12.1991 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

нальной основе. Ни в одном городе, кроме г. Шумерля, в 1991 г. глава исполнительной власти не был избран народом.

В результате такого способа организации власти администрация в структуре городских органов становилась все более независимым элементом. Формально оставаясь органом местного управления, исполнительная власть была подотчетна Совету, но одновременно ее деятельность зависела от решений, принимавшихся вышестоящими исполнительными органами. В течение 1990–1991 гг. увеличилась роль исполнительного органа, который получил поддержку со стороны администрации республики.

Государственно-правовой эксперимент в Чувашской ССР и Закон 1991 г. «О местном самоуправлении в Чувашской ССР» позволили совместить должности председателя Совета народных депутатов и главы местной администрации. Данное совмещение было предпринято в некоторых районах и городах Чувашии, например, в г. Чебоксары и г. Новочебоксарск. Событие по-разному оценивалось депутатами Верховного Совета ЧР (ВС ЧР): многие из них, в том числе и первый заместитель председателя Б. Яковлев, считали такое совмещение функций благоприятным для оперативного выполнения должностных обязанностей, поскольку наличие нескольких руководителей представлялось нерациональным и неэкономичным. Другие, например, прокурор ЧР Е. Жуков, находили в этом противоречие Конституции РФ и выступали против совмещения должностей главы исполнительного органа и председателя Совета народных депутатов. Это событие так и не получило однозначной оценки, и большинство депутатов проголосовало против дальнейшего проведения эксперимента в Чувашии. В мае 1993 г. ВС ЧР принял постановление о невозможности такого совмещения. Таким образом, в большинстве городов установилась система, когда администрация городов формировалась без участия как населения, так и представительного органа.

Закон «Об основах организации местного самоуправления в Чувашской Республике» 1993 г.⁶ дал иное определение местного самоуправления: «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через систему государственных органов вопросов, касающихся данной территории и ее населения, исходя из местных и государственных интересов, на основе законодательства». Были сделаны существенные шаги в сторону его ограничения. Изменилась система местного самоуправления в городах, она стала включать в себя: Собрание депутатов, местную администрацию, главу местного самоуправления, органы территориального общественного самоуправления (советы микрорайонов, уличные, домовые, сельские комитеты), местные референдумы, общие собрания (сходы), конференции граждан. Представительные органы отныне могли избираться только на 2 года.

На протяжении 1990–1993 гг. система городского самоуправления постоянно изменялась, шли поиски наиболее эффективных форм управления городским хозяйством. Возможно, это происходило потому, что социально-экономическое положение городов, получивших новую форму организации власти, было слабым и нуждалось в поддержке государства.

Ликвидация советской представительной системы и принятие в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации положили начало новому этапу реформирования местного самоуправления в республике. Расширились права граждан в осуществлении местного самоуправления. Закон ЧР «Об общих собраниях (сходах), конференциях граждан в Чувашской Республике», приня-

⁶ Об основах организации местного самоуправления в Чувашской Республике [Электронный ресурс]: Закон Чувашской Республики от 19.11.1993 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

тый в 1993 г., установил порядок участия граждан в решении вопросов местного и общегосударственного значения. В 1993 г. в Чувашии был принят закон «О порядке отзыва главы местной администрации в Чувашской Республике», согласно которому в случаях выражения недоверия местным советом главе администрации его полномочия могли быть сложены.

В 1993 г. были приняты Положения о самоуправлении во всех городах Чувашии. Например, в г. Чебоксары 23 июня 1993 г. было утверждено положение о самоуправлении города. Такие документы были приняты в городах Канаш, Шумерля, Новочебоксарск и Алатырь. В соответствии с этим документом местное самоуправление на территории города представляло собой систему организации деятельности граждан для самостоятельного решения всех городских вопросов исходя из интересов города, его исторических, национально-этнических, административно-территориальных и иных особенностей. Документ определил функции, порядок работы, систему и структуру местных органов управления, организацию территориального общественного самоуправления. Система самоуправления в городах Чувашии включала в себя: представительный орган – городской совет народных депутатов; исполнительно-распорядительный орган – администрация города; городские референдумы; общественные опросы, имеющие городское значение; органы территориального общественного управления; собрания, конференции граждан микрорайонов, улиц, домовых комитетов.

Собрание народных депутатов являлось представительным органом власти, через который население города осуществляло местное самоуправление, оно координировало деятельность всех других органов. Администрация реализовывала исполнительно-распорядительные функции и была подотчетна Совету и вышестоящему исполнительному органу (Совету Министров ЧР). Структура администрации, а также размер расходов на ее содержание утверждался Советом народных депутатов по представлению главы администрации.

В марте 1994 г. в городах Чувашии состоялись выборы депутатов в городские собрания. В соответствии с законом ЧР «Об основах организации местного самоуправления в ЧР» и в связи с проведенными выборами в республике, Указом Президента Чувашии 1994 г. «О представительных органах государственной власти и местного самоуправления в ЧР» полномочия местных Советов народных депутатов были прекращены с 14 марта 1994 г.

В г. Чебоксары в состав городского Собрания депутатов (ЧГСД) необходимо было избрать 15 депутатов. 13 марта 1994 г. ни один из них не набрал необходимого числа голосов, и выборы были признаны несостоявшимися. Явка граждан была небольшой – 19,3%. Число голосов, поданных против всех кандидатов, – 15,62%. Низкую активность избирателей, высокий процент голосов против всех кандидатов, вероятно, можно объяснить недовольством горожан работой органов местной власти. Повторные выборы проводились 27 марта, 26 мая, 2 июня, 27 ноября и только 4 декабря 1994 г. Собрание депутатов города сформировалось в полном составе. В г. Новочебоксарск явка избирателей была самой низкой среди городов ЧР – 15,7%. Новочебоксарское городское Собрание депутатов также было сформировано полностью 4 декабря 1994 г. В г. Канаш на выборы пришло 27,2% избирателей, но ни один кандидат не набрал необходимого количества голосов. Повторные выборы также проводились 27 марта, 26 мая, и только 2 июня 1994 г. Канашское городское Собрание депутатов в составе 11 человек приступило к исполнению своих обязанностей. В г. Шумерля проголосовало 33,3% граждан, городское Собрание начало свою работу 4 декабря 1994 г. Алатырское городское Собрание депутатов в составе 15 человек было образовано 26 мая 1994 г. [2].

Депутатский корпус в городах в основном состоял из руководителей промышленных предприятий, работники народного образования и медицинские специалисты занимали второе место, депутатов собраний представляли и юристы, незначительным процентом отличались рабочие, мастера заводов, безработные граждане.

Недостаточная активность избирателей, низкий процент проголосовавших стали своего рода протестом людей против постоянно растущих социально-экономических трудностей. Таковой же видится причина высокого процента голосов против всех кандидатов. Это подтверждают многочисленные статьи в городских газетах. Население городов относилось с недоверием к депутатскому корпусу, недостаточно заботившемуся о простых людях. В газетах жители городов высказывали свои предложения по совершенствованию организации выборов и активизации народных масс, например, предлагалось создать определенную систему отбора кандидатов в депутаты, согласно которой трудовой коллектив, предлагавший кандидатуру, нес определенную ответственность. Депутат, по мнению населения, должен обладать самыми лучшими чертами человеческого характера: широким кругозором, аналитическим умом, иметь жизненный опыт и быть профессионалом. Предлагалось создавать общественные комиссии из авторитетных специалистов, например, юристов, учителей, инженеров и только после одобрения комиссией кандидата допускать его до участия в выборах.

До избрания новых местных органов представительной власти их полномочия, за исключением распорядительных функций, возлагались на местные администрации. Их главам в городах Алатырь, Канаш, Козловка, Мариинский Посад, поселке Вурнары было указано образовать консультативное совещание. Главы администраций решали вопросы формирования местных бюджетов, налогов и сборов с учетом рекомендаций консультативного совещания. Главы администраций городов Чебоксары, Новочебоксарск, Шумерля, Ядрин, районов в г. Чебоксары, где не был избран ни один депутат, осуществляли функции представительных органов местного самоуправления до их избрания. Так было проведено реформирование местного самоуправления, изменилось его содержание и возросла роль в экономическом и культурном развитии муниципальных образований республики.

В Законе «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике» 1996 г.⁷ было дано новое определение местному самоуправлению – «признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ, Конституцией ЧР самостоятельная и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных традиций». Система городского самоуправления оставалась прежней, однако в ней произошли некоторые изменения. Они коснулись порядка избрания главы местного самоуправления: он стал избираться либо гражданами на всеобщих выборах, либо представительным органом местного самоуправления из своего состава. Избранный населением глава мог быть наделен правом входить в состав представительного органа или возглавлять местную администрацию. Изменился порядок работы исполнительного органа, который с 1996 г. стал подотчетен населению непосредственно и представительным органам. Закон впервые регламентировал муниципальную службу, определил финансово-экономические основы местного самоуправления.

⁷ Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике [Электронный ресурс]: Закон Чувашской Республики от 16.03.1996 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

В 1996 г. были приняты уставы муниципальных образований во всех городах республики, что знаменовало собой завершение очередного этапа реформирования системы местного самоуправления. Новые документы уточнили систему управления городом, которая включала в себя: главу самоуправления, главу администрации, представительный орган – Собрание депутатов, исполнительные органы – администрация города, администрации городских районов (г. Чебоксары), органы территориального общественного самоуправления, референдумы, общие собрания, сходы, конференции граждан, другие формы непосредственного волеизъявления населения.

Закон «О выборах главы местного самоуправления» 1996 г.⁸ определил порядок избрания руководителей муниципальных образований. 8 декабря 1996 г. в Чувашии прошли первые выборы глав местного самоуправления. В г. Чебоксары было зарегистрировано 6 кандидатов: А.Е. Драницын, Н.С. Егоров, А.А. Игумнов, С.М. Ляпидовская, В.В. Сапожников и С.В. Шалимов [9. Л. 96]; явка избирателей составила 33,17%. Ни один кандидат не набрал должного количества голосов. 22 декабря прошло повторное голосование, в результате которого победу одержал А.А. Игумнов [8. Л. 78]. В г. Новочебоксарск на эту должность претендовало 6 человек: Н.И. Иванов, М.Ф. Редькин, С.А. Алексеев, В.Н. Завалов, А.Н. Корзов, 22 декабря 1996 г. на повторных выборах большинством голосов был избран Н.И. Иванов. В г. Алатырь главой самоуправления стала А.М. Чепаксина [12]. В г. Шумерля явка избирателей была самой высокой – 37,6%, зарегистрировались 5 кандидатов [13], из которых большинством голосов 13 декабря был избран А.Ю. Коротков.

Таким образом, прямое государственное управление в городах и сельских районах республики полностью исключалось, а местное самоуправление в системе публичной власти Чувашии приобретало обособленный характер.

В 2004 г. принятые Законы «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике»⁹ и «Об установлении границ муниципальных образований Чувашской Республики и наделении их статусом городского, сельского поселения, муниципального района или городского округа»¹⁰ существенно расширили формы участия населения в местном самоуправлении. Местное самоуправление характеризовалось как «форма осуществления народом своей власти, самостоятельное и под свою ответственность решение населением вопросов местного значения». В ЧР создавались муниципальные образования нескольких типов: сельские и городские поселения, муниципальные районы, на территории которых образовывались муниципалитеты поселений, городские округа. После принятия новых законов на территории Чувашии было сформировано 317 муниципальных образований – 5 городских округов, 21 муниципальный район, 7 городских и 284 сельских поселения. Статусом городского округа наделались 5 муниципальных образований: города Чебоксары, Новочебоксарск, Алатырь, Канаш, Шумерля. В составе муниципальных районов статус городских поселений приобрели: города районного значения – Мариинский Посад, Козловка, Цивильск, Ядрин, а также поселки городского типа: Урмары, Вурнары, Ибреси. Статус сельского поселения получили 284 муниципальных образования. Новый закон

⁸ О выборах главы местного самоуправления: Закон Чувашской Республики от 16.03.1996 г. // Правительственный вестник. 1996. № 12–13, 20 марта.

⁹ Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике [Электронный ресурс]: Закон Чувашской Республики от 18.10.2004 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Об установлении границ муниципальных образований Чувашской Республики и наделении их статусом городского, сельского поселения, муниципального района или городского округа [Электронный ресурс]: Закон Чувашской Республики от 24.11.2004 г. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

закрепил двухуровневую систему организации местного самоуправления. Первый уровень – городские и сельские поселения, второй – городские округа и муниципальные районы. Формирование органов самоуправления в городских и сельских поселениях позволило максимально приблизить их к местным жителям.

Конституция 2000 г. и Законы ЧР, действующие в настоящее время, представляют местное самоуправление как целостную систему, выраженную в нескольких формах, посредством которых обеспечивается решение вопросов местного значения. Структура органов местного самоуправления определена в Законе 2004 г. «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике» и в уставах всех муниципальных образований. Она состоит из двух частей: обязательной и необязательной. К обязательным органам самоуправления на местах относятся представительный орган, глава муниципального образования, местная администрация. Уставом могут быть предусмотрены и иные органы, например, контрольный, избирательная комиссия и др. В уставе определяются порядок формирования, полномочия и их срок, подконтрольность органов местного самоуправления, вопросы их организации и деятельности.

Глава муниципального образования является его высшим должностным лицом. Он решает все вопросы управления муниципальным образованием, осуществляет контроль за деятельностью самоуправления на местах. Глава подотчетен населению и представительному органу. В октябре 2005 г. были избраны главы самоуправления во всех городах Чувашии. В г. Канаш на пост руководителя местного сообщества претендовало 2 человека: С.В. Николаев – заместитель директора ООО «Строитель» и В.И. Полукарова – глава самоуправления города. Избиратели (36,16%), пришедшие на выборы, отдали свои голоса за В.И. Полукарову, которая продолжила исполнять обязанность главы самоуправления города [4]. В г. Алатырь явка граждан на выборы составила 35,01%. Из 4 кандидатов был избран М.В. Марискин – заместитель главы администрации г. Алатырь – начальник управления образования и молодежной политики [3]. В г. Шумерля глава администрации В.М. Садырга продолжил исполнять обязанности главы самоуправления города, набрав наибольшее число голосов, его соперники В.С. Безносова – начальник планово-производственного отдела ОАО «Стройтрест № 3» и Л.Г. Дмитриева – заместитель начальника Главного управления внутренних дел ЧР не набрали необходимого количества голосов [6]. В октябре 2005 г. в связи с окончанием срока полномочий на выборах главы местного самоуправления 70% жителей Чебоксар отдали свои голоса за Н.И. Емельянова, кандидаты О.Г. Ванин – сотрудник службы безопасности частного охранного предприятия «Бодигард» и Г.П. Матвеев – майор авиации в отставке не получили поддержки избирателей.

Согласно Закону ЧР 2004 г. «Об организации местного самоуправления в Чувашской Республике» существует несколько способов избрания главы муниципального образования. Так, например, главы Чебоксарского, Новочебоксарского, Алатырского, Шумерлинского, Канашского городских округов с 2010 г. избираются представительным органом из своего состава и являются высшими должностными лицами, совмещая функции главы муниципального образования и председателя представительного органа. Глава администрации назначается на должность по контракту на конкурсной основе и является сити-менеджером.

Выборные представительные органы занимают ведущее место в системе местного самоуправления, им подконтрольна деятельность всех других учреждений и должностных лиц. Представительный орган является постоянно действующим и состоит из депутатов, которые избираются населением на муниципальных выборах. Представительный институт власти муниципального рай-

она может формироваться из глав и депутатов сельских поселений. Если в сельском поселении проживают менее 100 человек, то представительный орган не формируется, а его полномочия передаются сходу граждан. В целях контроля за исполнением бюджета муниципального образования представительный орган вправе формировать контрольный орган муниципального образования, подотчетный ему.

В 2010 г. в городах были избраны депутаты действующих сегодня собраний. В Чебоксарах в составе собрания работает 33 депутата, Канаше – 22, Алатыре и Новочебоксарске – 25, Шумерле – 20.

Одним из важнейших органов местного самоуправления является администрация муниципального образования – исполнительно-распорядительный орган, действующий на постоянной основе и формируемый по профессиональному признаку. Работа администрации осуществляется в форме оперативной, исполнительной и распорядительной деятельности по реализации решений представительного органа. Глава местной администрации осуществляет общее руководство администрацией, непосредственно направляет работу своих заместителей и аппарата.

Таким образом, являясь одним из элементов конституционного строя РФ, местное самоуправление имеет большое значение для формирования новой российской государственности. В результате реформ местного самоуправления впервые в нашей современной истории публичная власть начинает полноценно работать на самом близком к населению уровне – в масштабах сельских и городских поселений. Поэтому государству, его соответствующим органам власти в настоящее время важно видеть и учитывать опыт функционирования управления на местах, определять тенденции его дальнейшего развития. Местное самоуправление, как и вся российская политическая система, накапливает положительный опыт функционирования в качестве полноправного института и в то же время требует дальнейшего развития и совершенствования. Созданные демократические учреждения должны укорениться во всех социальных слоях. Для этого необходимы демократическое устройство государства и расширение доверия все большего числа социальных и политических функций непосредственно гражданам, их организациям и самоуправлению.

Литература

1. Алексеева Л. А нужны ли такие выборы // Ленинский путь. 1991. № 193. С. 1.
2. Волгин Ю. Начало положено // Алатырские вести. 1994. № 64. С. 1.
3. Выборы главы г. Алатыря 16 октября 2005 г. [Электронный ресурс] // Алатырская городская муниципальная избирательная комиссия [сайт]. URL: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421402669665®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 10.04.2014).
4. Выборы главы г. Канаш 16 октября 2005 г. [Электронный ресурс] // Муниципальная избирательная комиссия г. Канаша [сайт]. URL: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421400676545®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 10.04.2014).
5. Выборы главы г. Новочебоксарск 16 октября 2005 г. [Электронный ресурс] // Новочебоксарская территориальная избирательная комиссия [сайт]. URL: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421401371684®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 10.04.2014).
6. Выборы главы г. Шумерля 16 октября 2005 г. [Электронный ресурс] // Шумерлинская городская территориальная избирательная комиссия [сайт]. URL: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421402871793®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (дата обращения: 10.04.2014).
7. ГАСИ ЧР. Ф. 2983. Оп. 1. Д. 14. Л. 128–170.
8. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3027/2644. Оп. 4 Д. 11.
9. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3027/2644. Оп. 4 Д. 8.
10. ГАСИ ЧР. Ф. Р-3027/2644. Оп. 1. Д. 5.

11. Mineeva E.K. Формирование и развитие национальной государственности в педагогическом наследии историков Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2007. № 1. С. 27–40.
12. Об итогах выборов главы самоуправления г. Алатырь // Алатырские вести. 1996. № 148. С. 1.
13. Решение городской избирательной комиссии г. Шумерля «О результатах голосования 8 декабря 1996 г.» // Вперед. 1996. № 148, дек. С. 1.
14. Чебоксарские новости. 1992. № 181. С. 1.

References

1. Alekseeva L. *A nuzhny li takie vybory* [And do you need such choices]. *Leninskii put'* [Leninist path], 1991, no. 193, p. 1.
2. Volgin Yu. *Nachalo polozheno* [A start]. *Alatyrskie vesti* [Alatirskie news], 1994, no. 64, p.1.
3. *Vybory glavy goroda Alatyrya 16 oktyabrya 2005 goda* [Election of the head of Alatyry 16 October 2005] Available at: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421402669665®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (Accessed 10 April 2014).
4. *Vybory glavy goroda Kanash 16 oktyabrya 2005 goda* [Election of the head of Kanash 16 October 2005]. Available at: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421400676545®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (Accessed 10 April 2014).
5. *Vybory glavy goroda Novocheboksarsk 16 oktyabrya 2005 g.* [Election of the head of Novocheboksarsk 16 October 2005] Available at: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421401371684®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (Accessed 10 April 2014).
6. *Vybory glavy goroda Shumerlya 16 oktyabrya 2005 goda* [Election of the head of Shumerlya 16 October 2005] Available at: <http://www.chuvash.vybory.izbirkom.ru/region/chuvash?action=show&vrn=421402871793®ion=21&prver=0&pronetvd=null> (Accessed 10 April 2014).
7. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond 2983. Opis' 1. Dokument 14* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives 2983. Anagraph 1. Document 14].
8. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-3027/2644. Opis' 4. Dokument 11* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-3027/2644. Anagraph 4. Document 11].
9. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-3027/2644. Opis' 4. Dokument 8* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-3027/2644. Anagraph 4. Document 8].
10. *Gosudarstvennyi arkhiv sovremennoi istorii Chuvashskoi Respubliki. Fond R-3027/2644. Opis' 1. Dokument 5* [State Archive of Contemporary History of the Chuvash Republic. Archives R-3027/2644. Anagraph 1. Document 5].
11. Mineeva E.K. *Formirovanie i razvitie nacional'noj gosudarstvennosti v pedagogicheskom nasledii istorikov Chuvashii* [Formation and development of national statehood in the pedagogical heritage historians Chuvashia]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University], 2007, no. 1, pp. 27–40.
12. *Ob itogah vyborov glavy samoupravleniya g. Alatyry* [On the results of presidential elections, the government Alatyry]. *Alatyrskie vesti* [Alatirskie news], 1996, no. 148, p. 1.
13. *Reshenie gorodskoj izbiratel'noj komissii g. Shumerlya «O rezul'tatah golosovanija 8 dekabrja 1996 goda»* [The decision of the City Election Commission of Shumerlya "Results of voting 8 December 1996"]. *Vpered* [Forward], 1996, no. 148, December, p. 1.
14. *Cheboksarskie novosti* [Cheboksarskie news], 1992, no. 181, p. 1.

ЧУКСИНА АЛЕНА АНДРЕЕВНА – аспирантка кафедры Отечественной истории имени А.В. Арсентьевой, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alenchuksina@mail.ru).

CHUKSINA ALYONA – post-graduate student of Russian History Chair named after A.V. Arsenyeva, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1'373.45
ББК Ш12=411.2*322

С.И. БАХТИНА

**СТРУКТУРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ
ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ НЕСООТВЕТСТВИЯ**

Ключевые слова: русский язык, иноязычная лексика, заимствования, структурная дифференциация.

Дано описание структуры заимствований в лексике русского языка. Выделены основные структурные разновидности: нетранслитерированные заимствования, транслитерированные заимствования, заимствования с грамматической субституцией и др. Рассмотрены межъязыковые несоответствия на материале лексем различных языков.

S. BAKHTINA

**STRUCTURAL DIFFERENTIATION OF FOREIGN VOCABULARY IN RUSSIAN LANGUAGE:
INTERLANGUAGE INCONSISTENCIES**

Key words: Russian language, foreign vocabulary, borrowing, structural differentiation.

The paper is devoted to the description of the structural of borrowings in the Russian lexicon. Highlights the main structural varieties. They are retransliteration borrowing, transliteration borrowing, borrowing with the grammatical substitution etc. The article covers the translanguing inconsistencies with examples of lexemes from different languages.

Иноязычная лексика в составе русского языка вызывает традиционный интерес у лингвистов. Исследование теоретических и практических проблем, связанных с взаимодействием различных языковых систем, в настоящее время приобретает актуальность вследствие активизации роли русского языка в сфере межкультурной коммуникации. Языковые контакты – это взаимодействие нескольких языков, оказывающих влияние друг на друга. Одним из наиболее благоприятных условий контактирования является билингвизм, т.е. способность индивидуума объясняться на двух языках. Следует отметить, что данное понятие связано, прежде всего, со степенью устойчивости языка, которая выражается в возможности заимствования на различных ярусах языка, в том числе и на структурном. Хотя лексическое заимствование, когда слова проникают в язык-реципиент первоначально в устной форме из самых разных сфер жизни, остается одним из самых распространенных видов заимствований, для русского языка характерен и такой процесс, как структурное заимствование.

Под структурой иноязычного слова понимается внешнее строение лексической единицы, выражающееся в расположении, порядке, внешнем облике ее частей, обеспечивающих ее целостность. Но необходимо помнить, что разные носители языка своеобразным образом могут осмыслить морфемную структуру заимствованного слова в зависимости от их лингвистической компетенции и языкового чутья. М. Мартысюк отмечает, что «многие заимствованные слова в современном языке являются морфологически нечленимыми» [3. С. 89]. Другая точка зрения, характерная для носителей

языка, знающих какой-либо иностранный язык, гласит, что заимствованные слова могут восприниматься как членимые, и это, на наш взгляд, является верным. Э. Хауген, например, классифицируя заимствования по структурным признакам, выделяет гибридные заимствования («несовершенное копирование»), т.е. слова, состоящие из иноязычных и исконных элементов [4. С. 372].

Рассматривая иноязычную лексику в составе русского языка с позиции ее структурной членимости-нечленимости, мы выделяем следующие основные структурные разновидности.

1. Нетранслитерированные заимствования

Прежде всего, следует отметить, что лексические единицы можно рассматривать с точки зрения первичного или вторичного заимствования. Слова могут сохранять тенденцию к структурному становлению на протяжении долгого периода их нахождения в языке-реципиенте. Нетранслитерированные заимствования – это заимствования, которые совпадают фонетически и графически с языком-источником. Их следует отличать от иноязычных вкрапленных, употребление которых обусловлено необходимостью описания быта, обычаев, нравов и обрядов того или иного народа или страны. Если же данная группа лексических единиц имеет в русском языке графические соответствия или не нуждается в переводе, то ее нельзя отнести к иноязычным вкраплениям. В данном случае необходимо говорить о нетранслитерированных заимствованиях. Примером могут служить слова и сокращения типа *ale* (англ.) – светлое пиво, *roast-beef* (англ.) – жареная говядина, *a' la* (фр.) – в стиле, *al denté* (ит. букв. на зубок) – чуть-чуть, *CD* (англ. *compact disk*) – компакт-диск, *bye* (англ. пока, всего хорошего), *Ltd* (англ. *limited*) – компания с ограниченной ответственностью, *OK* (англ. хорошо, ладно), *VIP* (англ. *very important person*) – особо важная персона, *game over* (англ.) – игра окончена [2. С. 767–779].

2. Транслитерированные заимствования, совпадающие с прототипами структурно

При транслитерации иноязычное слово произносится по правилам родного языка, но подвергается графической ассимиляции. К данной группе слов логично отнести и те заимствования, которые в русском языке прошли фонематическую адаптацию (т.е. имеют несовпадения в фонемах, связанные с особенностями вхождения иноязычной лексики в русский язык) [1]. Методом транслитерации заимствованы, например, следующие слова: бестселлер (англ. *bestseller*) – раскупаемая книга, издаваемая большими тиражами; ананас (нем. *ananas*) – тропическое растение и его плод; скрининг (англ. *screening*) – обследование населения или проверка кредитоспособности партнеров; аллегри (ит. *allegri*) – лотерея, в которой розыгрыш проводится сразу после покупки билета; слалом (норв. *slalom*) – спуск; ломбард (фр. *lombard*) – кредитное учреждение; презент (фр. *présent*) – подарок; сироп (фр. *sirop*) – концентрированный сладкий раствор; новатор (лат. *novator*) – человек, осуществляющий прогрессивные принципы; грог (англ. *grog*) – напиток из рома и кипячка с сахаром; шнапс (нем. *Schnaps*) – алкогольный напиток; скриншот (англ. *screenshot*) – изображение, показывающее то, что видит пользователь на экране монитора; круиз (англ. *cruise*) – морское путешествие по замкнутому маршруту; мотель (англ. *motel*) – гостиница для автотуристов; клуб (англ. *club*) – общественная организация или культурно-просветительское учреждение; мускат (фр. *muscat*) – сорт винограда и десертного вина; полтергейст (нем. *Poltergeist*) – паранормальное явление; бюргер (нем. *Bürger*) – житель

западноевропейского средневекового города; адресат (нем. *Adressat*) – получатель; шорт-трек (англ. *short track*) – разновидность конькобежного спорта; ступор (лат. *stupor*) – состояние неподвижности при отсутствии реакций на внешние раздражители и т.д.

Транслитерированы при заимствовании также многие имена собственные: Вашингтон (англ. *Washington*), Лондон (англ. *London*), Миссисипи (англ. *Missisipy*), Рэй Чарльз (англ. *Ray Charles*) и др.

3. Транслитерированные заимствования с грамматической субституцией

А. Транслитерированные заимствования с добавлением аффиксов языка-реципиента. Лексические единицы, составляющие данную группу, адаптировались в принимающем языке настолько, что стали участвовать в процессе русского словообразования. Сюда входят слова, оформленные либо замещенные аффиксами языка-реципиента: тартинка (от фр. *tartine*) – куски хлеба с чем-либо; мариновать (фр. *mariner*) – заготавливать что-либо в маринаде; панировать (нем. *panieren*) – обваливать в сухарях или в муке перед обжариванием [1]; нивелировать (фр. *niveler*) – сглаживать различия; карбовать (нем. *kerben*) – кулинарный прием при приготовлении блюд из мяса; параллельный (фр. *parallele*) – имеющий свойства параллели; седативный (фр. *sédatif*) – оказывающий успокаивающее действие на нервную систему; фаршировать (фр. *farce*) – начинять какое-либо кушанье; бланшировать (фр. *blanchir*) – обдавать плоды или овощи горячей водой; штaketник (нем. *Staket*) – узкие планки для садовой ограды; фрикаделька (нем. *Frikadelle*) – шарик из фарша, сваренный в бульоне; гламурный (фр. *glamour*) – внешне привлекательный, эффектный, шикарный и т.д.

Б. Транслитерированные заимствования с усечением исконных аффиксов. В данном случае лексическая единица в русском языке приобретает как бы «усеченный» вид, например: пломбир (от фр. *plombières*) – мороженое, приготовленное из сливок и яичного желтка; профи (нем. *Professional*) – профессионал; парфе (от фр. *parfait*) – замороженное кондитерское изделие из сливок, сахара и различных ароматических добавок; тату (фр. *tatouage*) – нанесение на тело человека рисунков втиранием под кожу красящих веществ; параметр (гр. *parametron*) – величина, входящая в формулы или характеризующая какое-либо свойство процесса или вещества; инфаркт (лат. *infarctus*) – очаг омертвления в тканях вследствие нарушения их кровоснабжения и т.д.

4. Сочетание иноязычного наименования и уточняющего слова языка-реципиента

Слово-уточнение русского языка этимологически может не быть исконно русским, но воспринимается его носителями таковым в силу того, что очень рано вошло в язык либо довольно активно используется в различных сферах жизни. Адъектив в данном случае употребляется с целью конкретизации иноязычного понятия: карамель (фр.) лимонная, чай (тюрк.) липовый, соус (фр.) сливовый, яблочный (по основному ингредиенту); кетчуп (англ.) голландский, татарский (по национальному компоненту); женеvский, римский (по имени крупных иностранных городов); лионский, гасконский, провансальский (по названиям французских провинций и городов). Субстантив в сочетании с иноязычным наименованием также может нести функцию уточнения: караоке (яп.) приставка, эконоm (гр.) сеть, чек (англ.) лист и др.

5. Замена иноязычного понятия русским эквивалентом-сочетанием

Следует заметить, что на начальном этапе вхождения иноязычного слова в русский язык в нем сосуществовали оба варианта: и заимствование, и

русское словосочетание. Например, винегрет (фр.) – французская окрошка, курт (тур.) – овечье молоко, помидор (итал.) – зеленое яблоко, брунколь (нем.) – немецкая капуста, картофель (нем.) – земляное яблоко.

Таким образом, следует принять как факт, что ни один язык структурно не является полностью изолирующим, агглютинативным или флективным. Иноязычная лексика, адаптируясь к системе русского языка, претерпевает определенные изменения, демонстрируя динамику в различных направлениях. Анализ межъязыковых структурных несоответствий позволяет рассмотреть развитие языка в диахронии.

Литература

1. Бахтина С.И. Структурно-семантические особенности заимствованной лексики (на примере тематической группы «Пища и напитки») // Вестник Чебоксарского филиала Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. 2008. № 5.
2. Зенович Е.С. Словарь иностранных слов и выражений. М.: КРПА Олимп, 2002. 778 с.
3. Мартысюк М. Характеристика немецких заимствований имен существительных в русском языке: фонетика, акцентуация, морфология, семантика. Poznan: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1978. 129 с.
4. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. Вып. 6. С. 344–382.

References

1. Bakhtina S.I. *Strukturno-semanticheskie osobennosti zaimstvovannoi leksiki (na primere tematicheskoi gruppy «Pishcha i napitki»)* [Structural and semantic features loanwords (the thematic group «Food & Beverage»)]. *Vestnik Cheboksarskogo filiala Moskovskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova* [Vestnik Cheboksary branch of Moscow State Humanitarian University named after M.A. Sholokhov], 2008. № 5. pp. 146–148.
2. Zenovich E.S. *Slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii* [Dictionary of foreign words and expressions]. Moscow, KRPA Olimp Publ., 2002. 778 p.
3. Martysyuk M. *Kharakteristika nemetskikh zaimstvovaniy imen sushchestvitel'nykh v russkom yazyke: fonetika, aktsentuatsiya, morfologiya, semantika* [Characteristic of German borrowing nouns in Russian language: phonetics, accentuation, morphology, semantics]. Poznan, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza Publ., 1978. 129 p.
4. Haugen E. *Protsess zaimstvovaniya* [The process of borrowing]. *Novoe v lingvistike. Yazykovye kontakty* [New in linguistics. Language contacts]. Moscow, Progress Publ., 1972, Vol. 6, pp. 344–382.

БАХТИНА СВЕТЛАНА ИВАНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (svetlanabakhtina@yandex.ru).

BAKHTINA SVETLANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2
ББК Ш10*000.4

Л.В. БОРИСОВА

КОНЦЕПТЫ «ВОЗДУХ» И «ЗЕМЛЯ» В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, репрезентация, концепт, когнитивная сфера, коннотация, полисемия.

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концепты «воздух» и «земля» в русской и чувашской языковых картинах мира. В качестве одного из способов выражения символических представлений народа исследуются распространенные метафоры. Значительное место в исследовании занимает анализ устного народного творчества. Как показало исследование, лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковых картин мира носителей русского и чувашского языков, что позволяет говорить о важности данной когнитивной сферы в культуре русского и чувашского народов. Исследование вносит определенный вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского этносов, а также позволяет выявить особенности национального мировосприятия.

L. BORISOVA

CONCEPTS «AIR» AND «EARTH» IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, representation, concept, cognitive sphere, connotation, polysemy.

This article offers the analysis of the concepts «air» and «earth» in the Russian and Chuvash language picture of the world. We analysis direct and figurative meaning of the Russian and Chuvash words and set expression, free combination of words of given thematic group. We analysis polysemy, metaphors, connotation of the Russian and Chuvash words of given thematic group, phraseology and settled similes in the Russian and Chuvash languages. Considerable place take the analysis of the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words of given thematic group are a part of the language picture of the world of Russian and Chuvash ethnic group. The analysis uncognate languages makes a certain contribution to the reconstruction of the integrated language world picture of Russian and Chuvash ethnic group and also helps to find out some peculiarities of national comprehension.

Настоящая работа посвящена актуальному в современном языкознании сопоставительному лингвокультурологическому и когнитивно-дискурсивному исследованию языковой репрезентации стереотипов и архетипов традиционного народного сознания русских и чувашей, связанных с пониманием и восприятием концептов «воздух» и «земля». Насколько нам известно, исследование репрезентации указанных концептов в чувашском языке еще никем не проводилось, что обуславливает научную новизну представленной работы.

В давние времена человек познавал себя через природу, а природу, одухотворяя, наделял человеческими свойствами. Человек одухотворял различные природные объекты и процессы, придавал им особую магическую силу. С момента появления человека на земле он постоянно соприкасается с окружающим миром и, взаимодействуя, осваивает его. Результаты этого процесса, как известно, фиксируются в языковой картине мира. Четыре стихии – воздух, вода, огонь, земля – и в русской, и в чувашской картинах мира считаются первоэлементами, первоосновами сотворения Вселенной. Первичные природные стихии *вут* «огонь», *шыв* «вода», *зил* «ветер (стихия воздуха)» и *сёр* «земля» в традиционных чувашских верованиях почитались как божества, к ним обращались в молитвах, приносили им определенные жертвы. Чувашки считали, что у каждого из этих божеств есть отец, мать, дети, которые также почитались как божества. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в отношении природ-

ных стихий мировосприятие русского и чувашского народов имеет много общего, в то же время характеризуясь определенными нюансами, обусловленными спецификой менталитета русского и чувашского этносов. Так, наибольшая положительная коннотация и в русской, и в чувашской языковых картинах мира присуща *стихии земли*, которая и в русском, и в чувашском традиционном народном сознании воспринималась как **мать и кормилица**, дарующая изобилие, богатство, счастье. Сравните: *С водою, с ветром да с огнем не дружись, а с землею дружись: от земли вышел, земля кормит, в землю пойдешь; Держись за землю-матушку, она одна не выдаст* [2. Т. 1]; *Шыв пек таса пул, çёр пек пуян пул теççё* «Будь чист(а), как вода, и богат(а), как земля»; *Çёр анне кăмăлĕ шутсăр ырă: никамшăн та пурлăхне хёрхенмест* «У Матушки Земли очень добрая душа: она ни для кого не жалеет добра» [12]. **Земля** в традиционном мировоззрении и русского, и чувашского народов осмысливается как женское начало, рождающее и плодоносящее, всеобщий источник жизни, мать всего живого, в том числе и человека. Сочетания *Мать Сыра Земля* и *Çёр анне* «Мать-земля» – выражение сущности народных взглядов на землю, которая в русской традиции воспринимается как *святая*. Ср.: *Земля бы его святая не принимала!* (проклятие); *Будь здорова, как вода, рабоча, как пчела, и богата, как земля святая* (традиционное благопожелание); *Как его, грешника, мать сыра земля носит!* [2. Т. 1]. Как отмечает А.Л. Топорков, «выражение «Мать Сыра Земля» подразумевает связь со стихией воды: Земля оплодотворена дождем и готова родить, давать урожай. В выражении *Земля – мать, небо – отец* сохранились представления о небе и земле как супружеской паре. В славянских представлениях земля «замыкается», засыпает на зиму и пробуждается весной. Одной из самых надежных и страшных на Руси считали клятву, при которой целовали или ели землю. При межевых спорах человек клал себе на голову кусок земли или дерна и шел с ним по меже. Проложенная таким образом граница считалась неприкосновенной; если кто-нибудь решался на обман, то, согласно поверью, земля начинала давить его со страшной тяжестью и принуждала сознаться в подлоге» [5. С. 42]. Похороны в русской традиции осмыслились как возвращение в материнское лоно земли. Ср.: *Уйти в землю* «умереть»; *Предать земле* «похоронить»; *Добра была голова, да слава Богу, что земля прибрала*. О приближении смерти судили по тому, что от больного начинает идти специфический запах (*землей пахнет*), а на теле и лице начинают появляться темные пятна (*земля выступает*). Дабы не осквернить собой землю, русские люди, чувствуя приближение смерти, надевали чистое белье и просили прощения у *Матери Земли*.

В современном русском языке слово «земля» выражает следующие лексические значения: 1. **Третья от Солнца, обитаемая людьми планета // Место жизни и деятельности людей**. Ср.: *Слухом земля полнится* (погов.); *И сколько вообще обидного на земле, чего вовсе не нужно* (М. Горький, В людях). О человеке, считающем себя центром, средоточием чего-либо, самым важным на свете, в русском языке иронично говорится *луп земли*. 2. **Суша, земная твердь (в отличие от водного или воздушного пространства) // Верхний, поверхностный слой коры нашей планеты, а также ее более глубокие слои; почва, грунт**. Ср.: *Из-под земли достать* «раздобыть, разыскать обязательно, где бы то ни было»; *На краю земли* «где-нибудь очень далеко»; *Видеть на два аршина под землей* «отличаться большой проницательностью». Значение «поверхностный слой земной коры, в котором развивается растительная жизнь» выражает в русском языке и слово *почва*, которое на базе основного развило следующие переносные значения: 1) **то, на чем зиждется что-либо; основание, основа**: *Обвинение не имеет под собою почвы; Выбить почву из-под ног* «лишить кого-либо уверенности, поддержки, опоры в каком-либо деле»; *Терять почву под но-*

гами «переставать чувствовать себя уверенным»; 2) **область, сфера**: *Разговор возвратился опять на политическую почву* (И.С. Тургенев, *Новь*); 3) **позиция, точка зрения**: *Придумываю и не обретаю способов смягчить его, сделать так, чтобы он по-человечески отнесся ко мне, не могу найти общую с ним почву* (Эртель, *Гарденины*). Последнее переносное значение выражает и аналогичное чувашское слово. Ср.: *Хуньăшĕле кĕрүшĕ – пĕр тăпра* «погов. Тесть с зятем заодно (букв. тесть и зять – одна почва)»; *Хуньамăш тăприне кинĕ пусать* «Сноха ступает по следу свекрови» [12]. 3. **Страна, государство**. Ср.: *За тридцать земель* (народно-поэт.) «очень далеко»; *Все славянские земли волновались и готовились к восстанию* (И.С. Тургенев, *Накануне*). В русской культуре представления о земле издавна были тесно связаны с понятиями рода, **Родины**. Осмысление Родины в первую очередь связано с образом земли. Ср.: *С родной земли умри – не сходи; На чужбине родная земля во сне снится*. Уезжая на чужбину, русские люди брали с собой горстку родимой земли, носили ее на груди в мешочке, а после их смерти ее клали с ними в могилу. Вернувшись из изгнания, многие вставляли на землю на колени и целовали ее. 4. **Реальность в противоположность мечтам, иллюзиям, фантазиям**. Ср.: *Из светлого рая да на трудную землю; Вернуть кого-либо на грешную землю; Упасть с неба на землю* [2. Т. 1]. Прилагательное *земной* выражает переносное значение «обыденный, житейский, грубый, проникнутый материальными интересами, чуждый возвышенных духовных стремлений» [6. Т. 1]. Ср.: *Некоторые Аристархи ... думали уронить Пушкина, говоря, что его поэзия чисто земная* (В.Г. Белинский, *Сочинения Державина*). Анализируя концепт «земля» в русской языковой картине мира, представляется уместным обратить внимание на лексему *грязь*, обозначающую размякшую от воды землю, почву. Это слово в русском выражает также переносное значение «что-либо низменное, безнравственное, бесчестное», характеризуясь отрицательной коннотацией. Ср.: *Зачем он мне рассказывал всю эту гадость? – мучительно думала она. – Он перевернул всю мою душу и наполнил ее грязью* (А. Куприн, *Одиночество*); *Втоптать в грязь* «очернить, опорочить, оклеветать, несправедливо обвинить». Фразеологизм *лицом в грязь не ударить* выражает значение «выполнить удачно, не оплошать, показать себя с лучшей стороны», а устойчивое сочетание *вытащить из грязи* – «помочь выбраться из общественно униженного положения». Сравните поговорку *Взят из грязи да посажен в князи*. На наш взгляд, по отношению к стихии земли несколько отличаются традиционное и современное русское языковое сознание. Традиционное русское языковое сознание характеризуется положительным отношением к земле, а в современном русском языке стали возможны отрицательно коннотированные слова *приземленный «обыденный, чуждый возвышенных, духовных стремлений», приземлить* и т.п. Ср.: *Насколько Достоевского Мережковский пытался приподнять над сферой земных интересов, настолько Толстого он старался приземлить и лишить духовности* (Бурсов, *Личность Достоевского*) [6. Т. 3]. На чувашский язык перевести этот пример с использованием слова *сĕр* «земля» или его производных невозможно.

По традиционным чувашским народным представлениям, все сущее рождается землей (чув.: *сĕр*), поэтому она считается матерью всего сущего. Сравните чувашские пословицы и поговорки: *Сĕр – анне, тўле – атте* «Земля – мать, небо – отец»; *Сĕр аннерен аслă пулаймăн* «Нельзя стать величественнее (значимее) Матери Земли»; *Сĕр аннене хисеплес пулать* «Мать Землю необходимо почитать» [12]. Как отмечает Г.Б. Матвеев, *сĕр* «земля» в традиционном мировоззрении чувашей почиталась как божество [9. Т. 4. С. 169]. В земледельческих обрядах *Сĕр* упоминается в ряду наиболее почитаемых божеств. Во время обрядов перед севом и осенних праздников в честь нового урожая к

этому божеству обращались с просьбой даровать богатый урожай. Божества *Ѕёр аишĕ* «отец Земли» и *Ѕёр амăшĕ* «мать Земли», по традиционным чувашским верованиям, обеспечивали людей силой и жизненной энергией. К божествам земли обращались за благословением не только в земледельческих обрядах, но и в семейных, в том числе перед свадьбой, при рождении ребенка, проходах в армию, похоронах. Похороны и в чувашской традиции осмыслились как возвращение в материнское лоно земли. Ср.: *Ѕёре кĕр* «скончатся (букв.: уйти в землю)». Лексема *ѕёр* выступает также в проклятиях, пожеланиях смерти: *Ѕёр тĕпне кайтăр!* «(бран.) Провалиться ему в преисподнюю (букв.: на самое дно земли)»; *Ѕёр ѕăтасскер (ѕăтманскер)!* «(бран.) Нет на него погибели (букв.: Тот, кого скоро поглотит (еще не поглотила) земля)» [10. С. 412]. Лексема *тăпра* «почва, грунт» в чувашском языке выражает переносное значение «могильный холм». Сравните: *Тăпри ѕăмăл пултăр!* «Пусть земля ему будет пухом (букв.: пусть земля на его могильном холме будет легкой)!»; *Тăпри сине вĕлтĕрен пултăр!* «(бран.) Пусть могила его зарастет крапивой!».

Родина в чувашском языке называется *Ѕёршыв* «букв.: земля-вода». Для тюрков *Ѕёр-Шыв* «Земля-Вода» – это сакральный концепт. Как отмечает В.Н. Басилов, *Йёр-Су* (тюрк. «Земля-Вода») в мифологии алтайцев, хакасов, киргизов и других тюркских народов – олицетворение земли и воды, считающееся священным. Культ *Йёр-Су* восходит к мифологии древних тюрков, почитавших *ыдук Йер-Суб* «священную Землю-Воду» как главное божество среднего мира, покровительствующее тюркам [4. С. 261-262].

Как отмечает Н.И. Егоров, *Келе* – супруга Верховного Бога *Турă*, считающаяся в древней чувашской религии матерью всего сущего на земле и наделяющаяся эпитетами *Ѕут ѕанталăк тытан Келе* «Владеющая Вселенной Кебе», *Ѕёр-шыв тытан Келе* «Владеющая землей и водой Кебе», исконно называлась *Ѕёр-Шыв* «Земля-Вода». По словам Н. И. Егорова, в результате табу, накладываемого в определенное время, обычно в период летнего солнцестояния (ср. *синсе* «период беременности Земли»), супруга *Турă* получила название *Ѕырă* «букв.: бурая» (ср. древнетюрк. *Jaγız* «бурый» и «Земля»), в результате вторичной табуизации – *Хёрлĕ Ѕыр* «букв.: красно-бурая» (ср. древнетюрк. *Jaγız Jer Sub*), после приобщения булгаро-чувашей к мусульманской религии стала называться *Келе* [9. Т. 4. С. 105]. Название *Келе* (из тат. *käbä*) восходит к арабскому *ka'aba* – названию мусульманской святыни: черного камня, установленного в стене одной из мечетей Мекки, на котором в свое время византийцами было выбито изображение Девы Марии [3]. Согласно чувашским мифам, *Келе* имеет власть на земле и под землей. Почитанию земли был посвящен приуроченный ко времени летнего солнцестояния традиционный чувашский обряд *синсе* «обряд бережения земли», который соблюдался в течение 12 дней. Слово *синсе* произошло от *сине юлнă (сийĕнче)* «состояние беременности»: земля считалась беременной после посева. В этот период действовал запрет на любую работу, поскольку считалось, что Мать Земля обременена спеющим урожаем и нуждается в покое. Длинными летними днями чувашки сидели на завалинках, женщины занимались рукоделием, старики вспоминали добрые старые времена, рассказывали детворе сказки. Для молодежи наступал период гришиц и хороводов.

В чувашской языковой картине мира земля – милостивая мать, кормилица, один из традиционных символов богатства, изобилия, источник счастья. Сравните: 1) *Ѕёр анне парсан пўлме те тулать, Ѕёр анне памасан ывăç та тулмасть* «Если даст Матушка Земля, заполнятся закрома, если не даст Матушка Земля, не заполнится и ладонь»; *Ѕёр кăкри ѕăкăр парать* «Грудь Земли дает хлеб» [12]; 2) *Ѕёр аннерен пуян ним те ѕук* «Нет ничего богаче Ма-

тушки Земли» [12]; Пёчĕк ачана шыва кёртнĕ чухне: «Чăп-чăп, хăмла пек хăпар, сұлсă пек сарăл, шыв пек таса, сёр пек пуян пул», – тесĕ «Когда купают маленького ребенка, произносят: «Буль-буль, расти ввысь как хмель, расти вширь как листья, будь чист, как вода, будь богат, как земля» [11. С. 19]; 3) *Сёр анне паракан тивлетĕн чикки сук* «Счастье, которым одаряет Матушка Земля, безгранично» [12]. Таким образом, в традиционном мировосприятии чувашского народа, зафиксированном в чувашском фольклоре, концепт *сёр* оценивается в большинстве случаев положительно. Отрицательная коннотация, сопутствующая значению «пройти бесследно, утратиться попусту, исчезнуть бесследно», выражаемому устойчивым сочетанием *сёре ук* «букв.: упасть на землю», проявляется в следующих паремиях: *Атте-анне сáмахĕ сёре ан уктёр* «Родительские слова да будут восприняты с пользой (букв.: да не падут на землю)»; *Сын куссулĕ сёре укмест* «За несправедливо причиненные другим людям обиды настигнет возмездие (букв.: Людские слезы на землю не падают)» [12]. Отрицательной коннотацией в чувашской языковой картине мира характеризуется слово *тăм* «глина». Сравните: *Тăмран туса хёвелле тыттарнă* «о человеке: ни рыба ни мясо (букв.: вылепив из глины, высушили на солнце)»; *Тăм шăхличĕ тыттарса яр* «обвести вокруг пальца (букв.: всучить глиняную свистульку)»; *Тăм ал-ура* «руки-крюки (букв.: глиняные руки-ноги)»; *Тăм кушילה* «бестолочь (букв.: глиняный сосуд)»; *Тăм пăшал* «болван (букв.: глиняное ружье)» [10. С. 454]. В русском языке слово «глина» не выражает переносных значений, коннотация этого слова нейтральная.

Наибольшей отрицательной коннотацией и в русской, и в чувашской картинах мира характеризуется *стихия ветра*, правда, в русском языковом сознании с ветром более ассоциируются **бесполезность и ненадежность**, а в чувашском – **разрушение и беда**. Ср.: 1) *С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь; Спроси у ветра совета, не будет ли ответа; Кто ветром служит, тому дымом платят; Бросать слова на ветер (Говорить на ветер)* «говорить без пользы или говорить необдуманно, зря»; *Бросать деньги на ветер* «безрассудно или бесцельно тратить, расточать зря»; *Пустить по ветру (деньги, состояние)* «расточить»; 2) *Вут пек вайли сук, сил пек усалли сук* «Нет ничего сильнее огня и злее ветра»; *Вутпа сил чунне хирĕс ан пул* «Не следует противостоять огню и ветру»; *Тусем, чулсем силпе сёмёрлет тесĕ* «Ветер разрушает и горы, и камни»; *Самрăк шĕшкĕн сар майри / Хăрăк силпех тăкăнчĕ. / Сар ука пек сусĕм пурчĕ, / Иывăр хуйхăпах тăкăнчĕ* «Орехи с молодого орешника / Опали и из-за слабого ветерка. / Мои волосы, подобные красивому позументу, / Стали выпадать из-за тяжелого горя» [14. С. 71]. Согласно религиозным воззрениям древних чувашей, сильный (ураганный) ветер сопутствует передвижению злых духов. Сравните чувашскую поговорку: *Хаяр силпе усал вĕсет* «С сильным ветром летит злой дух» [12]. Одним из лексических значений слова *усал* «злой дух // зло» является приведенное в «Словаре чувашского языка», составленном Н.И. Ашмариным, с пометой «устаревшее» значение «пурга, буран, вьюга». Сравните: *Усал тухса каймасан* «Если не случится пурги» [1]. Из человеческих качеств с ветром в русской языковой картине мира ассоциируются **легкомысленность, непостоянство, ненадежность** (ср.: *ветер в голове, подбитый ветром, с ветерком, ветреник (ветрогон)* «о легкомысленном, несерьезном, безответственном человеке»), а в чувашской – **непостоянство** (ср.: *авăк* «порывистый, шквалистый, переменчивый (о ветре)» – *авăк кăмăл* «увлекающаяся натура») и **вспыльчивость** (ср.: *авăк сын* «вспыльчивый человек», *авăк силĕ* «вспышка гнева»). Последнее качество в русском языковом сознании ассоциируется со стихией огня (ср.: *пыл* «сильный жар, пламя», *пылать* – *вспыльчивый, вспылить*). И в русской, и в чувашской языковых картинах мира представлена

ассоциативная параллель **ветер // сплетни, наговоры**. Ср.: *Пока ветры не обвевали, да собака не облаяла, отдавай дочь замуж; Надуть в уши* («(прост.) наговорить, насплетничать»); *Џўл ту сунчи, ай, сїл армань, / Сїл тивменни пёр кун сук. / Пирнешкел мёскён, ай, сьїнсене / Сын сїменни пёр кун сук* «Ветряную мельницу, расположенную на высокой горе, / Каждый день колышет ветер. / Таких бедняг, как мы, / Каждый день тревожат пересуды» [14. С. 69]; *Сїл вёрнипех ан сїллен* «Не обижайся из-за того, что всего лишь подул ветер (т.е. надули в уши, насплетничали)» [12].

Коннотативная составляющая самого **концепта «воздух»** и в русской, и в чувашской языковых картинах мира варьируется от нейтральной до положительной. Ср.: *Ты нужен мне как воздух; Чуну ирхи сывлăшран та таса пултăр* «Да будет твоя душа чище утреннего воздуха» (этикетное благопожелание) [13]. Согласно традиционному русскому миропониманию, воздух – **сфера пребывания душ, духов, невидимых демонических существ**. Относительно происхождения слова **воздух** специалисты отмечают, что оно, возможно, является книжным словом, заимствованным древнерусским языком из старославянского [8. С. 161]. Слово образовано путем присоединения приставки *въз-* (*воз-*) к корню *-дух*. Индоевропейской базой общеславянского слова **duchъ* являются **dheu-s : *dhou-s : *dhue-s : *dhu-s*. К этой индоевропейской базе восходят русские лексемы *дух, душа, дыхание, дышать, дуть, затхлый,дохлый* и некоторые другие. По мифологическим и религиозным представлениям, дух – бесплотное, сверхъестественное существо (доброе или злое), принимающее участие в жизни природы и человека (*духи гор, лесов, озер*) [6. Т. 1]. В христианских религиозных представлениях дух – бессмертное нематериальное (Божественное) начало в человеке (то же, что душа) [6. Т. 1]. **Душа** же в христианских представлениях отождествляется с воздухом, ветром (в виде дыхания, дуновения). Считается, что в виде воздуха, пара или дыма душа (дух) покидает умирающего человека (*дух вон* «умер (о человеке)», *испустить дух*). Ср.: *Когда приходили последние содрогания тела, оставляемого духом, княжна Марья и Наташа были тут* (Л. Толстой, Война и мир). Значение «умереть» в русском языке выражают фразеологизмы *отдать Богу душу, почить в Бозе*. Слово **воздух** в современном русском языке выражает также переносное значение **«окружающие условия; обстановка»** (*театральный воздух, воздух студенчества*). В чувашском языке лексема *сывлăш* выражает следующие значения: 1) **воздух** (*уçă сывлăш* «свежий воздух»); 2) **дыхание** (*сывлăш питёрёнчĕ* «дыхание перехватило»). Слово *сывлăш* является производным от глагола *сывла* «дышать». Все тюркские соответствия к этим словам выражают значения «дышать», «дыхание» [7. С. 75]. Со свободным дыханием в чувашском языковом сознании ассоциируется отсутствие стесненности в материальных средствах (ср.: *Сывлăш çавăр* «1) перевести дыхание; 2) (перен.) поправить материальное положение»).

Представляется, что в русской языковой картине мира воздух противопоставляется земле и сблизается с водой. В основе противопоставления стихий воздуха и земли, на наш взгляд, лежит оппозиция «мечты (фантазии, иллюзии) – реальность». Сравните: *Строить воздушные замки* «фантазировать, мечтать» – *Упасть (Сойти) с неба на землю* «освободиться от иллюзий, прийти к правильному пониманию окружающего». Сочетаемость слов наводит на размышление о том, что в русском языковом сознании стихия воздуха сблизается со стихией воды. Сравните: *Тихий океан – воздушный океан; глотнуть воды – глотнуть свежего воздуха; В бильярдной комнате, затопленной свинцовыми волнами табачного дыма, находилось человек двадцать* (И.С. Тургенев, Лебедянь).

Литература и источники

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: в 17 т. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. Т. 1–2. 584 с.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
3. Культура Чувашского края / В.П. Иванов, Г.Б. Матвеев, Н.И. Егоров и др.; сост. М.И. Скворцов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. 350 с.
4. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 672 с.
5. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М.: Междунаро́дные отношения, 2002. 512 с.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.; 1982. Т. 2. 736 с.; 1983. Т. 3. 752 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
7. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. 2. 509 с.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык. Медиа, 2007. Т. 1. 622 с.
9. Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. Т. 1. 590 с.; 2008. Т. 2. 494 с.; 2009. Т. 3. 686 с.; 2011. Т. 4. 798 с.
10. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
11. Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хат. Шупашкар: Чăваш университетĕн изд-ви, 2003. 164 с.
12. Чăваш халăх пұлтарулахе. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хат. Шупашкар: Чăваш кенеке изд-ви, 2007. 493 с.
13. Чăваш халăх пұлтарулахе. Пилсемпе келĕсем / пухса йĕркелекенсем А.А. Ефимовăпа В.П. Станьял. Шупашкар: Чăваш кенеке изд-ви, 2005. 446 с.
14. Чăваш халăх сăмахлахе: 6 т. / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кенеке изд-ви, 1975–1985. 3 том. Юрăсем. 512 с.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogoazyka: v 17 tomakh* [Dictionary Chuvash language. 17 vols]. Cheboksary, Russika Publ., 1994–2000, vol. 1-2, 584 p.
2. Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda: v 2 tomakh* [Proverbs of the Russian people. 2 vols]. Moscow, Hudozhestvennaja literatur Publ., 1984, vol. 1, 383 p.; vol. 2, 399 p.
3. Ivanov V.P., Matveev G.B., Egorov N.I., Skvorcov M.I. *Kul'tura Chuvashskogo kraja* [Culture of the Chuvash Territory]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1995, 350 p.
4. *Mifologicheskij slovar'* [Mythological Dictionary]. Moscow, Sovetskaya jenciklopedija Publ., 1990, 672 p.
5. *Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2002, 512 p.
6. *Slovar' russkogoazyka: v 4 tomakh*. [Russian dictionary. 4 vols]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1981, vol. 1, 698 p.; 1982, vol. 2, 736 p.; 1983, vol. 3, 752 p.; 1984, vol. 4, 794 p.
7. Fedotov M.R. *Jetimologicheskij slovar' chuvashskogoazyka: v 2 tomakh* [Etymological dictionary Chuvash language. 2 vols]. Cheboksary, 1996, vol. 2, 509 p.
8. Chernyh P.Ja. *Istoriko-jetimologicheskij slovar' sovremennogo russkogoazyka: v 2 tomakh* [Historical and etymological dictionary of modern Russian language. 2 vols]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 2007, vol. 1, 622 p.
9. *Chuvashskaja jenciklopedija: v 4 tomakh* [Chuvash encyclopedia. 4 vols]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2006, vol. 1, 590 p.; 2008, vol. 2, 494 p.; 2009, vol. 3, 686 p.; 2011, vol. 4, 798 p.
10. *Chuvashsko-russkij slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1982, 712 p.
11. *Chavash tenchi. Chavash halah kalarashesem* [Chuvash world. Chuvash folk sayings]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2003, 164 p.
12. *Chavash halah pultarulahe. Vattisen samahesem* [Chuvash folklore. Proverbs]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 493 p.
13. *Chavash halah pultarulahe. Pilsempe kelesem* [Chuvash folklore. Blessings and prayers]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2005, 446 p.
14. *Chavash halah samahlahe: 6 tomakh. Tom 3: Jurasem* [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 3: Songs]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1975–1985, 512 p.

БОРИСОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕНТИНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (borisova_l_v@mail.ru).

BORISOVA LUDMILA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language and General Linguistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 81'373.2
ББК Ш 10* 000.4

Л.В. БОРИСОВА

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ «ОГОНЬ» И «ВОДА» В РУССКОЙ И ЧУВАШСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

Ключевые слова: языковая картина мира, лингвокультурология, менталитет, репрезентация, концепт, когнитивная сфера, коннотация, полисемия.

Приведены результаты лингвокультурологического и когнитивно-дискурсивного анализа слов и устойчивых сочетаний, репрезентирующих концепты «огонь» и «вода» в русской и чувашской языковых картинах мира. В качестве одного из способов выражения символических представлений народа исследуются распространенные метафоры. Значительное место в исследовании занимает анализ устного народного творчества. Как показало исследование, лексика выбранной тематической группы формирует один из значимых фрагментов языковых картин мира носителей русского и чувашского языков, что позволяет говорить о важности данной когнитивной сферы в культуре русского и чувашского народов. Исследование вносит определенный вклад в реконструкцию целостных языковых картин мира русского и чувашского этносов, а также позволяет выявить особенности национального мировосприятия.

L. BORISOVA

REPRESENTATION OF CONCEPTS «FIRE» AND «WATER» IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

Key words: language picture of the world, linguistic and cultural studies, mentality, representation, concept, cognitive sphere, connotation, polysemy.

This article offers the analysis of the concepts «fire» and «water» in the Russian and Chuvash language picture of the world. We analysis direct and figurative meaning of the Russian and Chuvash words and set expression, free combination of words of given thematic group. We analysis polysemy, metaphors, connotation of the Russian and Chuvash words of given thematic group, phraseology and settled similes in the Russian and Chuvash languages. Considerable place take the analysis of the Russian and Chuvash folklore. The Russian and Chuvash words of given thematic group are a part of the language picture of the world of Russian and Chuvash ethnic group. The analysis uncognate languages makes a certain contribution to the reconstruction of the integrated language world picture of Russian and Chuvash ethnic group and also helps to find out some peculiarities of national comprehension.

Настоящая работа посвящена актуальному в современном языкознании лингвокультурологическому и когнитивно-дискурсивному исследованию языковой репрезентации стереотипов и архетипов традиционного народного сознания русских и чувашей, связанных с пониманием и восприятием концептов «огонь» и «вода». Насколько нам известно, исследование репрезентации указанных концептов в чувашском языке еще никем не проводилось, что обуславливает научную новизну представленной работы.

Бинарные концепты **«вода»** и **«огонь»** в традиционном народном сознании и русских, и чувашей совмещают в себе противоположные оценочные компоненты, положительный и отрицательный, отражающие **враждебность и неподвластность этих стихий человеку**, с одной стороны, и **полезность и даже необходимость** – с другой. Ср.: *Около огня обожешься, около воды обмочишься; Огонь – беда, и вода – беда, а без огня и воды – и пуще беды* [1. Т. 1]; *Вут та инкек, шыв та инкек, вёсемсёр тата инкек* «Огонь – беда, и вода – беда, но и без них также беда»; *Вутран сыхлан, шывран упран* «Огня остерегайся, воды берегись»; *Ача-пӑча ўстернӗ чух пӑр аллинче вут, тепӑр аллинче шыв* «Когда растишь детей, в одной руке – огонь, в другой – вода»; *Вутпӑ-шывпӑ хушшинче* «в самое напряженное время (букв.: между огнем и водой)»; *Вутпа шыв пурне те тасатать* «Огонь и вода очищают все» [7].

В космогонических мифах вода ассоциируется с первичным хаосом, первоначалом. Считалось, что через проточную воду могла осуществляться связь с иным миром. С этими представлениями связаны обычаи сплавлять по воде

пищу и предметы, предназначенные умершим. Как отмечает Л.Н. Виноградова, водное пространство – граница между «этим» и «тем» светом, путь в загробное царство, место обитания душ умерших и нечистой силы [3. С. 87]. С одной стороны, в **воде** видят **источник жизни, жизненной силы, средство очищения**. Ср.: *Чище воды не станешь; Будь здоров(а), как вода* [1. Т. 1]; *Шыв пулмасан пурнăç сук* «Без воды нет жизни»; *Тăрă шыв пек таса пул* «Будь чист, как прозрачная вода» [7]; *Шывран таса чунĕ пур...* «Ее душа чище воды...» [8. С. 17]. С другой стороны, воду исконно рассматривали как своеобразную границу между миром людей и загробным миром, как **место обитания нечистой силы**, олицетворяющей грозную и разрушительную силу водной стихии, неподвластной человеку. Ср.: *Черт огня боится, а в воде селится; Не ходи при болоте, черт уши обколотит; В тихом омуте черти водятся* [1. Т. 1]; *Шыв шуйттансăр пулас сук* «Не бывает воды без чертей»; *Шыв авăрне шуйттан йăва çавăрты теççĕ* «В омутах селятся черти» [7]. Противоречивость отношения к воде нашла отражение и в представлениях о *живой и мертвой воде*, широко распространенных в русских сказках. Ассоциация **вода // беда (трудность, опасность)** представлена и в русском, и в чувашском языковом сознании. Ср.: *Где вода, тут и беда; Жди горя с моря, беды от воды* [1. Т. 1]; *Айне шыв кĕмен* «он не видел горя (букв.: под него вода еще не подтекала)» [5. С. 25]; *Сăмах хыççăн сўресе пуçăм шыва юхайрĕ* «Поверив чужим словам, я потеряла свою головушку (букв.: моя голова утекла по воде)» [5. С. 350]. В современном русском языке лексема «вода» выражает отрицательно коннотированное переносное значение «о чем-нибудь бессодержательном и многословном» [4. Т. 1]. Ср.: *Не доклад, а сплошная вода*. Входящая в состав лексического значения слова «вода» сема **«малозначительное, неважное»** проявляется в следующих примерах: *Чужая слеза – вода; Виноватого кровь – вода, невинного кровь – беда* [1. Т. 1]; *Седьмая вода на киселе* «о дальних родственниках». В чувашском языковом сознании с водой ассоциируются **непрочность, ненадежность, неосновательность**, т.е. те ассоциации, которые в русском языковом сознании вызывает ветер. Ср.: *Шывлă ёçĕн усси те шывах* «букв.: От водянистой работы польза – вода (т.е. от некачественной работы нет никакой пользы)»; *Шывлă ёсленипе шыв арманĕ тытаймăн* «Если в твоей работе много воды, собственной водяной мельницы тебе не видать (т.е. если ты работаешь спустя рукава, тебе не разбогатеешь)»; *Шывран пăяв ан ав* «Из воды веревки не веи» [7].

В русском языковом сознании прочно закреплена параллель **вода // время**. Ср.: *Много воды утекло* «прошло много времени»; *Уплыли годы, как вешние воды*. В русской языковой картине мира традиционно символизирует течение времени река. Ср.: *река течет / течение реки – время течет / течение времени*. Как отмечает Т.А. Агапкина, река осмысляется как дорога в иной мир, как граница, разделяющая «этот» и «тот свет» [3]. У славян был широко распространен обряд пускания по воде различных предметов, которые чаще всего предназначались умершим. Пускание венков по воде – одно из наиболее распространенных девичьих гаданий в составе весенне-летней обрядности. На Троицу или в канун праздника Ивана Купалы девушки пускали на воду венки из цветов и трав, иногда вставляя в середину зажженную свечку. Направление движения венка указывало девушке, куда она выйдет замуж, утонувший венок или погасшая свеча предвещали ей смерть и т.п. Пуская свой венок по воде, девушка как бы веряла свою судьбу течению времени, символом которого выступала река, находящаяся в вечном движении. Считалось также, что предсказать судьбу помогают и умершие предки. **Течению времени и течению человеческой жизни** уподобляется течение реки и в чувашской языковой картине мира. Сравните строки из чувашских народных песен: *Шăнкăр-шăнкăр шыв юхаты, / Шыв юхаты те, чул юлат. / Шухăшлăр-ха, тăвансем, / Ёмĕр иртет, кун юлат* «Журча,

течет река, / Вода утекает, а камни остаются. / Подумать только, родные мои, / Века проходят, а дни остаются» [8]; *Юхать юханшыв, / Вӑл юхмать тӑвалла. / Иртет ҫамрӑк ёмӑр, / Килмест каялла* «Течет река, / Она не потечет вспять. / Проходит молодость, / Она не вернется никогда» [8. С. 187]. В чувашской языковой картине мира воде уподобляется человеческая жизнь. Ср.: *Ҫын ёмӑрӑ сурхи шыв пек: пӑр кӑрлет те пӑр иртет* «Жизнь человеческая подобна весенней воде: пошумит и пройдет» [7]. Разгульная жизнь в чувашской языковой картине мира ассоциируется с половодьем. Ср.: *ейӑ* «1) разлив, половодье; 2) (перен.) разгул, кутеж (*ейӑв ярӑн* «предаваться разгулу» [5. С. 98]. В русском языковом сознании человеческая жизнь традиционно ассоциируется с морем: *житейское море* «жизнь с ее заботами и волнениями» (ср.: *Море житейское подводных камней преисполнено*). Со стихией воды в русском языковом сознании ассоциируются также **мысли, воспоминания и чувства (эмоции)**. Сравните: 1) *погрузиться в воду – погрузиться в воспоминания / размышления – погрузиться в печаль / тоску*; 2) *глубокая река – глубокие мысли (глубина мысли) – глубокое чувство / глубокое раскаяние / глубокая печаль, грусть, тоска (глубина страданий, переживаний)*; 3) *нахлынули волны – нахлынули мысли – нахлынули воспоминания – нахлынула печаль / тоска*; 4) *наплыв мыслей / воспоминаний / чувств / эмоций*. Что касается чувств и эмоций, то, как показали примеры, с водой более ассоциируются грусть, печаль, тоска, страдание, переживание и т.п. Ассоциативную связь чувств и эмоций со стихией воды доказывает и тот факт, что прилагательное *сухой*, прямым для которого является значение «без воды, влаги; не мокрый», выражает также переносное значение «неспособный к проявлению чувств; свидетельствующий об отсутствии способности к проявлению чувства». Сравните: – *Он как-то сух, хотя добр и даже, пожалуй, нежен иногда* (М. Горький, *Мать*). И для русского, и для чувашского языкового сознания характерно сравнение **человеческих слез** с различными водными источниками и осадками. Сравните: *Его матушка плачет – что река льется, / А родна сестра плачет – как ручьи текут, / Молодая жена плачет – как роса падет: / Когда солнышко взойдет, росу высушит, / Когда замуж она пойдет, то забудет его* [2. С. 295]; *Аттеҫем макӑрӑ – кӑл пухӑнӑ, / Аннеҫем макӑрӑ – ҫырма юхӑ, / Тӑванӑмсем макӑрӑс – ҫумӑр ҫӑвӑ, / Ялӑйӑшсем макӑрӑс – тумла юхӑ, / Таврари ял макӑрӑ – сывлӑм ӑкӑ* «Заплачет отец – наполнится озеро, / Заплачет мать – потечет река, / Заплачут родственники – польется дождь, / Заплачут односельчане – потекут капли, / Заплачут жители окружающих деревень – падет роса» [8. С. 134].

И в русской, и в чувашской языковых картинах мира определенной символической характеризуются и различные водные источники, водоемы. Слова «**море**» и «**океан**» в русском языке могут выражать значение «**огромное количество, чрезвычайное обилие кого-, чего-либо; обширное пространство, заполненное кем-, чем-либо**». Ср.: *Налево, до самого горизонта, тянется золотистое море спелшей ржи* (А.П. Чехов, *Егерь*); *Боже мой, какая буря упрехов, какой океан слез опрокинулся на меня* (А. Куприн, *Мученик моды*). В чувашском языке аналогичное лексическое значение выражает слово *кӑлӑ* «озеро». Ср.: *Чечек кӑлли* «море цветов» [5. С. 200]; *Пӑр ҫын сурать – типсех пырать, халӑх сурать – кӑлӑ пулат* «Плюнет один человек – высохнет, плюнет народ – образуется озеро» [7]. Паремнологический фонд русского языка сохранил параллель **морская волна // людская (мирская) молва**. Ср.: *Мирская молва, что морская волна; Молва, что волна: расходится шумно, а утишится, нет ничего*. В чувашской языковой картине мира представлена параллель **море (тинӑс) // народ (халӑх)**. Ср.: *Тинӑс хумсӑр мар, халӑх халсӑр мар* «Море не без волн, народ не без мощи»; *Тинӑс аслӑ – типес ҫук, халӑх вӑйлӑ – пӑтес ҫук* «Море велико – не высохнет, народ могуществен – не пропадет» [7]. В паремнологическом фонде русского языка представлена оппозиция **море – лужа**. Сравните: *Не море*

топит – лужа; Кто в море бывал, тот лужи не боится; Высохло море, а все не луже чета [1. Т. 1]. Второй член оппозиции в русской языковой картине мира характеризуется отрицательной коннотацией. Ср.: *Тонуть, так в море, а не в поганой луже* [1. Т. 1]; *Сесть в лужу «оказаться в глупом, неловком положении, потерпеть неудачу»*. Отрицательной коннотацией характеризуются в русской языковой картине мира также **болото, трясина, пучина, омут**. Ср.: *Провинциальным болотом и злой сплетней повеяло на Ромашова от этого безграмотного и бестолкового письма* (А. Куприн, Поединок); *[Калерия:] Мои стихи постигнет та же участь, как и твои слова, Варя. Все полощется бездонной трясинной нашей жизни* (М. Горький, Дачники); *Книги должны помогать человеку становиться сильнее, а не толкать его в пучину отчаяния и смятения* (С. Михалков, Высокое призвание писателя); *Веселая жизнь постепенно засасывала эту девушку в свой глубокий омут. Она с восторгом рассказывала Илье о кутежах с богатыми купчиками, о тройках, ресторанах* (М. Горький, Трое). Последний водный источник характеризуется отрицательной коннотацией и в чувашской языковой картине мира. Ср.: *Лакъм-тёкёме кам юраттър теççё «Кто уж любит омуты?»; Лакъма лекме пулăшасçё, тухма пулăшакан сук «Угодить в омут помогают, а выбраться из него – нет»* [7]. Положительной коннотацией и в русском, и в чувашском языках характеризуется слово **«родник»** (чув.: *çăлкуç*), обозначающее текущий, бьющий из глубины земли водный источник. Ср.: *Воспоминания о счастливом прошлом были для Катерины Ивановны тем живым родником, который возвращал силы* (Г. Николаева, Гибель командарма); *Савăнăç çăлкуçё «источник радости», вăй-хăват çăлкуçё «источник сил и энергии»* [5. С. 402]. И в русской, и в чувашской языковых картинах мира отрицательной коннотацией характеризуется концепт **«лёд»**. В русском языковом сознании лёд вызывает следующие ассоциации: 1) **безразличие, равнодушие // скрыжаемые за показной сдержанностью недоверие, напряженность, недоброжелательство** (ср.: *Ледяной прием, ледяной взгляд; На языке медок, а на сердце ледок; Лед разбит (сломан)* «исчезли напряженность, настороженность, недоверие в чьих-либо отношениях»); 2) **состояние внутреннего оцепенения вследствие страха** (ср.: *Ей ужас сердце леденит*. Н.А. Некрасов, Русские женщины); 3) **ненадежность** (ср.: *Вешний лед обманчив, а новый друг ненадежен*). В чувашском языковом сознании лёд (чув.: *пӑр*) вызывает следующие ассоциации: 1) **чувство обиды** (ср.: *Эпир тухса кайнӑ чух / «Кайни паха», – ан тейӑр. / «Кайни паха», – тесесӑн / Пирӑн çамрӑк чунсем пӑрланаç «Когда мы будем уходить, / Не говорите: «Хорошо, что они уходят». / Если вы так скажете, / Наши молодые души заледенеют»* [8. С. 108]); 2) **недоброжелательство, злость** (ср.: *Чӑре сӳмӑнче пӑр тытни аван мар «Нехорошо держать лед у сердца»* [7]); 3) **ненадежность** (ср.: *Пӑр яка та, никӑс тума юрамасть «Лед гладок, но не годится для фундамента»* [7]). Фразеологизм *пӑр сине лартса хӑвар* выражает значение «обмануть, надуть (букв.: оставить на голом льду)» [5. С. 278]. Лексема **«пар»** в русском языке не имеет переносных значений, но глагол «испариться» выражает переносное значение «перестать существовать, обнаруживаться; исчезнуть» и в этом значении сопровождается пометой «шутливое» [4. Т. 3]. В чувашской языковой картине мира пар (чув.: *пӑс*) ассоциируется с бравадой, показной смелостью, с поведением человека, который хорохорится, хвастливо выставляет напоказ свою храбрость. Ср.: *Ӹсӑрӑн пӑсӑ теççё «От пьяного – пар (т.е. бравада, показная храбрость, смелость); Пӑсланса сурет «Ходит, испуская пар (т.е. хорохорится, хвастливо выставляет напоказ свою смелость, храбрость)»; Пӑсла хӑрат «пытаться запугать, демонстрируя показную смелость, отвагу, хвастливо выставляя напоказ свою храбрость»*.

Символика **огня**, как и воды, и в русской, и в чувашской языковых картинах мира также имела амбивалентный характер. С одной стороны, следует отметить образ **грозного, яростного, мстительного пламени, грозящего смертью и**

уничтожением, с другой – стихию очищающего пламени, несущего свет и тепло, воплощающего творческое, активное начало. Не случайно с огнем как стихией, несущей свет и тепло, и в русской, и в чувашской языковых картинах мира ассоциируются любовь, счастье, мечта, надежда. Сравните: *Сўнми юрату* «негасимая любовь»; *Телейёр сўнминччĕ* «Да не погаснет ваше счастье!»; *Ĕмĕт сўнмен-ха* «мечта еще не погасла»; *Шанчăк сўнмест-ха* «Надежда еще не погасла». Амбивалентное отношение к огню можно объяснить тем, что огонь, с одной стороны, был жизненно необходим человеку, поскольку обеспечивал пищей, светом, теплом, служил защитой от зверей и от нечистой силы, а с другой стороны, огонь внушал страх, поскольку пожар мог отнять жизнь, разрушить и испепелить все вокруг. Сравните ассоциации, связанные с огнем, в русской и чувашской языковых картинах мира: 1) **сила и мощь // ценность, необходимость для человека: *От огня и вода ключом бьет; Против огня и камень треснет; В огне и железо плавко; Огонь – беда, и вода – беда, а без огня и воды – и пуще беды*** [1. Т. 1]; *Вут-кăварăн хăвачĕ вăйлă* «Мощь огня велика»; *Вут пек вăйли сук, сил пек усалли сук* «Нет ничего сильнее огня и злее ветра»; *Кăварсар пурнăç сук* «Без огня нет жизни»; *Ăвă ашшине этем пуç сăлнă* «Тепло огня спасло человеку жизнь»; *Ăвă пулсан кăвар пулат, кăвар пулсан хăват пур* «Будет трут – будет огонь, а будет огонь – будет и мощь»; *Вут ашшине хĕвел ашши ситмен* «Тепло, даруемое солнцем, уступает по значимости теплу, даруемому огнем»; *Вут пуçси сăсар тирĕнчен хаклă пулнă* «Огненная головня ценилась дороже куньей шкуры» [7]; 2) **огонь – опасность // огонь – беда: *Бояться как огня*** «очень бояться»; *Между двух огней* «в положении, когда опасность грозит с двух сторон»; *Не шути с огнем, обожжешься; Из огня да в полымя* «из одной неприятности в другую»; *Чужими руками жар загребать* «недобросовестно пользоваться чужими трудами, сопряженными с неприятностями, опасностью, в своих интересах»; *Муж пьет – полдома горит, жена пьет – весь дом горит; Вут-кăварпа алхасма хушман* «Не велено шутить (играть) с огнем»; *Вутпа ассан вутра сунан* «Играющий с огнем сгорит в огне»; *Вут-шар* «собир. беды, несчастья, невзгоды; горе (ср.: *сахал мар вут-шар куртăмăр* «хлебнули немало горя»); *Хĕм тухать – хĕрĕх инкек тухать* «От искры возникает сорок бед». В русской языковой картине мира огонь символизирует **стрельбу из огнестрельного оружия, бой, сражение**, а также **болезненное состояние жара, лихорадки** (ср.: *В огне* «1) в жару, в горячечном состоянии; 2) в бою, в сражении»; *Пожар войны, революции, восстания; Бой разгорелся*), а в чувашской языковой картине мира – **войну, революцию** (ср.: *Вăрçă вучĕ* «пламя войны», *революци сұлăмĕ* «пламя революции»), **сильные переживания, тревоги, беспокойство** (ср.: *Вăл ывăлĕшĕн хыпса сунать* «она сильно переживает (букв.: горит) из-за сына»; *Вăл саншăн хыпмать* «он не беспокоится за тебя (букв.: он из-за тебя не вспыхнет)»; *Ача-пăча ўстересси вутра суннă пек* «Растить детей все равно что гореть в огне»; *Ача ситĕнтернĕ вăхăтра хĕрарăм вутлă кĕле тăхăнать* «Пока подрастают ее дети, женщина носит платье из огня»; *Этем чĕри сунса пĕтет* «Сердце человека сгорает от переживаний»), **тяжелую жизнь замужней женщины в семье мужа** (ср.: *Вăта пурнере кĕмĕл сĕрĕ, / Вута ўкрĕ – шăранчĕ. / Ай-хай, пуçăм, сăмрăк пуç / Юта каять, сұхалать* «Серебряное кольцо с моего среднего пальца / Упало в огонь и расплавилось. / Ой, бедной моей головушке / Предстоит отправиться к чужакам и затеряться там» (причитание невесты) [8]; *Пирĕн атте ухмахи / Сичĕ юта парайса, / Сунса пурăнтăр, терĕ пуль* «Мой неразумный батюшка, / Выдав меня замуж в чужую сторону, / Захотел, наверное, чтобы я горела в огне» (причитание невесты) [8]). И в русском, и в чувашском традиционном народном сознании огонь вызывает также следующие ассоциации: 1) **страстность, живость, душевный пыл, душевная энергия // сильное внутреннее возбуждение, страстный душевный порыв // азарт в работе: а)**

С жаром «горячо, увлеченно»; *Передовица была написана ловко, гладко, с огоньком* (М.Е. Салтыков-Щедрин, Пошехонские рассказы); – *Вы все очень талантливы, очень молоды, в вас столько огня* (В. Инбер, Место под солнцем); *Ѕамрăк хĕрĕлĕх «молодой задор»; Манăн юлташ хĕмсĕрленчĕ «мой друг потерял прежний задор»; б) Огненная речь, пламенное стремление; Как огнем обхватило; Хĕрĕллĕ сăмах чĕресене вутлантарчĕ «пламенная речь зажгла сердца»; Хăнасене хĕрĕллĕн саламла «горячо приветствовать гостей»; Хĕмленсе юрă шăрантар «самозабвенно петь»; в) У работающего в руках дело огнем горит; Он на дело-то огонь, да и с делом-то в огонь; Ёç хĕрсех пырать «работа в полном разгаре»; Ёçри хĕрĕлĕх «горячность в работе»; Питне пăхсан – сар чечек, ёçрен-мĕнрен – вут тухнă «На лицо она – маков цвет, / На работу – огонь» [6]; 2) человек, отличающийся горячим, пылким нравом, порывистостью // раздражительный человек, который быстро, внезапно может рассердиться, разгневаться и бурно выразить свое возмущение: а) Пылкий юноша, пылка душа; Кăвар чĕре «пламенное сердце»; Вут чунлĕ этем «Человек с огненной душой (с душой огня)»; Каччă качака мар, каччă – вут «Парень не козел, а огонь»; б) Вспыльчивый «легко приходящий в раздражение, гнев, способный вспылить», вспылить «внезапно рассердиться, прийти в сильное раздражение», вспыхнуть «внезапно прийти в возбужденное, раздраженное состояние»; Хаяр чĕлхеллĕ сынга ан тавапаш, ун вучĕ сине вут хурса ан амалантар «Не спорь с человеком, у которого злой, резкий язык, не усиливай его огонь, подкладывая свои поленья»; Пирĕн килеми хаяр мар, / Хаярланма тапратсан, / Виç шăл витĕр вут тухать, / Сăмси витĕр çил тухать, / Çавăн витĕр сÿрес пать «Наша тетушка не люта, / Но когда она разозлится, / Сквозь ее три зуба прорывается огонь, / Сквозь ее ноздри прорывается ветер, / Придется проходить сквозь них» (свад. песня) [8. С. 78]; 3) сильное чувство, овладевшее кем-либо, охватившее кого-либо: Пламя страсти, знева; Сгорел со стыда; От досады вспыхнул; Распалить воображение, фантазию; Любопытство разгорелось; О муза! / Могучей силой вдохновенья / Страданья тела победы, / Любви, негодванья, мщенья / Зажги огонь в моей груди! (Н. А. Некрасов, Последние песни); Хĕрĕ туйăм «страсть»; Çав хĕршĕн сунать «сгорает от любви к той девушке»; Ёшĕн сунать «болеет душой за дело (букв.: горит за дело)»; Чĕрере курайманлăх сунать «в сердце пылает ненависть»; Сĕр кун сĕрсе пураиччен пĕр кун сунса пурнас «Чем жить, гния, сто дней, лучше прожить один день, горя»; 4) блеск глаз, обычно как отражение какого-либо внутреннего состояния человека: Взглянет, что огнем опалит; На чужое добро и глаза разгораются; В глазах блеснул насмешливый (злой) огонек; Куçĕсем вут-çулăмлăн сунасçĕ «глаза горят огнем»; Куçĕнче хĕлхем вылят «в глазах пляшут искры». Как видим, свойства огня, отражающие зрительное, чувственное его восприятие, такие как свет, блеск, яркость, движение вверх, подвижность и другие, в языковой картине мира переносятся в антропоморфную сферу, особенно в сферу внутреннего мира человека, человеческих чувств, эмоций. Со стихией огня ассоциируются исключительно сильные чувства и эмоции, способные всецело охватить душу человека, сильное внутреннее возбуждение, страстный душевный порыв, душевная энергия, а также с огнем ассоциируется сам человек, отличающийся энергичностью, горячим, пылким нравом, порывистостью. Сравните: – Помилуйте! Это честнейшее сердце, благородная натура, но нервная, страстная, огненная и раздражительная! – защищали его [Райского] два-три дружеские голоса (И. Гончаров, Обрыв). Процессу угасания, затухания огня уподобляются ослабевание, исчезание чувств и эмоций в человеческой душе, потеря энергии, бодрости, утрата душевных сил, а также отражение этих процессов в человеческом взгляде. Сравните: Увы, Татьяна увядает; / Бледнеет, гаснет и молчит! / Ничто ее не занимает, / Ее души не шевелит (А. Пушкин, Евгений Онегин);*

Взбодренный и посветлевший Александр Александрович вскоре же уехал в Москву, но вернулся оттуда совсем больным и потухшим (Г. Мичурин, Горячие дни актерской жизни). – Я так много перенес в жизни горя, неудач, что испепелил сердце и стал стар душою (Писемский, В водвороте); Улыбка была на губах и лице князя Андрея, но взгляд был потухший, мертвый (Л. Толстой, Война и мир). В чувашском языке устойчивое сочетание ёнĕк пурнăс (букв.: паленая (горелая) жизнь) выражает значение «жизнь в скудости, бедности» [5. С. 102]. Зола (кĕл) в чувашской языковой картине мира ассоциируется со смертью и пустословием. Сравните: 1) Шыва кайрĕ пурсăн тутăр, / Шыв типмесĕр тухас сук. / Сич ют килне кайсассăн, / Кĕл пулмасĕр тухас сук «Упал в воду шелковый платок, / Его не достать, пока не высохнет вода. / Из дома чужих людей (имеется в виду семья мужа) / Не выбраться до самой смерти (букв.: пока не станешь золотой)» (причитание невесты) [8. С.163]; Сунса кĕлленесчĕ! «(бран.) пропади он (она) пропадом! (букв.: Да станет золой, сгорев дотла); 2) Кĕл хутаçси «болтун, пустомеля» [5. С. 167].

Обращает на себя внимание следующая деталь: в современном русском языке с прилагательными «чистый», «грязный» свободно сочетаются слова «вода» и «воздух» (ср.: чистая вода – грязная вода, чистый воздух – загрязненный (грязный) воздух), но не сочетаются слова «огонь» и «земля». Огонь – это исключительная чистота, абсолютно чуждая грязи. В русском языке широко употребительны сочетания очищающий огонь, очистительная сила огня, но нельзя сказать: «Грязный огонь». Не употребительны в русском языке сочетания чистая земля, грязная земля, но часто можно услышать: «Не трогай землю, руки запачкаешь!».

Литература и источники

1. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
2. Русское народное поэтическое творчество / сост. Ю.Г. Круглов. СПб.: Просвещение, 1993. 639 с.
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь / под ред. С.М. Толстой. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
4. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981. Т. 1. 698 с.; 1982. Т. 2. 736 с.; 1983. Т. 3. 752 с.; 1984. Т. 4. 794 с.
5. Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Русский язык, 1982. 712 с.
6. Чăваш тĕнчи. Чăваш халăх каларăшĕсем / В.П. Галошев пухса хат. Шупашкар: Чăваш университетĕн изд-ви, 2003. 164 с.
7. Чăваш халăх пултарулăхĕ. Ваттисен сăмахĕсем / О.Н. Терентьева пухса хат. Шупашкар: Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. 493 с.
8. Чăваш халăх сăмахлăхĕ: 6 т. / Г.Ф. Юмарт ред. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1975–1985. 4 том. Юрăсем. 480 с.

References

1. Dal' V.I. *Posloviцы russkogo naroda: v 2 tomakh* [Proverbs of the Russian people. 2 vols]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1984, vol. 1, 383 p.; vol. 2, 399 p.
2. *Russkoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Russian folklore]. St. Petersburg, Prosveshchenie Publ., 1993, 639 p.
3. *Slavjanskaja mifologija. Jenciklopedicheskij slovar'* [Slavic mythology. Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnoshenija Publ., 2002, 512 p.
4. *Slovar' russkogo jazyka: v 4 tomakh* [Russian dictionary. 4 vols]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1981, vol. 1, 698 p.; 1982, vol. 2, 736 p.; 1983, vol. 3, 752 p.; 1984, vol. 4, 794 p.
5. *Chuvashsko-russkij slovar'* [Chuvash-Russian Dictionary]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1982, 712 p.
6. *Chavash tenchi. Chavash halah kalarashesem* [Chuvash world. Chuvash folk sayings]. Cheboksary, Chuvash University Publ., 2003, 164 p.
7. *Chavash halah pultarulahe. Vattisen samahesem* [Chuvash folklore. Proverbs]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 2007, 493 p.
8. *Chavash halah samahlahe: 6 tomakh. Tom 4: Jurasem* [Chuvash folklore. 6 vols. Vol. 4: Songs]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1975–1985, 480 p.

УДК 003.32
ББК Ш12 = 411.2*228

Л.А. БУДНИЧЕНКО

МОДУСНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПУНКТУАЦИОННЫХ ГРАФЕМ

Ключевые слова: пунктуационные графемы, языковой знак, смысловые функции, диктум и модус, модусные обязательные и модусные необязательные смыслы, значение «степени важности», экспрессивные смыслы.

Представлены смысловые функции пунктуационных графем, которые позиционируются как языковые знаки, обладающие диктальными и модусными значениями. Как диктальные, обусловленные денотатом, рассматриваются значения завершенности/незавершенности и зависимости/независимости высказывания. К модусным, выражающим отношение говорящего к высказываемой мысли, отнесены такие обязательные значения, как перечисление, пояснение, причина, следствие и др. Модусно необязательные смыслы образует значение «степени важности».

L. BUDNICHENKO

MODUS FUNCTIONING OF THE PUNCTUATION GRAPHEMES

Key words: punctuation graphemes, linguistic sign, semantic function, dictum and modus, obligatory modus meanings, optional modus meanings, notion «degree of importance», expressive meanings.

The semantic functions of the punctuation graphemes, which are positioned as linguistic signs possessing dictum and modus meanings are described. Notions of complete/incomplete, dependent/independent utterances are distinguished as dictum dependent on denotation. Such obligatory modus meanings as enumeration, explanation, cause, consequence etc. belong to the mode meanings when the attitude of the speaker to the utterance is demonstrated. Optional modus meanings make up the notion «degree of importance».

В основе современных представлений о смысловой организации высказывания лежит, отражая восприятие мира человеком, идея противопоставления объективного (диктального) и субъективного (модусного) компонентов смысла высказывания.

Диктум интерпретируется как обязательный аспект, отражающий реальную действительность, модус – как отношение к этим событиям говорящего. Наиболее четко, как известно, эту мысль выразил Ш. Балли, с именем которого связывается выделение двух слагаемых смысловой стороны высказывания [2]. Как показывают наши наблюдения, пунктуационные графемы играют важную роль в формировании как диктальных, так и модусных аспектов смысла высказывания.

Объектом семиотики, как известно, являются разные знаки, а не только слова. Мы исходим из того, что знаки препинания являются полноправными языковыми знаками, обладающими собственными смысловыми значениями. Пунктуационные знаки способны передавать определенную «идею», смысл, в связи с чем еще Л.В. Щерба называл их «идеографическими знаками», или **идеографемами** [9. С. 366]. Современные лингвисты отмечают, что «знаки препинания не только членят текст, но и сами несут информацию – смысловую, эмоциональную, модальную» [5. С. 42].

Денотативная (событийная) сторона высказывания, как известно, проявляется в том, что предложение объективно отображает некое событие, ситуацию, «положение дел» [1]. Однако денотат может отражать не только событие, но и «ситуацию мыслительной операции, производимой человеком» [3. С. 476]. Психологи утверждают, что субъект воспринимает реальную действительность фрагментами. Фрагментарность восприятия есть свойство человеческого сознания, что находит свое выражение в психологическом расчленении реальной действительности на отдельные «картины». Лингвисты также отмечают, что с точки зрения когнитивистики «связность не может быть безграничной и объективно требует расчленения, так как наши умственные операции при восприятии любой действительности способны охватить лишь отдельные факты, в связи с чем ап-

перцепция любого языкового сообщения также нуждается в расчленении» [6. С. 308]. Соответственно определенная коррелятивная мыслительная операция отражается как в речевом потоке, так и на письме, что находит свое выражение в смысловой функции членения пунктуационных графем.

Следовательно, **денотативная функция** пунктуационных графем, отражающих на письме членение картины мира при ее восприятии, является обязательной (отражает ситуацию мыслительной операции), а значит объективной, иначе говоря, **диктальной**.

Денотативным, диктальным для пунктуационных знаков является значение завершенности/незавершенности и независимости/зависимости высказывания и его частей.

Средством выражения этих значений становятся интонация (значение завершенности/незавершенности) и структура (значение зависимости/независимости), реализующие которые пунктуационный знак оказывается способен участвовать в формировании смысла высказывания.

В отличие от диктума (обязательного смысла) модус (субъективный смысл) понимается как значения, исходящие от говорящего и раскрывающие его позицию по отношению к объективному содержанию предложения.

Модусные значения реализуются в процессе речевого акта и связаны с понятием актуализации предложения. Как известно, под актуализацией понимается весь набор изменений, происходящих при переходе от предложения к высказыванию. Эти изменения обусловлены, в первую очередь, коммуникативными намерениями говорящего/пишущего, получившими в теории речевого акта определение иллокутивных целей.

В лингвистике выделяют модусные категории, вносящие субъективно обязательные смыслы, составляющие обязательный компонент значения предложения, и субъективные смыслы необязательные, формирующие необязательный компонент значения предложения [3. С. 477].

Обязательные модусные смыслы отражают такие значения, которые обязательны для его оформления, но вместе с тем представляют собою значения коррелятивные, дающие возможность выбирать из возможного коррелятивного ряда, проявив, тем самым, свое собственное намерение. К таким модусным значениям В.А. Белошапкина относит: 1) предикативность (модальность реальности/ирреальности) и время; 2) целеустановку (вопросительность/невопросительность); 3) персуазивность (значение достоверности/недостоверности). Грамматический строй русского языка принуждает говорящего оснастить всякое передаваемое сообщение этими грамматическими значениями. Вместе с тем субъект волен выбирать при оформлении высказывания тип модальности, конкретное время, значение достоверности или недостоверности, а также формировать свое высказывание в зависимости от конкретных целей и намерений как вопросительное или повествовательное. «Эти исходящие от говорящего значения, раскрывающие его позицию по отношению к объективному содержанию предложения, составляют обязательный минимум субъективных (модусных) смыслов в значении предложения» [3. С. 477].

Актуализируя объективное содержание предложения, говорящий соотносит его с ситуацией речи, опираясь на понятия «Я - здесь - сейчас», что с неизбежностью приводит к использованию обязательных субъективных смыслов. На эту особенность проявления «субъективности» в языке впервые обратил внимание Э. Бенвенист [4. С. 299]. Соответствующие преобразования происходят благодаря определенным актуализаторам. Для категорий предикативности и времени – это частица *бы* как показатель значения *ирреальности*, а также различные временные показатели; для выражения вопросительности – вопросительные слова и частицы, а также знак вопроса; для вы-

ражения значения персуазивности – модальные частицы и модальные слова (*неужели, разве, вероятно, возможно*).

Необязательные модусные смыслы факультативны и зависят от субъективных намерений говорящего/пишущего [3. С. 479]. Необязательные модусные смыслы соотносятся с дополнительными смысловыми оттенками, которые возникают при переходе от предложения к высказыванию и отражают субъективную оценку говорящим высказываемой им мысли. Эмоционально-экспрессивные смыслы входят в состав последних.

Модусные смыслы характеризуют и пунктуационные графемы. Нельзя не заметить, что в процессе членения реальной действительности на «картины» и отражения их в пропозициональных единицах высказывания, помимо реального «положения дел», обнаруживается и субъективная воля говорящего/пишущего. «В пунктуационном членении текста отражается не только «объективное» членение действительности. За этой «объективностью» скрыт субъективный взгляд коммуникатора» [6. С. 310]. Субъективность проявляется в том, каким образом картина мира расчленяется на фрагменты, а также какова степень такой членимости.

Сравним варианты членения одного и того же содержания, реализация которых зависит от намерений говорящего:

1. **Выползли тучи, солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь.**
2. а. Выползли тучи; солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь.
б. Выползли тучи, солнце скрылось; начал накрапывать мелкий дождь.
в. Выползли тучи; солнце скрылось; начал накрапывать мелкий дождь.
3. а. Выползли тучи, солнце скрылось. Начал накрапывать мелкий дождь.
б. Выползли тучи. Солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь.
в. Выползли тучи. Солнце скрылось. Начал накрапывать мелкий дождь.
4. а. Выползли тучи – солнце скрылось, начал накрапывать мелкий дождь.
б. Выползли тучи – солнце скрылось; начал накрапывать мелкий дождь.
в. Выползли тучи – солнце скрылось. Начал накрапывать мелкий дождь.
5. а. Выползли тучи, солнце скрылось – начал накрапывать мелкий дождь.
б. Выползли тучи; солнце скрылось – начал накрапывать мелкий дождь.
в. Выползли тучи. Солнце скрылось – начал накрапывать мелкий дождь.

Приведенные контексты отражают набор возможных коммуникативно-смысловых вариантов представления одного и того же денотативного содержания. Если обратиться к теории референции, то можно сказать, что смысловые варианты отражают возможный набор референциальных актов, в которых способно выступать данное высказывание. Референциальные смысловые варианты представляют собою некую парадигму пунктуационно-смысловой членимости с исходным вариантом. Постоянными в парадигме являются: 1) количество пропозициональных единиц (три); 2) число ситуаций членения (тоже три); 3) количество пунктуационных знаков (также три).

Одна из позиций оформляется константно (точка – конец высказывания), две другие допускают варианты пунктуационного оформления. Изменяющимися параметрами в парадигме являются: 1) степень членения (запятая, точка с запятой (ТСЗ), точка), отражающая различную степень проявления смысловых значений (завершенности/незавершенности и зависимости/независимости); 2) характер семантических отношений между частями высказывания (перечисления, причины, следствия); 3) степень выделенности частей высказывания по признаку важности (три степени), что выражается употреблением запятой, ТСЗ или точки в тождественных позициях.

Отмеченные особенности членения высказывания оказываются результатом проявления воли и намерений пишущего, отражая его «отношение к соотносительности содержания высказывания с действительностью». Каждый из рефе-

ренциальных актов показывает, как именно говорящий в той или иной ситуации осмысливает взаимосвязь между событиями. Объективно отражая «положение дел» (реально существующее независимо от воли говорящего), последний волен так или иначе оценивать те отношения (перечисления, причины, следствия), которыми связаны сами события, а также степень их важности. В этом проявляется субъективное восприятие говорящим реальной действительности. Однако это субъективное восприятие ограничено обязательностью расчленения самих событий в когнитивном аспекте и отражением этого членения в языке. Иначе говоря, мы наблюдаем проявление модусных характеристик, которые, вслед за В.А. Белошапковой, можно определить как смыслы модусно обязательные.

Действительно, именно пишущий решает, каким пунктуационным знаком (запятой, точкой, ТЗ) оформить отношения между частями высказывания (пропозициями), сближая одни события, разъединяя другие и выделяя одни события как более важные по сравнению с другими. Обязательность членения, не зависящая от воли пишущего, обуславливает необходимость отделения одной пропозиции от другой, однако степень членимости, а также отношения между частями (перечисления, пояснения, причины, следствия) определяются намерениями говорящего, когда происходит выбор из возможного коррелятивного ряда пунктуационных знаков. Членимость и степень членимости – понятия неразделимые: второе с обязательностью предполагает первое; следовательно, можно утверждать, что пунктуационные знаки способны передавать диктум и модус нерасчлененно. При этом значения перечисления, пояснения, причины, следствия, степени важности выступают как обязательные модусные смыслы, взаимодействующие с диктальным значением *незавершенности* высказывания.

Поскольку части высказывания в приведенной нами пунктуационно-смысловой парадигме допускают различную семантическую интерпретацию, семантика отношений актуализируется в каждом конкретном случае вариациями пунктуационных знаков (запятая, ТЗС, двоеточие, тире). Иначе говоря, актуализация понимается как выбор языкового средства, в данном случае пунктуационной графемы, из ряда альтернативных.

Вместе с тем следует отметить, что семантические отношения между частями высказывания могут быть ограничены лишь единственным возможным вариантом, что зависит от лексического наполнения частей высказывания.

Таким образом, каждый из референциальных актов отражает процесс смысловой актуализации высказывания в зависимости от определенной ситуации, а пунктуационные графемы выступают в роли смысловых актуализаторов, выбор которых определяется волей пишущего.

Как модусно проявляющееся следует, видимо, считать и вопросительное значение, которое В.А. Белошапкина, наряду со значением невопросительным (утвердительным, оформленным знаком точки), относит к обязательным субъективным смыслам, оформляющим целеустановку [3. С. 477]. Коррелятивный ряд в этом случае составляют два пунктуационных знака – точка и вопросительный знак, а актуализация определяется выбором одного из них в зависимости от интенций говорящего. Например: *На праздничной выставке достижений я видела множество сортов медовухи, которая у нас вообще никогда не продается. Мы опять возвращаемся к юбилейной выставке?* Последнее высказывание контекста допускает вариант с утвердительным смыслом, который оформляется точкой. Ср. еще: *Может быть, мы в чем-то соперницы?/Может быть, мы в чем-то соперницы.* Следует отметить, что отмеченный коррелятивный ряд (точка/вопросительный знак) возможен только по отношению к несобственно-вопросительным предложениям; собственно-вопросительные такой коррелятивный ряд не образуют.

Производной от степени членения является степень выделенности, важности той или иной части высказывания. Чем «сильнее» пунктуационный знак, тем более важной предстает информация, фрагмент которой отделяется знаком препинания. Например, в вариантах 1, 2в, 3в части информативно равноправны; в вариантах 2а, 3б, 5в самой важной является первая из трех пропозиций; в вариантах 3а, 4в как наиболее важная представлена третья пропозиция и т.д. Возникающее при этом модусное значение «степени важности», характеризующее пунктуационные знаки, взаимодействует с диктальным значением *независимости* высказывания. Чем интенсивнее проявляется значение независимости (например, в случае функционирования точки), тем более важной предстает информация, и, соответственно, чем более зависима та или иная часть высказывания, тем она менее значима (например, при членении запятой).

Членение по «степени важности» исследователи рассматривают как один из видов смыслового членения [8. С. 53]. Значение «степени важности» в приведенных ситуациях проявляет себя как значение прагматическое, модусно обязательное. Именно говорящий/пишущий выделяет какие-то события как основные, более важные, а какие-то как второстепенные или даже сопутствующие. При определении информативной значимости пишущий оперирует несколькими пунктуационными вариантами (от запятой до точки), выбирая нужный ему для указания «степени важности» пунктуационный актуализатор, что обуславливает изменчивый, модусный характер смыслового значения «степени важности».

Модусные значения реализуются в процессе речевого акта и связаны с понятием актуализации предложения. Как известно, под актуализацией понимается весь набор изменений, происходящих при переходе от предложения к высказыванию. Эти изменения обусловлены, в первую очередь, коммуникативными намерениями говорящего/пишущего, получившими в теории речевого акта определение иллокутивных целей.

С этой точки зрения в конкретном речевом акте выбор того или иного пунктуационного знака (ПЗ), отражающего общий процесс членения текста, зависит от целей и намерений пишущего. Сумма всех возможных пунктуационных вариантов того или иного модусного значения составит его экстенционал – множество всех потенциально возможных референтов (или смыслов), а выбор того или иного ПЗ говорящим как способа достижения конкретной цели обусловит роль пунктуационных знаков как «актуализаторов, суживающих область референции с класса до индивида» [7. С. 411].

С точки зрения иллокутивной функции важно, почему пишущий выбрал именно данный пунктуационный знак, оставив вне поля своего зрения остальные варианты, каковы мотивы речевого поведения пишущего в данной пунктуационной ситуации.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (Логико-семантические проблемы). М.: Наука, 1985. 384 с.
2. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Либроком, 2009. 398 с.
3. Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1981. 560 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 446 с.
5. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. М.: Просвещение, 1979. 125 с.
6. Кожевникова К.А. Об аспектах связности в тексте как целом // Синтаксис текста. М.: Наука, 1979. С. 52–59.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
8. Торсуева И.Г. Интонация и смысл высказывания. М.: UPSS, 2009. 112 с.
9. Щерба Л.В. Теория русского письма. Л.: Наука, 1983. 132 с.

References

1. Arutjunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl (Logiko-semanticheskie problemy)* [The proposal and its meaning (logical-semantic problems)]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 384 p.
2. Bally Sh. *Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka* [Total linguistics and French language questions]. Moscow, Librokom Publ., 2009, 398 p.
3. Beloshapkova V.A., Zemskaja E.A., Miloslavskij I.G., Panov M.V. *Sovremennyy russkij jazyk*. [Modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1981, 560 p.
4. Benvenist Je. *Obshhaja lingvistika* [General linguistics]. Moscow, Progress, 1974, 446 p.
5. Valgina N.S. *Russkaja punktuacija: principy i naznachenie* [Russian Punctuation: principles and purpose]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1979, 125 p.
6. Kozhevnikova K.A. *Ob aspektah svjaznosti v tekste kak celom* [About aspects of connectivity in the text as a whole]. *Sintaksis teksta* [Syntax text]. Moscow, Nauka Publ., 1979, pp. 52–59.
7. *Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990, 685 p.
8. Torsueva I.G. *Intonacija i smysl vyskazyvanija*. [Intonation and meaning of the utterance]. Moscow, UPSS Publ., 2009, 112 p.
9. Shherba L.V. *Teorija russkogo pis'ma* [Theory of Russian letters]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, 132 p.

БУДНИЧЕНКО ЛАРИСА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (lara8500@mail.ru).

BUDNICHENKO LARISA – doctor of philological sciences, professor of Journalism Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.145+811.111+811.133.1]:398.8

ББК Ш12=632.3*33+Ш12=432.1*33+Ш12=471.1*33

Э.Н. ГАЙФУТДИНОВА, А.Г. ФАЙЗУЛЛИНА

ОЦЕНОЧНАЯ СЕМАНТИКА ГЕНДЕРНЫХ ПОСЛОВИЦ В ТАТАРСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Ключевые слова: пословица, оценка, оценочное значение, гендерные стереотипы, внешность, внутренний мир человека, красота, характеристика человека.

Данная статья содержит оценочное описание семантических представлений о человеке, свойственных татарской, английской и французской паремииологии в гендерном аспекте. Ключевым положением статьи является сопоставительный анализ внешности женщин и мужчин в различных лингвокультурах. Исследование дало не ожидаемые, а несколько другие результаты.

E. GAIFUTDINOVA, A. FAIZULLINA

THE ESTIMATED SEMANTICS OF GENDER PROVERBS IN TATAR, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES

Key words: proverb, evaluation, the estimated value of gender stereotypes, appearance, the inner world of a person, beauty, characteristic of a person.

This article contains a description of the estimated semantic representations about a person in Tatar, Russian and French paremiology in a gender perspective. A comparative analysis of the women and men appearance in different linguistic cultures is the key position of this article. The research gave several other results, we hadn't expected.

По словам В.В. Виноградова, «слово не только обладает грамматическими и лексическими предметными значениями, но и в то же время выражает оценку субъекта. ... Само предметное значение слова до некоторой степени формируется этой оценкой» [3. С. 25]. Оценка как семантическая категория представляет собой «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший / плохой»» [4. С. 5-6].

Оценка является универсальной категорией. Ведь вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о том, что «хорошо» и что «плохо».

Оценка как языковая категория и языковые средства ее выражения подвергаются активному исследованию в современной лингвистической науке. В

круг объектов оценки входит все, что включено в сферу человеческой деятельности, в том числе и, прежде всего, сам человек, который оценивается более дифференцированно. Н.Д. Арутюнова считает, что для того, чтобы оценить объект, человек должен «пропустить» его через себя: природа оценки отвечает природе человека. Оценивается то, что нужно человеку, и оценке подлежит все, что доступно человеку, однако чаще оценочное отношение проявляется к человеку. Оценка интерпретирует человека как некую цель, на которую ориентирован мир [1. С. 58]. Она не может быть независима от человека. По утверждению Н.Д. Арутюновой, «почти в каждом слове можно обнаружить следы человека» [1. С. 3]. Качества и свойства человека, его поступки, психологические и физические состояния, социальная подоплёка находят свое отражение в языке и в пословицах данных языков, так как пословицы отражают опыт народа, накопленный веками, сохраняющий и воспроизводящий его менталитет, а значит, и его культуру. Они реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа во всем его многообразии, передают бытовые, социальные, религиозные, эстетические народные взгляды, в них запечатлелись особенности обычаев, нравов, поведенческие концепции и моральные установки. Пословицы прочно вошли в язык, в жизнь любого народа, и они как бы напоминают человеческий опыт, накопленный веками.

В свете всего вышеизложенного изучение пословиц представляется крайне важным, особенно необходимым является изучение пословиц того народа, чей язык изучает человек. Это позволяет приобщиться к огромному социальному опыту, накопленному народом, позволяет лучше изучить менталитет этого народа, так как в пословицах, как нигде, проявляются менталитет, душа народа.

Пословицы имеют свои особенности. Отличительной особенностью пословиц, используемых для описания человека, является наличие в их семантике ценностного отношения к объекту. Оценочность является обязательной составляющей семантической структуры характеристики человека.

Особенность оценки состоит в том, что объект оценки соотносится по какому-либо признаку или параметру (основанию оценки) с некоторой шкалой или эталоном качественного или количественного сравнения объектов, имеющих в распоряжении человека, дающего оценку. И как показывают наши исследования, в способах выражения оценочных значений языка проявляют свою индивидуальность.

Оценочность весьма разнообразна, особенно это касается оценочных обозначений качеств человека, что соответствует общей природе прагматического аспекта языка. По мнению В.Н. Телия, «оценочное значение в самом общем понимании – это информация, содержащая сведения о ценностном отношении субъекта речи к определенному свойству обозначаемого» [6. С. 110].

В данной статье речь пойдет об оценочных описаниях внешнего облика мужчин и женщин, ибо в культурологических исследованиях внешность человека трактуется как «сложное социокультурное образование с многообразными аспектами и возможностями их интерпретации» [8. С. 266], значение которого для основных уровней познания действительности несомненно. На обыденно-обывательском уровне именно внешний облик человека привлекает первоначальное внимание окружающих его людей, на теоретическом уровне внешность выступает как знак духовности. «Внешность человека – это то, что в первую очередь бросается в глаза и подвергается нами оценке», – считает также А.Г. Файзуллина [7. С. 27]. Таким образом, внешность – одна из существенных характеристик человека.

Отрицательно оцениваются некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но обладающие избыточностью, чрезмерным проявлением: полнота, худоба, высокий, низкий рост и т.п.

Во внешности человека в первую очередь оценивается тело. Основные критерии оценки человеческого тела – это объем, размер и рост. В исследуемых нами языках фактически отсутствуют пословицы, указывающие на обычное, нормальное значение данных параметров.

1. Объем тела. Исследования показывают, что пословицы, указывающие на объем тела человека и образующую дихотомию «большой – маленький», составляют самую большую группу паремий.

Первую группу составляют лексические единицы, обозначающие большой объем тела человека, т.е. человека толстого: тат. *Симез тән – арык жан* (букв. Тело жирное – душа тощая); тат. *Симез ябыкканчы арык үләр* (Пока толстый сохнет, худой сдохнет); фр. *Les grands boeufs ne font pas les grands labours* (Телом велик как бык, но делом – нет). Однако исследованные пословицы показали совершенно другие результаты, чем ожидалось. Во всех трёх примерах отсутствует отрицательная оценка упитанности тела, а отрицательно оцениваются тощая душа, (избыточная) худоба, деловые качества.

Вторую группу составляют антонимичные лексические единицы к первой группе, т.е. «худой». Вторая группа гораздо скромнее, чем первая, но в то же время тяготеет к выражению общей отрицательной оценки: тат. *Арык кеше – алчак, базык кеше – басымчак* (Худой человек – злой человек). Однако исследования показали, что большой объем тела, как мужчины, так и женщины, не является какой-либо проблемой для англичан (англ. *Exercise keeps the bones green* (Физические упражнения сохраняют кости здоровыми), ибо англичане в отличие от татар, как нам представляется, являются людьми достаточно спортивного телосложения и нет оснований для отрицательной оценки, отраженной в пословицах.

2. Рост. Объему тела человека и его росту другим человеком в основном дается оценка только отрицательная, данные показатели не являются объектом, в то же время во всех сопоставляемых нами языках наблюдается пренебрежительное отношение как к низкорослым, так и к чересчур высоким людям. Например, тат. *Озын кешенең акылы тубыгында була* (досл. У высокого человека ум в ногах); *Коры буй бүрәнәдә дә бар* (досл. У бревна тоже есть длина).

Если к высокому росту не всегда однозначное отношение, то в сопоставляемых лингвокультурах маленький рост оценивается исключительно положительно:

– тат. *Кечкенә булса да, төш кенә* (досл. Маленький – да удаленький);

– англ. *Little strokes fell great oaks* (досл. Малые удары валят большие дубы); *Little pigeons can carry great messages* (досл. Маленькие голуби могут принести большие сообщения), т.е. «Мал, да удал»; *A little body often harbours a great soul* (В маленьком теле часто таится великая душа);

– фр. *Petit homme abat grand chêne* (досл. Маленький мужчина валит большие дубы), т.е. «Мал телом, да велик делом».

Однако приведенные примеры о росте и объеме не всегда показывают, кому же принадлежат оценки внешности: мужчине или женщине, они универсальны в своей оценке человека независимо от гендерности.

Бесчисленное количество пословиц и поговорок посвящено прекрасной половине человечества. К специфическим чертам гендерных стереотипов относится прежде всего красота лица женщины, но ни татарская, ни английская, ни французская пословичная картина мира не дает расширенного описания внешности женщины. Если у татарской девушки мы сдержанно любуемся только красотой лица:

– *Ачык йөз – нур өстенә нур* (Приветливое лицо излучает свет); *Йөз матурлыгы – бизәк* (Красота лица – это украшение); *Йөз матурлыгы – елмаю белән* (Красота лица – в улыбке), то

– во внешности француженки *La beauté plaît aux yeux, la douceur charme l'âme* (Красота ласкает взгляд, нежность очаровывает душу) выделяются и такие параметры, как ум: *Belle tete, mais cervelle point* (Личико беленько, да разума маленько).

– по мнению англичан: *Beauty lies in lover's eyes* (букв. Красота – в глазах любящего); *When a girl ceases to blush, she has lost the most powerfull charm of her beauty* (Когда девушка перестает краснеть, то ее красота лишается главного очарования).

Безусловно, англичане восхищаются своими женщинами, но в то же время англичане о красоте высказываются несколько неодобрительно:

– *Beauty and folly are companions* (Красота и глупость рука об руку ходят); *A fair face may hide a foul heart* (Прекрасное лицо может скрывать скверную душу). Несмотря на то, что в поговорках татар, англичан и французов считается красивой белая кожа, в пословицах цвет кожи не находит отражения. В пословицах сопоставляемых языков лицо не просто должно быть прекрасным, но и на лице должна отражаться душа человека, говорят татары и англичане, ибо:

– тат. *Йөз – жанның көзгесе* (Лицо – зеркало души);

– англ. *The face is the index of the heart* (Лицо – зеркало души);

– а французы заглядывают в глаза: *Les yeux sont le miroir de l'ame* (Глаза – зеркало души).

Во всех сопоставляемых лингвокультурах помимо внешней красоты приветствуется также и внутренняя красота, которая выражается в добродетели, чистоте души, доброте, воспитанности:

– тат. *Эчке матурлык күктәге ай кебек, тышкы матурлык болан муенындагы энже кебек* (досл. Внутренняя красота как луна на небе, внешняя красота – как жемчуг на оленьей шее); *Тышкы матурлык белән масайма, эчке матурлык белән масай* – (Гордись не внешней красотой, гордись внутренней красотой);

– англ. *Virtue is its own reward* (Добродетель – сама себе награда);

– фр. *Gracieuité et propreté valent mieux que sale beauté* (Чистота – та же красота). Однако любая девушка, если она любима и желанна, будет восприниматься как привлекательная:

– тат. *Үз сөйгәнәң үзеңә хур кызыдай күренә* (Каждому своя возлюбленная краше, чем гурия); *Сөймәсән, сылу кыз да ямьсез күренер, сөйсән, ямьсез кыз да сылу күренер* (Если не любишь, и красивая покажется некрасивой, а если любишь, то и некрасивая будет прекрасной). Иначе говоря: не красивая красива, а любимая.

Наши исследования позволяют утвердить, что в пословицах подвергается оценке не только женская внешность, но и внешность мужчины: его тело, цвет его волос, цвет и форма бороды и усов, ибо в процессе взаимодействия с окружающей действительностью человек, как правило, подвергается оценочным классификациям.

Е.В. Милосердова считает, что «Понятие «стереотип» относится сегодня к числу очень распространенных и ... имеет всегда оценочный характер» [5. С. 82]. Таким образом, пословицы представляют собой закрепленные в языковом узусе оценочные стереотипы человека, отражают ценностные представления социума о человеческих качествах:

– тат. *Башың таз булса да, күңелең аяз булсын* (досл. Пусть голова лысая, лишь бы душа была чистой); *Төсең кара булса да, күңелең ак булсын* (досл. Пусть кожа тёмная, лишь бы душа была светлая);

– англ. *Fair without, foul (false) within* (Лицом хорош, да душой не пригож); *A good face is a letter of recommendation* (Хорошее лицо – лучшая рекомендация); *Beauty is only skin deep* (Снаружи красота, внутри пустота).

По мнению англичан и французов, чтобы быть настоящим мужчиной, обязательно иметь красивые черты лица:

– англ. *A man is a man if he has but a nose on his face* (букв. Мужчина как женщина, если на его лице нос на месте);

– фр. *Il est assez beau qui a tous ses membres* (Достаточно иметь все конечности, чтобы называться красавцем). В татарских пословицах подобная оценка «мужской красоты» не находит отражения.

В паремиях французского языка при использовании лексем «внешность», «лицо» акцент делается на цветовой характеристике волос и бороды мужчин: *Barbe rousse, noir de chevelure, est réputé faux nature* (Рыжая борода да черные волосы – опасная натура). В татарских же пословицах нашёл отражение только один признак – «седой»: *Чөч агару чир тугел* (Седые волосы – не болезнь); *Сакалга чал төште – күңелгә гамь төште* (Седина в бороду – бес в ребро).

Что касается волос, то у женщины во всех трёх языках не цвет, а их длина имеет абсолютно одинаковое оценочное значение: «Волос долог, да ум короток»:

– тат. *Чөчө озын – акылы кыска*;

– англ. *Long hair and short wit*;

– фр. *Long cheveux, courte cervelle*.

Как видно из примеров, данная оценка женщине во всех сопоставляемых языках имеет ироничный и пренебрежительный оттенок.

Таким образом, оценочность в паремиях является универсальной для татарского, английского и французского языков. Женщина вызывает одобрение и положительные эмоции, если она красива и если она благочестива. В трех языках одинаково положительно оценивается нравственность, красоте же придается не самое большое и главное значение. У мужчин отмечается обилие различных отрицательных черт характера, Однако эти отрицательные качества не вызывают такие негативные эмоции, как женские.

Для татарского языка оценивание внутреннего мира человека, его поведения, взаимоотношений, жизненных ситуаций более характерно, чем для английского и французского языков.

Итак, язык во все времена является наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. В нем воплощены своеобразие народа и национальное видение мира. Язык может служить источником сведений о культуре, психологии и мировидении народа. Все расхождения языков и культур выявляются при их сопоставлении. В данной статье проведена попытка найти сходства и различия между татарской, английской и французской пословичными картинками мира.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. М.: Индрик, 1999. 424 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 339 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 639 с.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.
5. Милосердова Е.В. Национально-культурные стереотипы и проблемы межкультурной коммуникации // Иностранные языки в школе. 2004. № 3. С. 80–84.
6. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
7. Файзуллина А.Г. Инвективы-композицы в системно-функциональном аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Чебоксары, 2009. 46 с.
8. Яременко С.Н. Внешность человека в культуре: дис. ... докт. филос. наук. Ростов н/Д., 1997. 287 с.

References

1. Arutyunova N.D. *Vvedenie* [Proem]. *Logicheskii analiz yazyka. Obraz cheloveka v kul'ture i yazyke* [Logical analysis of language. The image of man in culture and language]. Moscow, Indrik publ., 1999, 424 p.

2. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znachenii: Otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings: Assessment, event, fact]. Moscow, Nauka Publ., 1988, 339 p.

3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine of the word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986, 639 p.

4. Vol'f E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002, 280 p.

5. Miloserdova E.V. *Natsional'no-kul'turnye stereotipy i problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [National and cultural stereotypes and problems of intercultural communication]. *Inostrannye yazyki v shkole* [Foreign languages at school], 2004, vol. 3. pp. 80–84.

6. Teliya V.N. *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinits* [Semantics connotative aspect of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 143 p.

7. Faizullina A.G. *Invektivny-kompozity v sistemno-funktsional'nom aspekte: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Invective-composites in the system-functional aspect. Dr. Philology sci. diss.]. Cheboksary, 2009.

8. Yaremenko S.N. *Vneshnost' cheloveka v kul'ture: dis. ... dokt. filos. nauk* [A person's appearance in culture. Dr. Philosophy sci. diss.]. Rostov na Donu, 1997, 287 p.

ГАЙФУТДИНОВА ЭЛЬЗА НАИЛЕВНА – преподаватель кафедры иностранных языков, Набережночелнинский филиал Поволжской государственной академии физической культуры, спорта и туризма, Россия, Набережные Челны (elsa_gaif@mail.ru).

GAIFUTDINOVA ELZA – teacher of Foreign Languages Chair, Branch in Naberezhniye Chelny of the Povolgskaya State Academy of Physical Culture, Sports and Tourism, Russia, Naberezhniye Chelny.

ФАЙЗУЛЛИНА АЛЬМИРА ГАББАСОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Набережночелнинский государственный торгово-технологический институт, Россия, Набережные Челны (afaizyllina@rambler.ru).

FAIZULLINA ALMIRA – doctor of philological sciences, professor of Humanities and Social Sciences Chair, Naberezhnye Chelny State Trade and Technology Institute, Russia, Naberezhnye Chelny.

УДК 821.161.1-94

ББК Ш42(2)=(411.2)*44-24*011.7

Е.А. ГРИГОРЬЕВА, О.А. ПЕТРОВА

К ВОПРОСУ О КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ В РУССКОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: категория субъективной оценки, оценка, оценочная лексика, мемуарная литература.

Статья посвящена анализу жанрового своеобразия мемуарной литературы. На примере мемуаров представителей элитарной культуры XIX–XX вв. выявлены специфические черты разновременных мемуаров. Рассмотрены такие особенности современной мемуарной литературы, как стремление к максимальному самовыражению автора, исповедальность, эмоциональное и иррациональное восприятие действительности, акцентирование внимания на морали, приверженность крайним суждениям, полисубъектность, включение в повествование «чужих оценок». Наблюдения за функционированием оценочной лексики в ракурсе описания языковой личности мемуариста, являющегося субъектом и объектом оценки, позволили определить ее особый потенциал.

E. GRIGORYEVA, O. PETROVA

REVISITING THE CATEGORY OF SUBJECTIVE EVALUATION IN RUSSIAN COMMENTARIES

Key words: the category of subjective evaluation, evaluation, evaluative lexis, and memorial.

In terms of the memoirs of representatives of the elite culture XIX–XX centuries, the specific features of different periods of memoirs were identified. Such features as contemporary memoirs as an attempt to maximize expression of author, confessional, emotional and irrational perception of reality, focusing on ethics, commitment to extreme judgments polysubject, including in the narrative of «foreign guest» were considered. Surveillance of the evaluation from the perspective of vocabulary description language personality memoirist, who is the subject and the object of evaluation, possible to determine its special potential.

В научной литературе мемуары определяются как «произведения письменности, закрепляющие в той или иной форме воспоминания о прошлом», «художественная автобиография в узком смысле, рассказ о личной судьбе писателя, о

спутниках его жизни, о событиях, свидетелем которых он был, в конечном счете – о судьбах эпохи, современником которой довелось быть писателю» [8. С. 35–38]. Подобные определения не расходятся со словарным толкованием лексемы *мемуары*: 'записи людей о событиях прошлого, которые они наблюдали или в которых участвовали; литературное произведение в форме личных воспоминаний о событиях прошлого' [1. С. 532]. Вслед за Т.В. Романовой мы принимаем точку зрения о том, что понятия мемуарная проза и исповедальная проза относятся друг к другу как часть и целое [8. С. 35], однако в лингвистических исследованиях термины *мемуарная проза*, *автобиографическая литература*, *исповедальная проза*, *мемуарная исповедь* часто используются как синонимы.

Словарное толкование, различные литературоведческие дефиниции мемуаров детерминируют наличие определенного круга специфических особенностей, характерных как для жанра в целом, так и для одновременных мемуаров в частности.

Субъективность определяет разнообразие видов автобиографической литературы: «книги подведения итогов», «книги о детстве», «автобиографические мемуарные книги», «эссеистическая проза», дневники, записки, биографические книги, автобиографические книги, исповедь. Многие исследователи указывают на возможный контаминационный характер произведений мемуарного жанра, поэтому мемуары определяются как метажанр – «сложная структура, перерастающая рамки одного жанра», в котором доминирует субъективное начало.

В мемуарной публицистике производитель речи совпадает с ее субъектом и в этом «принципиальное отличие публицистики от художественной речи, причина ее воздейственности и выразительности» [8. С. 41]. «В отличие же от разговорной речи, где также наблюдается совпадение производителя речи и ее субъекта, я публициста облачается социальными, этическими, идеологическими смыслами. Субъект публицистической речи – это всегда представитель той или иной социальной группы, прямо и нередко открыто, пристрастно, эмоционально высказывающий свои убеждения, взгляды, мнения<...>» [8. С. 41]. Отношение авторов к действительности определяется как субъективно-объективное: прямое, оценивающее и анализирующее, осложненное существующими философскими, политическими, социально-идеологическими взглядами. Говоря о субъективности как основополагающей черте мемуарного текста, лингвисты отмечают ее проявление «через многообразие не только форм существования субъекта, но и форм оценок, медиаторами которых выступают различные ипостаси реального автора мемуарного текста» [8. С. 147]. В связи с этим вычленяются: автор-повествователь (я генеральное), который демонстрирует оценку на уровне отбора фактов, событий и языковых оценочных средств для повествования об этих фактах и событиях; автор-персонаж (я историческое), который существует в описываемой ситуации и лишь иллюстрирует ее; автор-комментатор (я обобщенное – носитель эксплицитной оценки с точки зрения сегодняшнего дня. Имплицитно в его оценке присутствует «шкала оценок и стереотипы», на которые он ориентирован как представитель определенного эмоционального, социального и культурного типа. Таким образом, происходит совпадение субъектов речи и субъектов оценки в двух авторских ипостасях из трех. При этом оценка в мемуарных текстах часто входит в общее построение описания или рассуждения с его аргументацией и органически связана с содержательной стороной текста в целом, зачастую приобретают оценочный смысл и те слова, которые сами по себе оценки не выражают [3. С. 203–204]. Присутствие открытого авторского я объясняется двойной функцией автора в мемуарах – он является субъектом и объектом повествования, т.е., с одной стороны, он выступает как субъект социальный, общественный, и поэтому в мемуарах присутствует автобиографическая линия с анализом социальной сферы; с другой – как частный, что предполагает высокую степень модальности и оценки.

Необходимо отметить также присутствие самооценки как характерной черты оценки в мемуарах. Самооценка в словаре – это «оценка других, принятая личностью в качестве масштаба собственного поведения» [10. С. 389]. Как пишет М.В. Ляпон, «самооценка – это, во-первых, интерпретация производителем текста (говорящим Я) своего поведения в знаковой ситуации, объяснение своего конкретного речевого поступка <...>. Во-вторых, – словесное само моделирование <...>. Словесное само моделирование – это создание языкового автопортрета» [7. С. 27]. Само моделирование своего языкового образа может проявляться и в комментариях, цель которых не только разъяснить индивидуальное словоупотребление или осмысление слова, сколько информировать о некоторой существенной для мемуариста черте психологического автопортрета.

Обратим внимание на то, что русские мемуары представляют собой различные по своей специфике литературные произведения и имеют достаточно различные отличия.

Так, мемуары XIX – начала XX вв. характеризуются стремлением авторов не только воскресить события собственной жизни. Воссоздавая атмосферу прожитых лет и историю множества человеческих судеб, с которыми им удалось соприкоснуться, мемуаристы восстанавливают веки русской истории и культуры XX в. (мемуары К.С. Станиславского, Т.Л. Щепкиной-Куперник и др.) Однако уже в период «оттепели» интерес к личности возрастает, поэтому мемуаристика конца XX – начала XXI вв. обнаруживает новые тенденции в сравнении, например, с мемуарами начала века, что выражается в жанровом своеобразии (например, не показывается саморазвитие, как в классической автобиографической прозе К.С. Станиславского); часто отсутствует оценка себя тогдашнего с нынешней позиции; на первый план выносятся не анализ, а демонстрация (см. мемуары М.М. Плисецкой, Л.М. Гурченко, Н.В. Мордюковой). Подобная открытость расценивается в большей степени как максимальное самовыражение, нежели обычное стремление к максимальной достоверности.

Еще одной особенностью мемуарной прозы является то, что во многих текстах оценка дается тому, что извлекается из памяти с точки зрения момента речи. В связи с этим Т.В. Романова считает исповедальность специфической чертой современной автобиографической литературы [8. С. 39], главное в которой – самопознание, познание своего духа, духовных исканий; автора книги-исповеди наряду с характеристиками среды интересует характеристика собственных реакций на среду. Разница между книгой в жанре дневника, воспоминаний, автобиографий и книгой исповедального жанра заключается в том, что первая «направлена на то, чтобы запечатлеть бывшее», а вторая – «представить идеологические и аксиологические ориентиры автора, предложить большое количество средств выражения субъективной модальности и использование открытых (явных) способов экспликации концепта» [8. С. 39–40].

Для современной русской исповедальной прозы характерно ментальное, аналитическое восприятие действительности, причем, как замечено исследователями, это восприятие чаще иррационально, т.е. интуитивно, эмоционально. Это, вероятно, связано с тем, что эмоциональность и иррациональность находятся в числе основных черт русской концептуальной картины мира: «эмоциональность – ярко выраженный акцент на чувствах и на их свободном изъяснении, высокий эмоциональный накал русской речи, богатство языковых средств для выражения эмоциональных оттенков; «иррациональность» (или «нерациональность») – подчеркивание ограниченности логического мышления, человеческого знания и понимания, непостижимости и непредсказуемости жизни. Наряду с такими чертами русской ментальности, как эмоциональность и иррациональность, отмечаются любовь к морали – абсолютизация моральных

измерений человеческой жизни, акцент на борьбе добра и зла (и в других, и в себе), любовь к крайним и категоричным моральным суждениям [2. С. 33–34] (например, в мемуарах Г.П. Вишневской, М.М. Плисецкой).

Русской мемуарной литературе также присущи элементы полисубъектности (Т.Л. Щепкина-Куперник, М.М. Плисецкая, Г.П. Вишневская, Н.В. Мордюкова), так как в них присутствуют высказывания с «чужой оценкой». Под чужой оценкой понимается оценочное высказывание субъекта, которое впоследствии воспроизводится вновь другим субъектом, являвшимся в первом речевом акте адресатом или адресатом-объектом оценки. В структуре мемуарного дискурса «чужая оценка» взаимодействует с самооценкой и оценкой окружающего мира [12].

По словам Ю.Н. Караулова, «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [4. С. 8]. Н.А. Рубакин считал возможным выявление в тексте присущих автору «характера, темперамента, типа, склада ума и мышления, преобладающих эмоций, наклонностей и активности или пассивности» [9. С. 204], что, несомненно, эксплицитно выражено в языке. Особенности языковой личности, по мнению Т.А. Трипольской, могут быть выявлены путем изучения «устройств» и функционирования некоторых участков языка, в которых она имеет свое непосредственное проявление. Таким «участком» языка и является оценочная лексика, при помощи которой говорящий, оценивая мир, выражая свое эмоциональное состояние, свое отношение к этому миру, выбирая подходящую оценочную стратегию, демонстрируя языковой вкус, а также речевую языковую компетенцию, проявляет себя как языковая личность [11].

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод о том, что категория субъективной оценки в большей или меньшей степени присуща всем мемуарным текстам, но в одних она завуалирована, передается подтекстом, имплицитными средствами, в других же выражена эксплицитно, с помощью оценочных значений, что в большей степени присуще мемуарам исповедального характера.

Сосредоточение внимания на исповедальной прозе представителей творческой элиты России конца XIX–XX вв. позволяет выявить тенденции употребления оценочной лексики в современной речи представителей «элитарной культуры», на основании чего возможно сделать вывод об особенностях современной элитарной языковой личности, выявить сходства и различия «языковых паспортов» мужчин и женщин, принадлежащих к рассматриваемому классу общества. Отметим, что при анализе языка мемуарной прозы важнее не сам образ автора, а его позиция – «ценностная позиция», «ценностная установка», которая лучше всего может быть отражена в мемуарном жанре, позволяющем говорить и писать открыто, в меньшей степени прибегая к имплицитным средствам.

Следуя за Е.М. Вольф, нужно признать, что субъектом оценки в мемуарной прозе является лицо как часть социума, с точки зрения которого производится оценка. «Субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы и соответствующих стереотипов» [3. С. 68], поэтому мы считаем справедливым называть субъект оценки основным элементом оценочной структуры, «так как именно он испытывает эмоции, вызываемые оценкой» [3. С. 68], а оценочную лексику рассматривать с позиций обязательных (для акта оценки и рефлексирующего сознания) вопросов: что оценивается авторами мемуаров, как оценивается, какая оценка дается и как оценка выражается в мемуарном тексте в отношении трех семантических полей¹: *Человек, Предмет, Событие*, которые включают в себя соответствующие лексико-семантические и лексико-тематические группы.

¹ Под семантическим полем мы вслед за Э.В. Кузнецовой и И.М. Кобозевой понимаем «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [5, 6].

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001. 1536 с.
2. Везбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1997. 411 с.
3. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985. 228 с.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 261 с.
5. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: ЛЕНАНД, 2007. 350 с.
6. Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.
7. Ляпон М.В. Оценочная ситуация и словесное само моделирование // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 24–35.
8. Романова Т.В. Модальность как текстообразующая категория в современной мемуарной литературе. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2003. 295 с.
9. Рубакин Н.А. Психология читателя и книги. М.: Всесоюзная книжная палата, 1977. 230 с.
10. Словарь по этике / под ред. И.С. Кона. М.: Политиздат, 1983. 445 с.
11. Трипольская Т.А. Косвенные оценочные высказывания как средство описания языковой личности // Лексика, грамматика, текст в аспекте антропологической лингвистики: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1995. С. 71–72.
12. Трипольская Т.А. Языковая интерпретация чужой оценки // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы изучения: материалы междунар. науч.-метод. конф. СПб.: СОЮЗ, 2001.

References

1. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2001, 1536 p.
2. *Vezhbitskaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1997, 411 p.
3. *Volf E.M. Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics evaluation]. Moscow, Nauka Publ., 1985, 228 p.
4. *Karaulov Yu. n. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic identity]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 261 p.
5. *Kobozeva I.M. Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, LENAND Publ., 2007, 350 p.
6. *Kuznetsova E.V. Leksikologiya russkogo yazyka* [Lexicology of the Russian language]. Moscow, Vysshay shkola Publ., 1989, 216 p.
7. *Lyapon M.V. Otsenoch'naya situatsiya i slovesnoe samodelirovanie* [Estimated situation and verbal self-modeling]. *Yazyk i lichnost'* [Language and identity]. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 24–35.
8. *Romanova T.V. Modal'nost' kak tekstoobrazuyushchaya kategoriya v sovremennoi memuarnoi literature* [Modality as text-category in contemporary memoirs]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2003, 295 p.
9. *Rubakin N.A. Psikhologiya chitatelya i knigi* [Psychology of the reader and books]. Moscow, 1977, 230 p.
10. *Kon I.S. Slovar' po etike* [Dictionary of ethics]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, 445 p.
11. *Tripol'skaya T.A. Kosvennye otsenochnye vyskazyvaniya kak sredstvo opisaniya yazykovoi lichnosti* [Indirect value judgments as a means of describing the linguistic identity]. *Leksika, grammatika, tekst v aspekte antropologicheskoi lingvistiki: tezisy dokladov i soobshchenii mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii* [Proc. of Int. conf. "Vocabulary, grammar, text in terms of anthropological linguistics"]. Ekaterinburg, Ural University Publ., 1995, pp. 71–72.
12. *Tripol'skaya T.A. Yazykovaya interpretatsiya chuzhoi otsenki* [Linguistic interpretation of someone else's evaluation] *Govoryashchii i slushayushchii: yazykovaya lichnost', tekst, problemy izucheniya: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferencii* [Proc. of Int. conf. "Speaker and the listener: linguistic identity, text, study problems"]. St. Petersburg, SOYUZ Publ., 2001, pp. 315–322.

ГРИГОРЬЕВА ЕВГЕНИЯ АРТУРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (geva1979@yandex.ru).

GRIGORYEVA EVGENIYA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ПЕТРОВА ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (zadumka@mail.ru).

PETROVA OLGA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.161.1+811.512.111]: 159.955

ББК Ш12=635.1*003+Ш12=411.2*003

Л.Г. ГРИГОРЬЕВА, А.Р. ГУБАНОВ, Н.И. РЕЦ

**ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛОГИКИ И СЕМАНТИКИ
В ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ
(на материале разносистемных языков)**

Ключевые слова: языковая картина мира, логика, умозаключения, семантика, семантические поля.

Проанализированы семантические модели русских и чувашских синтаксических конструкций со значением следствия, являющиеся средствами выражения логического силлогизма. Определена зависимость между структурно-грамматическими и семантическими характеристиками анализируемых языковых единиц и моделями энтимем силлогизмов. Показано, как используются в русском и чувашском дискурсах конъюнкторы при актуализации семантики причинно-следственных отношений. Рассмотрены тексты, основанные на рассуждении, соответствующие принципу дедуктивной валидности.

**L. GRIGORYEVA, A. GUBANOV, N. RETS
RELATIONSHIPS AND LOGIC SEMANTICS
(in causal relationships)**

Key words: language world, logic, reasoning, semantics, semantic field.

Semantic models of consequence as media of expression of logic syllogism in Chuvash and Russian syntax have been analyzed. The dependence between the structural and grammatical and semantic characteristics of the analyzed language units and models enthymemes syllogisms. It is shown as used in Russian and Chuvash discourses konyunktory when updating the semantics of causal relations. Text based on reasoning relevant to the principle of deductive validity have been examined.

Понятие картины мира как смыслового моделирования мира в соответствии с логикой миропонимания и миропредставления в последнее время используется во многих науках. В современной лингвистике все более отчетливо формулируются вопросы, связанные с разграничением «картины мира» и «языковой картины мира». Рассуждения о том, что следует понимать под выражением «языковая картина мира», не однозначны. «Применительно к лингвистике картина мира (КМ) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и, что для нас особенно важно, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Такое универсальное, глобальное знание – результат работы коллективного сознания зафиксировано в языке, прежде всего в его лексическом и фразеологическом составе. Но существуют разные виды человеческого сознания: индивидуальное сознание отдельного человека, коллективное обыденное сознание нации, научное сознание, результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Таким образом, следует говорить о множественности языковых картин мира: о научной языковой картине мира, о языковой картине мира национального языка, о языковой картине мира отдельного человека» [3]. Семантические значения в языках той или иной системы, действительно, передаются с помощью собственных способов и средств выражения, т.е. имеют свои особенности. При построении высказываний, в частности, в флективных и агглютинативных (тюркских) языках отмечаются существенные расхождения (в флективных языках при построении высказываний выбирают словоформы из

некоего выбора готовых матриц, в тюркских языках словоформа составляется в процессе формирования сообщения путем набора морфем). Языковая картина мира может быть представлена в глобальных текстах, порождаемых обществом, выражена по-разному в разных языках, однако независимо от этого должна быть сведена к единству способов существования предметов. Если картину мира представить как лингвистическую модель представлений об универсуме, то в этом смысле модель «картины мира» имеет большое значение для истории человеческих знаний вообще, она воплощает в себе и современную формальную логику, ибо предложения, имеющие значение обусловленности, логически соответствуют умозаключению [2]. В самых разнообразных языковых формах, как показывает материал сопоставляемых нами языков, выражаются логические умозаключения [5]. Нами был проведен семантический анализ конструкций с причинно-следственными отношениями, т.е. тех предложений, которые выступают в функции меньшей посылки: их значение служит логическим основанием, которое влечет за собой определенное следствие в виде значения другого предложения, выступающего в функции логического заключения. Семантический анализ был осуществлен по методике, разработанной А.Т. Кривоносовым [4]. Обобщение семантических значений всех встретившихся в тексте предложений, выступающих в функции меньшей посылки, помогло представить их в виде следующих частотных семантических полей: 1) ситуации (события): *К этому присоединились еще увеличенные вести о чуде, виденном волосным писарем в развалившемся сарае, так что к ночи все теснее жалось друг к другу (Гоголь); Муж ее ушел с красными, поэтому хозяин был угодлив, смирен (Шолохов);* 2) физические явления, состояние человека: *Все было тихо, так что, кажись, ни одна муха не пролетела (Гоголь); Он даже усмехнулся, так что бакенбарды поднялись в сторону, и покачал головой (Гончаров);* 3) осознанное действие субъекта: *Он вдруг явился перед ней, так что она вздрогнула; потом ласково, с улыбкой, протянула ему руку, но глаза ещё как будто дочитывали книгу: она смотрела рассеянно (Гончаров); Сидит, работает и молча слушает его, поднимает по временам голову, бросает на него такие любопытные, вопросительные, прямо идущие к делу взгляды, так что он не раз с досадой бросал книгу или прерывал какое-нибудь объяснение, вскакивал и уходил (Гончаров); Он и сбирался сделать это, но всё откладывал, отчасти и потому, что поездка была для него подвигом, почти новым и неизвестным (Шолохов).* 4) личностные характеристики субъекта: *Впрочем, он никогда не отдавался в плен красавицам, никогда не был их рабом, даже очень прилежным поклонником, уже и потому, что к сближению с женщинами ведут большие хлопоты (Шолохов); И много говорила Анисья, так что Илья Ильич замахал рукой (Гончаров);* 5) каузативное воздействие на субъект: *Субординация не позволяла Пантелею Прокофьевичу даже помыслить об этом, и оттого он чувствовал себя в отношении Григория связанно, как-то отчужденно (Шолохов); Торопит, стало быть, нужно (Шолохов);* 6) атрибутивный признак: *Она была очень бела и полна в лице, так что румянец, кажется, не мог пробиться сквозь щёки (Гончаров); С Петром друзья мы были большие, поэтому и даю тебе такой совет: уходи! (Шолохов); Она мне нравится, следовательно, я могу с ней проводить время (Шолохов);* 7) локальный признак: *Сосновка и Вавиловка были наследственной вотчиной рода Обломовых и оттого известны были под общим именем Обломовки (Гончаров); Смело маневрировавшая Кубанско-Терская сводная конная дивизия грозила обходом левого фланга, вследствие чего командование 10-й армии отвело части на фронт Борзенково – Латышево – Красный Яр – Каменка – Банное (Шолохов);* 8) темпораль-

ный признак: *К тому времени предполагалось собрать оброк и, следовательно, расходы было из чего покрыть* (Гончаров).

В традиционной лингвистике текста причинно-следственные отношения рассматриваются как законченный результат речемыслительной деятельности, представляющие собой последовательность умозаключений, выводимых законами общей логики и актуализируемых в форме монолога, цель которых состоит в том, чтобы поддержать выдвинутую точку зрения. В теории аргументации текст оценивается как средство воспроизведения процесса аргументации (что встраивает текстовую аргументацию в компонент вербализации намерения в риторическом каноне) [1]. Поскольку текст с причинно-следственными отношениями рассматривается нами как текст, основанный на рассуждении, и соответствующий текст является разновидностью естественно-языкового дискурса, то, во-первых, он должен соответствовать принципу дедуктивной валидности, а, во-вторых, при его анализе необходимо принять во внимание собственно языковые категории, т.е. значение плана выражения и плана содержания знака.

Анализ особенностей актуализации причинно-следственных отношений в тексте позволяет констатировать, что средства реализации логических связей составляют две группы коннекторов: субординативные конъюнкторы обусловленности представляют собой подчинительные союзы, оформляющие семантику причинности на уровне сложного предложения и текста, а под координативными конъюнкторами имеются в виду сочинительные союзные средства. Приведем примеры наиболее распространенных моделей с конъюнкторами: а) тексты с субординативными конъюнкторами: *Мой папаша жил при достатке и меня к хозяйству с малюшки приучал, но я к этому ничуть не был приверженный, хозяйство было для меня вовсе никчемнее. Я от сытой жизни и от четырех пар быков в нужду ушел, в работники... Так что ты до сих пор не вступи, покуда возвзят очистишься от этой коросты – собственности* (Шолохов); *«Местная полиция сотрудничает с подпольным партийным комитетом. Так что безопасность обеспечена», – писал Адам. Турханов раскрыл планшет, посмотрел на топографическую карту, нашел указанные деревни. Если бы он был жив, дал бы нам знать об этом. Так что передайте радиogramму* (Турхан); *Польша халӑхе – тӑван халӑх, вӑл пирӗн шанчӑклӑ союзник. Ҙавӑнпа эпӗ поляксене тӑванла хисеплесе ёсрӗм те, Ҙапӑсура та яланах пулӑшса пыма сӑмах паратӑп* (Турхан); б) текстовые комплексы с координативными конъюнкторами: *Но зато, если б понадобилось, например, просидеть всю ночь подле постели барина, не смыкая глаз. И от этого бы зависело здоровье или даже жизнь барина, Захар непременно бы заснул* (Гончаров); *Хӗтӗре ларать Кушкӑ ялӗ. Тата Ҙавӑнпа-тӑр Ҙанталӑк кунта йӑващрах тӑрать, Ҙавӑнпа-тӑр Кушкӑ Ҙыннисем авалтанпах пахча ҘимӗҘ нумай туса илӗҘҗӗ. Аҗта пахчаҗӑсен дыньӑпа арбуз та пиҘсе ёлкӗреҘҗӗ. Течӗ пасарне тух-ха. Пахча ҘимӗҘ сутакансем камсем? Кушкӑсем* (Т. Педерки). При актуализации семантики причинно-следственных отношений в текстах, в основном, в русском языке одинаково используются и субординативные, и координативные конъюнкторы **так что**, а в чувашском языке – *Ҙавӑнпа*, тата *Ҙавӑнпа*.

Следующую группу коннекторов представляют интродукторы, подтверждающие, допускающие истинность вводимого ими высказывания и потенциально обладающие способностью выполнять текстообразующую функцию оформителей следственных отношений. Частотность вариантов анализируемого способа выражения причинного отношения неодинакова, наибольшую частотность имеют интродукторы **таким образом, следовательно (Ҙапла вара)**: *И нахо-*

дилось все это в той самой станице, где, слышно было, роты были дома. Следовательно, роты были дома (Толстой). – *Җаксем пурте ротасене пуранма хушнă станицăра ырнашнă. Җапла вара, ротасем ют сёрте мар, хайсен килёнче ёнтё; Каждый из нас станет на самом краю площадки. Таким образом, даже легкая рана будет смертельна (Лермонтов). – Иксёмёртен кашниех җав площадкăн чи хёррине пырса тӑрё. Җапла вара, чи җамӑл суран та вилмелле пулать.*

Анализ причинно-следственных отношений на основе понятия моделирования мира в соответствии с логикой миропонимания и миропредставления, взаимоотношения логики и семантики позволяет определить зависимости между структурно-грамматическими и семантическими характеристиками русских и чувашских текстов и моделями энтимем силлогизмов, установить, как соотносятся следственные семантические отношения на логическом уровне, как определяются те или иные грамматические категории по их отношению к универсальным категориям логики (слово – к понятию и концепту, часть речи – к выполняемой ею логической функции, предложение – к суждению, сложное предложение – к умозаключению).

Литература

1. Ивин А.А. Теория аргументации. М.: Гардарики, 2000.
2. Конверский А.Е. Логика традиционная и современная М.: Идея-Пресс, 2010.
3. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 348 с.
4. Кривоносов А.Т. Естественный язык и логика. М.; Нью-Йорк: [Б.и.], 1993.
5. Рец Н.И., Губанов А.Р. Категория причинности: каузальная и каузативная связи // Вестник Чувашского университета. 2012. № 1. С. 244–249.
6. Ayer A. Language, Truth and Logic [Electronic resource]. URL: <http://www.archive.org/details/AlfredAyer>.

References

1. Ivin A.A. *Teorija argumentacii* [The theory of argumentation]. Moscow, Gardariki Publ., 2000.
2. Konverskij A.E. *Logika tradicijonaja i sovremennaja* [The logic of traditional and modern]. Moscow, Ideja-Press Publ., 2010.
3. Kornilov O.A. *Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov* [Linguistic picture of the world as national mentalities derivatives]. Moscow, CheRo Publ., 2003. 348 p.
4. Krivonosov A.T. *Estestvennyj jazyk i logika* [Natural language and logic]. Moscow; New York Publ., 1993.
5. Rets N.I., Gubanov A.R. *Kategorija prichinnosti: kauzal'naja i kauzativnaja svjazi* [The category of causality: causal and causative connection]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the University of Chuvashia], 2012, no 1, pp. 244–249.
6. Ayer A. Language, Truth and Logic. Available at: <http://www.archive.org/de-tails/AlfredAyer>.

ГУБАНОВ АЛЕКСЕЙ РАФАИЛОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (alexgub@gmail.com).

GUBANOV ALEXEY – doctor of philological sciences, professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ГРИГОРЬЕВА ЛИЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА – аспирантка кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары.

GRIGORYEVA LILY – post-graduate student of the Russian Language as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

РЕЦ НАТАЛИЯ ИВАНОВНА – докторант кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (nata717@yandex.ru)

RETS NATALIA – doctoral candidate of the Russian Language as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.111'374.22
ББК Ш12=635.1*468*315

А.М. ИВАНОВА, Э.В. ФОМИН

ОБ ИНДЕКСЕ СЛОВ СЛОВАРЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА Н.И. АШМАРИНА*

Ключевые слова: индекс, словарь, лексикография, чувашский язык.

Рассмотрены проблемы составления индекса словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина. До последнего времени данный словарь оставался неудобным в использовании, поскольку имел специфичное словорасположение и нуждался в современном алфавитном индексе. Индекс повторно инвентаризирует словарную лексику, благодаря чему значительно улучшается навигация по тезаурусу, а также раскрываются неожиданные параметры функционирования словаря.

A. IVANOVA, E. FOMIN

ON THE VOCABULARY INDEX OF N.I. ASHMARIN'S DICTIONARY OF THE CHUVASH LANGUAGE

Key words: index, dictionary, lexicography, the Chuvash language.

The problems of compiling N.I. Ashmarin's dictionary index of the Chuvash language are considered. This dictionary until recently had been remained uncomfortable to use because it had a specific arrangement of words, and needed in the modern alphabetical index. The Index re-inventories the lexicon of the dictionary, this significantly improves the navigation through the thesaurus, moreover, reveals unexpected parameters of the dictionary functioning.

Н.И. Ашмарин – самый авторитетный исследователь современного чувашеведения. И не будет преувеличением сказать, что Н.И. Ашмарин и чувашское языкознание – синонимы. «Он один охватил во всем объеме исследование чувашского языка. И мы долго еще не получим исследователя чувашского языка с таким широким кругозором» [5. С. 140].

Основным итогом деятельности Н.И. Ашмарина стал словарь чувашского языка, задуманный им в качестве тезауруса. По аналогии с характеристикой В.Г. Белинского романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» как энциклопедии русской жизни словарь Н.И. Ашмарина в среде тюркологов получил название энциклопедии старого чувашского быта [4. С. 82]. Афористично звучат слова С.Е. Малова: «Чувашский народ может считать себя счастливым, что имеет такой ценный “Словарь чувашского языка”, составленный проф. Николаем Ивановичем Ашмариним» [5. С. 136].

Однако вследствие конъюнктурной ситуации, господствовавшей в 1940–1950 гг., были сформулированы критические замечания, касающиеся ряда статей словаря. В основном критика словаря Н.И. Ашмарина сводилась к следующим пунктам:

во-первых, якобы «словарь слабо отражает современный чувашский литературный язык и в основном представляет собой... памятник старого, дореволюционного чувашского языка» [1. Т. 6. С. III];

во-вторых, «...словарь чрезмерно насыщен фразеологией, которую в иных случаях свободно можно было бы сократить на 50 % и даже более. Нередко для подкрепления определенного значения слова приводится до 20–30 примеров, совершенно однородных, не содержащих никакого нового оттенка значения» [4. С. 82];

в-третьих, в словаре практикуется алфавитно-групповое словорасположение, заключающееся в том, что «коренное и производные от него слова, а также слова, образующие с ним слитные речения, иногда в количестве до 50 (см. ака) и даже до 500 (см. арман), расположены одно за другим: сначала в алфавитном порядке первых слов, служащих определением к стоящему за ним основному слову и показывающих различные виды обозначаемого предмета, а затем в алфавитном порядке вторых слов, стоящих после основного

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00045.

слова и показывающих различные части предмета или различные действия, связанные с предметом, обозначенным основным словом» [4. С. 83];

в-четвертых, «затрудняет пользование словарем также принятый автором своеобразные алфавит, значительно отступающий от общепринятого. У него, по примеру словаря Радлова, сначала идут гласные буквы: а, е, ы, и, у (о), ү, ä, ё, а затем согласные в следующем порядке: й, в, к, л, м, н...» [4. С. 83];

в-пятых, «научные работники, не владеющие чувашским языком, испытывают большое затруднение при пользовании словарем Н.И. Ашмарина и потому еще, что, начиная с III выпуска, не дается русского перевода примеров» [4. С. 83].

Между тем перечисленные «недостатки» словаря легко превращаются в его достоинства. Лучшим ответом на первое замечание может послужить риторический вопрос С.Е. Малова. Разве Ашмарин виноват, задает вопрос академик, что главную свою и основную работу по составлению словаря проделал до октябрьской революции? [5. С. 138]. Относительно большого количества однотипного иллюстративного материала – замечание второе – следует заметить, что их в настоящее время уже можно признать замечательными образцами чувашской речи, более того, иногда примеров кажется недостаточно, чтобы лучше понять вокабулу. Эта та область, которая «безвозвратно уже ушла в область прошлого и сохранена для науки нашим автором» [5. С. 138]. Пятый недостаток – касается работы над словарем не самого Ашмарина, а составителей, вынужденных в целях экономии средств сократить даже русский перевод иллюстративного материала, не говоря уже о латинском.

Так или иначе относительно справедливыми представляются лишь третье и четвертое замечания. Собственно говоря, именно желанием разрешить данные проблемы и была предпринята попытка новой инвентаризации словарного материала Н.И. Ашмарина. Цель ее сводилась к тому, чтобы расположить словарные статьи в современном, привычном порядке.

Составление индекса, между тем, привело к неожиданным результатам. Так, например, долгое время считалось, что в словаре Н.И. Ашмарина сохранилось около 40 тыс. слов [2. С. 19]. Настоящий индекс показал иной его объем, равный примерно 55 тыс. леммам (см. табл. 1). Справедливости ради заметим, что те же результаты в свое время показали подсчеты М.И. Скворцова [7. С. 377].

Таблица 1

Общие сведения о словаре чувашского языка Н.И. Ашмарина

Том	Буквы	Место издания	Год издания	Количество слов	Тираж, экз.	Ответственный редактор
1	А	Казань	1928	1667	3000	
2	А (аркăвăç – ашшĕ сурри)	Казань	1929	1599	3000	
3	Е, Ы, И, У (О)	Чебоксары	1929	4274	3000	
4	У, А, Е, И (йурма)	Чебоксары	1929	3238	3000	
5	И (йормалла – йёшке), В	Чебоксары	1930	4130	3100	
6	К (ка – корак кĕпши)	Чебоксары	1934	3380	2100	Т.М. Матвеев
7	К (куракла – кшша)	Чебоксары	1934	3581	2200	Т.М. Матвеев
8	Л, Ль, М	Чебоксары	1935	3922	2200	Т.М. Матвеев
9	Н, Нь, П	Чебоксары	1935	3686	2200	Т.М. Матвеев
10	П, Р	Чебоксары	1936	2965	2200	Т.М. Матвеев
11	С – Ç	Чебоксары	1936	3562	2200	Т.М. Матвеев
12	С	Чебоксары	1937	2475	2200	
13	Ç – Т	Чебоксары	1937	2729	2200	Н.Т. Васянка
14	Т	Чебоксары	1937	3051	2200	Н.А. Резюков
15	Т – Ть – Ч – Ф – Х	Чебоксары	1941	3244	2200	А.И. Иванов
16	Х	Чебоксары	1941	3392	2200	М.Я. Сироткин
17	Х – Ш	Чебоксары	1950	3738	2200	Н.А. Резюков
Итого				54 633		

Распределение словника по инициальным буквам приведено в табл. 2.

Таблица 2

Количественные параметры словаря по инициальным буквам

№	Буквы	Количество слов	Доля	№	Буквы	Количество слов	Доля
1.	А	2739	5,01	17.	Р	252	0,46
2.	А	608	1,11	18.	С	3604	6,60
3.	Ӑ	2	0,00	19.	Ҫ	3715	6,80
4.	Б	1	0,00	20.	Т	5877	10,76
5.	В	2542	3,87	21.	У	1999	3,66
6.	Е	463	0,85	22.	У	263	0,48
7.	Е	565	1,03	23.	Ф	31	0,06
8.	И	1000	1,83	24.	Х	4211	7,71
9.	И	1513	2,77	25.	Ч	1989	3,64
10.	К	6981	12,78	26.	Ш	3019	5,53
11.	Л	1487	2,72	27.	Ы	334	0,61
12.	М	2511	4,60	28.	Э	610	1,12
13.	Н	840	1,54	29.	Ю	420	0,77
14.	О	522	0,95	30.	Я	944	1,73
15.	Ӧ	2	0,00	Итого		54 633	100
16.	П	5589	10,23				

Установленное распределение словника ставит немало вопросов. Например, почему наиболее востребованы инициали *к, т, л, х, ҫ, с*, вкуче представляющие более половины всей лексики (см. табл. 3)? Почему инициаль *л*, встречающаяся в анлауте, как правило, только заимствований, дает почти три процента чувашских слов? Тот же вопрос касается *р*, ибо более 250 лексических единиц с начальной *р* в условиях, когда чувашский язык избегал его в начале слова, выглядит достаточно неожиданным.

Настоящие данные о распределении словника по инициалам помимо того, что просто представляются интересными, имеют и практическое значение: на основе этих данных можно определить адекватные объемы словарей продуцируемых чувашских словарей.

Таблица 3

Ранжирование лемм по инициальным буквам

Ранг	Буквы	Количество слов	Доля		Ранг	Буквы	Количество слов	Доля	
			в %	Σ				%	Σ
1.	К	6981	12,78	12,78	17.	Н	840	1,54	91,78
2.	Т	5877	10,76	23,54	18.	Э	610	1,12	92,90
3.	П	5589	10,23	33,77	19.	А	608	1,11	94,01
4.	Х	4210	7,71	41,48	20.	Е	565	1,03	95,04
5.	Ҫ	3715	6,80	48,28	21.	О	522	0,95	95,99
6.	С	3604	6,60	54,88	22.	Е	463	0,85	96,84
7.	Ш	3019	5,53	60,41	23.	Ю	420	0,77	97,61
8.	А	2739	5,01	65,42	24.	Ы	610	0,61	98,22
9.	В	2542	3,87	69,29	25.	У	263	0,48	98,70
10.	М	2511	4,60	73,89	26.	Р	252	0,46	99,16
11.	У	1999	3,66	77,55	27.	Ф	31	0,06	99,22
12.	Ч	1989	3,64	81,19	28.	Ӑ	2	0,00	
13.	И	1513	2,77	83,96	29.	Ӧ	2	0,00	
14.	Л	1487	2,72	86,68	30.	Б	1	0,00	
15.	И	1000	1,83	88,51	Итого		54632	100	100
16.	Я	944	1,73	90,24					

Составление индекса показало и другую скрытую специфику словаря – повторение значительного числа двусловных лемм в соответствии с их компонентами, ср.:

кёсён йинке в гнездах слова *йинке* 'жена моего брата' [1. Т. 4. С. 310] и *кёсён* 'младший' [7. С. 308];

тутлă кăшман в гнездах слова *кăшман* 'редька' [1. Т. 7. С. 221] и *тутлă* 'сладкий' [1. Т. 14. С. 189].

При этом дефиниции лемм чаще всего различаются. К примеру, приведенные выше фраземы получили такие объяснения: *кёсён йинке* в томе четвертом дефинируется как жена младшего брата, в томе седьмом – как жена младшего из моих старших братьев; *тутлă кăшман* в томе седьмом объясняется в качестве брюквы, бушмы, в томе 14 – свеклы и брюквы.

Следует отметить и такую особенность словаря Н.И. Ашмарина, на которую мало кто обращал внимание, но в ходе составления индекса привлекающую к себе внимание, – своеобразие дефиниций. Словарь насыщен обобщенными типовыми толкованиями, такими как *название растения, оврага, созвездия, ягод*, но без уточнения, каких именно растений или оврагов и т. д. Иначе говоря, словарь Н.И. Ашмарина изобилует абсолютными агнонимами, и их количество много больше, чем было установлено к настоящему времени [6. С. 3].

Также нельзя не заметить, что переводы чувашских слов на русский язык необычно многословны. Объемность переводов диктуется их объяснениями, т.е. чувашские слова не просто переводились, а толковались на русском языке. Кроме того, так проявляется дивергентность семантики чувашской и русской лексики, безусловно имевший место быть в конце XIX – начале XX вв., когда собирался словарный материал, в более значительных масштабах, нежели в настоящее время.

Перечисленные особенности, видимо, также испытывают на себе действие экстралингвистических факторов – сложных условий работы над словарем (об этом подробнее см. [3]).

Словарные статьи в индексе представляют упрощенный вариант словарных статей тезауруса. Здесь опущен объемный иллюстративный материал (тот, который вызывал нарекания современников словаря). При этом сохранены переводы лемм, поскольку благодаря им достигается быстрая идентификация слов. Ко всему прочему наличие переводов значительно расширяет возможности использования индекса в качестве электронного словаря.

Весь материал в индексе дается в соответствии с современными правилами чувашской и русской орфографии и пунктуации, составителями использован минимум общепринятых сокращений. Многочисленные корректурные ошибки или сокращения подлежали исправлению и вносились в индекс только при полной уверенности составителей в своей правоте. Сохранение ошибок с параллельным приведением исправленного варианта засорило бы индекс техническими подробностями.

Исправлены также архаичные написания, к примеру, лемма *кусăх* составителями словаря переводится в форме 'быть сглажену, изурочену' [1. Т. 7. С. 26], но в индексе уже приводится в виде 'быть сглаженным, изуроченным'; лемма *рашкă* в источнике дефинируется как 'снег с дождем, уничтожающий посевы весной' [1. Т. 10. С. 284], а в индексе определяется как снег с дождем, уничтожающий посевы весной.

Унифицировано обозначение лексики с неизвестной семантикой, сопровождаемых в словаре фразами 'значение не дано; неизвестное (сомнительное, непонятое, невыясненное) слово (выражение)'. Ср., в словаре Н.И. Ашмарина лемма *варăм* признается неизвестным словом [1. Т. 5. С. 175], *йысу* – невыясненным словом [1. Т. 4. С. 298], *кăвак чул* сопровождает фраза 'значение не дано' [1. Т. 15. С. 221]. Между тем в индексе названные леммы сопровождают стандартной фразой 'слово (выражение) с неизвестным значением'.

Микроструктура индекса включает лемму (1), помету (2), перевод леммы на русский язык (3), паспорт словарной статьи (4).

1. **Леммы** даются строчными буквами полужирным шрифтом. С прописной начинаются собственные имена. В случае если слово имеет двойной статус – нарицательного и собственного имени – орфографирование леммы поставлено в зависимость от первого значения:

алмас алмаз; прозвище мужчины [1. Т. 1. С. 164].

плут озорник невинный; прозвище мужчины [1. Т. 10. С. 266];

Варианты лемм приводятся через запятую:

аса чулё, аса чуль, аса чолё громовый камень, азролит [1. Т. 15. С. 221].

тава́рән, тавя́рн возвращаться; завернуться; повернуться; сделать оборот во время пашни; обиваться, обмочалиться; о месяце (уйа́х тавя́рәнни); в качестве вспомогательного глагола [1. Т. 13. С. 140-141].

Омонимия отмечена римскими цифрами в финале лемм. Авторы сохраняют исходный подход к выделению омонимов. При этом следует иметь в виду: в словаре Н.И. Ашмарина омонимия не всегда отмечена последовательно. Составителями индекса явные случаи пропущенной омонимичности приводятся в квадратных скобках:

вёрилле [I] в горячем состоянии [1. Т. 5. С. 365];

вёрилле II запаривать (бочку) [1. Т. 5. С. 366];

вёрилле [III] вверх [1. Т. 1. С. 366].

В индексе нередко омонимы представлены в разъединенном виде. Это прежде всего связано с неразличением буквосочетаний у ~ о, у Н.И. Ашмарина выступающих вариантами одного звука. Так, например, словарные статьи **корак I** (подражание крику вороны и грача [1. Т. 6. С. 317]) и **курак [II]**, **корак** (грач [1. Т. 6. С. 318]) оказываются размещенными в разных местах.

Омонимы не отмечаются индексами, если в оригинальном источнике ни одна из входящих в омонимичные отношения единиц не квалифицируется в качестве таковой. В словаре «скрытые» омонимы, как правило, отдалены друг от друга подчас десятками страниц или даже находятся в разных томах. Но расстановка лемм всего словаря в едином источнике в строгом алфавитном порядке размещает их в соседних строках, и у пользователей возникает резонный, но с учетом сказанного выше риторический вопрос: почему омонимы не обозначены индексом?

2. **Пометы**, использованные в индексе, призваны сделать экономней переводно-толковую часть словаря путем унификации функциональных характеристик лемм и отбрасывания родовой составляющей дефиниций. Например, помета *бран.* замещает исходные указания *бранное слово, бранное выражение, помета бот.* часто употребляется вместо *название растений*.

Пометы сопровождают леммы только при необходимости.

3. **Перевод леммы** дается в соответствии с источником. Полисемы не выделяются арабскими цифрами, как это принято в современной лексикографии, а перечисляются через точку с запятой, поскольку цифровое разграничение значений у Н.И. Ашмарина, за редким исключением, не принято:

кантар понудительная форма кан; удовлетвориться; успокоить; дать свежему мясу несколько отлежаться [1. Т. 6. С. 54], должно быть: **кантар** 1. понудительная форма кан; 2. удовлетвориться; 3. успокоить; 4. дать свежему мясу несколько отлежаться;

сукмаклан, сокмаклан идти по стопам; болтать, лопотать, говорить кое-как; читать кое-как [1. Т. 11. С. 166], должно быть: **сукмаклан, сокмаклан** 1. идти по стопам; 2. болтать, лопотать, говорить кое-как; 3. читать кое-как.

Перевод леммы в соответствии с первоисточником иногда дается на латинском языке:

ал май sulci ternum vel quatenum passnum spatiis inter se distantes, quibus ager in aliquot partes dividitur, quo facilius satio peragi possit [1. Т. 1. С. 123];

тўпе кашта tinga duo a summon cacumine utroque versus porrecta, inter quae tinga collocatum est хайчӑ пуканӑ [1. Т. 2. С. 50].

В ряде случаев, согласно словарю Н.И. Ашмарина, перевод пропущен:

мур ту [1. Т. 8. С. 272];

нерӑп [1. Т. 9. С. 20].

4. Паспорт словарной статьи оформляется в квадратных скобках. Он состоит из указания на том и страницу, на которой размещена статья. Номер тома и страница разделены двоеточием.

В итоге словарные статьи в индексе выглядят следующим образом (для сравнения также приведен оригинальный материал):

В словаре Н.И. Ашмарина

Авалхи (*авалхи*); antiquus, vetus, vetustus, древний, старинный, стародавний. *Ядр.* Авалхи чӑвашсен йӑли, обычаи древних чуваш. *Т.-И.-Шем.* Карташне кӑрсен мӑн кӑрӑ калать: «Эй, хӑ-тасем! Авалхи йӑлана пӑрахмасӑр-и? сӑнӑрен йӑла кӑлармасӑр-и?» тет. Войдя во двор, дружка говорит: «Сваты! Не оставляете ли вы старинных обычаев и не выдумываете ли новых?» <...> [1. Т. 1. С. 39–40].

Каюра, крот. *КС.* Каюра сӑре чакалать. *Н. Кар. Микушк.* † Кайӑм, кайӑм каюра, кайри урипе сирпӑтет. || *Чебокс.* «Каюра – землеройка» || *Трхбл.* Каюра – тушканчик, земляной заяц [1. Т. 6. С. 8].

1. Мухта, мохта, хвалить. *Шурӑмп.* Мӑнӑраххисем мухтамалла мар ёссем те (непохвальные вещи) тӑваççӑ. *Орау.* Сыннисем аван-и вӑсам? (Хорошие ли они люди?) – Мухтамаллиях сук (особенно похвалить нельзя) [1. Т. 8. С. 284].

Нармунка, неизв. сл. Описка? *Ст. Шаймурз.* Кая-кая икӑ пӑлӑт хушшине пырать тет, унта нармункана пырса кӑрет тет [1. Т. 9. С. 10].

В индексе

авалхи древний, старинный, стародавний [1: 39–40].

каюра крот; землеройка; тушканчик, земляной заяц [6: 8].

мухта I, мохта хвалить [8: 284].

нармунка слово с неизвестным значением [9: 10].

Индекс не освобождает пользователей от обращения к первоисточнику.

Составители индекса планируют его издание в электронном виде. Электронный индекс значительно упростит обращение с тезаурусом, в частности, будет способствовать за минимальное время сгенерировать полные своды той или иной лексико-фразеологической группы, позволит каждому пользователю настроить справочный материал под свои требования, внести уточнения в словарные статьи, творчески переработать их.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка: репринт. Чебоксары: Руссика, 1994–2000. Вып. I–XVIII.
2. Горшков А.Е. Ашмарин Николай Иванович // Чӑваш чӑлхи: энциклопеди словарӑ. Шупашкар, 2004. С. 18–19.
3. Десярев Г.А. Н.И. Ашмаринӑн вун сичӑ томлӑ словарьне хатӑрлесе кӑларнин историйӑ // Чӑваш халӑх историйӑне культурин сивӑч ыйтӑвӑсем. Шупашкар, 2011. 1-мӑш кӑларӑм. С. 35–51.
4. Егоров В.Г. Чувашский язык и чувашское языкознание // Записки / Науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1950. С. 65–89.
5. Малов С.Е. Памяти Н.И. Ашмарина // Записки / Науч.-исслед. ин-т яз., лит. и истории при Совете Министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1941. Вып. 1. С. 136–140.
6. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка / сост. Э.В. Фомин. Чебоксары: Пегас, 2013. 258 с.
7. Скворцов М.И. Словарь чувашского языка // Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 377–378.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka: reprint* [Chuvash language dictionary. Reprint ed.]. Cheboksary, Russika Publ., 1994–2000. Vol. 1–17.
2. Gorshkov A.E. *Ashmarin Nikolai Ivanovich* [Ashmarin Nikolai Ivanovich]. *Chavash chekhi: entsiklopedi slovare* [Chuvash language: Encyclopedic Dictionary]. Cheboksary, 2004, pp. 18-19.

3. Degtyarev G.A. *N.I. Ashmarinun vun shchiche tomla slovar'ne khaterlese kalamyn istoriie* [The history of the publication of N.I. Ashmarin's 17-volume dictionary]. *Chavash khalakh istoriiepe kul'turin shchivech yitavesem* [Actual issues of history and culture of the Chuvash people]. Cheboksary, 2011, pp. 35–51.

4. Egorov V.G. *Chuvashskii yazyk i chuvashskoe yazykoznanie* [The Chuvash language and Chuvash linguistics]. *Zapiski NII yazyka, literatury i istorii* [Papers of Research Institute of Language, Literature and History]. Cheboksary, 1950, pp. 65–89.

5. Malov S.E. *Pamyati N.I. Ashmarina* [Memory of N.I. Ashmarin] *Zapiski NII yazyka, literatury i istorii* [Papers of Research Institute of Language, Literature and History]. Cheboksary, 1941, vol. 1, pp. 136–140.

6. *Materialy dlya slovarya agnonimov chuvashskogo yazyka* [Materials for the agnonym dictionary of the Chuvash language]. Cheboksary, Pegas Publ., 2013, 258 p.

7. Skvortsov M.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka* [Chuvash language dictionary]. *Kratkaya chuvashskaya entsiklopediya* [Concise Chuvash encyclopedia]. Cheboksary, 2001, pp. 377–378.

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (amivano@rambler.ru).

IVANOVA ALENA – doctor of philological sciences, professor of Chuvash Linguistics and Oriental Studies Chair named after M.R. Fedotov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ФОМИН ЭДУАРД ВАЛЕНТИНОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Чувашский государственный институт культуры и искусств, Россия, Чебоксары (yeresen@yandex.ru).

FOMIN EDUARD – candidate of philological sciences, assistant professor of Humanities and Social-Economic Disciplines Chair, Chuvash State Institute of Culture and Arts, Cheboksary.

УДК 801.7

ББК 81

И.А. КОВЫНЕВА

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК БАЗА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГОЛОФРАСТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Ключевые слова: прецедентные тексты, голофрастические конструкции, клише, цитаты, фразеологизмы, словотекст.

Рассмотрены голофрастические конструкции, производящей базой которых являются прецедентные тексты: названия произведений, цитаты из художественной литературы и текстов массовой культуры, фразеологизмы, клише. Голофрастические конструкции, восходящие к прецедентным текстам, могут представлять собой результат трансформации последних в словотекст – произведение, состоящее из одного окказионального текста.

I. KOVYNEVA

PRECEDENT TEXTS AS THE BASE OF ORIGIN OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS

Key words: precedent texts, holophrastic constructions, cliché, citations, verbalities, wordtext.

Under consideration in the article are the holophrastic constructions, the productive base of which are the precedent texts, such as the titles of the books, citations from literature and texts of mass culture, verbalities and cliché. Holophrastic constructions, acuted to precedent texts, may present the result of transformation of the precedent texts into the wordtext – the creative product, consisting of one occasional text.

Как известно, прецедентными называются «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие (3), обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [7. С. 216–217]. Следовательно, отличительной чертой прецедентных текстов является их общеизвестность в конкретной речевой культуре, что влечёт за собой определённую особенность их использования, которая может проявляться в различных трансформациях исходной единицы. Голофрастические конструкции (ГК) представляют собой одну из трансформаций прецедентных текстов. Этому способствует и то, что

«голофрастическая конструкция представляет собой своеобразный мегазнак, т.е. знак, называющий в одной номинативной единице определённый семантический комплекс, синонимичный соотносимому сочетанию слов» [9. С. 15].

Материалом исследования в данной работе являются голофрастические конструкции – слова, созданные на базе предложения или группы предложений: «Визит испанца из миссии, представившегося как дон **Хосе-фиг-запомнишь-как-его-там-дальше**, кроме самого факта первого нормального контакта (то есть без немедленного смертоубийства) с местными жителями, насторожил ещё и своей оперативностью» (А. Канторович) (подробнее о ГК как способе словообразования см. [8]).

Голофрастические конструкции могут представлять собой результат трансформации самых разных прецедентных текстов. Рассмотрим некоторые из них.

1. *Заглавие произведений.* Заглавие (название) является самой сильной позицией текста, его представлением, вбирая его концентрированную сущность: «Там уже темно», – официант был горд и непреклонен, как дворецкий-Гафт из **«Здравствуйте-я-вашей-тети»** (Е. Дзичковский).

Обычно название трактуется как «ключевое слово» или «однофразовый текст». Однако заглавие не является безраздельной принадлежностью текста, поскольку «одной стороной оно соприкасается с миром, лежащим за пределами текста, а другой – с текстом, отмечая его начало. Благодаря такому пограничному положению заглавие служит соединительным звеном между текстом и внешней по отношению к нему действительностью» [2. С. 18].

В данном случае следует, по-видимому, говорить о двойной прецедентности: 1) название двухсерийного фильма; 2) фраза из фильма «Лёгкая жизнь», в котором её произносила Фаина Раневская.

2. *Цитаты.* Источником голофрастических конструкций являются цитаты различных типов: это и цитаты из произведений художественной литературы, и цитаты из текстов массовой культуры, и цитаты, восходящие к различным клише.

ГК, восходящие к прецедентным текстам – художественным произведениям: «Они же властители дум, целители душ, сеятели **Разумного-Доброго-Вечного**, перевозомгатели непонимания и невзгод» (В. Рыбаков); «Опять взглянул... какая-то **Тень-Отца-Гамлета** вроде бы прошла мимо буксире, оглянулась и исчезла» (Б. Штерн). В первом случае цитируется стихотворение Некрасова «Сеятелям», во втором прецедентным текстом является «Гамлет» Шекспира.

Прецедентные тексты массовой культуры, явившиеся базой для ГК, представлены самыми различными песнями – детской (из мультфильма), блатной, официально-популярной.

Голофрастическая конструкция, восходящая к песенке из мультфильма «Трям! Здравствуйте!»: «Пока делом занимался ее собственный суперменджентльмен, надежда жила. Но не сдюжил питтсбургский штабс-капитан Сидни Троевич, не сумел своротить глыбу – сдал материалы начальству и самоустранился. Теперь-то уж налетят-набегут, можете не сомневаться. «Аблакаты»-то. Да вот, собственно, летят уже. Аки **облака-белокрылые-лошадки**. Ничего хорошего из них на хоккей не прольется» (С. Маламуд). ГК восходит к прецедентному тексту по следующей схеме: **адвокаты** (слово упоминается за пределами контекста, но присутствует в тексте) → **аблакаты** (просторечная огласовка) → **облака – белокрылые лошадки** (цитата, вызываемая созвучием *аблакаты // облака*) → **облака-белокрылые-лошадки**.

Сложная четырёхступенчатая структура встречается весьма редко. Обычно действует простая двухступенчатая схема, например: «Увидев меня издали, Маруся деловой походкой шла навстречу и, поравнявшись, без слов совала мне в руки таинственный свёрток, как это делают в кино агенты иностранных разведок, передавая резидентам **«советскогозаводаплан»** (произносить на-

до, как в известной блатной песне, одним сплошным словом)» (В. Аграновский); речь идёт о песне «Стою я раз на стрёме, держу в руках наган...».

А вот ГК, восходящая к прецедентному тексту – известной в 40–60-е гг. XX в. песни «Мишка»: «И вся наша бесчеловечная и комичная история с её кукурузной кампанией, Тарапунькой, дружбой с Китаем навек, **«Мишкой-где-твоя-улыбка»**, слезами Ива Монтана (в качестве реакции на песню «Когда поёт далёкий друг» в исполнении ученика ремесленного училища на французском языке), – вся эта показушная, фальшивая и трагичная национальная судьба замкнётся на маленьком бравом солдате, едва ли не Швейке и почти Чонкине» (В. Белопольская).

В обоих этих случаях ГК являются непосредственной реакцией на прецедентный текст.

ГК, восходящие к цитатам из прецедентных текстов, «выделяются в текстах не только формально, но и когнитивно, но и эмотивно, позволяя возникнуть новому смыслу» [11. С. 13–25].

3. *Фразеологизмы*. Понимая фразеологию в широком смысле: «В широкий объём включаются все сочетания, обладающие признаками устойчивости и воспроизводимости» [12. С. 608–609], – мы тем не менее разграничиваем ГК, восходящие к фразеологическим единицам в узком и широком смысле.

К фразеологизмам в узком смысле восходят, например, следующие ГК: «Проснётся уже на Земле, ему скажут: «Поздравляем, вы совершили неслыханный полёт, побывали в звёздной системе **«У-чёрта-на-куличках»**, – а он, зевнув и потянувшись, ответит...» (В. Михайлов); **«Сколько-ж-ты-мою-кровь-пить-будешь!»** (А. Лаврин).

Фразеологизмы в широком понимании, служащие базой для ГК, претерпевают изменения – расширение: «По бесстрастному лицу помощника Марлен Михайловича попал, что в этот момент он слегка пережал, прозвучал слегка – **не-совсем-в-ту-степь**, но ему как-то уже было всё равно» (В. Аксёнов); замена: «Теперь, если ты вызовешь **Робота-на-Все-Руки**, то я продемонстрирую тебе второй этап своего проекта» (Г. Гаррисон, перевод); одновременно расширение и замену: «Взял для нью-йоркской «Мэйл» интервью у какой-то **чёрт-бы-её-побрал** актрисы относительно её **чёрт-бы-его-побрал** брака с каким-то **чёрт-бы-его-побрал** чемпионом по боксу» (О. Сосин). В первом случае трансформирован фразеологизм **не в ту степь**, а во втором – **мастер на все руки**, в третьем – **чёрт побери**.

Образование голофрастических конструкций на базе прецедентных текстов (их фрагментов) в определённой степени напоминает фразеологизацию предложений: «Наиболее ожидаемый семантический эффект фразеологизации предложений разного типа – это образование пословиц, пословично-поговорочных выражений, афоризмов и т.п. Несмотря на качественное своеобразие названных образований, их многообразие и внутреннюю полевую структуру, противопоставленность друг другу, с одной стороны, и классу собственно фразеологизмов – с другой, их роднит и объединяет наличие общего свойства – идиоматичности» [3. С. 89–95].

4. *Клише*. Голофрастические конструкции могут восходить к прецедентным текстам, представляющим собой клише различного характера. Под клише (речевым клише) понимаются стандартизированные словоупотребления, словосочетания и синтаксические конструкции, отражающие общие модели речевого поведения в различных конкретных ситуациях:

а) олимпийский лозунг: «И люди, те самые – **«быстрее-выше-сильнее»** – ломаются. Они как дети» (О. Калашникова, Д. Трунова). Отметим, что олимпийский лозунг «дальше, выше, быстрее» подвергся двойной трансформации: перестановке компонентов и замене одного из них;

б) философское понятие: «... в литературном отношении В. Распутин – это **«вещь-в-себе»**» (М. Золотоносов);

в) идеологема: «И я думаю о пионерах-героях и о **пионерах-всем-детям-примерах**, об образцовых пионерах и о пионерах-функционерах» (Н. Чугунова);

г) сказочная формула: «Летите, мои лебеди, в королевство **За-семью-морями**» (Д. Трускиновская);

д) клише научной фантастики: «В период смутных времён, когда «ни мира, ни войны», когда все цивилизованные **Братья-по-Разуму** сидят в обороне...» (Б. Штерн);

е) клише шпионских романов и фильмов: «Но к счастью, подули свежие ветры Первого Ледохода, и Римма внезапно вошла в фавор к начальству, озарённому идеей выковать из неё **Жену-Помощницу-Радистку-Верного-Друга-Боевого-Товарища** и направить дружную семью на бой, на вечный бой, покой нам только снится!» (М. Любимов).

В пьесе Э.Радзинского «Театр времён Нерона и Сенеки» есть весьма интересный фрагмент, обыгрывающий знаменитую историю о том, как римский император назначил своего коня сенатором: «**Даздравствует Цезарь тридцать раз мы всегда желали такого Цезаря как ты тридцать раз ты наш отец друг и брат ты хороший сенатор и истинный Цезарь восемьдесят раз!** Нерон (шепчет). Свершилось! Это – не речь! (В восторге). Он ржёт! (Кричит). Свершилось! Сенатор превратился в коня!». Оставим в стороне то обстоятельство, что в пьесе Радзинского представлена «наоборотная» ситуация – превращение сенатора в коня. Для нас гораздо важнее другое.

Если представить данную голофрастическую конструкцию в виде её производящей базы, то получим следующий текст: «Да здравствует Цезарь! (тридцать раз). Мы всегда желали такого Цезаря, как ты! (тридцать раз). Ты наш отец, друг и брат, ты хороший сенатор и истинный Цезарь! (восемьдесят раз)». В данном случае мы имеем дело со следующим явлением: 3 фразы содержат указание на то, сколько раз их надо повторить. Перед нами явное политическое клише, характерное для тоталитарных режимов, когда даже безудержное восхваление вождя было регламентированным.

Идеологическое клише представлено и в следующем случае: «М-м-м... – вз-з-з-з... дуло парабеллума упёрлось меж лопаток и холодит душу; избит, искорежен, во всём теле тугая резиновая боль, не шевельнуть ни рукой, ни ногой, – сознание возвращается медленно, пульсирующими толчками; голоса отдаляются, с присвистом железных подковок... **Понедельник-вторник-среда-четверг-пятница-суббота-воскресенье-начинальник-углубляльник-решальник-определяльник-завершальник-субботник-воскресник**» (Г. Сатуп). Производящая база может быть представлена так: «Понедельник, вторник, ..., воскресенье – начинальник, углубляльник, ..., воскресник», – т.е. предложением, состоящим из 7 однородных подлежащих и 7 однородных сказуемых. 5 из 7 сказуемых компонентов представлены лексическими новообразованиями, вызывающими в памяти идеологические клише недавних лет: «начинающий год пятилетки», «углубляющий год», «решающий год», «определяющий год», «завершающий год» (и это соотносится с рабочими днями недели, ну а суббота и воскресенье – естественно, субботник и воскресник)

Переводя подобные «идеологические» обоснования в лингвистический план, следует заметить, что многочисленные клише советского времени следовало бы записывать как голофрастические конструкции, например: **народ-и-партия-едины; экономика-должна-быть-экономной; новая-общность-советский-народ** и т.д. Да и многие высказывания нового времени уже по сути десемантизировались и воспринимаются как одно слово: **подлинно-демократическая-власть; упрочение-вертикали-власти** и т.д. (На это впервые было указано в одной из работ В.П. Изотова [4. С. 56]).

Как видно из проанализированных примеров, речевое клише коррелирует с клише политическим. Необходимо отметить, что в исследованиях по современной русской политической речи вопрос о её клишированности остаётся на периферии рассмотрения (см., например, работы [1; 10]), а между тем это весьма интересная проблема, которая может быть достаточно интересно увязана с теорией голофрастических конструкций.

Как представляется, голофрастические конструкции, восходящие к прецедентным текстам, реализуют «трансформацию исходного текста в иной вид искусства» [7. С. 216–217]. «Иным видом искусства» является в данном случае голофрастическая конструкция, представляющая собой словотекст – «произведение, состоящее из одного окказионального текста» [5. С. 131–136]; ср.: «**Однословие** – так я назову этот жанр – искусство одного слова, заключающего в себе новую идею или картину. Тем самым достигается наибольшая, даже по сравнению с афоризмом, конденсация образа: максимум смысла в минимуме языкового материала» [13. С. 254–320].

На наш взгляд необходимо уделить специальное внимание описанию данной особенности голофрастических конструкций в плане их соотношения со словотекстом. Она проявляется в том, что в данном случае отчётливо представлены этапы порождения словотекста: реально восстанавливаемая производящая база (предложение) – голофрастическая конструкция (сворачивание предложения в слово) – словотекст (слово становится обозначением ситуации). Рассмотрим это на следующих примерах: «Упор лёжа принять! Встать! Упор лёжа принять! Встать! **Упорлёжапринять!**» (А. Минкин). В данном случае представлена производящая база, выраженная командой: «Упор лёжа принять!», её стяжение в одно слово – **упорлёжапринять**, которое становится обозначением ситуации: интенсивное исполнение команды, а поскольку речь идёт об армейской службе, – неуставные отношения.

В то же время важно отметить другую особенность голофрастических конструкций как словотекста: они практически никогда не употребляются изолированно (окказионализмы, созданные способом голофразиса, в подавляющем большинстве случаев функционируют в тексте), крайне редко используются в качестве заголовка и единично отмечены в перечнях других окказионализмов, представленных списком в таких газетных рубриках, как «Афоризмы», «Оговорочки», «Опечатки», «Очепятки», «Однословицы» и др.

Единственным известным нам примером использования голофрастической конструкции в качестве названия является следующая заметка в «Литературной России»: **КТОАНИГИРОИ?**

Наша комсомольская пресса наконец всерьёз взялась покорять вершины порнопарнаса.

Теперь такой вопрос: **ктоанигирои?** То есть кто они, герои покорения вершин? Страна должна знать их не под безликой командной подписью «редколлегия», а поимённо (В. Дерягин).

Данная голофрастическая конструкция создана сочетанием голофразиса с графическим словообразованием (в его орфографической разновидности) – о графикации как способе словообразования см. [6. С. 112–118].

Следует отметить, что теория словотекста находится в стадии своего становления, и рассмотрение голофрастических конструкций через призму его свойств вносит свой вклад в формирование этой концепции.

Прецедентные тексты как никакой другой филологический феномен обладают свойством порождения окказиональных слов, в том числе и голофрастических конструкций. Можно, по-видимому, даже говорить о том, что прецедентный текст является своего рода промежуточным звеном между произво-

дящей базой, представленной предложением, его частью или группой предложений, и голофрастической конструкцией, создаваемой на основе конкретной производящей базы.

Литература

1. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 384 с.
2. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: онтология и поэтика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1998.
3. Жуков А.В. Фразеологизация слова и лексикализация фразеологизма // Филологические науки. 2007. № 4. С. 89–95.
4. Изотов В.П. Словообразование на базе предложений // Актуальные проблемы синтаксиса. Орёл, 1994.
5. Изотов В.П. Словотекст // Текст: грани и границы: сб. науч. статей. Орёл: ОГПУ, 1995. С. 131–136.
6. Изотов В.П. Из очерков по графическому словообразованию // Вестник Орловского государственного университета. Сер. Новые гуманитарные исследования. 2012. № 4. С. 112–118.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 2-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2002.
8. Ковыньёва И.А. Голофразис как потенциальный способ русского словообразования. Курск: ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2010. 156 с.
9. Миловская Н.Д. Голофрастические конструкции в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1984.
10. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 232 с.
11. Сорокин Ю.А., Михалева И.М. Цитаты как знаки прецедентных текстов // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 13–25.
12. Телия В.Н. Фразеология // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 608–609.
13. Эпштейн М.Н. Слово как произведение. О жанре произведения // Эпштейн М.Н. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 254–320.

References

1. Altunyan A.G. *Analiz politicheskikh tekstov. 2-e izdanie* [The analyses of political texts. 2nd ed.]. Moscow, Logos Publ., 2010, 384 p.
2. Veselova N.A. *Zaglavie literaturno-khudozhestvennogo teksta: ontologiya i poetika: avtoref. dis. kand. filol. nauk* [The title of literary-art text; ontology and poetics: autoabstract of PhD thesis]. Tver', 1998, 189 p.
3. Zhukov A.V. *Frazeologizatsiya slova i leksikalizatsiya frazeologizma* [The fraseologisation of the word and lexicologisation of fraseologism]. *Filologicheskie nauki* [Philological sciences], 2007, no 4, pp. 89–95.
4. Izotov V.P. *Slovoobrazovanie na baze predlozheniy* [Word formation on the base of sentences] *Aktual'nye problemy sintaksisa* [The actual problems of syntax]. Oryol, 1994. pp. 53–60
5. Izotov V.P. *Slovotekst* [Wordtext]. *Tekst: grani i granitsy: sb. nauch. statey* [Text: edges and boarders]. Oryol, 1995, pp. 131–136.
6. Izotov V.P. *Iz ocherkov po graficheskomu slovoobrazovaniyu* [From the essays on graphical word-formation]. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta Ser. Novye humanitarnye issledovaniya* [Journal of Oryol State University. Issue: New humanitarian investigations], 2012, no 4, pp. 112–118.
7. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'. 2-e izdanie, stereotipnoe* [Russian language and language personality. 2nd ed.]. Moscow, URSS Publ., 2002. 375 p.
8. Kovyneva I.A. *Golofrazis kak potentsial'nyy sposob russkogo slovoobrazovaniya* [Holophrase as a potential way of Russian word formation]. Kursk, 2010. p.156.
9. Milovskaya N.D. *Golofrasticheskie konstruktсии v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [Holophrastic constructions in the modern German language: autoabstract of PhD thesis]. Kalinin, 1984.
10. Parshina O.N. *Rossiyskaya politicheskaya rech': Teoriya i praktika. 2-e izd., ispr. i dop.* [Russian political speech: Theory and practice. 2nd ed.]. Moscow, 2007. p. 232.
11. Sorokin Yu.A., Mikhaleva I.M. *Tsitaty kak znaki pretsedentnykh tekstov* [Citations as the signs of presedent-setting texts]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication, Vol. 2]. Moscow, Filology Publ., 1997, pp. 13–25.
12. Teliya V.N. *Frazeologiya* [Phraseology]. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya. redactor Yu.N. Karaulov, 2-e izdanie* [Karaulov Yu.N., ed. Phraseology of Russian language. Cyclopedias. 2nd ed.]. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya Publ. and Drofa Publ., 1997, pp. 608–609.
13. Epshteyn M.N. *Slovo kak proizvedenie. O zhanre proizvedeniya* [Word as a creation. About the genre of creation]. In: Epshteyn M.N. *Znak probela. O budushchem humanitarnykh nauk* [Epshteyn M.N. Interval sign. About the future of humanitarian sciences]. Moscow, New literature review Publ., 2004. pp. 254–320.

КОВЫНЕВА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой русского языка и культуры речи, Курский государственный медицинский университет, Россия, Курск (ir_kov@yahoo.com).

KOVYNEVA IRINA – candidate of philological sciences, assistant professor, head of Russian Language and Speech Culture Chair, Kursk State Medical University, Russia, Kursk.

УДК 81'373.21

ББК 81.2-3

Г.Е. КОРНИЛОВ

ЭТНОТОПОНИМИЯ РЕСПУБЛИК ПОВОЛЖЬЯ (БАШКОРТОСТАН, КОМИ, МАРИЙ ЭЛ, МОРДОВИЯ, ТАТАРСТАН, УДМУРТИЯ, ЧУВАШИЯ) – XXXV: А-АНЛАУТНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ

Ключевые слова: компаративистика, этимология, контактология, оноματοлогия, топонимика.

Территория названных в заглавии семи республик Поволжья превышает площадь 737 тыс. кв. км, это больше, чем территория Франции (551 тыс. кв. км). На этой территории расположены десятки тысяч населенных пунктов, названия которых указаны в Списках населенных мест бывших губерний Российской Империи: Казанской, Нижегородской, Оренбургской, Пензенской, Пермской, Самарской и Уфимской, а ныне – в Справочниках административно-территориального деления бывших Башкирской, Коми, Марийской, Мордовской, Татарской, Удмуртской и Чувашской автономных республик. За последние десятилетия предпринимались попытки дать объяснение географическим названиям, бытующим на этой территории. Привлекались для интерпретации главным образом названия ныне существующих населенных пунктов, соответствующие объяснения носили в основном любительский характер, часто были неполными, односторонними или ошибочными. В серии публикаций по топонимии республик Поволжья автор данной статьи критически рассматривает взгляды своих предшественников, привлекая дополнительные (часто неизвестные прежде) факты, предлагая совершенно новые объяснения. В статье продолжена инвентаризация и интерпретация топонимов и апеллятивов, в частности, рассматривается топоним **Акаваз** – название населенного пункта (комоним) и одновременно – название речки (потамоним) на территории Башкортостана. Указана возможность двоякого членения имени: 1. **Ака-ваз** или 2. **Ак-аваз**. В зависимости от этого географическое название получает два разных (взаимоисключающих) объяснения.

G. KORNILOV

TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS (THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT, THE CHUVASH REPUBLICS) – XXXV: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES

Key words: comparative linguistics, etymology, contactology, onomatology, toponymy.

The territory of seven republics of Volga, mentioned in the title, overpasses the area of 737 thousands of square kilometers, which is more than the territory of France (551 thousands of square kilometers). Tens of thousands of settlements are located on this territory, names of which are indicated in the lists of the settlements of the former provinces of the Russian Empire: Kazan, Nizhny Novgorod, Orenburg, Penza, Perm, Samara and Ufa, and now in the reference books of the administrative-territorial division of the former Bashkir, Komi, Mari, Mordovia, Tatar, Udmurt, and Chuvash Autonomous Republic. Over the past decade there were attempts to give explanation for the geographical names of this territory. Principally, for the interpretation names of the now-existing settlements were taken. The appropriate explanations were mostly of the amateur character, they were often incomplete, one-sided and wrong. In a range of publications on toponymy of Volga republics, the author of this article critically examines the views of his predecessors, pointing the additional facts (often unknown before) and suggesting completely new explanations. In this article inventory and interpretation of toponyms and appellatives are offered, in particular, toponym **Akavaz** is considered. This is the name of a settlement (komonim) and simultaneously it is the name of a river (potamonim) on the territory of Bashkortostan. The possibility of double division of the name is shown: 1. **Aka-vaz** or 2. **Ak-avaz**. Thus, the geographical name gets two different (mutually exclusive) explanations.

0.0.2.6.4. **АКАВАЗ** – башк. хутор быв. Иштуганов. с-та Юмагузин. р-на, одноименная речка, лев. приток р. Белая в Бурзян. р-не, в башк. орфографии Әкәүәз [14. С. 176б].

Интерпретация зависит от членения: 1. *Ака-ваз* / *Әкә-үәз* или 2. *Ак-аваз* / *Ак-әүәз*. Рассмотрим же по порядку.

1. В первом случае в *Ака-* / *Әкә-* допустимо усматривать антропоним *Ака* / *Әкә*, повторяющийся в лимнониме *Ака-Куль* / *Әкәкул* (назв. оз. на земле башк. с. *Хусаиново* быв. Филиппов. с-та Давлекан. р-на), ср. также потамоним *Акау* / *Әкәү* (назв. речки, лев. притока р. *Зилаир* в *Зилаир.* р-не).

И хотя для *-ваз*: *Ака~* / *-үәз*: *Әкә~* допускается фонетический вариант **-вар*: *Ака~*, болгаро-чувашское происхождение исключено, поскольку в быв. Иштуганов. с-те проживали / проживают только башкиры (5 нп), татары (2 нп) и русские (8 нп), при этом вариант *Әкәүәз* исключительно башкирский, а вариант *Акаваз* может рассматриваться как русско-татарский (и возможно – исходный). С некоторыми сомнениями допустимо сопоставление *-үәз*: *Әкә~* с *-уез*: *Мәлә~* в составе четырех повторяющихся на территории Башкортостана потамонимов *Мелеуз* / *Мәләүез* (прав. приток р. *Инзер* в *Арханг.* р-не, лев. приток р. *Белая* в *Кугарчин.* р-не, лев. приток р. *Белая* в *Мелеузов.* р-не, лев. приток р. *Сакмара* в *Хайбуллин.* р-не), согласно авторам «Словаря топонимов Башкирской АССР» [14. С. 110а], имеющих вариант *Мәнәүез* и сопоставимых с русским названием речки *Малоузка* в *Бакалин.* р-не, и, возможно, образованных на базе географического номенклатурного термина *-(е)үез* / *-(е)уз* / *-уз*, восходящего к древнетюрк. *үгүз* «река» (хотя в древнетюркском словаре указывается *ögüz* «река», *ögüz köl* «реки и озера» [9. С. 382а], *taluj ögüz* «океан, море» [9. С. 529б]). М. Ряснен [16. С. 369б] из разных источников указывает форму *ügüs* как уйгуро-китайскую (по *Кутадгу билик*) и форму *ügüz* как желто-уйгурскую, сравнивая с монг. *üjer, üjir* (> урянхай. *üjer*) «половодье», «большая вода».

Появление *-в-* на месте *-ү-/ö-* закономерно, ср. огузо-кыпчак. название р. *Днепр* – *Öз(ö)* / *Үзү*, гунно-болг. *Вар*; или каз. *үзән*, кирг. *өзөн*, тат. *үзән* и т.д. «долина, русло», чув. диал. *васан* [vaZan], архаич. **варан*, чув. литер. *вар* «дол, лог».

Возведение авторами «Словаря топонимов Башкирской АССР» первой части *Меле-* / *Мәлә-* имени *Мелеуз* / *Мәләүез* к иран. *мал* «стоячая вода» противоречит горному характеру соответствующих речек; представляется невозможным игнорировать курд., лур. (язык жителей *Лурестана* или *Луристана*, исторической области Западного Ирана, населенной племенами *бахтиар*, *мамасени*, *кухгилуйе*, ныне Хорремабадское генерал-губернаторство): *мель*, *меле*, *мелле* «перевал», «(горный) проход», «ущелье» и т.п., ср. географические названия в *Курдистане* и *Хузестане* (*Хузистане*): *Вез-меле*, *Кешлак-меле*, *Меле*, *Меле-абу-оль-аббас*, *Меле-бид*, *Меле-келендер*, *Меле-корбани*, *Меле-сорх*, *Меле-сорхе*, *Меле-техт*, *Меле-шебанан*, *Меле-хар*, *Меле-шейх*, *Меле-эмири*, *Меле-эмир-хан*, *Мелле-барик*, *Мелле-кебуд*, *Мелле-сорх*, *Мелле-шебанан*, *Омар-мель*, *Чехар-мелан*, *Чехар-меле*, *Шотор-мель* и т.п.

Нам не представляется случайным совпадение *-корт*: *баш~* (самоназвание башкирского этноса) с этнонимом *курд* и апеллятивом *курт* «волк» (в тур. перен. «знаток своего дела»).

Первая часть *Ака-* русского варианта написания и произношения топонима *Акаваз* могла бы рассматриваться и как устарелое причастие действ. залога наст. времени, ср. др.-тюрк. *aqa* (*etil suvi aqa turur qaja tüpi qaqa turur*), башк. **ақа*, тат. **ака*, чув. *йока* (тури), *йоха* (вирьял), *йуха* / *юха* (литер.) «точный» (ср. башк. *акмас*: *акмас күл* «непроточное озеро», тат. *акмас*: *акмас сулы күл* «непроточной воды озеро» – с суффиксом отрицания *-мас* / *-мес*), но этому противоречит переднерядная огласовка башкирского варианта *Әкәүәз*, хотя последнее можно было бы объяснить влиянием аналогии к топонимам,

образованным с помощью антропонима *Ака* / *Әкә* (ср. тюркские параллели чув. *ака*, мар. *ака*, *әка* «(старшая) сестра»).

С башк.-тат. **ақа* / *ака*, склонными к озвончению интервокального *-қ-/-к-* (ср. тат. чистопольск. *акма елга* «текущая река», но *ага торган*, *агым* «проточная (вода)» [8. С. 30]), несомненно сопоставим древнетюркский потамоним *Ага* / **Ага* / **Ақа*, известное название реки, «обнаруженное в орхонских надписях и сохранившееся в монгольском языке» [11. С. 14; 5. С. 169–174].

«Ностратические» параллели топонимов с *Ака-* / *Ока-* приводились нами в предыдущей публикации – 0.0.2.6.3. *Ака* / *Ока* [10. С. 28–33], к ним можно добавить *Ока-*: *~ванго*, см. в картографических источниках *Okavango* / *Cubango* – река в Анголе, Намибии, Ботсване, знаменитая своими разливами и высокими поднятиями уровня воды во время летних дождей [4. Т. 13. С. 5436].

2. Во втором случае, указанном в начале статьи, при членении *Ак-аваз* / *Ак-әүәз*, исходя из мысли о первичности татарско-русского варианта *Акаваз*, можно усматривать в *Ак-* употребительнейший как в апеллятивах, так и в именах собственных тюрк. *ак* «белый, ~ая, ~ое», по М. Рясянену из **āk* (долгий *ā-* в туркменском) [10. С. 126], по Э.В. Севортыану «белый – во всех источниках», «чистый – прямо и переносно», «прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный – в хакасском» [11. С. 116–117].

Что касается *-аваз*: *Ак~*, то убедительно выглядит сравнение с перс. муж. именем *Аваз* / *'Ацад* араб. происхождения, в переводе А. Гафурова «замена», ср. тадж. муж. имя *Аваз-Бадал* / *'Ацад Badal*, где *-Бадал* / *-Badal* также араб. «замена», «возмещенный» [7. С. 121, 130]. При этом Ибн-Мйрзәкарим ал-Қарнақй для *Авад* (*Аваз*) дает араб. значения «награда, возмещение», а для *-Бадал*: *Аваз~* (тадж. из араб.) – «замена», «возмещенный», «святой» [12. С. 29, 58].

Имя и соответствующий апеллятив имеют некоторое распространение, ср. в Иране: *-аваз-*: *Пеленг~Джедид*, *-аваз-*: *Пеленг~Кедим* (*пеленг* «барс», «леопард», «пантера», *джедид* «новый», *кедим* «старый»), в Азербайджане: селение *Авазлар* «Авазы» в быв. Гочазск. с-те Лачин. р-на; название киргизского племени *ават* [11. С. 186], однако может быть вариантом иран. *аба(д)*, курд *ава* «город, населенное место, нп», ср. *Яни Ават* «Новое селение» [11. С. 90], или нп в Казахстане: *Ават* (в быв. Аватск. сельаулс-те Уйгур. р-на Алма-Атин. обл.), *Ават* (в быв. Аватск. сельаулс-те Энбекшиказахск. р-на Алма-Атин. обл.), *Ават* (в быв. Хоргосск. сельаулс-те Панфилов. р-на Талды-Курган. обл.). К русскому имени собственному – прозвищу *Тароват(ый)*, видимо, восходит название ржавца *Тараватов* в окрестностях сельца *М. Пичаева* в долине р. *Пичаевка* (Нижнее правобережное Поочье) [15. С. 2476] и в нем нельзя выделять *-ават-*.

Из тюркских примеров следует признать самым ярким и показательным (оставленное в источнике без объяснения) имя основателя деревни западно-сибирских татар *Калмаклылар* / *Калмаклар* некоего *Авазбаки*, легшее в основу названий *Авазбакеевские юрты*, *Авазбакеевская волость* (Ялуторовского округа / уезда Тюменского края) [2. С. 105, 106, 115, 116, 119; 3. С. 102–103], вариантом этого антропонима выглядит упоминаемое единожды под 1701 годом имя тобольского головы – *Авазбакай Кульмаматов* [2. С. 171; 3. С. 102]. Колелание *-баки* / *-бакай* вполне закономерно, поскольку известны араб. *Бака* «вечность, постоянство», *Баки* «вечный, сохраненный» и татарское отвокативное *Бакай* с сохранением арабского смысла «вечный, постоянный».

В написании *Улак авазы* (прав. приток р. *Черемшан* в Апастов. р-не Татарстана), видимо, элементарная опечатка, следовало *Улак авызы* «Устье

Улак(а)», букв. «Устье родника» [6. С. 110], т.е. слово *аваз* не присутствует, хотя было бы соблазнительно переводить «Звук / Шум родника»...

Кажется, что не имеют прямого отношения к рассмотренному сюжету омонимичные: тур. *avaz* «крик, вопль», «слуши, слава»; тат. *аваз* «звук, голос, возглас», «звуковой», *аваз-:* ~*даш* «тождественный по звучанию», «омонимичный»; тат. диалект. *awaz* (заказан., нократ-киров., глазов. в Удмуртии, нагайбак-кряшен. в Челяб. обл.) «звук», «голос» (певца, пастуха, гармони, машины), *аваз-қауға* «шум-гам», «шум; крик», хотя формально нет препятствий для понимания *Ак-аваз* «Чистый / Ясный звук», и более поэтично – «Белый голос», «Белый шум» (ср. у Н.А. Некрасова название стихотворения «Зеленый шум!»). В башкирско-русских и русско-башкирских словарях мы не нашли следов этого фарсизма.

В мордовском языке имеется самостоятельно не употребляющееся слово *ават*, ср. мокш. *ават-алат* «родители», *ават-стирхть* «мать с дочерью», эрз. *ават-цёрат* «мать и сын», *ават-тейтерть* «мать и дочь», отношение которых к персидским *Аваз / Авад* никем не исследовалось и выглядит случайным.

В связи с исключительной распространенностью метатезы **-б->-в-** и **-в->-б-** с персидским *Аваз / Авад* можно было бы связывать этноним *абаз(а)*, который согласно Р.А. Агеевой «...имеет древнее происхождение, этимология его неизвестна» [1. С. 16].

Оставляя на будущее некоторые дополнительные сведения и комментарии, ограничимся предварительным выводом: в случае, если первично название хутора именем *Акаваз / Экаүэз*, то более правдоподобна вторая, отантропонимная этимология, если же первичен потамоним, то, естественно, убедительней выглядит первое объяснение. Никаких споров и сомнений не было бы, если бы сохранились письменные свидетельства именованной речки и хутора, особенно если бы было известно, кто назвал, когда и почему.

(Продолжение следует)

Литература

1. Агеева Р.А. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. М.: Academia, 2000. 424 с.
2. Алишина Х.Ч. Ономастикон сибирских татар. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1999. Ч. 1. 240 с.
3. Алишина Х.Ч., Ниязова Г.М. Названия селений сибирских татар (на материале Тюменской области). Тюмень: Экспресс, 2004. 198 с.
4. Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1970–1978. Т. 1–30.
5. Владимирцов Б.Я. Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // Доклады АН СССР. Л., 1929 (Серия В, № 10).
6. Гарипова Ф.Г. Татарская гидронимия: (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). Казань: Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1998. 571 с.
7. Гафуров А. Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков: словарь М.: Наука, 1987. 221 с.
8. Диалектологический словарь татарского языка / сост.: Н.Б. Борханова, Л.Т. Махмутова, З.Р. Садыкова, Г.К. Якупова; под ред. Л.Т. Махмутовой. Казань: Тат. кн. изд-во, 1969. 644 с. [Ин-т языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН СССР].
9. Древнетюркский словарь / ред.: В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Корнилов Г.Е. Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXIV: А-анлаутные географические названия // Вестник Чувашского университета. 2014. № 3.
11. Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М.: Вост. литература РАН, 1996. 254 с.
12. Мусульманские имена: словарь-справочник [сост. Ибн-Мирзакарим ал-Қарнақий]. СПб.: Диля, 2006. 448 с.
13. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.

14. Словарь топонимов Башкирской АССР. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1980. 199 с.
15. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки (список рек и озер). М.: Наука, 1976. 404 с.
16. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969. [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII. 1]. 533 S.

References

1. Ageeva, R.A. *Kakogo my rodu-plemeni? Narody Rossii: imena i sud'by: slovar'-spravochnik* [Who are our 'kith and kin'? Peoples of Russia: names and fates. Reference Dictionary]. Moscow, Academia Publ., 2000, 424 p.
2. Alishina Kh.Ch. *Onomastikon sibirskikh tatar* [Siberian Tatars' onomasticon]. Tyumen, Tyumen' University Publ., 1999, vol. 1.
3. Alishina Kh.Ch., Niyazova G.M. *Nazvaniya seleniy sibirskikh tatar (na materiale Tyumenskoy oblasti)* [The settlements names of Sibirean Tatars (based on data collected in Tyumen area)]. Tyumen, Express Publ., 2004, 198 p.
4. *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia, ed. 3]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1970–1978, vol. 1–30.
5. Vladimirtsov, B.Ya. *Geograficheskie imena orkhonskikh nadpisey, sokhranivshiesya v mongol'skom. Doklady AN SSSR* [Geographical names of Orkhon inscriptions preserved in the Mongolian language. Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR, ser. B, no. 10]. Leningrad, 1929.
6. Garipova, F.G. *Tatarskaya gidronimiya (Voprosy etnogeneza tatarskogo naroda po dannym gidronimii)* [Tatar hydronymy (The problems of ethnogeny of the Tatar nation based on the hydronymy data)]. Kazan, 1998, 571 p.
7. Gafurov A. *Imya i istoriya: Ob imenakh arabov, persov, tadzhikov i tyurkov: slovar'* [Name and history: On names of Arabians, Persians, Tajiks and Turks: Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 221 p.
8. Burganova N.B., Makhmutova L.T., Sadykova Z.R., Yakupova G.K. *Dialektologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Dialectological dictionary of the Tatar language]. Kazan, 1969, 644 p.
9. *Drevnetyurkskiy slovar' (redaktory: V.M. Nadelyaev, D.M. Nasilov, E.R. Tenishev, A.M. Shcherbak)* [Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., eds. Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 676 p.
10. Kornilov G.E. *Etnotoponimiya respublik Povolzh'ya (Bashkortostan, Komiy, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXIV: A-anlautnye geograficheskie nazvaniya* [Ethnic toponyms of the Volga region republics (Bashkortostan, Komiy, Mariy El, Mordoviya, Tatarstan, Udmurtiya, Chuvashiya) – XXXIV: Geographical names with A- im Anlaut]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, 2014, no. 3, pp. 84–89.
11. Murzaev E.M. *Tyurkskie geograficheskie nazvaniya* [The Turkic geographical names]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1996, 254 p.
12. *Musul'manskii imena: slovar'-spravochnik* [Ibn_Mirzakarim_ al Karnaki, ed. Muslim names: reference dictionary]. St. Petersburg, Dilya Publ., 2006, 448 p.
13. Sevortyan E.V. *Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na glasnye* [Etymological dictionary of Turkic languages. General Turkic and inter-Turkic vocalic stems]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 767 p.
14. *Slovar' toponimov Bashkirskoy ASSR* [The dictionary of toponyms of the Bashkir ASSR]. Ufa: Bashkir Publishing House, 1980. 199 p.
15. Smolitskaya G.P. *Gidronimiya basseyna Oki (spisok rek i ozer)* [Hydronyms of the Oka basin (The list of rivers and lakes)]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 404 p.
16. Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkssprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1969 [Lexica societatis Fenno-Ugricae XVII.1]. 533 S.

КОРНИЛОВ ГЕННАДИЙ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gennkorn@rambler.ru).

KORNILOV GENNADIY – doctor of philological sciences, professor, head of Russian Language and General Linguistics Chair, dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.111(075.8)

ББК 81.2 Англ-923

А.П. МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА

**О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ ТЕРМИНОВ
И НОМЕНКЛАТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ***Ключевые слова:* термин, номен, разграничение, классификация.*Вопрос о разграничении терминов и номенов остается в фокусе лингвистических исследований. В статье приводятся взгляды разных ученых, делается вывод о необходимости изучения данной проблемы с учетом парадигм XXI в.***A. MINIAR-BELOROUTCHEVA
ON SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF TERMINOLOGY AND NOMINA***Key words:* term, nomina, differentiation, classification.*Differentiation of terms and nomina remains in the focus of linguistic research. The article presents the views of different scholars on the issue of their differentiation and points out the significance of studying terms and nomina in the light of the paradigms of the 21st century.*

Особую группу в лексическом составе научного текста представляют номены, или номенклатурные образования. Взаимодействие и разграничение терминов и номенклатурных образований до сих пор остаются наиболее актуальной проблемой отечественного терминоведения. В течение долгого времени «термин» рассматривался как незыблемый, совершенный феномен, суть которого отражала его дефиниция. Происходящий от латинского слова *terminus*, которое означает границу, конец [8. С. 492], «термин» считался вершиной развития языка, наивысшей точкой, совершенной в своей застывшей неподвижности формой. Названный в честь божества, призванного охранять межу и пограничные межевые знаки, считавшиеся священными, термин воспринимался как «прекрасный и мертвый кристалл, образованный благодаря завершившемуся процессу разложения живого слова» [2. С. 227–228], как некий языковой предел, венчающий собой его развитие. Отсюда стремление к ригоризованности термина, ограничению его функционирования до узких, строго фиксированных рамок. Такой подход, как показало дальнейшее исследование терминов, был ошибочен, поскольку значение термина постоянно изменяется. Термин, попадая в терминологическое поле конкретной науки, начинает жить полноценной жизнью, выходя за пределы не способных к дальнейшему развитию значений. По мнению П. Флоренского, термин – это «неподвижная подвижность» [11. С. 208]. Несомненно, это определение как нельзя лучше раскрывает сущность термина. Отражая понятия конкретных наук, функционируя в строго фиксированных границах определенной области знания, многие термины многозначны, модальные, синонимичны. И это не случайно, поскольку термины образованы на основе естественного языка, они и формируются в соответствии с законами развития внутренней формы слова. Однако даже в этом вопросе нет единства мнений. Одни исследователи отказывают термину в наличии лексического значения и образности, другие допускают, что термин имеет лексическое понятие.

В настоящее время существует более пятидесяти дефиниций термина. Это свидетельствует как о недостаточной разработанности лингвистических основ теории терминологии, нечеткости классификации терминов, отсутствии критериев их разграничения, так и о неисчерпаемости самого понятия «термин». О.С. Ахманова рассматривает термины как «слова или словосочетания, применяемые для точного выражения специальных понятий» [1. С. 474]. Подчеркивая системную обусловленность термина, Д.С. Лотте писал, что «каждый термин имеет свое определенное место в рассматриваемой терминологической системе, которая зависит от места соответственного понятия во

всей системе данной системы понятий» [6. С. 24]. Следовательно, термины обусловлены системой понятий конкретной науки, вне которой они не существуют. Термин, лишенный внутренней формы и образности, приближаясь к символу, становится мощным «орудием мысли» [5. С. 43]. Это, несомненно, свойственно всем терминам, особенно терминам науки и техники, но не в полной мере отражает специфику исторической терминологии. Исторические термины, развившиеся естественным путем или специально созданные, отличаются образностью и коннотативностью. За каждым историческим понятием разворачивается цепь событий, в них четко прослеживаются ассоциативно-метафорические связи. Исторический термин – единица неоднозначная и многоплановая.

Номенклатура, от лат. *nomenclatura*, означающая «список, перечень», хронологически относится к более позднему понятию по сравнению с термином. Номенклатура и термин не являются идентичными понятиями. Номенклатура может существовать только наряду с термином – инструментом ее фиксирующим, что позволяет исследователям, постоянно проводя параллель между ними, стремиться выявить их сходство и различие. Как известно, впервые вопрос о разграничении термина и номенклатурного образования был поставлен в конце XIX в. логиком Хьюэлом, однако, как отмечается, в зарубежном терминоведении понятия термин и номен до сих пор не расчленены [7. С. 13]. В нашей стране вопрос о разграничении термина и номена, привлечший внимание Г.О. Винокура и А.А. Реформатского, стал приоритетным в отечественном языкознании. Г.О. Винокур, отметив, что под номенклатурой «следует понимать систему совершенно абстрактных и условных символов» [3. С. 8], не уточнил, что следует понимать под этими символами, но подчеркнул их необходимость для обозначения предметов и вещей без «прямого отношения к потребностям теоретической мысли» [3. С. 8]. А.А. Реформатский, размежевывая терминологию и номенклатуру, подчеркивал, что для терминов характерны существенные признаки новых понятий, «в то время как номенклатура есть собрание условных названий и символов, назначение которых есть создание средств обозначения без определенной связи с потребностями теоретического мышления» [9. С. 9]. Номенклатура рассматривалась как совокупность специальных названий, связанных с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [9].

Было установлено, что, несмотря на то, что по своим характеристикам номенклатура и термин сближаются в точности передачи информации и вхождения в определенные семантические системы, они по-разному используются при формировании сообщения. О.С. Ахманова, определяя номенклатуру как «совокупность специальных терминов-названий, употребляющихся в данной научной области; названия типичных объектов данной науки (в отличие от терминологии, включающей обозначения отвлечённых понятий и категорий)» [1. С. 270], подчеркивала, что точность в передаче информации объединяет номенклатуру и термин.

Согласно концепции Хьюэлла–Лотте, термин и номен, выражая разные уровни «логоса», могут «быть при этом либо «дефинитивными», либо просто условно называемыми индексами» [7. С. 14]. Следовательно, номенклатура не связана с понятиями определенной области знания, и ее существование «не обусловлено определенным местом в системе понятий» [8. С. 9]. Номен в отличие от термина только именуется единицу «логоса», «но не занят функцией раскрытия понятия, как это свойственно термину» [7. С. 14]. Г.Г. Шпет, относя номены к категории *лексиса*, считает, что именно это ослабляет их связь с понятиями. Номены, полагает ученый, выполняют назывную функцию и не ото-

бражают сущности называемых предметов в отличие от терминов, которые максимально понятийны. Термины воспроизводят познавательный процесс, что позволяет причислять их к категории логоса [12. С. 40]. Это также совпадает с мнением А.А. Реформатского, согласно которому номенклатура – это совокупность специальных названий, связанных с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [9. С. 9]. Развивая эту идею, Г.А. Мельников пишет, что «отличие "номена" от "термина" заключается в том, что "лексис" "номена" непосредственно соотнесён с предметами и объектами реальности, с уровнем "онтоса", а не с теоретическими единицами – понятиями об этих предметах, то есть не с единицами уровня "логоса"» [9. С. 14]. Номенклатура в отличие от термина не раскрывает понятия, она только перечисляет онтологический инвентарь. Однако ученый считает, что «"номенклатура" оказывается не столько противопоставленной, сколько *включённой* в "терминологию" как содержательно наиболее конкретный её уровень» [7. С. 14–15]. Из этого следует, что номенклатура является составной частью терминологии.

О том, что проблема разграничения термина и номенклатуры до сих остаётся нерешенной, можно сделать вывод из полярных мнений, выдвигаемых учеными относительно означенных понятий. Для того чтобы прийти к какому-либо окончательному решению, им необходимо рассмотреть все возможные варианты соотношения данных понятий. В конце XIX в. в своей книге «История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени» В. Уэвелль подходил к номенклатуре как к «совокупности названий видов», как к онтологическому инвентарю конкретной науки, как к совокупности названий, употребляемых в определенной специальности, которые, попадая в понятийную систему, могут быть по-разному использованы при формировании сообщения [10]. П.А. Флоренский считал, что номенклатура – это «сжатая в одно слово, простое или сложное, ф о р м у л а изучаемой вещи действительно служит остановкой мысли на некоторой вершине» [11. С. 371]. Из сказанного следует, что номенклатура, в отличие от терминологии, более предметно направлена. Тесная связь номенклатуры с именуемым предметом выводит ее из специального поля науки и делает возможным ее включение в любой контекст. Это отличает номенклатуру от термина, для которого определяющим является «терминологическое поле» [9. С. 9]. А.А. Реформатский, подчеркивая автономность номенклатуры, писал, что даже вне системы своего обозначения она сохраняет свою предметность, и это позволяет ей легче употребляться вне контекста. Номенклатура – это совокупность специальных названий, связанных с называемой вещью не в акте мысли, а в акте восприятия и представления [9. С. 9]. Л.А. Капанадзе предлагала относить к номенклатуре только имена собственные в географии и картографии и технические этикетки [4. С. 75–85], поскольку даже вне системы своего обозначения эти наименования сохраняют свою предметность.

У терминологии и номенклатуры «разные судьбы». Они по-разному возникают, заимствуются, разным образом подвергаются изменениям, но между ними нет непроницаемой границы. Эти пласты лексики постоянно взаимодействуют. Номенклатура расширяет терминологию. В то же время она в меньшей степени, чем термин, определяет специфику данной науки, так как функционирует и за пределами терминологического поля конкретной области знания. Номенклатура более статична, чем термин, она не теряет своего качества, выходя за рамки специального контекста, поскольку номенклатура – совокупность имен, «слабо сопряжена с понятиями». Сфера употребления номенклатурных образований шире, чем терминов, что позволяет с функциональной точки зрения считать их более универсальными единицами. Номенклатура, выделенная К. Линнеем в XVIII в. для упорядочения наименований в ботанике, в настоящее

время рассматривается как инструмент, обеспечивающий устойчивость и универсальность наименований в разных науках и отраслях знания. Специфической чертой номенклатуры является ее автономность, способность сохранять индивидуальность и смысл за пределами конкретной терминологической системы. Считается, что количество номенклатурных образований зависит от степени абстрактности той или иной науки: чем наука более абстрактна, тем меньшее место в ней отводится номенклатурам. История отличается повышенной образностью, из чего следует, что количество номенклатурных образований в текстах данной области знания должно быть больше, чем в текстах, относящихся к точным наукам.

В результате исследования номенклатурных образований, функционирующих в научных исторических текстах, было установлено, что номенклатура представляет собой систему названий, обозначающих конкретные исторические события и явления. Исторический термин свидетельствует об уровне развития цивилизации. Каждое открытие фиксируется и закрепляется в терминах. Термины имеют концептуальный характер, номенклатура – уточняющий и конкретизирующий. Выходя за рамки науки, термины утрачивают свое значение, растворяются в общеупотребительном слое лексики. Номенклатура в отличие от терминов составляет особую группу названий и не теряет своих качеств в любом контексте.

Говоря о метаязыковой стороне проблемы, следует отметить, что если под историческими терминами понимаются слова и словосочетания, отражающие основные категории и понятия исторической науки, то номенклатуру исторической науки следует рассматривать как систему названий, маркирующей конкретные исторические события и явления. Разграничение исторической терминологии и номенклатуры не представляется сложным, поскольку основным графическим критерием их разграничения является языковая форма. Номенклатурные образования, как правило, выполняют назывную функцию в отличие от терминов, которые максимально понятийны. Номенклатурные образования исторической науки семантически значимы, вызывают определенные ассоциации у коммуникантов и, подобно термину, имеют достаточно ярко выраженные семасиологические связи. Номенклатурные образования занимают значимое место в исторической науке. Они являются инструментом познания исторической действительности, отражают специфику и колорит каждой конкретно взятой эпохи и страны, могут служить индикатором календарного времени. Следует отметить, что среди номенклатурных образований исторической науки выделяются как постфакторные, так и синхронные конкретному событию образования, которые по своей структуре бывают как лексическими, так и синтаксическими. Для каждого исторического периода характерны свои собственные номенклатурные образования, которые, несмотря на их разноплановость, можно классифицировать по тематическим группам. В результате исследования было выделено двенадцать тематических групп номенклатурных образований исторической науки. К ним относятся названия государственных органов, военных и гражданских союзов, названия государственных и межгосударственных документов и договоров, соглашений, названия войн, битв, названия политических заговоров, революций, восстаний, названия политических и межгосударственных встреч, названия манифестов и петиций, названия кризисов, вызвавших глубокие социальные и экономические изменения в конкретной стране, названия политических партий, движений масс и участников этих движений, названия знаменательных дат, названия парламентских законопроектов, законов, актов. В состав номенклатурных образований входят топонимы, антропонимы, этнонимы, этнотопонимы и прецизионные единицы.

Подводя итог, следует отметить, что номен, или номенклатурное образование – это лексическая единица, именующая предмет, но не раскрывающая его понятие. Номенклатура может существовать и вне системы классификации без соотношения с другими предметами. Номенклатурные образования свободно функционируют за пределами терминологического поля, поскольку свойства именованных вещей не меняются от употребления их названий в научной или бытовой сфере общения. Для термина важно терминологическое поле. Проблема взаимосвязи термина и номена еще не решена окончательно и требует дальнейшего рассмотрения с учетом подходов, разработанных в XXI в.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005. 576 с.
2. Белый А. Магия слов // Критика. Эстетика. Теория символизма: в 2 т. М.: Искусство, 1994. Т. 1. С. 226–244.
3. Винокур Т.Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М.: Наука, 1968. С. 3–11.
4. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики современного русского языка. М.: Наука, 1965. С. 75–85.
5. Кудрявский Д.Н. Введение в языкознание. Юрьев: (Дерпт) [скл. изд. у авт.], 1913. 130 с.
6. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.
7. Мельников Г.П. Основы терминоведения. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. 116 с.
8. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988. 608 с.
9. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 14 с.
10. Уэвелль В. История индуктивных наук от древнейшего и до настоящего времени: в 3 т. / пер. с 3-го англ. изд. М.А. Антоновича. СПб.: Русская книжная торговля, 1869. Т. 1. 605 с.
11. Флоренский П.А. Имена: сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 912 с.
12. Шпет Г.Г. Эстетические фрагменты: в 3 т. СПб.: Колос, 1922–1923. Т. 2. 370 с.

References

1. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, KomKniga Publ., 2005. 576 p.
2. Belyj A. *Magija slov* [Magic of words]. *Kritika. Jestetika. Teorija simvolizma: v 2 tomakh* [Criticism. Aesthetics. The theory of symbolism. 2 vols]. Moscow, Iskustvo Publ., 1994, vol. 1, pp. 226–244.
3. Vinokur T.G. *Ob izuchenii funkcional'nyh stilej russkogo jazyka sovetskoj jepohi* [On the study of functional styles of the Russian language of the Soviet era]. *Razvitie funkcional'nyh stilej sovremen-nogo russkogo jazyka* [Development of functional styles of the Modern Russian language]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 3–11.
4. Kapanadze L.A. *O ponjatijah "termin" i "terminologija"* [On the concepts of "term" and "terminology"]. *Razvitie leksiki sovremen-nogo russkogo jazyka* [The development of the Modern Russian language vocabulary]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 75–85.
5. Kudrjavskij D.N. *Vvedenie v jazykoznanie* [Introduction to Linguistics]. Jur'ev, 1913. 130 p.
6. Lotte D.S. *Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskoy terminologii v SSSR* [Fundamentals of the formation of scientific and technical terminology in the USSR]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 158 p.
7. Mel'nikov G.P. *Osnovy terminovedenija* [Fundamentals of terminology]. Moscow, Peoples' Friendship University Publ., 1991. 116 p.
8. *Slovar' inostrannyh slov* [Dictionary of Foreign Words]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1988. 608 p.
9. Reformatskij A.A. *Chto takoe termin i terminologija* [What is the term and terminology]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1959. 14 p.
10. Wavell W. History of the Inductive Sciences, from the Earliest to the Present Times. 3rd ed. 3 vols. Vol. 1 (Russ. ed.: Antonovich M.A. *Istorija induktivnyh nauk ot drevnejshago i do nastojashhego vremeni: v 3 tomakh*. St. Petersburg, 1869, vol. 1, 605 p.).
11. Florenskij P.A. *Imena: sochinenija* [Names: essays]. Moscow, JEKSMO-Press; Kharkiv, Folio, 1998. 912 p.
12. Shpet G.G. *Jesteticheskie fragmenty: v 3 tomakh* [Aesthetic fragments. 3 vols]. St. Petersburg, Kolos, 1922–1923, vol. 2. 370 p.

МИНЬЯР-БЕЛОРУЧЕВА АЛЛА ПЕТРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва (ostvera@mail.ru).

MINIAR-BELOROUTCHEVA ALLA – doctor of philological sciences, professor of Foreign Languages Chair, Lomonosow Moscow State University, Russia, Moscow.

УДК Ш12-411.2*315.3
ББК 811.161.1'373.421

Т.Н. ПАВЛОВА

**СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
ВНУТРИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ
«ГЛАГОЛЫ ПОМЕЩЕНИЯ ОБЪЕКТА ГДЕ-ЛИБО
В РЕЗУЛЬТАТЕ ОПРЕДЕЛЕННОГО ДЕЙСТВИЯ»**

Ключевые слова: синоним, лексическая синонимия, словообразовательная синонимия, лексико-семантическая группа, взаимозаменяемость.

Рассмотрены причины возникновения и распада синонимических отношений одноосновных разноаффиксных глагольных лексем внутри лексико-семантической группы «Глаголы помещения объекта где-либо в результате определенного действия», а также обосновано применение принципа взаимозаменяемости при квалификации подобных лексических единиц как синонимичных в современном русском языке.

T. PAVLOVA

**SYNONYMS RELATIONS WITHIN LEXICAL-SEMANTIC GROUP
«VERBS SPACE AN OBJECT ELSEWHERE AS A RESULT OF CERTAIN ACTIONS»**

Key words: synonym, lexical synonymy, derivational synonymy, lexical and semantic groups, interchangeability words.

The causes and decay of synonymous relations monobasic and different affixes verbal lexems within the lexical-semantic group «Verbs space an object elsewhere as a result of certain actions» and justified the application of the principle of interchangeability in the classification of such lexical items as synonymous in the modern Russian language.

Современное состояние всех систем языка – это результат долгого и плодотворного развития его отдельных элементов на протяжении определенного отрезка времени. Наиболее ярко изменения, произошедшие в языке, отражает, несомненно, его лексическая система, которая, в свою очередь, очень чутко реагирует на изменения в жизни общества и страны в целом. Развитие лексики в то же время сопряжено с развитием словообразовательной системы языка и протекает при его непосредственном участии. Можно сказать, что словообразование – это двигатель большинства лексических процессов, так как оно является основным средством образования новых слов в русском языке и, таким образом, служит обогащению лексикона. Но, говоря о влиянии словообразования на лексику, нельзя не отметить и влияния лексики на словообразовательную систему языка. Под влиянием лексического значения слова возможно изменение словообразовательного значения образующего его аффикса – от узкого к более широкому и наоборот. Подобные взаимоотношения двух систем приводят в результате к развитию синонимических отношений между одноосновными разноаффиксными лексемами и к такому явлению, как словообразовательная синонимия.

В лингвистике существуют разные подходы к определению синонимии в целом и словообразовательной синонимии в частности. На наш взгляд, при определении понятия «словообразовательный синоним» следует учитывать общее типовое значение и общую словообразовательную соотнесенность слов, а также их способность взаимозаменяться, т.е. под словообразовательными синонимами следует понимать разноаффиксные образования, характеризующиеся общим типовым значением и общей словообразовательной соотнесенностью, близкие по смыслу и взаимозаменяемые в одинаковых или близких по характеру лексической сочетаемости контекстах [2. С. 41]. Принцип взаимозаменяемости в данном случае очень важен, так как в определенных контекстах возможна именно контекстуальная, или речевая, синонимия лексем, не являющихся синонимами в системе языка [7. С. 47].

Однако в ходе развития языка широкие синонимические связи, существующие между одноосновными разноаффиксными лексемами и поддерживающиеся на определенном этапе контекстом употребления, разрушаются, так как язык в итоге стремится к конкретизации значений и разрушению полисемии. Это приводит к тому, что словообразовательные синонимы часто расходятся в значениях до пределов, когда квалифицировать их как синонимы становится затруднительно, так как они перестают удовлетворять одному из основных условий – взаимозаменяемости в однотипных контекстах.

Иллюстрацией этого процесса является судьба глаголов лексико-семантической группы «Глаголы помещения объекта где-либо в результате определенного действия»

В составе этой группы рассмотрим историю развития синонимических отношений и их распада у глаголов *обертеть (обернуть) – увертеть – ввертеть*. За точку отсчета в данном случае примем состояние названных глаголов в древнерусский период и далее рассмотрим изменения, происшедшие с ними в последующие периоды развития языка вплоть до нашего времени. Так как выше было заявлено, что основополагающим принципом выделения словообразовательных синонимов является принцип взаимозаменяемости лексем, следует обратить особое внимание на контекст употребления указанных лексем, так как именно в нем актуализируется лексическое значение, на основе которого глаголы сближаются как синонимы. Кроме этого, сравнительный анализ контекстуального и словарного значений слов позволяет выявить особенности функционирования одноосновных разноаффиксных лексических единиц в языке на определенном временном промежутке и причины разрушения синонимии внутри данной группы лексем.

Так, в разных списках жития Бориса и Глеба глаголы *обертеть (обернуть) – увертеть – ввертеть* встречаются в следующих однотипных контекстах: Въ коврьъ обертевше, съвесиша ужи на землю (Сильвестров сборник, Сказание о Борисе и Глебе); Обертевше в коверъ и ужи съвесиша на землю (Лаврентьевская летопись); Бориса же убивше оканнии увертевше и в шатерьъ (Ипатьевская летопись); Бориса убившее оканнии, ввертеша в шатерьъ (Радзивилловская летопись); Блаженаго же Бориса обертевше в шатерьъ (Сильвестров сб., Сказание о Борисе и Глебе); Бориса же убивше оканнии увертевше в шатерьъ (Новгородская 4-я летопись).

В СДРЯ Срезневского [6] глаголы *увертети* и *ввертети* не представлены, зафиксирован только глагол *обертети*, значение которого выражается посредством синонимов *обвернуть, завернуть*, что не дает адекватного представления о значении данного глагола. Более подробное его описание приводится в СРЯ XI–XVII вв. [4]:

Обертети: 1. Завернуть, обмотать во что-либо или чем-либо; 2. Обмотать, намотать вокруг чего-либо; 3. Повернуть, заставить повернуться.

Из всех перечисленных значений первое значение «завернуть, обмотать во что-либо или чем-либо» является точным и конкретным по отношению к рассматриваемым контекстам.

Обращает на себя внимание и тот факт, что значение глагола подчеркивается наличием предлога и указанием на предмет, посредством которого совершается действие: *обертети во что – обертети в коверъ/ в шатерьъ*. Этот глагол самый употребляемый. Он встречается в пяти из восьми приведенных примеров. На втором месте по употребительности глагол *увертети* (два употребления) и на последнем месте глагол *ввертети* – употреблен всего один раз.

Глагол *обертети* встречается в двух однотипных контекстах в Сильвестровом сборнике и Сказании о Борисе и Глебе. Данные произведения являются художественными и в большей степени, чем летописные списки, назидательны и соответствуют канону жития. Летописные списки, как правило, имеют цель констатировать факт действия как такового. Художественное житие ставит цель рассказать о жизни святого в подробностях, а значит, и слова должны иметь конкретное значение, что мы и наблюдаем на примере лексемы *обертети*. Сама словообразовательная структура данного глагола подчеркивает значение «обмотать, завернуть во что-либо или чем-либо». Присутствие префикса *о-* сужает его значение, делает восприятие действия более ощутимым, конкретным. Другие однокоренные глаголы *увертети* и *ввертети* менее употребительны в силу того, что их словарные значения несколько не соответствуют контексту употребления.

Например, глагол *ввертети* в СРЯ XI–XIV вв. имеет значение «воткнуть, всадить», а в СДРЯ XI–XVII вв. [5] – значение «завернуть, поместить внутрь чего-либо свернутого». Если судить по данным СДРЯ XI–XIV вв., глаголы *обертети* и *ввертети* не могут быть синонимами вообще, так как нельзя «всадить» объект действия (в данном случае тело князя) в свернутый ковер (или шатер). В данном случае мы имеем дело с ситуацией, когда контекст влияет на значение языковой единицы, а ее словарное значение как таковое «затирается», нивелируется на фоне контекста. Но данные СРЯ XI–XVII вв. оправдывают использование глагола *ввертети* в рассматриваемом примере. Обе лексемы – и *ввертети*, и *обертети* – сближаются в значении «завернуть предмет во что-либо» (данный глагол – завернуть – присутствует и в «Словаре...» Срезневского как синоним *обертети*) и имеют общую сему «поместить объект внутрь чего-либо». Приведенное значение глагола *ввертети* подкрепляется также наличием предлога *в* и указанием на место, куда помещают объект. Таким образом, мы наблюдаем процесс распределения значений лексем и словообразовательных формантов по контекстам их употребления. В ходе данного процесса за лексемами закрепляются определенные значения (первичные и вторичные), которые и реализуются при употреблении слов в тех или иных контекстах. Слово, должным образом выполняющее свою функцию в определенном контексте, становится как бы контекстно закрепленным, в этом проявляется его прямое значение. При употреблении слова в несвойственном ему контексте оно приобретает переносное или контекстно обусловленное значение. В нашем случае это явление может быть рассмотрено на примере глаголов *обертети* (1) и *ввертети* (2). Первый использован в рассмотренном контексте в прямом значении, о чем говорит словообразовательная структура слова: префикс *о-* имеет значение в данном случае «охват действием всего предмета полностью». Второй глагол имеет значение контекстуально обусловленное. Если сравнить с данными других временных периодов, то станет вполне очевидно, что употребление глагола *обертети* (в современном русском языке глагол приобрел форму *обернуть*) в подобных контекстах закономерно, так как еще в XVIII в. этот глагол имел значение «обвивать чем-либо какую-либо вещь», а в современном русском языке лексема *обертети* трансформировалась в словоформу *обернуть* в значении «завернуть во что-либо, покрыть со всех сторон, обмотать чем-либо» и «обвить, расположить вокруг чего-либо»: обернуть шарф вокруг шеи; обернуть книгу в газету; обернуть ребенка в одеяло. Но недопустимо, например, сказать «вверни ребенка в одеяло», хотя всегда можно «ввернуть шуруп в стену». Здесь мы можем наблюдать развитие глагольных значений при

смене позиций, в данном случае меняется объект действия: с одушевленного на неодушевленный. Оба глагола начали расходиться в своих значениях еще в XIII–XIV вв. В ходе творческого отбора и при учете наибольшей способности выражать необходимое значение для каждого из них было определено свое место в лексической системе русского языка. Например, в XVIII в. у глагола *ввертеть* (и его форм *ввернуть*, *ввертывать*) зафиксировано значение «вертя что, вонзая, ввинчивать, вертением водружать во что» [3], уже не связанное с одушевленными объектами. И, как следствие такого развития, в современном русском языке глагол *ввертеть* распространяет свое действие только на неодушевленные предметы и имеет конкретное значение «вращая ввести, заставить войти внутрь чего-либо; ввинтить» – *ввернуть* лампочку – и переносное значение «ловко, к месту вставить в чью-либо речь слово (замечание, шутку и т.п.)». Глагол *обернуть* сохранил три прежних значения: 1) завернуть, обмотать во что-либо или чем-либо; 2) обмотать, намотать вокруг чего-либо; 3) повернуть, заставить повернуться; и приобрел новые: «повернуть другой, противоположной стороной; перевернуть; в сказках и поверьях: заставить принять какой-либо вид, облик, превратить в кого-либо, что-либо с помощью колдовства»; *разг., устар.* «пустив в оборот, вернуть, получить обратно; то же, что обернуться во втором значении – быстро вернуться» [1]. Глагол *увертеть*, употреблявшийся в XVIII в. в значении «увивать вокруг: увертеть младенца пеленками» (САР – Словарь Академии Российской) и представлявший собой в этом плане смысловый эквивалент глагола *обертеть*, в современном русском языке вышел из употребления, так как оказался лишним, избыточным: глаголы *обернуть* и *ввертеть* распределили между собой сферы употребления.

Таким образом, в современном русском языке мы можем видеть результат длительного процесса развития отношений между одноосновными разноаффиксными глаголами *обертеть* (*обернуть*) – *ввертеть* – *увертеть*, входящими в лексико-семантическую группу «Глаголы помещения объекта где-либо в результате определенного действия»: синонимические связи между ними распались в связи с тем, что носили в большей степени контекстно обусловленный характер, со временем разошлись их словарные значения и изменились объекты действия.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. М.: АСТ; Астрель. 2006.
2. Павлова Т.Н. Разновременная словообразовательная синонимия в тексте как источник лексической синонимии в языке // Новое в славянской филологии: сб. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. Севастополь: Рибэст, 2009. Вып. 4. 613 с.
3. Словарь Академии Российской. 1789–1794. М.: МГИ им. Е.П. Дашковой, 2001. Т. 1–6.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975–1997. Вып. 1–22.
5. Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.: в 10 т. М.: Наука, 1988–2002.
6. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. М.: Книга, 1989.
7. Стернин И.А. Речевая синонимия лексем по периферийным компонентам значения // Материалы по проблемам синонимии / отв. ред. В.М. Марков. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1982. Ч. 3. 84 с.

References

1. Efremova T.F. *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern Dictionary of Russian language]. Moscow, AST and Astrel Publ., 2006.
2. Pavlova T.N. *Raznovremennaya slovoobrazovatel'naya sinonimiya v tekste kak is-tochnik leksicheskoy sinonimii v yazyke* [Nonequal derivational synonyms in the text as a source of lexical synonymy language]. *Novoe v slavyanskoy filologii: sbornik statey* [Pimenova M.V., ed. New in Slavic philology: a collection of articles]. Sevastopol, Ribest Publ., 2009, vol. 4, 613 p.

3. *Slovar' Akademii Rossiyskoy. 1789–1794* [Dictionary of the Russian Academy. 1789–1794]. Moscow, 2001, vol. 1–6.
4. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian language XI–XVII centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1975–1997, vol. 1–22.
5. *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XIV vv.: v 10 tomakh* [Dictionary of Old Russian language XI–XIV centuries. 10 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1988–2002.
6. Sreznevskiy I.I. *Slovar' drevnerusskogo yazyka: v 3 tomakh* [Dictionary of Old Russian language. 3 vols]. Moscow, Kniga Publ., 1989.
7. Sternin I.A. *Rechevaya sinonimiya leksem po pereferiynym komponentam znacheniya* [Verbal synonymy of lexemes for peripheral component the meaning]. *Materialy po problemam sinonimii* [Markov V.M., ed. Materials on the problems of synonymy]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 1982, vol. 3, 84 p.

ПАВЛОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (antat12@mail.ru).

PAVLOVA TATIANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian as a Foreign Language Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.111'367/37
ББК 123.34

Т.Н. РОМАНОВА, Н.Г. МОРДВИНОВА

СПЕЦИФИКА КОММЕРЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ ИЗДЕЛИЙ НАРОДНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Ключевые слова: прагматонимы, рекламный дискурс, коннотация, цветообозначение, семантическая онимизация, антропонимные и оттопонимные имена.

Изучены лингвистический статус, структурно-семантические и функциональные особенности коммерческих названий. Рассмотрены основные мотивирующие признаки номинации рекламного имени: семантическая, в частности метонимическая, онимизация, знаковость и символичность коммерческого названия, не отражающая объект номинации, а приписывающаяся ему как условный знак, коннотация, экспрессивность, цветообозначение, обращение к прецедентным и экзотическим именам. В связи с представленными признаками выделяются следующие лексико-семантические группы: апеллятивные и отонимические (антропонимные и оттопонимные), анализ которых осуществляется с учетом структурных элементов.

T. ROMANOVA, N. MORDVINOVA

THE COMMERCIAL NAME'S SPECIFICITY OF THE FOLK CRAFTS'S PRODUCTS

Key words: the pragmatonims, the promotional discourse, the connotation, the colour's nomination, the semantical onimizatsion, the names are formed from the anthroponyms and the toponyms.

The linguistic condition, the semantic-structural and functional specialty of the commercial names are explored. The main motivating attributes of the promotional names's nomination are considered: the semantical, in particular, metonymic onimizatsion; the signedness and the symbolism of the commercial names aren't represented the nomination's object, but are assigned it as the nominal symbol, the connotation, the colour's nomination, treatment to the precedential and exotic names; that's why the next lexico-semantical groups are divided: the names are formed from the apellyatives and the onymes (from the anthroponyms and the toponyms), the analysis which is realized also the structure elements.

Коммерческие названия (далее – КН), выступая разновидностью рекламного имени, выполняют не только рекламную функцию, привлекая внимание потенциального потребителя и формируя положительный образ товара, но и прагматическую, побуждая к совершению покупки. Называя единственный в своем виде предмет торговли, поступающий к потребителю, и тем самым индивидуализируя его, коммерческие номены отличаются от словесных товарных знаков, выступающих «словесным (или иным) обозначением марки товара или вида бытовых услуг данного мастера или предприятия, охраняемым законом» [7. С. 134], так как в большей степени зависят от экстралингвистических факторов и подвержены изменениям.

В современной ономастике отмечается возросший интерес к вопросам установления лингвистического статуса, структурно-семантических и функциональных особенностей прагматонимов различных типов [5]. Вне поля зрения исследователей оказалась коммерческая номинация изделий народных промыслов, в частности наименований платков, шалей, шарфов и т.п. Между тем образные наименования данной группы занимают особое место в ряду рекламных имен и имеют свои специфические особенности.

Отличительные черты коммерческих названий изделий народных промыслов обусловлены прежде всего тем, что рекламные имена формируются в условиях существующей огромной конкуренции и являются результатом творчества самого мастера, а значит, в их образовании важную роль играют экстралингвистические факторы, к которым относятся не только качественные характеристики товара, его назначение, но и настроение самого автора изделия, степень его образованности, возможно, пожелания заказчика и т.п.

Как и большинство прагматонимов, коммерческие названия образуются путем семантической онимизации за счет перехода нарицательного имени в разряд собственных имен «без формальных изменений структуры апеллятива» [7. С. 92]. Характерно, что среди названий данного типа простая разновидность семантической онимизации, свойственная другим рекламным именам (ср.: магазин «*Цветы*»), встречается, в основном в названиях платков и шалей, где определяющим фактором является рисунок. Прозрачность мотивировки достигается за счет использования таких тематических групп слов, как названия растений и животных (*Апельсиновое дерево, Маки, Орхидеи, Хризантема; Водяная змея, Стрекозы, Черепаха*), объекты и явления природы (*Горы, Гроза, Песок и море, Солнечное затмение*), предметы материальной культуры (*Веера, Кимоно*). Однако так необходимые для КН картинность и красочность реализуются прежде всего в составных образованиях, где зависимый компонент усиливает наглядность изображения (*Вальс тюльпанов в зеленом янтаре; Вишня, цветущая у подножия горы; Волшебный запах ирисов; Прошлогодние листья; Сумеречные маки*).

В отдельную группу выделяются символические рекламные имена, которые «не отражают объект номинации, а приписываются ему как условные знаки» [8. С. 206]. В качестве образующих основ КН данного типа выступают слова с отвлеченным значением (*Роскошь, Фантазия*), со значением психофизиологического состояния (*Блаженство, Вдохновение, Восторг, Искушение*) или характеристики лица (*Кокетка, Мечтательница*), термины искусства (*Акварель, Аккорд, Балетные мотивы, Вечерняя сюита, Вернисаж, Элегия*), а также космические (*Звезды, Луна и звезды, Космос*) и морские (*Атолл, Лагуна*) термины.

Для рекламных имен ведущим компонентом значения является коннотативный: эмоциональное созначение должно побудить к приобретению товара. Ориентированность на женскую аудиторию обусловила использование компонентов КН – существительных с суффиксами субъективной оценки (*Бирюсинка, Брусличка, Жемчужинка, Кошечка на черном, Лебедушка, Мамино сердечко, Пушистый снежок*), лексем с отвлеченным значением, называющих чувства (*Безмятежность, Восторг, Нежность, Ностальгия, Радость*) и, как правило, передающих положительные эмоции (*Для любимой, Мои воспоминания, Первое свидание, Романтическое путешествие*). Экспрессивность товарных знаков – способность производить эффект – усиливается за счет употребления эпитетов (*Волшебная жемчужинка, Дивный сад, Ласковый вечер, Очаровательные ромашки*) или использования в качестве КН качественных и относительных прилагательных со значением оценки (*Восхитительный, Нежнейшая, Ненаглядная, Чарующая, Элегантная*), а также экспрессивно-оценочных слов разговорного стиля (*Деревенька, Зимушка, Лисичка, Чудики*).

Отличительной особенностью коммерческих названий, восходящих к апеллятивной лексике, является их мотивированность. Основными мотивирующими признаками номинации КН изделий народных промыслов выступают качественные характеристики товара, что весьма характерно для рекламного дискурса. Востребованным способом номинации является метонимическая онимизация, которая позволяет передать информацию о составе (*Кашемир, Лен*), функциях (*Теплота, Уют*), назначении (*Вояж, Подарок, Променад, Успех*), месте (*Деревенька, Провинция, Прогулка в провинции*) и времени (*Встречая лето, Оттепель*) использования изделия. Продуктивными являются образования, в названиях которых содержится прямое указание на узор (*Кружева, Листопад, Мозаика, Паутина, Ромб, Спираль*) или рисунок (*Геометрия, Славянские мотивы, Этника*), блеск (*Перламутр, Серебро*), другие характеристики (*Бузина: в кайму вязаны ярко-красные стеклянные бусинки*) и т.п.

Гораздо более важной качественной характеристикой, которая находит отражение в анализируемых КН, является цвет, что неудивительно: цветообозначения в рекламе выполняют не только информативную, но и экспрессивную и импрессионную функции, вызывая различные эмоции у потребителей и передавая то или иное состояние автора названия («*Солнечный ветер*»: «*На крупные церковные праздники солнышко «играет», какое-то особенное сияние исходит от него... сияющий... яркий, позитивный... как солнечный ветер...*»; «*Золотой Петербург*»: «*Сейчас в Питере жаркая солнечная пора, сияют золотом купола, а в хмурую ненастную погоду этот палантин будет напоминать о теплом солнечном лете...*»).

Указание на цвет содержат КН, восходящие к колоративам – прилагательным с прямым (палантин *Красный*, шаль *Алая, Синяя*) или переносным значением цвета (*Васильковый, Вишневая, Малиновый, Терракотовый*), а также существительным, образованным от прилагательных со значением цвета (*Весенняя зелень, Легкая синева*).

Исследователи отмечают, что «семантические значения цветов являются многоуровневыми, включают предметные, эмоционально-оценочные, метафорические и другие ассоциации» [1. С. 29]. Не случайно среди КН широко представлены именованья, образованные путем метафорической онимизации и передающие огромную палитру красок с помощью слов, которые в сознании человека ассоциируются с определенным цветом: белым (*Лебедь, Молоко, Облака, Снежинка*), голубым (*Лазурь, Небо*), желтым (*Дыня, Одуванчики, Подсолнухи*), оранжевым (*Лисичка, Морковка*), зеленым (*Изумруд, Травы*), коричневым (*Кофе, Шоколад*), красным (*Гранат, Огонь, Пламя*), розовым (*Закат, Фламинго*), синим (*Океан*) и др. В качестве мотивирующих слов часто выступают названия растений (*Березка, Брусника, Василек, Вереск, Настурция, Незабудка, Травы, Фиалки*), драгоценных и полудрагоценных камней (*Аметист, Бирюза, Малахит, Самоцветы, Сапфир*), ягод и фруктов (*Вишня, Киви, Лайм, Манго, Слива*), пряностей и сладостей (*Корица, Крем-брюле, Пастила, Тирамису, Щербет*), напитков (*Капучино, Кофе, Молоко, Мохито*), природных явлений (*Вьюга, Иней, Дождик, Метелица, Радуга*), времен года (*Весна, Зима, Осень, Лето*), названия месяцев (*Август, Июнь, Март, Сентябрь*) и др.

Еще более продуктивными являются КН, в которых метафоризация осуществляется на уровне не отдельного слова, а всего словосочетания и которые связаны с цветом ассоциативно: *Душа загадочного леса, Клюквенный морс, Кровавая Мэри, Мятная роскошь, Ямайский ром*. За всеми этими наименованиями скрывается в завуалированной форме обозначение цвета или конкретизация какого-нибудь оттенка: *Апельсиновый рай* – ярко-оранжевый; *Лесные подарки, Лесное чудо* – сочный зеленый; *Малахитовая сказка* – темно-зеленый; *Перо фламинго, Танцующие орхидеи* – нежно-розовый; *Пламенная осень* – ярко-

красный; *Маков день, Рубиновый дождь* – темно-красный; *Воздушный поцелуй, Воздушные мечты* – прозрачный; *Сандаловые острова, Край сандала* – коричневый; *Бархатная ночь, Южная ночь* – глубокий черный; *Светлые сумерки* – жемчужно-серый цвет; *Ночное небо* – насыщенный фиолетовый и др. Исследователи объясняют это «потребностью не столько назвать точный цветовой оттенок данного предмета, сколько привлечь к нему внимание» [2. С. 10]. Указание на цвет в КН данного типа осуществляется с помощью относительных прилагательных, образованных от соответствующих существительных, ассоциирующихся с присущим какому-либо предмету оттенком (*Вишневая мечта, Зеленое яблочко, Оливковая роцца, Коралловое настроение, Рубиновый дождь, Сиреневая фантазия, Таежный мох, Ягодный восторг*), или путем установления ассоциативных связей с существительными, использованными в качестве названий цвета (*Золото осени, Кусочек неба, Улыбка весны, Энергия воды*).

Обращает на себя внимание устойчивость ассоциаций цветоименований, положительная оценочная семантика которых достигается за счет не только цветового, но и образного компонентов. Так, ассоциации с красным цветом вызывают такие компоненты двусоставных КН, как *осень (Аромат осени, Краски осени, Осени круженье, Пламенная осень), огонь или пламя (Пламя любви, Огненный цветок)*; компоненты *весна (Дыханье весны, Шёпот весны), небо (Весеннее небо, Кусочек неба), вода (Прозрачная вода, Энергия воды), море или океан (Брызги океана, Дыхание моря, Морской прибой, Свежий бриз)* используются для указания на голубой или синий цвет изделия; *золото (Золото Востока, Золото осени), солнце (Обжигающее солнце, Солнечные блики), осень (Ранняя осень, Теплая осень)* – для обозначения желтого цвета; *весна (Начало весны, Улыбка весны), лес (Запах леса, Тайны леса, Эльфийский лес), трава или листва (Молодая листва, Степные травы), луг (Заливные луга, Летний луг)* – зеленого.

Весьма эффективными в коммерческой номинации являются двусоставные именованья, в которых учитывается сразу несколько признаков: чаще всего цвет и рисунок или узор (*Бирюзовые бабочки, Золотистые розы, Голубые ирисы, Коралловая геометрия, Серая паутинка, Хвойный ананас, Цветные ленточки*), реже – другие характеристики (*Прохладный лен, Уютный ажур*). Красота изделия передается с помощью компонентов – оценочных слов с положительной семантикой, оказывающих благоприятное воздействие и ассоциирующихся с положительным эмоциональным настроением, а определения указывают на цвет или оттенок (*Апельсиновый позитив, Бежевое чудо, Вишневая мечта, Изумрудное волшебство, Лавандовая сказка, Рыжее счастье, Сиреневая фантазия, Шоколадная любовь*). Эти же функции выполняют названия, включающие в свой состав относительные прилагательные, образованные от географических названий, и существительные *закат, небо, ночь, туман* и др., ассоциирующиеся с тем или иными цветом (*Петербургские сумерки, Пражский туман, Украинская ночь*).

Названия, непосредственно связанные с эмоциями, часто содержат в своем составе компонент *настроение*, а характеризующее определение не только называет цвет изделия (*Коралловое настроение, Лавандовое настроение, Пурпурное настроение* и т.п.), но и формирует позитивный эмоциональный настрой (*Цветочно-бабочковое настроение*).

Незначительным количеством единиц представлены КН, восходящие к антропонимам, входящим в состав российского национального антропонимикона и представленным в основном полными и деминутивными формами женских личных имен, что обусловлено, на наш взгляд, ориентацией на женскую аудиторию. Характерно, что среди КН изделий народных промыслов преобладают полные формы женских личных имен (*Анастасия, Анна, Ирина, Ксения, Маргарита,*

Софья), которые звучат намного представительнее, чем краткие, и больше вызывают доверия, тем самым привлекая внимание покупательниц, а народные (*Арина, Катерина*) и уменьшительно-ласкательные (*Анютка, Иришка*) формы имен, несмотря на их близость к бытовой, народной среде, в анализируемом нами материале представлены единичными примерами.

Имена иноязычного происхождения (*Анетта, Иоланта, Майя, Моника, Эвита, Франческа*), как правило, являются данью «моде» на западные имена. Обращает на себя внимание тот факт, что среди КН народных промыслов, рассчитанных на мужскую аудиторию, преобладают заимствованные личные имена (*Генри, Данко, Шерлок*), которые соотносятся со смелыми, резкими линиями и сдержанной расцветкой и связаны в нашем сознании с мужественными, храбрыми людьми. Даже название мужского шарфа *Митрич*, восходящее к народной форме отчества и выбивающееся из общего ряда в силу своей явной фамильярности, ассоциируется с одним из героев телешоу «Comedy Club».

Как известно, «мотивировка любого имени исторична и социальна» [11. С. 244], поэтому особое место среди КН занимают культурно обусловленные именованья, восходящие к так называемым прецедентным именам и выражениям, которые, будучи использованными в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [6], ассоциируются с известными, положительно оцениваемыми понятиями, формирующими определенный образ. Так, например, КН, образованные путем трансоиминизации от прецедентных имен (*Аврора, Ассоль, Афродита, Белоснежка, Дон-Кихот, Кармен, Клеопатра, Мечты Жозефины, Морозко, Офелия, Русалочка, Щелкунчик*), за счет сопоставления с антропонимами, известными широкому кругу людей (мифонимами, теонимами, именами литературных героев и реальных лиц), вызывают соответствующий образ, тем самым приобретают дополнительные коннотации и выполняют, помимо основных, дополнительные функции, «как бы повышая гарантию качества» [4. С. 162].

Тематику этнических и народных мотивов продолжают КН, восходящие к геортонимам (*Красная горка, Масленичные гуляния, Праздник Покрова, Радоница*), которые делают более близкими, понятными и доступными сами изделия, рисунок и цвет для ментального и чувственного начала простого человека. Эта тенденция прослеживается в названиях, связанных с прецедентными именами и выражениями (*Аленький цветочек; Вечера на хуторе...; Ловись, рыбка; Милая моя, солнышко лесное и др.*).

Использование в КН компонентов – национальных географических объектов (Весеннее небо Питера, Лето в Павлове, Московский Кремль, Русь, Санкт-Петербург, Ярославль) – обусловлено необходимостью не только отразить в названии ту или иную характеристику изделия (в данном случае – рисунок), но и обратиться к символам русской национальной культуры, в которой платок традиционно является женским головным убором.

Соглашаясь с тем, что топонимы в качестве первоосновы товарных знаков информируют о происхождении товара и его географических особенностях, отметим, что для КН изделий народных промыслов в большей степени характерен ассоциативный перенос характеризующих признаков местности на представление о товаре и/или его свойствах [9]. Семантика образующих основ в КН данного типа является прозрачной, так как топоним вызывает в сознании потребителя определенные ассоциации с рисунком (*Шотландия* – клетка, *Африка* – тигровый или леопардовый принт), цветом (*Кения, Эфиопия* – кофе), настроением (*Ах...Прованс; Париж, лето; Римские каникулы*).

Если мотивированность названий платков, палантинов и шарфов, где определяющим фактором является рисунок, является прозрачной (*Домский Собор в Риге, Мосты Санкт-Петербурга, Старый город, Таллин*), то КН,

восходящие к названиям иностранных географических объектов, чаще сообщают товару определенную символику. Так, оттопонимические названия *Версаль в сумерках, Греция, Закаты Аризоны, Ночь в Париже, Ночь в Севилье, Ночь на Антилльских островах, Прага золотистая, Сицилия, Старинные улочки Европы, Туманная Венеция* только частично указывают на такие характеристики, как цвет или рисунок, и в большей степени создают настроение, вызывая следующий ассоциативный ряд: столицы мира, карнавалы, праздники, с одной стороны, и романтика, свобода – с другой. Эти же функции выполняют КН с компонентами – относительными прилагательными, образованными от географических названий (*Африканские загадки, Греческие мотивы, Египетские фрески, Пражский туман*).

Не менее привлекательными для женской аудитории являются «экзотические» оттопонимические наименования (*Индия, Моя Камбоджа, Фиджи, Цветущая Япония*) и названия, восходящие к гидронимам (*Средиземное море, Черное море*). Оттопонимические КН изделий народных промыслов, рассчитанных на мужскую аудиторию, отличаются строгостью и сдержанностью (*Аризона, Бомбей, Барселона, Ирландия, Кордильеры*) и содержат указание на цвет (*Цвета Ирландии*) или рисунок (*Шотландия*).

Как известно, в рекламном дискурсе широко используются слова иноязычного происхождения, объясняя этот факт долгое время существовавшей «модой» на иностранное у российского потребителя, для которого западное ассоциировалось с высоким качеством, а также стремлением к «высокому», книжному. КН изделий народных промыслов, восходящие к иноязычным лексемам, в том числе и передающиеся средствами языка-оригинала, выполняют своиственные всем прагматонимам функции и, как правило, указывают на цвет прямо (*Ультрамарин; Black – черный; Green Tea – цвет зеленого чая; Mint – мятный*) или метафорически (*Blossom «цвет», «расцвет» – теплые, ягодно-цветочные тона; Cowberry «брусника»; Coaly «уголь» – черный; Fresh Apple «свежее яблоко»*), рисунок (*Батерфляй; Rainbow «радуга»*), состав (*Натюрель – из хлопка и льна*) или назначение изделия (*Променад*). Столь же продуктивными являются названия, создающие определенное настроение за счет апелляции к чувствам потребителя (ностальгия, радость, счастье и т.п.): *Дежавю, Dolce Vita «Сладкая жизнь»* и др.

Отличительная особенность КН, являющихся результатом творчества самих мастеров и в большей степени обусловленных вкусами и пристрастиями самого автора изделия, – влияние экстралингвистических факторов, что в значительной степени обусловило их «ориентированность на употребление без апробации», зависимость от эстетических и социальных оценок, а также «необычность, изменчивость наименований, открытость системы для пополнения новыми единицами» [12. С. 4].

Выбор эффективного коммерческого названия, способствующего формированию позитивной психологической реакции на предлагаемые товары, связан с обращением к чувствам и эмоциям целевой аудитории, поэтому КН, выступая как нестандартные, креативные и самобытные имена, в основном являются мотивированными, что позволяет подчеркнуть их достоинства, указать на характерные особенности, тем самым создав положительный образ того или иного изделия народного промысла.

Литература

1. Артемьева Е.Ю. Психология субъективной семантики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. 128 с.
2. Василевич А. П. Этимология цветонаименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: системный и исторический анализ / под ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2007. С. 9–28.

3. *Исакова А.А.* Имя собственное в производстве: эволюция прагмонимического пространства. Тюмень: Изд-во Тюм. гос. ун-та; Ин-та гуманитар. исслед., 2008. 207 с.
4. *Ковалев Г.Ф.* Имя собственное как прецедент в рекламе // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2004. №1. С. 158–164.
5. *Крюкова И.В.* Рекламное имя: от изобретения до прецедентности. Волгоград: Перемена, 2004. 286 с.
6. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та; Ин-та соц. образования. 2007. 207 с.
7. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М.: Наука, 1988. 170 с.
8. *Романова Т.П.* Система способов словообразования рекламных собственных имен // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 5/2(55). С. 204–214.
9. *Стадульская Н.А.* Семiotика товарных знаков. Липецк: Изд-во Гравис, 2013. 150 с.
10. *Стмпель Е.М., Спирина Т.С.* Прагмонимы как особый тип номинации // Гуманитарные исследования. 2013. № 3 (47). С. 81–85.
11. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 367 с.
12. *Курушина М.А.* Відономастичні товарні знаки та комерційні номени в сучасному рекламному тексті // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н.Каразіна. 2004. № 627. Вип. 40. С. 44–46.

References

1. Artem'eva E.Yu. *Psikhologiya sub"ektivnoi semantiki* [The psychology of the subjective assessment]. Moscow, Moscow University, 1980. 128 p.
2. Vasilevich A.P. *Etimologiya tsvetonaimenovanii kak zerkalo natsional'no-kul'turnogo soznaniya* [The etymology of the colours's names as the speculum of the national cultural consciousness]. *Naime-novaniya tsveta v indoevropskikh yazykakh: sistemnyi i istoricheskii analiz* [The colours's names in the indo-european languages]. Moscow, KomKniga Publ., 2007, pp. 9–28.
3. Isakova A.A. *Imya sobstvennoe v proizvodstve: evolyutsiya pragmonimicheskogo prostranstva* [The proper name in the making: the evolution of the pragmonomic field]. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2008. 207 p.
4. Kovalev G.F. *Imya sobstvennoe kak pretsedent v reklame* [The proper name as the precedent in the advertising]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh State University. Chapter Philology. Journalism], 2004, no 1, pp. 158–164.
5. Krijukova I.V. *Reklamnoe imja: ot izobretenija do precedentnosti* [The advertising name: from the invention to precedent]. Volgograd, Peremena Publ., 2004, 286 p.
6. Nahimova E.A. *Precedentnye imena v massovoj kommunikacii* [The precedent names in the media communication]. Ekaterinburg, Ural State Pedagogical University Publ., 2007, 207 p.
7. Podol'skaja N.V. *Slovar' russkoj onomasticheskoi terminologii* [The dictionary of the russian onomastic terminology]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 170 p.
8. Romanova T.P. *Sistema sposobov slovoobrazovanija reklamnyh sobstvennyh imen* [The system of the formation's word methods of advertising proper names]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Samara State University], 2007, no. 55, pp. 204–214.
9. Stadul'skaja N.A. *Semiotika tovarnyh znakov* [The semiotics of the trademarks]. Lipeck, Gravis Publ., 2013, 150 p.
10. Stompel' E.M., Spirina T.S. *Pragmonimy kak osobyj tip nominacii* [The pragmatonims as a special type of the nomination]. *Gumanitarnye issledovanija* [The studies in the Humanities], 2013, no. 47, pp. 81–85.
11. Superanskaja A.V. *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [The general theory of the proper name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 367 p.
12. Kurushyna M.A. *Vidonomastychni tovarni znaky ta komercijni nomeny v suchasnomu reklamnomu teksti* [The kinds of the onomastics trademarks and the commercial names in the advertising copy]. *Visnyk Kharkivs'kogo nacional'nogo universytetu imeni V.N. Karazina* [Bulletin of the Kharkov National University named after V.N. Kazarin]. 2004, no 627, iss. 40, pp. 44–46.

РОМАНОВА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (romanovatn1@mail.ru).

ROMANOVA TATYANA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language and General Linguistics Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

МОРДВИНОВА НАТАЛЬЯ ГЕРАЛЬДОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (mngeraldovna@mail.ru).

MORDVINOVA NATALYA – candidate of philological sciences, assistant professor of Russian Language Chair as Foreign, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 811.512.111'373.611

ББК Ш12=635.1*20

Г.Н. СЕМЕНОВА, А.М. ИВАНОВА

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЧУВАШСКОМ ЯЗЫКЕ – IV

Ключевые слова: чувашский язык, словообразование, конверсия, редупликация, аббревиация.

Статья продолжает изучение основных способов словообразования в чувашском языке. Представлено разнообразие моделей в производстве слов, образованных при помощи конверсии, редупликации и аббревиации; рассмотрены их структурно-семантические особенности.

G. SEMYONOVA, A. IVANOVA
THE WORD-FORMATION IN CHUVASH – IV

Key words: the Chuvash language, word-formation, conversion, reduplication, abbreviation.

The article continues the study of the basic methods of the word-formation in the Chuvash language. The particular models of conversion, reduplication, abbreviation are represented and their structural and semantic peculiarities are considered.

Образование слов с помощью **конверсии** в чувашском языкознании не получило всестороннего освещения. Некоторые чувашские лингвисты не рассматривают и не признают конверсию как словообразовательный способ. И.П. Павлов, напротив, подчеркивает, что словопроизводство по способу конверсии является довольно продуктивным.

Большинство произведенных по конверсии слов относится к именам существительным. Можно выделить следующие их группы:

1) существительные, мотивированные именами прилагательными. Таких существительных множество, они указывают следующие значения:

а) лицо, носитель признака: *самрăк* 'молодой человек' ← *самрăк* 'молодой', *суккăр* 'слепец, слепой человек' ← *суккăр* 'слепой', *ют* 'чужой человек' ← *ют* 'чужой', *вёскён* 'хвостун' ← *вёскён* 'хвостливый', *ёсчен* 'трудяга, работага, трудолюбивый человек' ← *ёсчен* 'трудолюбивый';

б) предмет с указанием признака: *пёркеленчĕк* 'морщинка' ← *пёркеленчĕк* 'морщинистый', *йăнăш* 'ошибка' ← *йăнăш* 'неправильный, неверный, ошибочный', *ванчăк* 'осколок, обломок' ← *ванчăк* 'разбитый, поломанный', *сĕрĕк* 'гниль' ← *сĕрĕк* 'гнилой';

в) явление природы: *ăшă* 'тепло' ← *ăшă* 'теплый', *йĕле* 'ненастье, слякоть' ← *йĕле* 'влажный, мокрый', *пăчă* 'духота' ← *пăчă* 'душный', *сивĕ* 'холод' ← *сивĕ* 'холодный', *тĕлек* 'тишина, покой' ← *тĕлек* 'тихий, безветренный';

г) место с указанием признака: *айлăм* 'низина' ← *айлăм* 'низменный, низинный', *путăк* 'впадина, углубление' ← *путăк* 'углубленный', *тĕрем* 'равнина' ← *тĕрем* 'равнинный', *хĕтĕ* 'укрытие, защита' ← *хĕтĕ* 'защищенный, укрытый';

2) существительные, мотивированные глаголами:

а) глагольными основами: *шăн* 'мерзлота' ← *шăн* 'мерзнуть, замерзать', *кĕвĕç* 'ревность, зависть' ← *кĕвĕç* 'ревновать, завидовать', *варкăш* 'мелкий ветерок' ← *варкăш* 'развеваться на ветру';

б) глагольными формами: *вĕренекен* 'ученик' ← *вĕренекен* 'учащийся', *вулакан* 'читатель' ← *вулакан* 'читающий', *пулăшакан* 'помощник' ← *пулăшакан* 'помогающий';

3) существительные, мотивированные подражательными словами: *нăрик-нăрик* 'свинья, поросенок' ← *нăрик-нăрик* 'подражание хрюканью поросят', *шăй-шай* 'шум, гам; шум и гам' ← *шăй-шай* 'подражание шуму, гаму', *киркирик* 'гребешок, гребень [петуха]' ← *киркирик* 'подражание крику петуха';

4) существительные, мотивированные числительными: *пиллĕк* 'пятерка' ← *пиллĕк* 'пять'; *иккĕ* 'двойка' ← *иккĕ* 'два';

5) существительные, мотивированные сложными (парными) словами: *вĕтĕр-шакĕр* 'детвора' ← *вĕтĕр-шакĕр* 'мелкий', *сĕтĕк-сурăк* 'оборванец; ветошь, старье, тряпка' ← *сĕтĕк-сурăк* 'рваный'.

В чувашском языке встречаются следующие модели **редупликации**, или удвоения слов или компонентов слов по их структуре: 1) удвоение в деформированном звуковом составе (частичный, дивергентный повтор), 2) удвоение в одинаковом звуковом составе (чистый повтор), 3) удвоение, происходящее лишь при наличии аффиксов (аффиговый повтор) [1].

Образование имен существительных. Прежде всего отмечаются имена существительные, образованные на основе звукоподражательного повтора: *куккук* 'кукушка', *тўнтўн* 'жмурки', *чуччу* 'качели', *тўттўт* 'дудка', *мĕрмĕр* 'кошка'. Приведенные примеры относятся к словообразованию исторического характера. Эти повторы вначале употреблялись в языке в качестве определения животных, птиц либо детских игр и подчеркивали их звуковые свойства или образные представления. Дальнейшее их развитие привело уже к образованию вполне самостоятельных слов, в настоящее время мы воспринимаем их как простые лексические единицы.

К описанной выше категории слов очень близки детские по происхождению слова: *тетте* 'игрушка', *туту* 'машина', *тўттў* 'молоко, молочная пища', *пили* 'боль', *мемме (мамма)* 'хлеб', *хамхам* 'собака', *муму* 'корова'. Некоторые имена существительные образованы в результате дивергентного удвоения: *кĕлтĕк-калтĕк* 'недостатки, недочеты, изъяны, дефекты', *карчĕк-кĕрчĕк* 'старушки и прочее', *парне-сарне* 'подарки и прочее'. В этих повторах первый компонент является носителем лексического значения, а второй – выполняет роль деривационной морфемы.

Иногда удвоение происходит при помощи аффикса (аффиговый повтор): *ялĕ-ялĕле* 'целыми деревнями', *миххи-миххиле* 'целыми мешками', *сўлтан сўл* 'из года в год', *сĕмахран сĕмах* 'слово за слово', *алран ал* [тытса] 'идти] рука об руку', *уран ура* [иртмест] 'нога от ноги [не отходит]'.

Образование имен прилагательных. Здесь чаще всего звукоподражательные слова в повторяющейся форме выступают в роли имен прилагательных. Компоненты повторов при этом могут быть тождественными или с фонетическими модификациями: *сĕт-сĕт* 'хорошо подогнанная (про одежду)', *чуп-чуп* 'медовый месяц', *вĕрт-варт* 'шустрый, трудолюбивый', *чĕнкĕр-чĕнкĕр* 'звенящий', *пĕшĕл-пĕшĕл* 'шепот'. Имена прилагательные образуются также в результате дивергентного удвоения: *акĕш-макĕш* 'необычайный; необыкновенный; роскошный', *кĕйттĕ-кайттĕ* 'плохой, никудышный, завалящий, дрянной'.

Прилагательные могут образоваться путем неполного повторения слова, обычно в объеме начального слова: *сĕп-сĕврака* 'совершенно круглый' ← *сĕврака* 'круглый', *шĕп-шурă* 'совершенно белый' ← *шурă* 'белый', *пуш-пушă* 'совершенно пустой' ← *пушă* 'пустой', *сип-сивĕ* 'совершенно холодный' ← *сивĕ* 'холодный', *чип-чипер* 'красивый-прекрасивый' ← *чипер* 'красивый'.

Примеры прилагательных с аффиговым повтором: *тўрĕрен тўрĕ* 'прямо прямого', *хĕрлĕрен хĕрлĕ* 'красный из красных', *маттуртан маттур* 'молодец из молодцов'.

Образование наречий: *илĕм-тилĕм* 'ни свет, ни заря [= очень рано]', *халь-халь* 'вот-вот сейчас', *ăста-ăста* 'где только, куда только [= везде]', *кĕшт-кашт* 'немного, чуть, слегка', *тĕлме-тĕл* 'друг против друга; носом к носу'.

Образование имён числительных: *сёр-сёр* 'сотни' [← *сёр* 'сто'], *пин-пин* 'тысячи' [← *пин* 'тысяча'], *пёрне-пёри* 'друг другу' [← *пёр* 'один'], *пёр-пёринпе* 'друг с другом' [← *пёр* 'один'], *пинён-пинён* 'тысячами' [← *пин* 'тысяча'].

Образование глаголов: *чупать-чупать* 'бежит-бежит', *утать-утать* 'шагает-шагает'; *йёре-йёре* [пыр] '[идти] со слезами' [← *йёр* 'плакать'], *сисёни-сисёнми* 'едва заметно' [← *сис* 'замечать, чувствовать'].

Образование подражательных слов (имитативов): *чӑнкӑр-чӑнкӑр* 'звонкий, звенящий; подражание мелодичному звону' [чӑнкӑр = подражание звонку, звону металлических и стеклянных предметов], *пӑшӑл-пӑшӑл* 'усил. от *пӑшӑл*' [пӑшӑл = подражание шептанию, шушуканию], *пӑт-пӑт* 'редко, местами, кое-где', *кашӑр-кашӑр* 'подражание отрывистому шороху, шелесту', *кӑн-кӑн* 'подражание бессмысленному, глуповатому взгляду'.

Аббревиация, или сокращение слов и словосочетаний – продуктивный способ словообразования в современном чувашском языке. Данные единицы фиксируются в специальных словарях сокращений. Появление аббревиатуры в современных языках вызвано «потребностями кодирования информации», «тенденцией к компрессии информации».

В современном чувашском языке выделяются два основных типа аббревиатурных знаков: 1) сокращение слов, 2) сложение сокращенных слов.

Сокращение слов. По особенностям образования и сфере употребления сокращения распределяются на две группы: графические и лексические сокращения. Графические сокращения употребляются только в письменной речи, а в устной речи произносятся их полнозначные варианты. В чувашском языке встречаются следующие виды графических сокращений:

а) **сокращение слов до первой буквы:** *с.* (сул) «год», *х.* (хула) «город», *т.* (тенкӑ) «рубль», *ч.* (число) «число», *л.* (литр) «литр», *м.* (метр) «метр» и т.д.;

б) **сокращения, состоящие из первых букв словосочетаний и сложных слов:** *х.-т.* (хӗвелтухӑс) «восход», *я.я.* (япала ячӑ) «имя существительное», *ч.х.с.* (чӑваш халӑх сӑмахлӑхӑ) «чувашское устное народное творчество», *у.к.* (урӑхла каласан) «иными словами, м.т. (мӑншӑн тесен) «потому что», *т.ыт.те* (тата ытти те) «и так далее»;

в) **сокращение слов, оставляя первую и последнюю букву или первую и последние части:** *р-н* (район) «район», *ж-л* (журнал) «журнал», *д-р* (доктор) «доктор», *к-р* (кинотеатр) «кинотеатр», *фак-т* (факультет) «факультет», *тӑсл-рен* (тӑслӑхрен) «например», *физ-ра* (физкультура) «физкультура», *мин-во* (министерство) «министерство», *изд-во* (издательство) «издательство», *эл-во* (электричество) «электричество»;

г) **слоговые сокращения:** *юлт.* (юлташ) «товарищ», *тӑсл.* (тӑслӑх, тӑслӑхрен) «пример, например», *сӑм.* (сӑмахран) «например, к слову», *диал.* (диалект) «диалект», *ём.* (ёмӑр) «век, столетие», *тел.* (телефон) «телефон», *сӑв.* (сӑвви) «слова (к песне)», *кӑв.* (кӑвви) «музыка», *стр.* (страница) «страница».

Сложение сокращенных слов. По закону экономии отдельные устойчивые словосочетания, часто употребляющиеся в речи, подвергаются сокращениям, а их сокращенные элементы (буквы, слоги, разные части слова) соединяются в одно целое. В результате этого процесса появляются лексические единицы, напоминающие в формальном отношении слова-сокращения, получившие название сложносокращенных слов. Сложносокращенные слова, функционирующие в современном чувашском языке, в основном относятся к разряду имён существительных и по своей структуре представляют следующие разновидности:

1) **сочетания начальных букв (фонем) исходных словоформ:** ЧАП (Чăваш аталану партийё) «Партия чувашского возрождения», ЧНК (Чăваш наци конгрессё) «Чувашский национальный конгресс», ЧР (Чăваш республики) «Чувашская республика», ЧПУ (Чăваш патшалăх университетчĕ) «Чувашский государственный университет», ШĔМ (Шалти ёĕсен министерстви) «Министерство внутренних дел», ПД (Патшалăх думи) «Государственная дума»;

2) **сочетание начальных частей слов:** райёĕĕтăвком (*районти ёĕ тăвакан комитет*) «райисполком», ялкор (ялти корреспондент) «сельский корреспондент», хам. кор. (хамăр корреспондент) «собственный корреспондент», чăв. кал. (чăваш календарĕ) «чувашский календарь», санчаç (санитари чаçĕ) «санчасть»;

3) **сочетания начальных частей и целых слов** (эта разновидность сложносокращенных слов представляет собой в основном заимствования из русского языка): профтехучилище, райсовет, агитбригада, медпункт, страхкасса, телецентр, техредактор, туркомплекс, дизтопливо, минудобрени, гостехнадзор, культпрограмма, хозблок, райадминистраци, запчасть, ветсанитар, топокарта, мультфильм, стройтрест.

Встречаются также образования с чувашскими компонентами: оргйту «организационный вопрос», аэрофотоўкерчĕк «аэрофотография», информкăларăм «информационный выпуск», соцпулăшу «социальная помощь», телехупах «телевизионный клуб», авиасул «авиационная дорога», телеюрă «телепесня», автосул «автомобильная дорога», райхаçат «районная газета», литпĕрлешű «литературное объединение», автохуçалăх «автомобильное хозяйство», электрохунар «электрический фонарь» и т.д.

Литература

1. Семенова Г.Н. Композитообразование в чувашском языке и его национальная специфика. М.: Прометей, 2005. 318 с.

References

1. Semenova G.N. *Kompozitoobrazovanie v chuvashskom yazyke i ego natsional'naya spetsifika* [The formation of compound words and its national specifics in the Chuvash language]. Moscow, Prometei Publ., 2005, 318 p.

СЕМЕНОВА ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашского языкознания и востоковедения имени М.Р. Федотова, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (gnsemenova@yandex.ru)

SEMYONOVA GALINA – doctor of philological sciences, professor of Chuvash Linguistics and Oriental Studies Chair named after M.R. Fedotov, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

ИВАНОВА АЛЕНА МИХАЙЛОВНА. См. с. 155.

УДК 811.411.21: 432.875

ББК 81.61

А.Р. ФАТТАХОВА

**ОТКЛОНЕНИЯ ПРИ АДАПТАЦИИ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ
В ЯЗЫКЕ СУАХИЛИ**

Ключевые слова: заимствование, арабский язык, суахили, служебные части речи, отклонение, письменная адаптация.

Данная статья посвящена исследованию письменной адаптации слов арабского происхождения в языке суахили, в частности проблеме слитных написаний заимствованных слов, восходящих к частицам, словосочетаниям и предложениям в языке-передатчике. Автор акцентирует внимание на том, что при адаптации подобного рода заимствований нарушаются закономерности их освоения в языке-реципиенте. Отклонения вызваны на фонетическом и графическом уровнях процесса освоения арабских слов. На примерах заимствований, представляющих собой слияние двух или более слов, раскрывается смысловое содержание каждого из них в языке-передатчике и языке-реципиенте.

A. FATTAKHOVA

VARIATIONS IN ADAPTATION OF ARAB LOANWORDS IN SWAHILI

Key words: loan words, Arabic, Swahili, service parts of speech, variation, written adaptation.

This article is devoted to the study of adaptation of written words of Arabic origin in Swahili, in particular, to the problem of fused spelling (writing) of loan words (particles, phrases and sentences) in the transmitter language. The author focuses on the fact that when translating such the loans, the regularities of their assimilation in the recipient language are violated. The variations are based on the phonetic and graphic levels of assimilation of the Arabic words. The examples of the loans, representing fusion of two or more words, disclose the semantic content of each of them in the transmitter language and the recipient language.

Проблема арабских заимствований привлекает большое внимание исследователей, специализирующихся в области лексикологии и истории различных языков. Прежде всего, это связано со значительным влиянием арабского языка на словарный запас народов, исповедующих ислам или имеющих общие границы с арабским миром. В то же время арабские заимствования отражают всевозможные торговые и культурные связи Европы с Востоком. Лексика арабского происхождения рассматривалась в татарском, персидском, английском, казахском, испанском, немецком и других языках. В данных работах раскрывается фонетическое, морфологическое, семантическое освоение арабских заимствований, а также историческая обусловленность проникновения арабизмов в языки-реципиенты.

Арабская лексика в области языка суахили исследована фрагментарно и освещена в ряде статей отечественных бантуистов Н.В. Громовой [3], Н.В. Охотиной [4, 5] и др. В настоящей статье мы бы хотели остановиться на вопросе письменной адаптации арабских заимствований, в частности проблеме их слитных написаний. Недостаточная изученность адаптационного аспекта процесса заимствования слов, восходящих к частицам и сочетаниям в языке-передатчике, свидетельствует об актуальности заявленной темы.

Любое заимствованное слово, проникая в другой язык, проходит этап адаптации согласно определенным правилам принимающего языка. Письменная адаптация – это один из аспектов освоения иноязычного слова, учитывающий фонетический и морфологический принципы, каждый из которых по-своему решает проблему написания слова.

В языке суахили существуют свои закономерности приема слов арабского происхождения. Значительный объем лексики, заимствованной из арабского языка, составляя глаголы, существительные, производные имена отглагольные и отыменные. Основными маркерами арабского глагола в суахили служат один из гласных звуков в финальной позиции **-e**, **-i**, **-u**: **-starehe** «отдыхать», **-shiriki**

«участвовать», *-hudumu* «служить». Основными маркерами имен существительных, отглагольных и отыменных имен является один из гласных звуков *-a, -e, -i, -u*: *dawa* «лекарство», *starehe* «отдых», *sabuni* слова «мыло», *saumu* «пост» и др.

Арабские заимствования в большинстве своем этимологизируются на морфологическом уровне как имена существительные, независимо от исходной грамматической семантики, и распределяются по именным классам, получая, таким образом, возможность определять согласование в синтагме [4. С. 43]. В то же время внушительный объем арабских заимствований не получает номинативного статуса, при этом они воспринимаются как служебные элементы, передающие определенные синтаксические отношения и не входящие в систему согласования [4. С. 43]. Такими являются слова *lakini* «но»; *walau* «даже если», «хотя», «несмотря на»; *ila* «но», «кроме» и др., использующиеся для связи слов в предложении и при построении сложноподчиненных или сложносочиненных предложений, что не может быть достигнуто с применением только собственных средств языка суахили.

В ходе исследования процесса письменной адаптации заимствованных служебных элементов возникает вопрос: все ли они были освоены принимающим языком согласно установленным в нем закономерностям? Для ответа на этот вопрос целесообразно более подробно остановиться на характеристике служебных слов языка-передатчика.

Служебные элементы, или частицы¹, в арабском языке представляют собой бесформенные слова, не относящиеся ни к имени, ни к глаголу, и застывшие именными формами. Они выполняют функцию предлогов, союзов и наречий, при этом четкой границы их разделения друг от друга не установлено [2. С. 393]. Заимствованные арабские служебные элементы в языке суахили не могут быть членимы на морфемы (независимо от того, являются ли они в системе арабского языка разложимыми на морфемы или также неразложимыми) [3. С. 131].

Частицы в арабском языке подразделяются на две группы:

1. Слитные частицы, состоящие из одного открытого слога с кратким гласным и сливающиеся в одно слово с последующим именем или частицей. Они произносятся с предшествующим именем как единый комплекс и орфографически пишутся слитно. Именно этим обстоятельством объясняется существование в языке суахили многих заимствованных частиц в том виде, в котором они функционируют в языке-передатчике. В арабском языке насчитывают 8 слитных частиц (*'a, bi, ta, sa, fa, la, ka, wa*), из которых две попали в язык суахили: слитная частица *bi* «посредством, при помощи, путем», например, *binafsi* «лично, собственной персоной» (букв. посредством себя) и частица *wa* в значении «и», «но», например, *walagini* «но»; *wabaadu* «и затем», «и после этого»; *walla* «а не» и др.

Указанные частицы используются также для выражения клятвы, присоединяясь к имени, обозначающему то, чем клянутся. Например: *bilahi* «ей-богу! клянусь Аллахом!», *wallah[u]* «клянусь Аллахом!».

Слитные частицы заимствовались способом транслитерации, поэтому можно говорить о том, что указанные нами слова с последующими именами или частицами, проникая в язык суахили, сохранили свои не только орфографические, но и грамматические особенности языка-передатчика.

¹ В арабском языке три части речи: глагол, имя и частицы. В отличие от глагола – «то, что указывает на значение в себе и связан с одним из трех времен» и имени – «то, что указывает на значение в себе, но не связанное ни с одним из трех имен» основным признаком частиц арабские грамматисты считали то, что частицы показывают на значение не в «себе самих», а в «чем-то другом». Отсюда следовало другое положение арабской грамматики, а именно: что частица не может быть употреблена в речи отдельно, самостоятельно, она нуждается в имени или глаголе, следующих за ней, поскольку именно в них она может выявить свой смысл [6. С. 38–39].

В то же время процесс адаптации подобного рода служебных элементов и подчинения их закономерностям языка суахили можно отметить только на уровне фонологии. На морфологическом уровне адаптация арабских служебных слов не выявлена: они не подчиняются нормам системы согласования, не участвуют в формообразовании и словообразовании.

В суахили можно обнаружить частицу *wa* «и», заимствованную из глагола *wakatabahu* «написавший это (письмо)» от араб. *wakatabahu* «и написал это (письмо)» – старая форма завершения письма, послания, после которой следуют инициалы автора. В данном заимствовании сохранился морфологический состав арабского глагола: III лицо, единственное число, мужской род. Хотя необходимо отметить, что в конкретной синтагме данное слово обладает присущей ему номинативной функцией и используется в значении «автор»: *Wakatabahu Shaaban Robert* – Автор Шаабан Роберт.

2. Вторую группу служебных элементов в арабском языке составляют раздельные частицы, выполняющие функцию предлогов. Как отражено в названии данных частиц, в отличие от слитных, они пишутся отдельно с последующим именем либо частицей. В процессе адаптации подобного рода частиц языком суахили обнаруживается несоблюдение орфографических норм языка-источника – слитное написание арабских раздельных частиц в языке-реципиенте. Например, частица *مَعَ أَنَّ* *ma'a 'anna* в значении «хотя», «несмотря на» в суахили функционирует в слитной форме – *таана* и используется в значении «потому что».

Несколько заимствованных оборотов можно привести с предлогом *مِنْ* *min* «из», «от», который не закрепился в языке суахили отдельной лексической единицей, а используется только в оборотах:

а) оборот *مِنْ طَرْفٍ* *min taraf* «со стороны» употребляется в арабском языке для выражения действующего лица в предложении со страдательным залогом. В суахили данный оборот *mintarafu* поменял семантическую окраску оригинала и употребляется в значениях «относительно», «касательно», «в соответствии». В языке-передатчике имя *taraf* является первым компонентом изафетного сочетания и требует после себя уточняющее его имя. В суахили оборот *mintarafu* не имеет возможности согласования, ср.: араб. *Nuqilat hathihi-l-maqala min tarafi-l-katib*. – Эта статья была переведена писателем (букв. со стороны писателя). Суах. *Mintarafu habari tulizopata leo, baba amefika*. – Согласно полученным сегодня новостям, отец уже приехал;

б) *مِنْ غَيْرٍ* *min ghayr* «кроме» – оборот исключения, образующий с исключаемым именем сопряженное состояние. В языке суахили данный оборот *minghairi* с аналогичным значением «без», «исключая», «кроме» не требует после себя определяющего имени, как в языке-передатчике.

2. Арабский предлог *فِي* *fi* «в», «на» проник в суахили в обороте со словом *حَال* *hal* «состояние», «дело» > *filihali* «сейчас же», «немедленно», «в тот же миг» (от араб. *فِي الْحَال* *fi al-hal* «немедленно», «тотчас»). В процессе заимствования закрытый слог в арабском сочетании *fi al-hal* получает дополнительную гласную – *i* (*filihali*), приводя заимствование в соответствие с нормой слогостроения языка-реципиента, для которого непреложным законом является открытость слога, т.е. гласный исход слова [4. С. 35]. Однако в приведенных выше оборотах с предлогом *min* фонетические изменения подобного рода не наблюдаются. Следовательно, определенная закономерность адаптации арабских частиц и оборотов с ними в языке суахили не была выработана окончательно.

В арабском литературном языке, как правило, выделение отдельного слова в потоке речи не представляет сложности: оно характерно тесным взаимопроникновением и спайкой образующих его морфем, поддерживающих его единство и цельность, вследствие чего количество слов может быть легко

сосчитано. Однако в других случаях определение числа слов в отрезке речи является спорным [1. С. 15]. Так, в вышеуказанном нами обороте *fī al-hal* можно насчитать три слова: предлог *fī*, артикль *al* имя *hal*, в другом примере – *min taraf* два слова: предлог *min* и имя *taraf*. Необходимо отметить, что произносятся данные сочетания в языке-источнике как единое слово: *fīl-hal* и *min taraf*. Арабские раздельные и слитные частицы в устной речи, очевидно, лишаются ударения и примыкают к предшествующему слову, на которое падает смысловое ударение, тем самым они представляют собой проклитики.

Основываясь на фонетическом принципе – пиши, как слышишь, можно объяснить слитное написание подобного рода арабских сочетаний в языке суахили. К тому же необходимо иметь в виду, что большинство арабских имен проникало в суахили в так называемой «паузальной форме», когда после слова делается пауза (остановка) и конечные огласовки (а, у, и) и танвин (н) отбрасываются [7. С. 57]. А в проклитиках подобного рода пауза между словами отсутствует.

Долгое время суахили использовал в письме арабскую графику (старосуахилийское письмо), а с середины XIX в. перешел на латиницу, введенную европейскими миссионерами. При решении орфографических вопросов перевода слов на латиницу были учтены фонетические и морфологические особенности языка суахили, что нельзя сказать по отношению к арабским сочетаниям с предлогом, которые, несмотря на очевидное раздельное написание в языке-передатчике, были зафиксированы как единые слова. Хотя, необходимо отметить, что это пока только предположение, поскольку для полноты картины необходимо выяснить написание указанных слов в старосуахилийском письме. В случае, если данные проклитики имели слитное написание на арабице, что, на наш взгляд, сомнительно, тогда их заимствование осуществлялось устным путем, а при решении орфографических вопросов не всегда соблюдалась норма слога-деления языка-реципиента. В противном случае можно говорить о:

1) выработке определенной нормы фиксации арабских раздельных частиц, возможно, согласно аналогии с написанием слитных частиц языка-передатчика;

2) отклонении при письменной адаптации арабских служебных элементов в языке суахили, вызванном исключением подобного рода слов из системы установленных закономерностей освоения арабских лексических единиц в языке-реципиенте, очевидно, по причине трудности раскрытия смыслового содержания каждого слова.

Литература

1. Белкин В.М. Арабская лексикология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 200 с.
2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточная литература, 2001. 592 с.
3. Громова Н.В. Роль арабского языка в Восточной Африке // Ковалевские чтения – 2: тез. науч. конф. / МГУ им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки. М.: Гуманитарий, 2007. С. 20–23.
4. Охотина Н.В. Морфемная структура служебных слов и так называемых наречий в языке суахили // Языки Африки: сб. М.: Наука, 1966.
5. Охотина Н.В. О фонетике и грамматике арабских заимствований в суахили // Проблемы фонетики, морфологии и синтаксиса африканских языков. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 204 с.
6. Фролов Д.В. Арабская филология: Грамматика, стихосложение, корановедение: статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
7. Халидов Б.З. Учебник арабского языка. Ташкент: Укитувчи, 1977. 655 с.

References

1. Belkin V.M. *Arabskaya leksikologiya* [Arabic lexicology]. Moscow, Moscow University Publ., 1975. 200 p.
2. Grande B.M. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [Arabic grammar course in comparative historical interpretation]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2001. 592 p.

3. Gromova N.V. *Rol' arabskogo yazyka v Vostochnoi Afrike* [The role of the Arabic language in the East Africa]. *Kovalevskie chteniya – 2: tezisy nauchnoy konferencii. MGU im. M. V. Lomonosova, In-t stran Azii i Afriki* [Proc. of the Lomonosov Moscow State University "Abstracts of scientific conference – 2"]. Moscow, Gumanitarii Publ., 2007. pp. 20–23.

4. Okhotina N.V. *Morfemnaya struktura sluzhebnykh slov i tak nazyvaemykh narechii v yazyke suakhili* [Morphemic structure of function words and so-called adverbs in Swahili]. *Yazyki Afriki: sbornik* [Languages of Africa]. Moscow, Nauka Publ., 1966.

5. Okhotina N.V. *O fonetike i grammatike arabskikh zaimstvovaniy v suakhili* [About phonetics and grammar of Arabic loanwords in Swahili]. *Problemy fonetiki, morfologii i sintaksisa afrikanskikh yazykov* [Problems of phonetics, morphology and syntax of African languages]. Moscow, Moscow University Publ., 1978. 204 p.

6. Frolov D.V. *Arabskaya filologiya: Grammatika, stikhoslozhenie, koranovedenie: stat'i raznykh let* [Arabic philology: grammar, poetry, Quran studies: works of different years]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2006. 440 p.

7. Khalidov B.Z. *Uchebnik arabskogo yazyka* [Arabic Language Textbook]. Tashkent, Ukituvichi Publ., 1977. 655 p.

ФАТТАХОВА АИДА РИНАСОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков и культур, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, Казань (gaidaf@mail.ru).

FATTAKHOVA AIDA – candidate of philological sciences, assistant professor of Oriental Languages and Cultures Chair, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan.

УДК 81'44+811.512.1

ББК 81.2в3+81.2

З.Ф. ШАЙХИСЛАМОВА

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ КЫПЧАКСКО-ОГУЗСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ (на материале эмотивов)

Ключевые слова: эмоция, языковые контакты, мировоззрение, когнитологический аспект, когнитивные сферы, познание, тезаурус, сознание.

Впервые рассмотрены некоторые аспекты когнитивных исследований кыпчакско-огузских лексических взаимосвязей на материале эмотивов, тесно связанных с мировоззрением и этногенезом близкородственных народов. Обосновано, что язык является частью когнитивного комплекса в целом; язык – его самая важная часть, включенная в информационно-когнитивную систему познания мира человеком, где взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Установлено распространение общих эмотивных единиц в огузских (туркменском, азербайджанском) и кыпчакских (башкирском) языках. В плане методологического осмысления выдвинута идея составления модели словаря тезаурусного типа.

Z. SHAIKHISLAMOVA

SOME ASPECTS OF COGNITIVE STUDIES OF KIPCHAK-OGUZ LEXICAL INTERRELATIONS (based on emotive materials)

Key words: emotion, language contacts, worldview, cognitological aspect, cognition, thesaurus, consciousness.

For the first time this article discusses some aspects of cognitive research Oguz-kypchakish lexical interrelations on emotive materials, bound up with ethnogenesis of closely related peoples and with worldview. Substantiated, that the language is a part of the cognitive system as a whole; the language – is the most important part of it, included in information and cognitive system and knowledge of the world by human, where interacts thinking, consciousness, memory, and language. It turns out the spread of common emotive units in Oguz (Turkmen, Azeri) and Kipchak (Bashkir) languages. In the plan methodological interpretation the idea of compiling a dictionary thesaurus type is put forward.

Язык по своему устройству выступает как система вербальных звуковых знаков, а по своему назначению – прежде всего как коммуникативная система. Он обеспечивает акты передачи и получения сообщений, содержащих информацию, знания о мире, которыми располагает говорящий (или пишущий). Вместе с тем язык служит для обработки и упорядочивания полученных

знаний, их хранения в памяти человека, что доказывает функционирование языка не только как коммуникативной, но и как когнитивной системы.

Когнитивная наука, или когнитология – это самостоятельная отрасль научного знания, главной задачей которой является изучение процессов, связанных с получением, обработкой, хранением и использованием информации человеком. Это наука о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые составляют основу ментальных, или когнитивных, процессов [4].

Наше исследование базируется на изучении мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности двух основных тюркских консолидаций, каковыми являются огузские и кыпчакские этносы.

На сегодняшний день когнитивный подход к языку является динамично развивающимся направлением, где результаты обновляются чрезвычайно быстро. Бурное развитие когнитологии считается характерной чертой современного как отечественного, так и мирового языкознания. Исследования в области когнитивных аспектов языка способствуют не только эффективному решению прикладных задач, но и углублению наших представлений о скрытых механизмах языковой коммуникации. Согласно современным представлениям, напрямую связанным с разработками в области искусственного интеллекта, основными задачами общей теории языка являются объяснение механизма обработки естественного языка, построение модели его понимания. В основе такой модели лежит тезис о взаимодействии различных типов знания, следовательно, построение общей модели языка становится возможно только в рамках всей когнитивной науки.

В современной лингвистике, как известно, когнитивные исследования языка заняли вполне определенное место в общей системе научных взглядов на язык и методы его изучения, сформировав собственные теоретико-методологические установки и понятийно-терминологический аппарат.

Актуальность когнитивного исследования языкового сознания (познавательного процесса) обусловливается необходимостью выявления степени межкультурного общения и интеграцией культур, заставляющей сфокусировать внимание на той роли, которую играет язык. Язык приобретает в сложившейся ситуации конкретное жизненно важное содержание потому, что вместе с внедрением языковых шаблонов в сознание проникают мировоззренческие установки.

В данной работе мировоззрение рассматривается как система взглядов, установок, убеждений, определяющих понимание мира в целом, места в нем человека, а также вытекающие из этой системы ценностные ориентации людей, стратегии их поведения и деятельности [4].

В основе мировоззрения лежит, на наш взгляд, понимание, что каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира, т.е. совокупность определенных знаний о мире, относящихся к настоящему, прошлому и ожидаемому будущему. Человек, познавая окружающую действительность, познает и самого себя, т.е. внутренние душевные процессы – различные эмоции. На основе таких знаний и представлений развивались традиции в различных сферах человеческой деятельности, познание мира человеком. Познавательные процессы и обобщения человеческого опыта (система обобщенных знаний о природе, обществе, месте человека в мире) осуществляются посредством языка, создается языковая картина мира. Познание осуществляется именно средствами языка. Языковая фиксация физических состояний, устойчиво ассоциируемых с той или иной эмоцией, является основой, на которой формируются представления о существенных характеристиках эмоций. Языковые единицы человек, как справедливо отметил В.И. Шаховский

[14. С. 7, 104], употребляет не только для утверждений, фиксаций и организации мыслей, но и для выражения, возбуждения, вызывания эмоций.

Как уже было отмечено выше, наше исследование базируется на изучении мировоззренческого осмысления окружающей объективной действительности на материале эмотивной лексики как базы для раскрытия этнолингвокультурологических контактов тюркских народов.

Мировоззрение, как известно, всегда насыщено чувственными отношениями и оценкой, характером понимания объективной действительности. Эмоции и оценка тесно участвуют в познании реальной действительности и создании, формировании и развитии языковой картины мира.

Эмотивы, содержащие и отражающие разные состояния души, проявляются там, где есть интерес или взаимодействие к какому-либо объекту. По мнению психологов, в человеке все движимо эмоциями, и, следовательно, это не может не отражаться в языке, в познании окружающей объективной действительности.

Как справедливо отмечают исследователи, весь окружающий мир воспринимается через заложенные в языке смыслы и значения слов и других единиц языка. Эти смыслы и значения, выражаемые вербально, являются составляющими этнического общественного сознания. При этом окружающий мир находит отражение не только в лексических языковых средствах и грамматическом строе языка, но и в национально-культурном восприятии. Кумулятивная функция языка в плане накопления народного опыта и наблюдений на протяжении многих поколений зафиксирована в лексике. Помимо опыта, лексика отражает историю культуры. Эти особенности этнокультуры, схожие по смыслу, но разные по своему языковому выражению, прослеживаются в национальном колорите.

Для описания лексических взаимосвязей в словарном фонде кыпчакских (башкирского) и огузских (в частности – туркменского, азербайджанского) языков наиболее удачным, на наш взгляд, является опыт сравнительно-исторического осмысления этнических контактов сравниваемых языков Волго-Камско-Уральского этнолингвистического региона А.Г. Шайхулова [10].

В настоящее время тюркская сравнительно-историческая лексикология занимает, наряду с лексикологическими исследованиями в других языковых семьях, важное место в системе лингвистических дисциплин, является одной из продуктивно развивающихся отраслей современного отечественного языкознания. Существует мнение, что каждый язык в каждую эпоху обладает своей лексической системой. Но оригинальный характер каждой из этих систем выступает с определенной ясностью только при сопоставлении одной системы с другой. Большой интерес в этом отношении представляют языки, находящиеся в тесном генетическом родстве, так как именно при наличии большого сходства лексического материала индивидуальные признаки структуры различных систем выявляются с наибольшей ясностью [10. С. 2; 15. С. 123–128; 2. С. 272–276; 14].

В данной статье сделана попытка определить степень распространения общих эмотивных единиц в кыпчакских (башкирском) и огузских (туркменском, азербайджанском) языках, что поможет, на наш взгляд, более объективно представить степень общности мировоззренческих, языковых и культурных контактов азербайджанского, туркменского и башкирского этносов в историческом прошлом. Источниками послужили: *Русско-азербайджанский словарь* (Баку: Изд-во АН АзССР, 1951. 388 с.); *Русско-башкирский словарь: в 2 т. Т. 1. А–О* (Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 808 с.); *Русско-башкирский словарь: в 2 т. Т. 2. П–Я* (Уфа: Башкирская энциклопедия, 2005. 680 с.); *Краткий русско-туркменский словарь* (Ашхабад: Ылым, 1968. 266 с.).

Важность подобного исследования для исторической лексикологии тюркских языков в целом не подлежит сомнению, так как известно, что в кругу лексических

единиц особое место занимают апеллятивы, связанные с эмоциональным состоянием, которое, в свою очередь, тесно связано с мировоззрением народа.

Для более полного представления понятия «мировоззрения» нами приводятся, как уже было упомянуто, наиболее распространенные осмысления содержания данного термина: с одной стороны, в мировоззрении отражаются система взглядов, принципов, ценностей, идеалов и убеждений; с другой – отражается система взглядов как на объективный мир и место человека в нем, так и отношение человека к окружающей его действительности и к самому себе, а также обусловленные этими взглядами основные жизненные позиции людей (убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации); в них отражается также целостное представление в процессе познания **природы, общества, человека**, находящее выражение в системе ценностей и идеалов личности, социальной группы, общества. Таким образом, картина мира любого языка имеет неповторимые национальные особенности, так как каждый народ воспринимает действительность в зависимости от особенностей менталитета и культуры. По своей сути национально-культурное пространство выступает как форма существования культуры в сознании человека [6].

В целях систематического описания особенностей парадигмы положительных и отрицательных эмотивов, очевидно, вначале необходимо рассмотреть эмоциональную связь в рамках становления когнитивных парадигм. В частности, эмоциональное отношение неразрывно связано с оценкой, характером понимания реальной действительности – чем определяется становление когнитивной парадигмы и её этнолингвокультурологическое значение. Тесная связь эмотивности и оценочности в слове в известной степени связано и с тем, что эмоции и познание представляют в них выражение субъективной стороны результатов.

В такого характера исследованиях проблемы языкового сознания именно с позиций когнитивного подхода обеспечивают целостность в изучении этого феномена как продукта культурного развития общества. В качестве важнейших областей в когнитивной науке выступают зрение, мышление, рассуждение, память, внимание, обучение, и языковая деятельность. В соответствии с антропоцентрическим подходом к языку человек ставится во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс [7].

Как это отчасти было обозначено выше, современные когнитивные исследования открывают широкий спектр ранее только частично рассматриваемых аспектов изучения проблемы языка. Язык является частью когнитивного комплекса в целом – он его наиважнейшая часть. Язык включён в информационно-когнитивную систему познания мира человеком, где взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. Она локализована в мозгу человека. Её основным назначением является обеспечение процессов восприятия информации извне, её переработка и сохранение, передача другим индивидам.

Представители разных этнолингвокультурных сообществ, воспринимая одни и те же объекты окружающего мира, используют разные алгоритмы минимизации полученного образа, своеобразно членят его, выделяя при этом самые различные признаки. В результате их осмысления степень ранжирования имеет минимальные смыслы, и заметим, что эти смыслы структурируются и кодируются в значениях языковых знаков в особых конфигурациях. Именно «различия в алгоритмах членения и последующего синтеза действительности как когнитивной основы языкового сознания» [1. С. 292] приводят к тому, что при наличии одного и того же опыта представители разных культур, разных этносов по-разному воспринимают и оценивают одни и те же события, в результате чего у них формируются различные языковые картины мира.

Человек фиксирует свое отношение к миру в понятиях и образах и одновременно эмоционально переживает его. В эмоциональной лексике слита во-едино эмоционально-оценочная установка, при которой одновременно с эмотивной номинацией объекта выражается также состояние субъекта. Таким образом, они составляют эмотивный фонд исследуемых нами кыпчакско-огузских групп тюркских языков с когнитологической точки зрения и могут быть расчленены на различные группы по множеству признаков. Самобытность каждой национальной картины становится особенно явной на фоне языковых картин других этносов, в связи с этим встает вопрос о степени воспринимаемости, постигаемости миропонимания, выработанного другим этносом. Постичь национальную языковую картину мира чужого народа, как совершенно справедливо отмечает О.А. Корнилов, – значит, стать на место носителя иностранного языка, принять его точку мировосприятия и «через лексическую систему получить представление о национальной ментальности [национальной логике] и национальном характере» [5. С. 146].

Эмотивы, в свою очередь, как языковые единицы и категории, несут печать национального сознания, вследствие чего лингвистические исследования включаются в широкий контекст культурно-исторических процессов человеческого знания.

Вышеназванные наблюдения и выводы вполне реально находят свое отражение и на исследуемом нами материале. В частности, в рассматриваемых ниже эмотивных языковых фактах отчетливо прослеживаются лексические взаимосвязи кыпчакско-огузских языков, в которых выражаются одновременно и эмоции, и понятия (как положительные, так и отрицательные). В работе рассматривается блок эмотивных единиц в кыпчакском (башкирском) и огузских (азербайджанском и туркменском) языках в рамках двух условных сегментов: положительном и отрицательном.

Блок первый. Эмотивы с положительной семантикой:

авторитетный – туркм. *абрайлы, хорматлы*; азерб. *нүфүзлу, һөрмәтли; этибарлы*; башк. 1) *авторитетлы, абруйлы, дәрәжәле*; 2) *ышаныслы, танылған*; **адекватный** – туркм. *адекват (бири – бирине дең гелйән)*; башк. *адекват, тап килгән, берзәй, тиңдәш*; **аккуратный** – туркм. *тертипли, ынжам*; азерб. *сәлигәли, дәше*; башк. *ыспай, бөхтә, йыйнак, ыксым*; **актив** – туркм. *актив*; азерб. *фәал, фәалийәтли, актив*; башк. *актив*; **ангел** – туркм. *перишде*; башк. 1) *фәрештә*, 2) *иң яҡшы өлгө, идеал*, 3) *һөйөклә кеше (перен.)*; **баловень** – туркм. *ләлик*; азерб. 1) *надинч, дачәл*; 2) *әркөйүн*; башк. 1) *иркә (любимчик)*, 2) *шаян, шук (шутник)*; **безвредный** – туркм. *зыянсыз, жележиз*; азерб. *зәрәрсиз, зиянсиз*; башк. *зарарһыз, зыянһыз*; **безгрешный** – туркм. *гүнәсиз, языксыз*; башк. 1) *гәнаһһыз, гәйепһез, гонаһы булмаған*; 2) *таза, саф, гәйепкә алырлык булмаған (невинный, чистый)*; **безукоризненный** – туркм. *кемсиз – көстсүз, айыпсыз*; азерб. *эйбсиз, йөгсансыз*; башк. *кәмселеге булмаған, кәмселекһез, тел (һүз) тейзергеһез, яҡшы, һөйбәт*; **бережный** – туркм. *аявлы, тыгагытлы*; азерб. *эһтиятлы, диггәтли, үсуллу*; башк. 1) *һак, һаксыл (осторожный)*, 2) *кайғыртыусан, иғтибарлы (заботливый)*; **бдительный** – азерб. *сайыг*; башк. *уяу, һизгер, һак*; **бережливый** – туркм. *сересап, ихласлы, жаныпкеш, аладаэджи*; азерб. *гәнаэтчил, эһтиятлы, шейинин гәдрини билән*; башк. *һаксыл, һаклык менән тононоусы*; **бескорыстный** – туркм. *хошкьетли, актөвүнли*; азерб. *тамаһсыз, гәрәзсиз*; башк. *эскерһез, тынғыһыз*; **бесстрашный** – туркм. *горкмазак, батыр*; азерб. *икид, чәсүр, гочаг*; башк. *куркыуһыз, кыйыу, батыр, батыр йөрәкле*; **благовидный** – туркм. *ягшы, гөзе якымлы, гөрмегей, гөзел*; азерб. *гәшәнк, хошкөркәм, әдәбли*; башк. 1) *караp күзгә арыу ғына (матур ғына, һөйбәт кенә)*

(приятный с виду), 2) уңайлы, яйлы (приличный, пристойный); **благовоспитанный** – туркм. *ягшы тербиеленен*; азерб. *тәрбиәли, әдәбли*; башк. *әзәплә, тәрбиәлә, инсафлы, тәүфиклы*; **благодарный** – туркм. *хошал, миннетдар*; азерб. *мүтәшәккир, миннәтдар*; башк. 1) *рәхмәтлә, якшылыктың кәзерен белгән (признательный)*; **благодарный** – туркм. *мылайым, рехимдар, первайсыз*; азерб. *хошһал, хошгәлб*; башк. *якшы(киң) күңеллә, миһырбанлы, шәфкәтлә*; **благожелательный** – туркм. *хошниетли*; азерб. *хейирхаһ, якшылыгы истәйән*; башк. *изгелекле, киң күңеллә, якшылык, теләгән*; **благобразный** – туркм. *нурана*; башк. *күркәм (һөйкөмлө, күркә), күркәм киәфәтлә*; **благоприятный** – туркм. *аматлы, якымлы*; азерб. *әлвершили, якшы*; башк. *ыңғай, хуп күрелгән, якшы тип табылған (хороший, одобрительный)*; **благодарный** – туркм. *салыхатлы, якымлы*; башк. *әзәплә, әхлаклы, ижадлы, тәртиплә, тәрбиәлә*; **благоразумный** – туркм. *лайхаслы, парасатлы*; азерб. *ағымлы, тәдбирли*; башк. *акыллы, төглә, ныклы уйлап (акылменән) эш итеүсән*; **благородный** – туркм. *асыллы*; азерб. *нәчиб, нәчабәтли*; 2) *амчәнаб*; башк. 1) *оло йөрәклә, юғары намыслы, выжданлы*; 2) *бөйөк, юғары, изге (возвышенный)*; 3) *күркәм, гүзәл, матур, нәзәкәтлә (обладающий изяществом)*, 4) *затлы нәсәл, затлы, асыл һөйәк*; **благосклонный** – туркм. *мәхрибанчылыклы, хошаманлыклы*; азерб. *илтифатлы, хейирхаһ*; башк. *якшы (изгә) теләклә, илтифатлы, якшы мөнәсәбәттә булған, күңелгә яғымлы (яткан)*; **блаженный** – туркм. *байлы*; 2) *самсыграк, акыллы гелип–гитмелирәк*; башк. 1) *бәхетлә, шатлыклы, хозур (счастливый, благополучный)*, 2) *дәрүиш, байғош (юродивый)*; 3) *акылға һай, йүләр, диуана (чудной)*; **богатый** – туркм. *рәлван, гүичли*; азерб. *баһадир, пәһливан*; башк. 1) *батыр, алпамыша*; 2) *бәһлеуән, баһадир, ир арысланы, батыр ул*; **гордый** – туркм. *намысжан*; 2) *улумсу, текепбир, гедем*; башк. 1) *ғорур*, 2) *мәғрүр*, 3) *бөйөк, илаһи (возвышенный)*, 4) *һауалы, зре (высокомерный)*; **деловитый** – туркм. *ишжен*; азерб. *ишкүзар, бачараглы, ишләк*; башк. *эшлеклә, эшсән, булдыклы, қонар*; **доброжелатель** – туркм. *хошниетли адам*; азерб. *хейирхаһ адам*; башк. *изгелекле, мәрхәмәтлә, шәфкәтлә, якшылык теләүсе*; **добросовестный** – туркм. *сап йүрекли, ынсаплы, вижданлы*; азерб. *вичданлы, хейирхаһлыг, мәрһәмәт, хошлуг*; башк. 1) *выжданлы, намыслы, инабатлы*, 2) *тырыш, тырышып (намыс менән) эшләгән кеше*; **добряк** – туркм. *ачык йүрекли адам, мерибан адам, рехимли адам*; азерб. *якшы адам, үрәймюмшаг адам, хейирхаһ адам*; башк. *изгелекле, йомшак (киң) күңеллә, мәрхәмәтлә, миһырбанлы кеше*; **задорный** – туркм. *жошгунлы, гәчүнли*; азерб. 1) *чошгун, гызгын*; 2) *түнд, түнд хасийәт*; башк. 1) *дәртлә, күтәрәнке*, 2) *кызыу, ярһыу, кызыу канлы (холокло, тәбиғәтлә)* и т.д.

Блок второй. Эмотивы с отрицательной семантикой:

агрессивный – туркм. *басыб алыжылыклы*; азерб. *тәчавүзкар, гәсбкар*; башк. *агрессив, баҫкынсыл*; **алчность** – туркм. *ачгәз, гысганч, хусыт*; азерб. *тамаһкар, ачкөз*; башк. *қомһоз, қомағай, хирес*; **амбиция** – туркм. *өз-өзүңи - сөйүжлилик, мен-менлик*; башк. *мин-минлек, төкәбберлек, эрелек*; **антипатия** – туркм. *антипатия, антипатичный, антипатик, якымсыз*; башк. *антипатия, яратмау тойғоһо, кире тойғо*; **апатия** – туркм. *апатия, кейпсизлик, сустлүк, көвессалик*; башк. 1) *апатия, төшөнкө, төшөнкөлөк*, 2) *дәртһез, һүллән хәл*; **атаман** – туркм. *перен. баштупан*; башк. *атаман*; **аферист** – туркм. *аферист, бег ишәдйән*; азерб. *фырылдагчы*; башк. *аферист, хәтәр эш менән шөгәлләнеүсе*; **бесстыдник** – туркм. *утянчсыз, хаясыз адам*; азерб. *утанмаз адам, һаясыз адам*; башк. – *оятһыз*; **бестолковый** – туркм. 1) *манадүшмез, хүтек, пехче, дүшүнжесиз*; 2) *манысыз*; азерб. 1) *фәрасәт-*

сиз; 2) мәнәсыз, анлашылмаз; башк. 1) макау, миңрәу, аңра, аңгин, белекһез (непонятливый, несообразительный); **бесхарактерный** – туркм. хәснетсиз, уеурсыз; азерб. ирафсиз, зәифирафли; башк. характерһыз; **бесцеремонный** – туркм. сыпайычылыксыз, зоңтар; азерб. тәклифсиз, тәклиф билмәй-ән, әдәбсиз; башк. тупһыз, тыйнакһыз, тәртипһез, тупас, әрһез, һәмһез, оятһыз; **бесчеловечный** – туркм. адакәрчиликсиз, ынсаынсаетчиликсиз; залым, ынсапсыз; азерб. инсафсыз, рәһмсез; башк. кешелекһез, рәхимһез, шәфкәтһез, аяуһыз, канһыз, каты бәгерле; **бесчестный** – туркм. биначыс, абрайсыз; азерб. намуссуз, шәрәфсиз; башк. намышһыз, выжданһыз, инсафһыз; **бесчувственный** – туркм. дуйгусыз, жансыз; 2) рехимсиз, ынсапсыз; азерб. 1) һиссиз, дуйгусуз, 2) инсафсыз, рәһмсиз; залим; дашүрәкле; башк. 1) иҫһез, 2) каты күңелле (бәгерле), рәхимһез, шәфкәтһез (бессердечный); 3) вайымһыз, иҫе китмәгән (равнодушный); **близорукий** – туркм. 1) шовалык, шова көрлүк; 2) акылы ғысгалык; башк. 1) күрәш, күрә-ғарау; 2) һуқыр, алдан күрә белмәгән (непрозрачный); **блудливый** – туркм. азғын, ёлдан чыкан; башк. азғын (распутный), бозок, зина (фәхеш) кылған, йөрөптәп, 2) азғын, азымтык, тиләскәу (проказливый, вороватый); **грубый** – туркм. гәдек, зоңтар; башк. 1) тупас, 2) каты, шырт, тупас (жесткий); **грустный** – туркм. тукат, гайгылы, хасратлы; башк. 1) яманһыу, һағышлы, бойок, моңһоу, 2) күңелһез (досадный); **дармоед** – туркм. мугтхор; азерб. мүфтәхор; башк. әрәм тамак, хоро корт, кеше елкәһендә йәшәүсе; **двуличный** – туркм. ики йүзли; азерб. ике йүзлү, риякар; башк. ике йөзлө, монафик; **демагог** – туркм. надара; азерб. демагог; башк. демагог (демагогия менән шөгәлләнеүсе); **жадный** – туркм. ачгез, бетнебис, ғысганч, хусыг; азерб. 1) тамаһкар, ачкөз; һәрис; 2) хәсис; башк. 1) комар, һаран, карун; **завистливый** – туркм. ичи-ғара, бахыл, гәрип; азерб. пахыл; башк. көнсәл, көнләшеүсән; **злой** – туркм. залым, ёвуз, гахарлы, газаплы, ызғытсыз, рехимсиз, хырсыз; азерб. 1) һисьяман; 2) кинли, ачыгылы; гаддәр, залим; 3) мәч, түнд, кәский, ачы; **мужеподобный** – туркм. эркек киши ялы, әр ялы; башк. 1) ирзәүкә, 2) ирзәргә хас, ир кеше һымак, ирзәргә (ир кешегә) окшаған; **баба** – туркм. хелей. презр.; башк. бисәкәй презр. (о слабом, нерешительном мужчине); **тощий** – туркм. 1) хор. аррык, азерб. арыг, чылыз; гүвәтсиз; 2) бош; башк. 1) ябык, арык(худой), 2) буш, һай, 3) нәзек, ас, ярлы, осок (скудный); **толстяк** – туркм. семиз, ёгын, этмоғанлы; азерб. йоғун, көк киши; башк. йыуан ир кеше; **тоска** – туркм. гайгы, гам, гусса, хасрат, тукатлык; азерб. гәм, гүссә, һүзн, һәсрәт; башк. 1) һағыш, һағыныу; 2) эс бошоу, бошоноу (скука) и т.д.

Из вышеизложенного можно определить вполне обоснованно, что язык является частью когнитивного комплекса в целом; что язык – его наиболее важная часть, включенная в информационно-когнитивную систему познания мира человеком, где взаимодействуют мышление, сознание, память и язык. В когнитивных структурах отражаются, как известно, различные способы ментальной репрезентации знаний, эмотивов.

Данная попытка классификации эмотивной лексики является первым опытом этнолингвистической интерпретации лексических особенностей кыпчакско-гузских языков. В перспективе, на наш взгляд, есть вполне обоснованная потребность проводить сравнительно-исторические исследования указанных языковых семей в рамках таких когнитивных сфер, как I. **Природа** (неживая, живая), II. **Человек** (человек как физико-биологическое существо), III. **Общество** (человек как единица государственной структуры, в идеологической системе общества, как единица функциональной жизни общества) и IV. **Познание** (априори) – ср. В.В. Морковкин, Ю.Н. Караулов, Т.В. Гамкрелидзе, Вяч. Иванов,

Н.Ю. Шведова, Э.Р. Тенишев, Н. Шаймердинова, О.А. Корнилов, С.Г. Шафиков, А.Г. Шайхулов и др.

Как справедливо отмечала в свое время А.Вежицкая, любая культура уникальна и имеет свои собственные культурноспецифические способы коммуникации. Именно поэтому сопоставление различных культур должно быть строгим и корректным, кроме того, оно должно подтверждаться конкретными фактами [3. С. 125–126]. Этнолингвокультурологические контакты между вышеуказанными тюркскими и другими языками с древнейших времен и до наших дней, на наш взгляд, проявляются более полно и в рамках предлагаемых когнитивных сфер.

Итак, исходя из вышепроанализированного материала, можно утверждать, что картина мира любого языка имеет специфические национальные особенности, так как каждый этнос воспринимает объективную действительность в зависимости от особенностей менталитета и культуры.

Как явствует из проанализированного языкового материала, методология этнолингвокультурологической и когнитивной характеристики эмотивных единиц тюркских языков требует от тюркологов и алтаистов широкого развертывания теоретических исследований как в общетюркском (алтайском, финно-угорском) плане, так и на материале конкретных тюркских языков огузской (азербайджанский, туркменский и др.) и кыпчакской (башкирский, казахский, татарский и др.) группы.

Опираясь на вышеприведенный анализ эмотивных (положительных и отрицательных блоков) единиц, в качестве предварительного вывода, можно утверждать, что восточный диалект башкирского языка хранит в себе огузские, монгольские, кыпчакские элементы и тем самым является древнейшим ядром, хранителем его реликтовых особенностей [8, 9, 12].

Абсолютно актуальными остаются проблемы теоретического и методологического характера исследований вышеуказанных вопросов, связанных с идеографическим, когнитивным, тезаурусным прописанием лексического состава исследуемых языков в более широком контексте этноязыковых контактов.

Литература

1. *Алефиренко Н.Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. М.: Academia, 2002. 391 с.
2. *Асмондьяров В.Н.* К проблеме этногенетической интерпретации говоров тюркских языков Урало-Поволжья (на материале диалектной системы башкирского языка) // Актуальные проблемы современной башкирской филологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 12-13 декабря) / отв. ред. М.В. Зайнуллин. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 330 с.
3. *Вежицкая А.* Понимание культуры через посредство ключевых слов. М.: Языки славянской культуры, 2001. 290 с.
4. *Киселева М.П.* Языковое сознание как проблема отечественной когнитивистики: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ростов-н/Д., 2009.
5. *Корнилов О.А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд. М.: ЧеРо, 2003. 192 с.
6. *Красных В.В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
7. *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. 242 с.
8. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа, этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.
9. *Максютова Н.Х.* Восточный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1976. 292 с.
10. *Шайхулов А.Г.* Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности (аспекты системно-идеографической характеристики на общетюркском фоне). Уфа: Изд-во БГУ, 1999. 228 с.
11. *Шайхулов А.Г., Шайхисламова З.Ф., Асмондьяров В.Н.* Некоторые методологические аспекты сопоставительных исследований диалектных данных в контексте когнитивных сфер (на материале диалектологических атласов уральских и алтайских языков) // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 2013. Вып. 4. 154 с.

12. Шайхисламова З.Ф. Отражение диалектных особенностей башкирского языка в топонимии // Народное слово в науке о языке: материалы Всерос. науч. конф. Уфа: Изд-во БашГУ, 2006. С. 285–288.

13. Шайхисламова З.Ф. Некоторые аспекты уйгурско-башкирских лексических взаимосвязей (на материале эмотивов) // Жизнь, посвященная тюркологии: сборник научных статей к 90-летию со дня рождения известного тюрколога, академика, доктора филологических наук, профессора Эдхяма Рахимовича Тенишева. Казань: ТГГПУ, 2011. С. 123–128.

14. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 192 с.

References

1. Alefirenko N.F. *Pojeticheskaja jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznaniya i kul'tury* [The poetic power of speech. Synergetics language, consciousness and culture]. Moscow, Academia Publ., 2002, 391 p.

2. Asmond'jarov V.N. *K probleme jetnogeneticheskoj interpretacii govorov tjurkskih jazykov Uralo-Povolzh'ja (na materiale dialektnoj sistemy bashkirskogo jazyka)* [Some problems of interpretation is ethnogenetic Turkic languages Ural-Volga region (based on the dialect of the Bashkir language)]. Aktualnye problemy sovremennoj bashkirskoj filologii [Proc. of Int. Conf. "Actual problems of modern Bashkir Philology"]. Ufa, 2013, 330 p.

3. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo ključevykh slov [Understanding cultures through keywords]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2001, 290 p.

4. Kiseleva M.P. *Jazykovoe soznanie kak problema otechestvennoj kogntivistiki. Diss. dokt. fhil. nauk* [Linguistic consciousness as a problem of domestic kogntivistiki. Dr. phil. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2009, 30 p.

5. Kornilov O.A. *Jazykovye kartiny mira kak proizvdnye nacional'nyh mentalitetov* [Linguistic picture of the world as proizvdnye national mentalities]. Moscow, CheRaw Publ., 2003, 192 p.

6. Krasnyh V.V. *Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics]. Moscow, Gnozis Publ., 2002, 284 p.

7. Kubrjakova E.S., Dem'jankov V.Z., Pankrac Ju.G., Luzina L.G. *Kratkij slovar' kogntivnykh terminov* [Concise dictionary of cognitive terms]. Moscow, Moscow University Publ., 1996. 242 p.

8. Kuzeev R.G. *Proishozhdenie bashkirskogo naroda, jetnicheskij sostav, istorija ras-selenija* [The origin of the Bashkir people, ethnic composition, history of settlement]. Moscow, Nauka Publ., 1974, 576 p.

9. Maksjutova N.H. *Vostochnyj dialekt bashkirskogo jazyka*. [Eastern dialect of the Bashkir language]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 292 p.

10. Shajhulov A.G. *Leksicheskie vzaimosvjazi kypchakskih jazykov Uralo-Povolzh'ja v svete ih istoriko-kul'turnoj obshhnosti (aspekty sistemno-ideograficheskoj harakteristiki na obshhetjurskom fone)* [Lexical relationship Kipchak languages Ural-Volga region in the light of their historical and cultural community (ideographic aspects of system on characteristics common Turk background)]. Ufa, 1999, 228 p.

11. Shajhulov A.G., Shajhislamova Z.F., Asmond'jarov V.N. *Nekotorye metodologičeskie aspekty sopostavitel'nykh issledovanij dialektnykh dannyh v kontekste kogntivnykh sfer (na materiale dialektologičeskikh atlasov ural'skikh i altajskikh jazykov)* [Some methodological aspects of comparative studies of dialect data in the context of cognitive areas (based on dialectological atlases Uralic and Altaic languages)]. *Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2013. Vol. 4. 154 p.

12. Shajhislamova Z.F. Otrazhenie dialektnykh osobennostej bashkirskogo jazyka v toponimii [Reflection dialectal features of the Bashkir language in the toponymy]. *Narodnoe slovo v nauke o jazyke: materialy Vseros. nauch. konf.* [Proc. of Rus. Conf. "National word in the science of language"]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2006. pp. 285–288.

13. Shajhislamova Z.F. *Nekotorye aspekty ujugursko-bashkirskih leksicheskikh vzai-mosvjazej (na materiale jemotivov)* [Some aspects of the Uyghur-Bashkir lexical relationships (based on emotive)]. *Zhizn', posvjashhennaja tjurkologii* [Life devoted to Turkic Studies]. Kazan, 2011. pp. 123–128.

14. Shahovskij V.I. *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoj sisteme jazyka* [Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1987, 192 pp.

ШАЙХИСЛАМОВА ЗУБАРЖАТ ФАНИЛОНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры башкирского языкознания и этнокультурного образования, Башкирский государственный университет, Россия, Уфа (zubarzhats@yandex.ru).

SHAIKHISLAMOVA ZUBARZHAT – candidate of philological sciences, assistant professor of Bashkir Philology and Ethno-Cultural Education Chair, Bashkir State University, Russia, Ufa.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111 (73) "XVII/XVIII"
ББК Ш 43 (7 СОЕ)(+432.14)(5)

Л.А. МИШИНА

**ЗЕМНОЕ И ДУХОВНОЕ ВРЕМЯ
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVII ВЕКА**

Ключевые слова: земное время, духовное время, деловитость, общественная активность, ковенант, «богова Реальность», пастырь, христианский универсализм.

Рассмотрены понятия земного и духовного времени в американской литературе XVII в., выявлены их составляющие. В литературоведческий оборот вводятся непереведенные на русский язык работы К. Мэзера, Д. Уинтропа, Дж. Митчелла.

L. MISHINA

EARTH AND SACRAL TIME IN THE SEVENTEENTH CENTURY AMERICAN LITERATURE

Key words: earth time, sacral time, business, social activity, covenant, «god's reality», shepherd, Christian universality.

In this article notions of earth time and sacral time are studied and main parts of these notions are defined. Not translated to Russian are not used in literary science works by C. Mather, J. Winthrop, J. Mitchell are analysed.

Американская литература XVII в. продолжает оставаться одной из малоисследованных в мировой литературе. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть произведения американских авторов XVII в. в литературно-философском ракурсе – ракурсе отражения в них земного и духовного времени.

«Первоначальный план заселения Новой Англии был продиктован чисто экономическими интересами» [7. С. 147]. Однако американскую литературу создавали не предприниматели, а пуритане и пилигримы, т.е. люди верующие, переселившиеся на новый континент для того, чтобы свободно исповедовать гонимую в Англии новую веру, протестантизм. Их письма, биографии, проповеди, дневники, описания, трактаты составили первоначальный пласт американской национальной литературы. Все названные жанры преследуют одну цель – изложить с теологической точки зрения информацию о различных сторонах жизни нового континента. Таким образом, «труды и дни» первых поселенцев, воссозданные в литературе, наполнены как земным, так и духовным содержанием. Практически в каждом произведении представлены оба начала, хотя соотношение их различно и зависит и от жанра, и от позиции автора.

Земное время поселенцев заполнено делами двоякого рода: это обустройство на новых землях и общественно-политическая деятельность. Исследователи часто цитируют строки из известной книги «История поселения в Плимуте» Уильяма Брэдфорда, в которых выражено смятение прибывших по поводу увиденного – мрачная пустыня, полная диких зверей и диких людей [1. С. 80]. Более красноречивой, однако, оказывается информация, изложенная Э. Эллиотом в первом томе Кембриджской истории американской литературы. Известно, что первая жена Брэдфорда, которая вместе с сыном сопровождала мужа в Плимут, погибла при высадке на сушу. Эллиот отмечает, что, поскольку Брэдфорд не упоминает об этом факте в своей истории, его жена при виде наводящего ужас мрачного американского берега, возможно, покончила с собой [9. Р. 215]. Этот эпизод может быть своеобразной преамбулой к описанию бытовой стороны жизни поселенцев – она проходила в экстремальных условиях.

В американской словесности XVII в. трудно найти произведение, в котором бы с такой полнотой обрисовывалось земное время поселенцев, как «История поселения в Плимуте» Брэдфорда. Будучи в течение нескольких десятилетий губернатором колонии, автор знает жизнь плимутцев в подробностях и запечатлевает ее на протяжении почти тридцати лет. При всей жанровой многогранности труда Брэдфорда летописное начало является в нем основным. «Книга 2-я сочинения, посвященная собственно американской жизни пилигримов, построена по хронологическому принципу: главы представляют собой разбивку материала по годам. Из главы в главу следуют многочисленные подробные описания сева, сбора и хранения урожая, строительства зданий, укрепление поселения, пушного и рыболовного промыслов. Вот одно из них: «Посеяли также семена, привезенные из Англии, а именно пшеницу и горох, которые, однако, взошли плохо; то ли плохи были семена, то ли сеяли поздно, то ли по обоим этим причинам или еще почему-либо» [1. С. 94]. Поселенцы радуются самым простым вещам: семенам, теплу, хорошему улову, построенному дому, доставленной им провизии и материи. Брэдфорд ведет подробные записи из экономической жизни поселения. «Из счетов я вижу, что на первую партию поселенцев пошло грубошерстной ткани 125 ярдов, полотна 127 локтей, да башмаков 66 пар...» [1. С. 196] – подробные описания характерны для «Истории поселения в Плимуте».

Как известно, большую роль в одомашнивании дикой природы играли приглашенные из Старого света специалисты. Брэдфорд высоко ценил этих людей. Он уделяет специалистам не меньше места, чем пастырям, которые, к слову сказать, довольно часто менялись. Описывая вновь прибывших плотника и солевара, Брэдфорд пускается в подробности их ремесла, оценивает профессиональную подготовку мастеров, вклад в хозяйственную жизнь поселения. Таким образом, наряду с временем земледельца, временем охотника и временем рыболова появляется время ремесленника.

Деловитости и рачительности первых поселенцев Т. Свит посвящает исследование «Американские георгики. Экономика и окружающая среда в ранней американской литературе» [13]. Название 3-й главы «Чудесное провидение рынка» представляет собой аллюзию на известное сочинение Э. Джонсона «Чудесное провидение Сионского спасителя в Новой Англии» (1654). Аллюзия автора красноречива: он делает акцент не на божественной воле, а на человеческой активности. У Джонсона, при всей его религиозной экзальтированности, Т. Свит находит ту же глубокую уверенность в преумножении мощи земли, что и у Брэдфорда. Исследователь подчеркивает мнение Джонсона о том, что помешать этому процессу может только конец света [14. Р. 53].

Хозяйственная деятельность первых поселенцев была распределена по сезонам и часто зависела от погоды. Упоминания о засухе, жаре, холоде, дождях, сильном ветре, штормах постоянны на страницах книги Брэдфорда. Однако в ранней американской литературе есть произведение, полностью посвященное погоде, – это письмо, написанное Коттоном Мэзером английскому геологу Джону Вудворду и включенное в работу «*Curiosa Americana*». [10] Коттон Мэзер – одна из ключевых фигур ранней американской истории. Автор монументального труда «*Magnalia Christi Americana*» («Великие деяния Христа в Америке», 1702) Мэзер также является создателем многочисленных произведений в жанрах проповеди, биографии, эссе, теологического трактата, письма, поэмы. Он проявлял большой интерес и к научным знаниям. Являясь членом Королевского научного общества, Мэзер между 1712 и 1724 гг. послал в эту организацию более восьмидесяти писем по различным научным вопросам [11. Р. 117]. Одним из таких посланий является и названное выше, посвященное описанию необычайно снежной зимы предположительно 1716 г.

Письмо демонстрирует особенности пространственного и временного мышления Мэзера – американская зима показана им в контексте античной и средневековой естественной истории. Обширные познания позволяют автору обнаружить аналогичные явления у других народов и в другие времена. Необычная зима в Америке 1716 г. в восприятии Мэзера – эпизод общечеловеческой метеоистории. Автор письма сопоставляет американскую зиму с наиболее тяжелыми зимами в истории человечества. В поле зрения автора попадают античная и средневековая история, мифология. Написанное Мэзером выходит за рамки как информации о необычных явлениях, так и традиционного письма. Форма сочинения тщательно продумана автором.

Каскад сравнений создает эмоциональное напряжение текста, которое усиливается использованием параллельных синтаксических конструкций с элементами анафоры:

«Зима была не столь тяжелой, как...»

«Не такой, которая стала...»

«Не такой, когда...»

«Снег не был таким, который...»

«Не такой, о котором рассказывают...»

«Не такой, о котором упоминают...» [10. Р. 117–118]

«Тем не менее, – резюмирует Мэзер, – зима была одной из необычных и сопровождалась такими обстоятельствами, которые заслуживают того, чтобы о них рассказать» [10. Р. 118]. Автор показывает процесс образования гигантского снежного покрова: сначала прошел сильный снегопад, затем налетела долго не утихавшая буря, а через несколько дней случился снежный буран. Большая часть письма посвящена описанию последствий бедствия, причем последствий необычных. Примечательно, что об удивительных историях с людьми Мэзер упоминает лишь вскользь. Главный его интерес составляют случаи чудесного спасения животных и курьезы, происшествия с ними. Это обстоятельство может быть объяснено следующими факторами: во-первых, письмо предназначалось как источник сведений геологу Д. Вудворду, готовившему к публикации свое «Эссе о естественной истории Земли» [11. Р. 117]; во-вторых, хотя послание Мэзера создано через несколько десятилетий после книги Брэдфорда и за это время жизнь на континенте стала более цивилизованной, значение домашних животных для человека все еще велико; сознание поселенцев продолжает оставаться фермерским.

Мэзер так тщательно собрал факты и с таким уважением пишет о домашних птицах и животных, об их воле к жизни, что его сочинение можно назвать своеобразной сагой о предмете пусть и не о героическом, но крайне важном для человека. «Один фермер, потерявший более одиннадцати сотен овец, которые вместе с другим скотом затерялись в снегу, написал мне, – рассказывает Мэзер, – что две овцы оказались в исключительных обстоятельствах. Не менее чем через двадцать восемь дней после бури люди, раскапывая останки сотен овец, погребенных под снежным завалом, который возвышался на шестнадцать футов, нашли там двух живых овец; они находились здесь все это время и выжили, питаясь шерстью своих мертвых собратьев. Когда овцы были освобождены, оказалось, что они голые, без шерсти, однако вскоре животные пришли в нормальное состояние» [11. Р. 118]. Судьбу выживания в экстремальных условиях разделили с овцами свиньи. «У одного человека была пара молодых свиней, которых он считал погибшими, – читаем в письме Мэзера. – Однако на двадцать седьмой день свиньи выбрались из-под снежного завала, они выжили благодаря тому, что под завалом нашли немного пижмы, которой и пытались».

Земное время первых поселенцев в основном проживается коллективно. Коллективный образ доминирует в произведениях американской литературы

XVII в.: он может быть реалистичным («История поселения в Плимуте» У. Брэдфорда), идеализированным («Чудесное провидение Сионского спасителя в Новой Англии» Э. Джонсона), конфессиональным («В защиту “Ответа”» Т. Шепарда). Предприятие, задуманное поселенцами, изначально предполагалось как коллективное, поскольку одиночкам оно было не под силу. Коллективность, однако, не означает идилличности. Жизнь Плимутской колонии в описании Брэдфорда зачастую напоминает детектив: велико число мошенников, стремящихся обогатиться за счет поселенцев; усиливаются и конфликты в среде последних. Созданная десятью годами позднее колония в Массачусетсе (1630), которой руководил Джон Уинтроп (1588–1649), известна преследованием инакомыслящих (так называемый антиномиянский кризис), которое в 1688–1692 гг. вылилось в «охоту на ведьм» – «только в 1692 г. сейлемским судом было осуждено сто пятьдесят ведьм, многие из которых были казнены и сожжены» (Приведенные факты, однако, не отменяют принципа коллективности как главенствующего в жизни первых поселенцев).

Коллектив заявляет о себе не только в решении сугубо бытовых вопросов, связанных с земледелием, скотоводством и охотой, но и в общественно-политической деятельности, которая в американских поселениях XVII в. была достаточно разнообразной и бурной. Об этом, в частности, свидетельствует знаменитое сочинение Джона Уинтропа «История Новой Англии» (1645–1853). «Две из наиболее важных сфер жизни Массачусетской колонии связаны с именем Уинтропа: это предусмотренные уставом ежегодные выборы, в результате которых периодически менялся состав государственных служащих, и создание государственных институтов, в целом напоминающих английские» [15. Р. 57]. «История Новой Англии» представляет собой хронику событий с 1630 г. по 1649 г. Однако полное название работы Уинтропа – «Дневник, или История Новой Англии», что вносит в повествование личный элемент. Тем яснее высвечивается характер Уинтропа. Ибо его «дни» заполнены событиями общественного значения. Среди этих событий – пожары и их разрушительные последствия, религиозные споры, присоединение новых территорий: организация бизнеса по добыче железа, взаимоотношения с духовными кругами Лондона; открытие бесплатных школ.

Произведение Уинтропа носит менее эмоциональный характер, чем «История поселения в Плимуте» Брэдфорда. Под пером Уинтропа люди выглядят более защищенными и твердыми. Можно предположить, что это связано как с особенностями личности автора, так и с большей обустроенностью жизни в Массачусетсе. Многие страницы книги Брэдфорда посвящены описанию обмана, обид, разочарований, крайне тяжелых физических и психологических ситуаций. Уинтроп сдержан, приведенный ниже пассаж для него редок: «[3 июля]. По распоряжению генерального суда и по совету старейшин решено было держать пост. Были тяжелые обстоятельства, тоска по Англии, разногласия в генеральном суде, засуха. Что касается последнего, то Бог услышал наши молитвы и вскоре послал нам дождь, а потом пришло и смирение» [17. Р. 59].

Личное и общественное теснейшим образом сливается в той части дневника, где раскрывается так называемое «дело» Уинтропа, когда он, будучи губернатором, был необоснованно обвинен в превышении служебных полномочий. Ситуация прослежена автором столь детально и объемно, на протяжении более десяти страниц, что она явно выходит за пределы выбранного Уинтропом хроникально-фактического повествования. Время литературное практически совпадает здесь со временем реальным. Уинтроп излагает рассмотрение дела разными органами, в частности, магистратом, собранием депутатов, судов, и тем самым косвенно характеризует систему государственных и общественных органов – она является четкой и отлаженной. В ракурсе нашего исследования важен другой

ракурс – общественная активность людей. Защита своих прав, восстановление истины (как каждый ее понимает) становятся для поселенцев не менее значимыми, чем фермерские заботы.

Рассказав историю своей реабилитации, Уинтроп обращается к людям уже как представитель власти с призывом проявлять еще большую гражданскую активность. «Это вы, кто побуждает нас к деятельности, и, будучи призваны вами, мы получили власть от Бога»... [17. Р. 63], – считает он. Рассуждения автора по поводу взаимоотношений власти и народа фактически представляют собой толкование этого вопроса, изложение его фактической, политической и психологической сторон. Обращение к простым, бытовым понятиям и делам позволяет сделать толкование доходчивым. Так, Уинтроп пишет: «Когда вы заключаете соглашение с работником о строительстве судна или дома, вы знаете, что это его профессия; он обязуется выполнить заказ качественно и добросовестно, и вы платите ему и за профессионализм, и за старательность. Но когда вы призываете кого-то стать членом магистрата, неизвестно, пригоден ли он для этого профессионально и не будет ли злоупотреблять своим положением, поэтому вы идете на риск» [17. Р. 64].

Подробное, заинтересованное описание американскими авторами XVII в. всех сторон жизни поселений создает в их произведениях плотную реальность бытия. Но над этим осязаемым, эмпирическим миром пребывает иная, нематериальная, но тем не менее четко обрисованная в сознании поселенцев сфера, рожденная их глубокой религиозностью. Эту сферу (применительно к «Житию Аввакума») В.В. Кожин называет «боговой реальностью» [4. С. 264]. Время, прожитое в «боговой реальности», и есть духовное время.

Духовное время в произведениях раннеамериканских авторов связано прежде всего с постоянным ощущением Бога и других сил небесных. Знаменитая фраза Брэдфорда «Господь посетил нас бедствием» свидетельствует о том, что ни одна минута человеческой жизни, ни радостная, ни печальная, не мыслилась вне присутствия бога. Многозначителен знаменитый брэдфордский образ ступеней – он фигурирует в поэме «Слово к Новому Плимуту» и «Истории поселения в Плимуте». Брэдфорд выражает готовность пуритан стать ступеньками, «по которым другие пойдут на великое это дело» [1. С. 40] – проповедь Евангелия.

Жизнь поселений мыслилась авторами дневников, проповедей, описаний и трактатов XVII в. в контексте библейской истории. Текст Библии и цитируется, и пересказывается, и подразумевается. Нет таких бытовых, политических, психологических ситуаций, которые бы не сопоставлялись с Библией. По справедливому замечанию А.А. Доминика, «ключом к познанию истинного смысла могло служить лишь Священное Писание» [3. С. 54]. Библейский образ вынесен в заглавие произведения: «Чудесное провидение Сионского спасителя в Новой Англии» Э. Джонсона, «Неемия на стене» Д. Митчелла, «Продажа Иосифа» С. Сьюолла, «Великие деяния Христа в Америке» К. Мэзера.

Одним из широко распространенных «провиденциальных клише» было сопоставление истории новоанглийских пуритан и «детей израилевых». С. Беркович в работе «Пуританские истоки личности американца» приводит красноречивую цитату из проповеди современника Сэмюэля Уэйкмана, жившего в Новой Англии XVII в.: «Иерусалим был, Новая Англия есть, они были, вы есть божьи дети, люди, с которыми Бог заключил ковенант... употребляете название "Новая Англия" вместо названия "Иерусалим", и вы увидите смысл вашего дела» [8. Р. 61]. Все основные моменты в жизни древних евреев – исход из Египта, переход через пустыню, возведение иерусалимских стен, римское владычество – находят многоголосый отклик в концепции пуритан. Подобная параллель определяет приоритетное положение в пуританском сознании Ветхого Завета

по сравнению с Новым Заветом, ибо о судьбе древних израильтян повествуют ветхозаветные пророки. Не случайно поэтому К. Мэзер в книге «Великие деяния Христа в Америке» сравнивает новоанглийских лидеров с пророками Ветхого Завета. Джона Уинтропа, в частности, он сопоставляет с Иаковом, Иовом, Соломоном, Моисеем, Иосифом, Неемией, Давидом. Уильяма Брэдфорда Мэзера уподобляет Моисею.

Фигура пастыря является ключевой в ранней американской истории и литературе. Многие авторы этого периода, среди которых Томас Хукер, Джонатан Митчелл, Томас Шепард, Коттон Мэзер, имели богословское образование и были теологами и проповедниками. Уильям Брэдфорд и Джон Уинтроп не были профессиональными богословами, но выполняли миссию пастора. Раннеамериканские авторы столь ревностно следили за деятельностью должностных лиц, их религиозными и нравственными качествами, что выработали специальный жанр – election sermon – проповедь, произнесенная в период ежегодного избрания в Бостоне (Массачусетс) губернатора, других должностных лиц и Верховного суда. Д. Митчелл, автор «предвыборной проповеди» «Неемия на стене», обращается к правителям с призывом: «...В вашей деятельности, определенной богом, в вашем служении вы должны пренебречь сложностями, тревогами, враждебными выступлениями, несоответствием своему назначению людей и вещей вокруг вас, что всегда существует. Ваше служение требует терпения, веры, мужества, самоотречения, стойкости борца... вы должны продолжать, как это делали в свое время апостолы» [13. Р. 112].

В Новом Завете большое внимание американских авторов XVII в. привлекают Послания апостола Павла. В Посланиях и деяниях Павла поселенцы черпают истины на все случаи жизни. «Реформация открывает для Павла новую эру славы и власти» [6. С. 240], – пишет Э. Ренан в исследовании «Апостол Павел». Далее он перечисляет основные черты характера Павла, которые прямо соответствуют духу Реформации: он был выдающимся человеком дела, с сильной и захватывающей душой, энтузиастом, завоевателем, миссионером, пропагандистом... [6. С. 241]. Э. Ренан находит основания для сопоставления Павла с Лютером: «Та же сильная речь, те же страстность, энергия, благородная независимость, та же яростная привязанность к принятому тезису как к абсолютной истине» [6. С. 241].

Духовное время получает свое идеальное воплощение в ряде биографий священников, составляющих третью книгу сочинения Коттона Мэзера «Великие деяния Христа в Америке». Одна из этих биографий – «Жизнь м-ра Джонатана Барра». Преподобный Барр (1604–1641) около двух лет сотрудничал с Ричардом Мэзером, дедушкой Коттона Мэзера, в Дорчестере. «Его жизнь описана с той почтительностью, с какой воссоздавалась жизнь наиболее выдающихся руководителей пуританской миграции. Но даже на этом фоне стиль работы Мэзера отличается особой восторженностью» [11. Р. 112]. По нашему мнению, в автобиографическом очерке Мэзера просматриваются черты художественного метода, существовавшего в литературе средних веков – христианского универсализма. Это предположение окажется не столь парадоксальным, если учесть, что религия являлась ведущей формой общественного сознания как в эпоху средневековья, так и в XVII в. в связи с утверждением в Европе и Америке третьей ветви христианства – протестантизма. Р. Райт, автор работы «Культурная жизнь американских колоний», называет семнадцатый век веком веры [17. Р. 74]

Христианский универсализм предполагает однолинейность, заданность характера, существование его в единственной – религиозной – сфере. Именно так выстроена Мэзером жизнь Джонатана Барра: с детства и до последних дней

жизни он верен своему христианскому долгу и не знает ни сомнений, ни разочарований. Биография м-ра Барра близка к последнему из двух типов жития, пространенных в средние века, – биографию грешника, ставшего праведником, и жития праведника с самого начала. Повествование Мэзера могло бы стать схематичным, если бы не многообразие подходов к изображению основного этапа жизни героя – служения на поприще церкви. Автор излагает мысли м-ра Барра по поводу миссии священника, описывает распорядок его обычного дня и дня накануне Пасхи. Помощь больным и бедным, дела и размышления в период разъездов, болезнь и исцеление, приводит мнение уважаемых людей о своем герое и, наконец, детально прослеживает его поведение в период тяжелой болезни, приведшей к смерти, и само восприятие смерти. В следующем пассаже предстает духовное время как таковое: «Восстав от сна, он (Барр. – Л.М.) просил у Бога прощения за возможные ночные прегрешения, а затем молился о даровании ему такого числа дней, чтобы сердце его успело напитаться мудростью. Если же он просыпался ночью, то был преисполнен благодарности к небесам. Поднявшись утром, он отправлялся в свой любимый кабинет, где начинал день со своей потаенной молитвы Богу. После этого он читал главу из Ветхого Завета и предавался различного рода размышлениям... Затем он спускался к семье, где, с молитвами, вновь читал и толковал ту же главу Писания для своих родственников, а также для соседей... Возвратившись затем в свой кабинет, он продолжал занятия до тех пор, пока его не звали к обеду... после обеда.. он возвращался в свой кабинет, где молился вместе с женой.. В приближении вечера он, как обычно, читал главу из нового Завета, обсуждая ее с членами своей семьи и молясь» [12. Р. 113–114].

Духовное время может быть в разной степени осознаваемо и проживаемо людьми. Такие молитвенники, как преподобный Барр, и осознавали его, и жили в нем. Уинтроп и Брэдфорд, осознавая духовное время, не могли проживать только его, они были глубоко включены в реальные обстоятельства. Многие рядовые поселенцы, будучи заняты прежде всего делами мирскими, и сознательно, и неосознанно надеялись на бога. Так или иначе, духовная активность американских поселенцев XVII в. была велика. «Подключение к духовному времени или сакральному календарю приводит к расширению внутреннего мира человека... Сакральное время связует человека как с Богом, так и с историей человечества» [2. С. 82].

Литература

1. Брэдфорд У. История поселения в Плимуте / пер. З. Александровой. М.: Худож. лит., 1987.
2. Волкова Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе. М.: Нопаяз, 2001.
3. Доминин А.А. У истоков американской культуры: «картина мира» в литературе колоний Новой Англии XVII в. // Истоки и формирование американской литературы. XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1985.
4. Кожин В.В. Происхождение романа. М.: Сов. писатель, 1963.
5. Покровский Н.Е. Ранняя американская философия. М.: Высш. шк., 1989.
6. Ренан Э. Апостол Павел: репринт. М.: Terra, 1991.
7. Armstrong C. Writing North America in the seventeenth century. English representations in print and manuscript. Burlington, 2007.
8. Bercovitch S. The Puritan Origins of American Self. New Haven, 1976.
9. Elliott E. Personal Narrative and History // The Cambridge History of American Literature. Vol. I. 1590–1820. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1994.
10. Mather C. Curiosa Americana // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance / W. Blair, Th. Hornberger, R. Stewart. Vol. I. Chicago; N.Y., 1953.
11. Mather C. Editor's Preface // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance / W. Blair, Th. Hornberger, R. Stewart. Vol. I. Chicago; N.Y., 1953.

12. Mather C. The Life of Mr. Jonathan Barr. From «Magnalia Christi Americana» // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance / W. Blair, Th. Hornberger, R. Stewart. Vol. I. Chicago; N.Y., 1953.
13. Mitchell J. Nehemiah on the Wall // The American Puritans. Their Prose and Poetry. N.Y., 1956.
14. Sweet T. American Georgics. Economy and Environment in Early American Literature. Philad., 2002.
15. Winthrop J. Editor's Preface // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance / W. Blair, Th. Hornberger, R. Stewart. Vol. I. Chicago; N.Y., 1953.
16. Winthrop J. The History of New England // The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance / W. Blair, Th. Hornberger, R. Stewart. Vol. I. Chicago; N.Y., 1953.
17. Wright R. The Cultural Life of the American Colonies. N.Y., 1957.

References

1. Bradford W. Of Plymouth Plantation. New York, 1981 (Russ. ed.: Aleksandrova Z. Istoriya poseleniya v Plimute. Moscow, Khudozhestvennaya literanura Publ., 1987).
2. Volkova E.I. *Syuzhet o spasenii v russkoi, angliiskoi i amerikanskoi literature* [The theme of salvation in Russian, English and American Literature]. Moscow, Nopayaz Publ., 2001.
3. Dominin A.A. *U istokov amerikanskoi kul'tury: «kartina mira» v literature kolonii Novoi Anglii XVII veka* [At the root of American culture: "a picture of the world" in the literature of the colonies of XVII-th century New England]. *Istoki i formirovanie amerikanskoi literatury. XVII–XVIII veka* [Origins and formation of the XVII–XVIII centuries American literature]. Moscow, Nauka Publ., 1985.
4. Kozhinov V.V. *Proiskhozhdenie romana* [The origin of the novel]. M.: Sovetskiy pisatel' Publ., 1963.
5. Pokrovskii N.E. *Rannyyaya amerikanskaya filosofiya* [Early American philosophy]. Moscow, Vysshay shkola Publ., 1989.
6. Renan E. Apostle Paul. (Russ. ed.: Apostol Pavel. Reprint ed. Moscow, Terra Publ., 1991).
7. Armstrong C. Writing North America in the seventeenth century. English representations in print and manuscript. Burlington, 2007.
8. Bercovitch S. The Puritan Origins of American Self. New Haven, 1976.
9. Elliott E. Personal Narrative and History. In: The Cambridge History of American Literature. Vol. I. 1590–1820. Cambridge, Cambr. Univ. Press, 1994.
10. Mather C. Curiosa Americana. In: Blair W., Hornberger Th., Stewart R. The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953, vol. I.
11. Mather C. Editor's Preface. In: Blair W., Hornberger Th., Stewart R. The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953, vol. I.
12. Mather C. The Life of Mr. Jonathan Barr. From «Magnalia Christi Americana». In: Blair W., Hornberger Th., Stewart R. The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953, vol. I.
13. Mitchell J. Nehemiah on the Wall. In: The American Puritans. Their Prose and Poetry. New York, 1956.
14. Sweet T. American Georgics. Economy and Environment in Early American Literature. Philad., 2002.
15. Winthrop J. Editor's Preface. In: Blair W., Hornberger Th., Stewart R. The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953, vol. I.
16. Winthrop J. The History of New England. In: Blair W., Hornberger Th., Stewart R. The Literature of the United States. An Anthology and a History. From the Colonial Period through the American Renaissance. Chicago; N.Y., 1953, vol. I.
17. Wright R. The Cultural Life of the American Colonies. New York, 1957.

МИШИНА ЛАРИСА АЛЕКСЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (futurum2006@yandex.ru).

MISHINA LARISA – doctor of philological sciences, professor of Russian and Foreign literature Chair, Chuvash State University, Russia, Cheboksary.

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2РОС=Рус)6

С.В. СИНЦОВА

ФОРМИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОГО ИНТЕРТЕКСТА В ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «СТРАШНАЯ МЕСТЬ»

Ключевые слова: ассоциация, гендерный интертекст, истоки творчества, мистический колорит.

В повести «Страшная месьть» выявлен ряд образно-тематических элементов (сюжетные линии, детали, психологические характеристики персонажей, символы и т.п.), которые сформировали в творчестве зрелого Гоголя гендерный интертекст. Обосновывается положение, что источником появления таких ассоциаций гендерного плана стало взаимодействие в повести любовно-семейной линии с мистическим сюжетом. В условных «точках» их пересечения возникали яркие образы, мотивы, потенциальные сюжетные линии, свидетельствующие об оригинальном художественном видении Гоголем традиционных для литературы и фольклора тем.

S. SINTSOVA FORMATION OF GENDER INTERTEXT IN THE STORY OF N.V. GOGOL «A TERRIBLE REVENGE»

Key words: association, gender intertext, origins of creativity, mysticism.

A number of imagery and thematic elements in the story «A Terrible Revenge» (storyline, details, psychological characteristics of the characters, symbols, and so on) have formed gender intertext in the works of mature writings of Gogol. It is shown that the source of such associations is collaboration of the family's storyline with the mysticism. Conventional «points» of their intersection created specific images, motives, and potential storylines that show original artistic vision inspired by traditional literature and folklore themes.

Повесть «Страшная месьть» входит в цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки». Этот цикл особенно ярко отражает становление начинающего писателя, его искание собственного творческого «лица», тех тем и образов, которые определяют в дальнейшем неповторимую оригинальность Гоголя-прозаика. Одной из таких тем, прошедших красной нитью через все произведения писателя, стала тема сложных и драматичных отношений мужского и женского начал [3, 4]. Как показал углубленный анализ таких повестей, как «Вий», «Портрет», «Тарас Бульба», «Вечер накануне Ивана Купалы», «Майская ночь, или Утопленница», тема притяжения и притяжения мужского и женского имела очень интересные и важные оттенки мистического плана. Эти оттенки возникают уже в раннем цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки», в котором мистические контексты гендерной проблематики обнаруживают свою неразрывную связь с фольклорными истоками гоголевского творчества¹.

Повесть «Страшная месьть» занимает в этом ряду весьма важное место. В ней, как и в «Вечере накануне Ивана Купалы», как и в «Майской ночи...», активно формируются смысловые элементы, которые позже оплодотворят гоголев-

¹ О фольклорных источниках творчества Гоголя, особенно его «Вечеров...» существует немало исследований. Данной проблеме посвящены работы В.И. Абаева, Ю.А. Барабаша, О.А. Державиной, Е.Е. Дмитриевой, А. Карпенко, В.Ш. Кривоноса, И.П. Лупановой, А.Б. Мартыненко, В. Милорадовича, В. Перетц, В.И. Петрова, Г.И. Чудакова, К. Неверовой, Ф. Елеонского, Н.Л. Степанова, А. Немзера и др. Г.А. Гуковский считал, что выявление такого рода фольклорных источников не столь уж важно для понимания гоголевского цикла, что писателю важнее было передать сам дух фольклора [2].

Подробнее о литературных источниках «Вечеров...» в работах Е.И. Анненковой и Н.Е. Крутиковой. Последней удалось увидеть в цикле переключки с украинской литературой. Такая малороссийская литературная традиция, повлиявшая на создание гоголевского цикла, видится исследователям (Л.Б. Мартыненко, В. Гиппиус, Е.В. Дмитриева, В. Перетц, В.А. Розов, О.А. Державина, К.Л. Степанов, В.И. Еремена, П.И. Петров) весьма обширной и глубокой (И.П. Котляревский, П.П. Гулаг-Артемковский, Г.Ф. Квитко-Основащенко, В.Т. Нарезный).

ское творчество оригинальными образами, тематическими и смысловыми нюансами. Выявление в повести «Страшная месть» таких «зародышевых образований» будущей гендерной проблематики – основная цель этой статьи. Методика выявления подобных образований проста: в повести обнаруживаются ситуации, мотивы, персонажи, авторские приемы, рождающие ассоциации с более поздними произведениями Н.В. Гоголя. Такого рода ассоциации рассматриваются как одно из проявлений «гендерного интертекста» в рамках исключительно гоголевского творчества.

Важно отметить, что ассоциации гендерного плана возникают в цикле «Вечера...» на основе разработки Гоголем традиционной для фольклора и художественной литературы темы влюбленных, препятствий различного рода на пути к их воссоединению. Эта тема стала одной из важнейших в цикле, обеспечив тесное взаимодействие и даже своего рода интеграцию фольклорных и собственно литературных истоков раннего творчества писателя. Эта тема открывает цикл («Сорочинская ярмарка»), приобретая почти сразу мистический колорит, который наполнит следующую повесть «Вечер накануне Ивана Купала». Затем мистический подтекст сюжета о влюбленных ярко окрасит «Майскую ночь...», во многом определит карнавальную стихию «Ночи перед Рождеством» и только потом проявится во всей своей мощи и почти эпическом размахе в «Страшной мести».

Мистический слой смыслодвижения возникает в этой повести не сразу. Поначалу его появление выглядит случайным в семейно-бытовой сюжетной линии. Но затем проявления волшебных сил, роковых влияний становятся весьма многочисленными и разнообразными, формируя глубинный конфликт, определяющий развитие сюжета. Именно такие «скрещения» любовно-семейной и мистической линий отмечены довольно частым возникновением образов и мотивов, которые потом проникнут и в более поздние произведения Гоголя. Часть таких образов и мотивов органически связаны с будущей гендерной проблематикой в творчестве писателя.

Так, первое появление колдуна на свадебном пиру у есаула в Киеве обусловлено стечением обстоятельств. Молодых благословляли иконами и молитвой, сила которых сдернула с колдуна подобие маски. Превращение казака в старика с характерной и уродливой внешностью сопровождается криками гостей, что колдун появился снова, а это обещает несчастья. Так возникает явная ассоциация с образом Басаврюка из повести «Вечер накануне Ивана Купала», который то появлялся, то исчезал из жизни крестьян. Более скрытая ассоциация уродливой личины колдуна – с образом ростовщика из повести «Портрет».

Эта ассоциация закрепляется в следующем эпизоде, когда Катерина и Данило обсуждают происшествие на свадьбе. Бурульбаш предполагает, что у колдуна есть золото, доставшееся ему от дедов. А Катерина пересказывает подобие завязки сюжета из простонародного предания о колдуне. Из-за уродства его избегали и осмеивали, а он мстил смертью обидчикам.

Продолжением этих разговоров становится фрагмент главки, в котором из могил встают мертвецы. Этот фольклорный мотив сопровождается излюбленным гоголевским образом неподвижного пристального взгляда, окрашен яркой психологической реакцией персонажей. «Вдруг гребцы опустили весла и недвижно уставили очи. Остановился и пан Данило: страх и холод прорезался в козацкие жилы. Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из нее высохший мертвец» [1. С. 143].

Продолжением эмоционального потрясения персонажей становятся попытки молодых родителей успокоить расплакавшегося ребенка. Поскольку Катерина

сама испугана, роль матери пытается сыграть отец. Причем колыбельной песней он не только передает материнскую любовь и заботу, но одновременно пытается внушить сыну смелость, стойкость, свойственную мужчине, казаку. «Дай сюда на руки мне сына! – При сем слове поднял пан Данило своего сына вверх и поднес к губам. – Что, Иван, ты не боишься колдунов? «Нет, говори, тятя, я козак». Полно же, перестань плакать! домой приедем! Приедем домой – мать накормит кашей, положит тебя спать в люльку, запоет:

Люли, люли, люли!
Люли, сынку, люли!
Да вырастай, вырастай в забаву!
Козачеству на славу,
Вороженькам в расправу!» [1. С. 144].

В данном фрагменте угадывается тематическое зерно повести «Тарас Бульба». Главный герой этой повести, учивший своих детей законам «товарищества», после пленения Остапа испытывает любовь и страдание, сблизаясь тем самым с образами Христа и матери.

Свидетельством неслучайности такой ассоциации с «Тарасом Бульбой» становится описание жилища Данилы Бурульбаша. В частности, рассказчик перечисляет золотые и серебряные кубки, чарки, мушкеты, сабли. «Глядя на них, пан Данило как будто по значкам припоминал свои схватки» [1. С. 145]. А последовавшая далее схватка Бурульбаша с тестем (на саблях) напоминает вызов Тараса своим детям биться «на кулачки». Желание Катерины разнять дерущихся очень сходно с упреками жены Тараса... Только в «Страшной мести» схватка имеет не только психологическую и бытовую подоплеку, но и мистическую, поскольку отец Катерины, как вскоре выяснится, и есть тот самый колдун.

Наряду с ассоциациями с повестью «Тарас Бульба» продолжают развиваться мотивы, предвещающие повесть «Портрет». Катерина в своих упреках мужу говорит о некоем возможном превращении Бурульбаша в подобие колдуна, а также тех самых мертвецов, что поднимались из могил (Чартков также проникся духом золота и успеха под влиянием старика с портрета). При этом Гоголь постоянно возобновляет мотив странного блеска глаз отца, его огненного взгляда, что также роднит образ колдуна со стариком-ростовщиком из повести «Портрет».

Эпизод, где появляется душа Катерины, вызванная колдуном, содержит довольно отчетливые ассоциации с образом русалки из «Вия». Всячески подчеркнута светящаяся прозрачность образа, усиленная оттенками легкости и полета. Мотив власти колдуна над чистой душой опять-таки рождает воспоминание о «Портрете». Ассоциации с этой повестью поддержаны и мотивом сна (видение, в котором Катерина узнает, что колдун виновен в смерти ее матери). А отречение героини от отца-антихриста во имя любви к Даниле очень отдаленно напоминает о предательстве Андрия ради любви к воеводиной дочке...

Мотив измены родному человеку развивается в эпизоде, в котором Катерина выпускает отца из узилища, поддавшись его уговорам и обещаниям стать праведником (еще одна личина). Любопытно, что обещанная Данилой казнь за этот проступок формирует оттенок уподобления Катерины и колдуна.

Те же признаки двойничества возникают в разговоре Катерины и Данилы, который предчувствует свою гибель [1. С. 160]. Женщина упрекает мужа в том, что он говорит, «как слабая жена». А тот отвечает, что душа его «чует близкую смерть». Так продолжено развитие мотива, намеченного в начале повести: у главного героя есть некая женская грань души (колыбельная ребенку). Соеди-

нение мужества и слабости продолжено в воспоминаниях Данилы о воинственных временах, о том, как старый гетман заплакал перед «красным морем запорожцев», как говорил он речь. Все эти ассоциации – с образом Тараса Бульбы, как и воспоминания о битвах, обещающих скорбную и неминуемую смерть главного героя (эпизод битвы и гибели казаков).

Красивая одежда на Бурульбаше, бьющемся с ляхами, рождает воспоминания о золотом блеске на Андрии, когда он вышел биться с запорожцами. У Данилы также есть сходная яркая деталь: золотой пояс на синем жупане.

В повести «Страшная месть» есть даже образ рыдающей матери, что провожает своего сына в войско. Этот образ спонтанно возникает в знаменитом отступлении о красоте Днепра как развернутое сравнение. Он почти дословно предвосхищает соответствующий фрагмент из «Тараса Бульбы», в том числе и своей яркой эмоциональностью, соотносимой с плачем Катерины над убитым мужем (Остап перед смертью не хотел бы слышать ни плача жены, ни рыданий матери).

Развивается также и мотив сближения мужского и женского. Они даже неким образом «превращаются», подменяя друг друга, когда колдуну вместо ожидаемой души Катерины является лик незнакомца. Это «мужское воплощение» женской души вперилось в колдуна, напугав его до обморока, как Вий и колдунья – Хому, как старик с портрета напугал Чарткова... Любопытно, что этим неведомым незнакомцем, явившимся колдуну, могла быть и Катерина. Ведь чуть позднее она, как когда-то Данила, пересказывает свой сон есаулу Горобцу, передавая угрозы колдуна убить ее ребенка.

Гибель дитя одновременно соотносена и с образом Ивася из «Вечера накануне Ивана Купала», и с образом загрызенного ребенка Шепчихи из «Вия». Ведь Катерина отчасти виновата в смерти своего малютки. Она винит себя за то, что выпустила колдуна, убившего и мужа, и сына.

Оттенки «ведьмовства» Катерины усилены в описании ее безумной пляски. Так она хочет научить бабу «сделаться молодой», как потом будет превращаться панночка в старуху и обратно. Пляска Катерины напоминает также не только «адский тропак» из «Пропавшей грамоты», но и пляску колдуна на свадьбе у есаула в Киеве. А когда усталая пани Катерина еле передвигает ногами перед соратниками умершего мужа, она чрезвычайно похожа на Хому накануне третьей ночи в церкви, когда он странно выплясывал перед дворней.

Очень яркие ассоциации с Хомой и Вием есть в эпизоде, в котором Катерина «вонзает очи» в отца, притворившегося соратником Бурульбаша (опять подобие маски). Прежде чем наброситься на него, женщина изобличает его обман, как бы срывая маску, разрушая «круг» притворства. Теперь она, подобно колдуну, «вызывает» душу противника на суд (мотив двойничества Катерины и колдуна).

Убийство Катерины как некоего потенциального судьи «удваивается» умерщвлением святого отшельника, отказавшегося молиться за колдуна. В этом эпизоде не только Катерина уподоблена отшельнику, но и колдун – Катерине, когда обращается к схимнику с просьбой «отец, молись!» (как душа Катерины обращалась к колдуну-отцу).

К развязке повести особенно активизируются мотивы, определившие сюжетный и образный строй «Вия». Так, скачка колдуна над Карпатскими горами напоминает полет Хомы над «морем». Только вместо русалки перед колдуном возникает лицо неведомого всадника и поражает «диким смехом». Через этот яркий звуковой образ осуществляется некое вмещение чужой души в тело колдуна, вмещение, к которому так стремилась душа-ведьма в «Вию».

«Как гром, рассыпался дикий смех по горам и зазвучал в сердце колдуна, потрясши все, что было внутри его. Ему чудилось, что будто кто-то сильный влез в него и ходил внутри его и бил молотами по сердцу, по жилам... так страшно отдался в нем этот смех!» [1. С. 172].

Сопровождается этот эпизод еще и мотивом смотрения в собственную душу, как в зеркало (зеркала). Мертвый колдун видит своих «двойников», восставших из гробов (лица их «схожи» с его лицом). Они окружают всадника толпой, как чудища окружали Вия, а потом грызут тело колдуна, как ведьма грызла Ивася, а потом панночка – ребенка Шепчихи.

Мотив вмещения души в чужие тела и судьбы разрастается к финалу до колоссальных размеров. Из истории бандуриста становится известным, что источник всех страданий персонажей, в том числе и колдуна, сокрыт в давней истории о предательстве и мести двух братьев. И не столько Петро виноват в их муках, хоть именно он убил брата Ивана и его ребенка. Еще в большей степени в том повинен Иван, попросивший у Бога, чтобы «все потомство его (Петра. – С.С.) не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете!» [1. С. 175]. В результате то ли Петро с гнусностью своей вместился в своих потомков, то ли мстительный дух Ивана «грыз» этих потомков, как мертвецы – колдуна... И не понятно, кто из двух братьев ужаснее: предатель и убийца или мститель, страшно мучивший безвинных людей за их родство со своим братом-иудой.

Символом страшной мести, поработившей душу Ивана, становится гигантский конь. Персонаж обречен вечно скитаться по миру на этом коне, как Агасфер. «“Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своем!” И то все так сбылось, как было сказано...» [1. С. 176]. Не входит ли через этого коня и всадника в произведения Гоголя мотив скитания неприкаянной души, как мужской, так и женской? Это душа, которая сама повинна в своем изгнании; душа, не предвидевшая последствий своих желаний...

И еще один колоссальный символический образ завершает «Страшную месть», напоминая некий «прототип» Вия. Это образ громадного мертвеца, навечно погребенного под землей и изгрызаемого другими мертвецами (Петро и его потомство). Он хочет встать, но лишь сотрясается земля в своих невиданных муках. Этот символ возмездия за предательство брата, потомков, своей души. Это также символ вины, но уже за зависть, сребролюбие, коварство.

Оба масштабных символа неразрывно связаны в финале повести: Иван вечно созерцает корчи и муки Петра в земле. Поэтому Вий, явившийся Хому, как бы осуществляет (в контекстах повести «Страшная месть») свое возмездие «брату», столь страшно наказавшему его за иудин грех... Ведьма же, которая седлала Хому, а потом была убита им, ассоциативно соотнесена с конем-местью Ивана и с отказом от этой вечной ненависти после заглядывания ей в «очи», как в зеркало души...

Анализ повести «Страшная месть» обнаружил значительный потенциал смыслопорождения любовно-семейной сюжетной линии в ее многочисленных пересечениях с мистическим сюжетом и его образно-тематическими контекстами. Равноправное развитие этих двух начал оплодотворило повесть разнообразным спектром образов, мотивов, сюжетных «зерен», символов, которые потом определили образный строй ряда гоголевских творений.

Литература

1. Гоголь Н.В. Страшная месть // Гоголь Н.В. Собр. соч.: в 7 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 139–176.
2. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1959.
3. Синцов Е.В. «Миргород»: повести о вечном противоборстве мужского и женского // Синцов Е.В. Художественное философствование в русской литературе 19 века. Казань: Мирас, 1998.
4. Синцова С.В. Тайны мужского и женского в художественных интуициях Н.В. Гоголя. М.: ФЛИНТА, 2011.

References

1. Gogol' N.V. *Strashnaya mest'* [Terrible revenge]. *Gogol' N.V. Sobranie sochinenii: v 7 tomakh. Tom 1.* [Gogol N. Works. 7 vols. Vol. 1]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1976, pp.139–176.
2. Gukovskii G.A. *Realizm Gogolya* [Gogol's Realism]. Moscow, Leningrad, 1959, 532 p.
3. Sintsov E.V. «*Mirgorod*»: *povesti o vechnom protivoborstve muzhskogo i zhenskogo* [«Mirgorod»: stories of the eternal struggle between men's and women's]. *Sintsov E.V. Khudozhestvennoe filosofstvovanie v russkoi literature 19 veka* [Sintsov E. Artistic philosophizing in Russian literature of the XIX century]. Kazan, Miras Publ., 1998, pp. 47–68.
4. Sintsova S.V. *Tainy muzhskogo i zhenskogo v khudozhestvennykh intuitsiyakh N.V. Gogolya* [Mystery of men's and women's artistic intuitions in writing of Nicolay Gogol]. Moscow, FLINTA Publ., 2011, 246 p.

СИНЦОВА СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Казанский государственный энергетический университет, Россия, Казань (esintsov@mail.ru).

SINTSOVA SVETLANA – doctor of philological sciences, assistant professor of Foreign Languages Chair, Kazan State Power Engineering University, Russia, Kazan.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Чувашского университета» просит авторов руководствоваться нижеприведенными правилами.

1. Авторские оригиналы представляются на бумажном и электронном носителях. Авторский текстовый оригинал должен быть пронумерован и подписан авторами на титульном листе с указанием даты.

2. К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

- 1) *заявление автора на имя главного редактора;*
- 2) *две внешние рецензии;*
- 3) *ходатайство научного руководителя;*
- 4) *лицензионный договор в двух экземплярах;*
- 5) *экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати.*

3. Авторы должны указать рубрику, в которой следует поместить статью.

4. Оформление статьи:

- 1) *классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК);*
- 2) *инициалы и фамилия авторов;*
- 3) *название статьи;*
- 4) *ключевые слова;*
- 5) *аннотация статьи;*
- 6) *название статьи, инициалы и фамилия автора на английском языке;*
- 7) *ключевые слова на английском языке;*
- 8) *аннотация на английском языке;*
- 9) *текст статьи;*
- 10) *примечательный библиографический список;*
- 11) *транслитерированный библиографический список References;*
- 11) *сведения об авторе.*

Авторские оригиналы подготавливаются с помощью компьютера в среде Microsoft Word (файлы типа doc). Формат бумаги А4, поля: справа и слева 4 см, сверху 4,5 см, снизу 5,7 см, от края до верхнего колонтитула 3 см, красная строка 0,75 см. Текст статьи набирается шрифтом Times New Roman размера 11 пт через 1 интервал.

Текст статьи представляется в двух экземплярах с приложением файла в электронном виде.

5. Рисунки. Количество рисунков не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Рисунки должны быть внедрены в режиме Вставка Объект Рисунок Microsoft Word. Подписанные подписи выполняются шрифтом размера 9 пт.

6. Формулы и буквенные обозначения по тексту. Формулы набираются в редакторе формул Microsoft Equation. Шрифт для греческих букв – Symbol, для всех остальных – Times New Roman, основной размер 11 пт, крупный индекс 7 пт, мелкий 5 пт.

Латинские буквы набираются курсивом, буквы греческого алфавита и кириллицы – прямым шрифтом, обозначения матриц, векторов, операторов – прямым полужирным шрифтом.

Формулы располагаются по центру страницы. Номер формулы ставится у правого края. Нумеруются лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

При выборе единиц физических величин рекомендуется придерживаться международной системы единиц СИ.

7. Таблицы. Текст в таблицах набирается шрифтом размером 9 пт, заголовки выделяются полужирным шрифтом. На таблицы должны быть ссылки.

8. Список литературы. Список строится по алфавиту, записи рекомендуется располагать сначала на языке издания, в которое включен список, затем на других языках. Источники набираются шрифтом Times New Roman размера 9 пт. При оформлении спи-

ска литературы необходимо руководствоваться ГОСТом Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

Ссылки на источники в тексте даются в квадратных скобках, например [1], [1. С. 5].

9. Список References. Транслитерацию русского текста в латиницу следует производить в соответствии со стандартом BSI.

10. Сведения об авторах набираются полужирным шрифтом размера 10 пт **на русском и английском языках в именительном падеже** по следующей форме: *Фамилия, имя, отчество – ученая степень, должность, место работы, страна, город. Контактная информация (e-mail).*

11. Статьи, оформленные без соблюдения этих правил, возвращаются без рассмотрения. Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что статья принята к печати. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редакцией. Доработанный текст автор должен вернуть вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

12. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

13. В одном номере журнала может быть опубликовано, как правило, не более двух статей одного автора, в том числе в соавторстве.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Бойко И.И. Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии о трудовых мигрантах.....	5
Бойко С.И. Противостояние Казанского губернского жандармского управления и учащейся молодежи в конце XIX – начале XX веков.....	10
Васильева Ж.С. Материальное обеспечение деятельности местных судов в 1917–1918 годы (на примере Цивильского и Ядринского уездов Казанской губернии)	15
Дмитриева О.О., Иванова Т.Н. Празднование 100-летнего юбилея Отечественной войны 1812 года как пример реализации коммеморативных практик.....	21
Зотова А.В. «Союзпечать» Ленинграда в период Великой Отечественной войны	26
Иванов Н.В. Социально-исторический портрет женщин – сотрудниц советской милиции Чувашии	31
Коломейцева М.А., Команджаев А.Н. Крестьянские народные школы в Области войска Донского во второй половине XIX века ..	36
Кондратьева Е.В. Общинные традиции в трудовой взаимопомощи (чуваши и удмурты)	44
Корнаковский И.Л., Смирнова А.Л. Влияние семьи на формирование социального облика новых поколений рабочего класса России (1970–1980-е годы).....	50
Медведев В.В. Мельницы в традиционной жизни чувашей	56
Осипов Н.Е. К вопросу истории формирования этносов	59
Петухов А.В. Христианизация народов Среднего Поволжья в середине XVIII века в освещении современной американской историографии.....	64
Салмин А.К. История чувашей в их этнонимах	71
Соколова В.И. Зарождение молодежного движения в мире (вторая половина XIX – начало XX веков).....	85
Сошко И.А. Современное предпринимательство: к теории вопроса	90
Харитонов М.Ю., Василенко О.В. Внедрение компетентностного подхода при подготовке студентов-историков на примере информационной компетенции	95
Чуксина А.А. Городское самоуправление в Чувашии в 1990–2000-е годы	102

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бахтина С.И. Структурная дифференциация иноязычной лексики в русском языке: межъязыковые несоответствия	112
--	-----

Борисова Л.В.	
Концепты «воздух» и «земля» в русской и чувашской языковых картинах мира	116
Борисова Л.В.	
Репрезентация концептов «огонь» и «вода» в русской и чувашской языковых картинах мира	123
Будниченко Л.А.	
Модусное функционирование пунктуационных графем	130
Гайфутдинова Э.Н., Файзуллина А.Г.	
Оценочная семантика гендерных пословиц в татарском, английском и французском языках	135
Григорьева Е.А., Петрова О.А.	
К вопросу о категории субъективной оценки в русской мемуарной литературе	140
Григорьева Л.Г., Губанов А.Р., Рец Н.И.	
Взаимоотношения логики и семантики в причинно-следственных отношениях (на материале разносистемных языков)	145
Иванова А.М., Фомин Э.В.	
Об индексе слов словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина	149
Ковынева И.А.	
Прецедентные тексты как база возникновения голофрастических конструкций	155
Корнилов Г.Е.	
Этнотопонимия республик Поволжья (Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Удмуртия, Чувашия) – XXXV: А-анлаутные географические названия	161
Миньяр-Белоручева А.П.	
О сходстве и различии терминов и номенклатурных образований	166
Павлова Т.Н.	
Синонимические отношения внутри лексико-семантической группы «Глаголы помещения объекта где-либо в результате определенного действия»	171
Романова Т.Н., Мордвинова Н.Г.	
Специфика коммерческих названий изделий народных промыслов	175
Семенова Г.Н., Иванова А.М.	
Словообразование в чувашском языке – IV	182
Фаттахова А.Р.	
Отклонения при адаптации арабских заимствований в языке суахили	186
Шайхисламова З.Ф.	
Некоторые аспекты когнитивных исследований кыпчакско-огузских лексических взаимосвязей (на материале эмотивов)	190
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Мишина Л.А.	
Земное и духовное время в американской литературе XVII века	199
Синцова С.В.	
Формирование гендерного интертекста в повести Н.В. Гоголя «Страшная месть»	207
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ	213

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

Boyko I. STUDENTS AND PUPILS OF CHUVASHIA ABOUT WORKING MIGRANTS	5
Boyko S. THE OPPOSITION OF KAZAN PROVINCIAL GENDARME ADMINISTRATION AND STUDYING YOUTH IN THE LATE XIX th – EARLY XX th CENTURIES	10
Vasilieva J. MATERIAL SECURITY OF LOCAL COURTS IN 1917–1918 (ON THE EXAMPLE OF TSVILSKY AND YADRINSKY DISTRICTS OF THE KAZAN PROVINCE)	15
Dmitrieva O., Ivanova T. CELEBRATION OF THE 100 th ANNIVERSARY OF THE PATRIOTIC WAR OF 1812 AS THE EXAMPLE OF THE REALIZATION OF COMMEMORATIVE PRACTICES	21
Zotova A. «SOYUZPECHAT» (THE UNION PRINTING) OF LENINGRAD DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR ..	26
Ivanov N. SOCIO-HISTORICAL PORTRAIT OF THE SOVIET MILITIAWOMEN OF CHUVASHIA	31
Kolomeytseva M., Komandzhaev A. THE PEASANT SCHOOLS ON THE DON IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY	36
Kondratyeva E. COMMUNAL TRADITIONS IN THE WORKING MUTUAL AID (CHUVASH AND UDMURTS)	44
Kornakovskiy I., Smirnova A. INFLUENCE OF FAMILY ON FORMATION OF SOCIAL SHAPE OF NEW GENERATIONS WORKING CLASS IN RUSSIA (IN THE 1970–1980 th)	50
Medvedev V. THE MILLS IN TRADITIONAL LIFE OF THE CHUVASH	56
Osipov N. ON THE QUESTION OF THE HISTORY OF THE FORMATION OF ETHNIC	59
Petukhov A. CHRISTIANIZATION OF THE MIDDLE VOLGA PEOPLES IN THE MID-EIGHTEENTH CENTURY IN CONTEMPORARY AMERICAN HISTORIOGRAPHY	64
Salmin A. A REFLECTION OF A HISTORY OF THE CHUVASHS IN THE ETHNONYMS	71
Sokolova V. ORIGIN OF YOUTH MOVEMENT IN THE WORLD THE SECOND HALF OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES)	85
Soshko I. MODERN ENTREPRENEURSHIP: THE THEORY OF MATTER	90
Kharitonov M., Vasilenko O. THE INTRODUCTION OF COMPETENCE-BASED APPROACH BY STUDENTS HISTORIANS PREPARATION ON THE EXAMPLE OF INFORMATION COMPETENCE	95
Chuksina A. MUNICIPAL GOVERNMENT IN CHUVASHIA IN 1990–2000s	102

PHILOLOGICAL SCIENCES

LINGUISTICS

Bakhtina S. STRUCTURAL DIFFERENTIATION OF FOREIGN VOCABULARY IN RUSSIAN LANGUAGE: INTERLANGUAGE INCONSISTENCIES	112
Borisova L. CONCEPTS «AIR» AND «EARTH» IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD	116
Borisova L. REPRESENTATION OF CONCEPTS «FIRE» AND «WATER» IN THE RUSSIAN AND CHUVASH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD	123

Budnichenko L. MODUS FUNCTIONING PUNCTUATION GRAPHEME	130
Gaifutdinova E., Faizullina A. THE ESTIMATED SEMANTICS OF GENDER PROVERBS IN TATAR, ENGLISH AND FRENCH LANGUAGES	135
Grigoryeva E., Petrova O. REVISITING THE CATEGORY OF SUBJECTIVE EVALUATION IN RUSSIAN COMMENTARIES	140
Grigoryeva L., Gubanov A., Rets N. RELATIONSHIPS AND LOGIC SEMANTICS (IN CAUSAL RELATIONSHIPS)	145
Ivanova A., Fomin E. ON THE VOCABULARY INDEX OF N.I. ASHMARIN'S DICTIONARY OF THE CHUVASH LANGUAGE	149
Kovyneva I. PRECEDENT TEXTS AS THE BASE OF ORIGIN OF HOLOPHRASTIC CONSTRUCTIONS	155
Kornilov G. TOPONIMICS OF THE VOLGA REGION REPUBLICS (THE BASHKIR, THE KOMI, THE MARI, THE MORDVA, THE TATAR, THE UDMURT, THE CHUVASH REPUBLICS) – XXXV: A-ANLAUT GEOGRAPHIC NAMES	161
Miniar-Beloroutcheva A. ON SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF TERMINOLOGY AND NOMINA.....	166
Pavlova T. SYNONYMS RELATIONS WITHIN LEXICAL-SEMANTIC GROUP «VERBS SPACE AN OBJECT ELSEWHERE AS A RESULT OF CERTAIN ACTIONS».....	171
Romanova T., Mordvinov N. A THE COMMERCIAL NAME'S SPECIFICITY OF THE FOLK CRAFTS'S PRODUCTS.....	175
Semyonova G., Ivanova A. THE WORD-FORMATION IN CHUVASH – IV	182
Fattakhova A. VARIATIONS IN ADAPTATION OF ARAB LOANWORDS IN SWAHILI.....	186
Shaikhislamova Z. SOME ASPECTS OF COGNITIVE STUDIES OF KIPCHAK-OGUZ LEXICAL INTERRELATIONS (BASED ON EMOTIVEMATERIALS)	190

LITERATURE STUDY

Mishina L. EARTH AND SACRAL TIME IN THE SEVENTEENTH CENTURY AMERICAN LITERATURE	199
Sintsova S. FORMATION OF GENDER INTERTEXT IN THE STORY OF N.V. GOGOL «A TERRIBLE REVENGE»	207
RULES FOR THE AUTHORS	213

ВЕСТНИК ЧУВАШСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки № 4 2014

Редактор **Н.И. Завгородняя**
Корректор **Г.Ф. Губанова**
Технический редактор **Н.Н. Иванова**

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзоре)
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51087 от 04.09.2012 г.

Сдано в набор 13.08.2014. Подписано в печать 10.12.2014. Выход в свет 25.12.2014.
Формат 70×100/16. Бумага писчая. Гарнитура Arial. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 17,6. Уч.-изд. л. 22,1.
Тираж 500 экз. Заказ № 1093. Свободная цена.

428015, Чебоксары, Московский просп., 15
Типография Чувашского университета